

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ VII РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2009

ББК 87
УДК 303.01

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы VII Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. 287с.

ISBN 978-5-94356-851-0

В сборнике публикуются доклады участников VII Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН.

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

*Рецензент
д-р филос. наук, проф. В. В. Целищев*

*Ответственные редакторы
канд. филос. наук А. М. Аблажей
канд. филос. наук, доцент Н. В. Головко*

ISBN 978-5-94356-851-0

© Коллектив авторов, 2009

© ИФПР СО РАН, 2009

© Новосибирский государственный
университет, 2009

Содержание

Раздел I. Пленарные заседания	10
<i>Литовка И.И.</i> Генезис научного познания и древнейшие формы познавательной деятельности	10
<i>Аблажей А.М.</i> «Республика ученых» в современном мире: глобальный контекст и российская специфика	12
<i>Петров В.В.</i> Единый государственный экзамен как барьер на пути развития общества знания	18
Раздел II. Социальные исследования	21
<i>Мошонкин Г.Б.</i> Триада «традиции – инновации – институции» в современной России	21
<i>Мадюкова С.А.</i> Социокультурный неотрадиционализм как форма сохранения традиционной этнической культуры в современных условиях	24
<i>Абрамова М.А.</i> СМИ и информационные технологии в жизни молодежи (на материалах социологического опроса в Республике Саха (Якутия))	28
<i>Лянгузова Ю.Н.</i> Проблема отчуждения современной молодежи от традиционной религии	34
<i>Немцев М.Ю.</i> Два варианта ответа религиозных организаций среднего российского города на эпидемию ВИЧ/СПИД	37
<i>Гомзова В.В.</i> Характер развития трудовой миграции (на примере Новосибирской области)	40
<i>Ерохина Е.А.</i> Миграция как фактор становления пост-советской идентичности россиян	45
<i>Самойлова А.С.</i> Институциональные условия реализации модели сити-менеджмента в местном самоуправлении	52

<i>Калмазан А.В.</i> Управление качеством дополнительного профессионального образования (на примере атомной отрасли)	54
<i>Абылдаев К.К.</i> Приоритетные направления развития Иссык-Кульской области (к 70-летию Иссык-Кульской области)	60
<i>Абылдаев К.К., Сарiev Ф.Б.</i> Сравнительный анализ сельского хозяйства Иссык-Кульской области за 2003-2008 годы	62
<i>Бейшеналиева З.К., Кызаев А.К.</i> Туризм – будущее области (к 70-летию Иссык-Кульской области)	63
Раздел III. Философские исследования	66
Философия, логика и методология науки	
<i>Баяндин Р.Б.</i> Философские основания филогении	66
<i>Винник Д.В.</i> Метафизические следствия функционализма	72
<i>Головко Н.В.</i> Тезис существования и независимость истины: натурализация и объективность	75
<i>Ходяков Д.С.</i> Неактуализированные альтернативы как новый аргумент против научного реализма	80
<i>Савченко А.С.</i> Когнитивная природа языковых моделей	81
<i>Скачков А.С.</i> Философия техники и русский космизм	83
<i>Гольский И.А.</i> Символы флоры в контексте научного знания	85
История философии в новом интеллектуальном контексте	
<i>Деревянченко Ю.И.</i> Социальный универсализм: античное государство и церковь	88
<i>Зайцева А.В.</i> Рационалистическая фабула европейской философии: вопросы и ответы	91
<i>Гуськова М.А.</i> Артур Шопенгауэр о физиognомике	95

<i>Филатова О.В.</i> Социальный аспект языковых программ Н.М.Карамзина и А.С.Шишкова	96
<i>Оглезнев В.В.</i> К вопросу о соотношении положительной и отрицательной свободы в интерпретации И.Берлина	99
<i>Ослопова Ю.А.</i> Структуралистский психоанализ Ж.Лакана	103
<i>Кудряшов И.С.</i> Этика Лакана и социальные науки	105

Социальная философия

<i>Лыгденова В.В.</i> Философско-методологические подходы к исследованию организационной культуры	107
<i>Абруков В.С., Карлович Е.В.</i> Средства интеллектуального анализа данных в исследовании неполно определенных социальных систем	110
<i>Базыкин Д.В.</i> Постиндустриализм как теория современного общества	114
<i>Голованов А.А.</i> Проблема категории «социальный выбор»	117
<i>Костов С.В.</i> Тектология глобализации	121
<i>Лигостаев А.Г.</i> Историческая альтернативность: сущность и особенности явления	123
<i>Рузанкина Е.А.</i> Прошлое как способ бытия (концепция возвышенного исторического опыта Ф.Р.Анкерсмита)	126
<i>Трубицын О.К.</i> «Логический квадрат» индивидуализма и коллективизма ..	128
<i>Ляшенко Ю.А.</i> Человек в информационном обществе: проблема бытия	131
<i>Луцина Т.Ю.</i> О рационализации политической жизни общества	133
<i>Нечитайло С.А.</i> Уход труда из общества или общество труда: анализ трансформации трудовых отношений в современном обществе	136
<i>Никитин А.П.</i> Проблема соотношения традиционализма и консерватизма	138

<i>Быховец М.В.</i> Консервативные идеи в современной России	141
<i>Никонова И.О.</i> Роль конспирологических концепций в современной массовой культуре	144
<i>Кириллова А.И.</i> Социализация мигрантов: анализ понятия на базе учения С.Л.Франка о духовных основах общества	146
<i>Шрейбер В.К.</i> Правовое государство: «плотная» и «тощая» интерпретации	150
<i>Шатула Т.Г.</i> О феномене утопии	152
Этика, антропология, философские вопросы культуры и образования	
<i>Дробышева Е.П.</i> Культурная политика и границы культуры	155
<i>Руди А.Ш.</i> Диалектичность научных коммуникаций	159
<i>Шматков М.Н.</i> О возможности качественного перехода в системе образования в условиях информатизации образования	161
<i>Шматков Р.Н.</i> Понятие «качество образования» в нормативных документах: философский аспект	165
<i>Килина Т.С.</i> Роль гуманитарного знания в современном университете	169
<i>Хлебникова О.В.</i> Философское знание	171
<i>Ушаков Д.В., Ушакова А.А.</i> Формирование этических ценностей средствами народной педагогики в семье	173
<i>Халыков К.З.</i> бытие человека в современном искусстве: перформансы и акции	176
<i>Ласица М.В.</i> Игровой аспект перевода: процесс и результат	179
<i>Кириллова А.В.</i> Творческий диалог как способ реализации эстетической системы художественного кружка	181
<i>Папченко Е.В.</i> Роль чувственности в социальной практике	183

<i>Ильиных И.А.</i> Сущность и типы экологического сознания	185
<i>Сатаева О.Т.</i> Методология исследования структурных элементов культуры	187
<i>Немкова Е.Ю.</i> «Межкультурная коммуникация» как объект научного анализа	190
<i>Финк Е.А.</i> Фрейм как способ подачи информации в процессе коммуникации	193
<i>Сысоева А.Е.</i> Эгрегор и новая рациональность (на основе текстов современной «эзотерической» литературы)	195
<i>Новикова О.С.</i> Основные подходы в понимании идентичности	197
<i>Куратченко М.А.</i> Образ мира как фактор социокультурной регуляции модернизационных процессов: сравнительный анализ китайской и японской традиций (на примере внутрисемейной коммуникации)	200
<i>Акимова Н.А.</i> К вопросу о разработке стандартов государственных услуг в сфере культуры	203
Раздел IV. Теоретические проблемы права	205
<i>Дидикин А.Б.</i> Модернизация российского конституционализма: проекты, предпосылки, антикризисные сценарии	205
<i>Марино И.</i> Президент РФ – гарант конституции (проекты конституционного совещания)	208
<i>Домород О.В.</i> Правовой статус решений совета глав государств СНГ	212
<i>Кротова Ю.В.</i> Формирование правового статуса Российской академии наук	214
<i>Зыков С.В.</i> Старое новое ноу-хай	217
<i>Бабин Б.В.</i> Программные акты в свете теории источников международного права	221

<i>Кириченко К.А.</i> Альтернативные формы семьи в практике европейского суда по правам человека	224
<i>Смолина Ю.В.</i> Усыновление детей – граждан Российской Федерации: международные и национальные аспекты вопроса	226
<i>Белкин М.Л.</i> К вопросу о законодательном обосновании применения в судебной практике решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) как источника права	228
<i>Фомина А.А.</i> Международно-правовое регулирование поставки энергоресурсов между Россией и Евросоюзом	230
<i>Кириленко Н.С.</i> Лиссабонский Договор и вопросы политической, экономической и социальной деятельности Европейского Союза	234
<i>Парамонова С.Л.</i> Социальная значимость правового регулирования интернет-пространства (уголовный аспект)	236
<i>Петренина Л.О.</i> Криминологические характеристики деятельности религиозных организаций (сект)	240
<i>Рассолова Е.Ш.</i> Теоретический анализ понятий «умаление», «отрицание» и «отмена» прав и свобод человека и гражданина в понятийном ряду неправомерных ограничений	242
<i>Семьянов Е.В.</i> Роль системного анализа в формировании правовой системы и системы законодательства	246
<i>Тумашёва А.Н.</i> Некоторые проблемы реформирования законодательства в сфере обеспечения публичных нужд	249
<i>Третьякова Е.-Д.С.</i> Проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов на коррупциогенность	251
<i>Перельгина А.А.</i> Правовая природа презумпций и фикций	253
<i>Павлышин О.В.</i> К вопросу о семиотических исследованиях права	256
<i>Абдырахманов К.С.</i> К вопросу о правах человека в контексте применения домашнего ареста как меры пресечения	258

<i>Игнатушина М.В.</i> Альтернативное правосудие по гражданским делам в Российской Федерации	261
<i>Кинсбурская В.А.</i> Проблема определения вины юридического лица в совершении административного правонарушения	264
<i>Джелилов Э.М.</i> Причинение вреда спортсмену в ходе состязаний	266
<i>Жуков А.А.</i> Формы собственности: конституционные и цивилистические подходы	268
<i>Мурзина А.Ю.</i> Доверительное управление паевым инвестиционным фондом	271
<i>Инцибаева А.Х.</i> Конституционно-правовое регулирование кредитно-денежных отношений в РФ	273
<i>Слиденко И.</i> Конституция Украины: проблемы теории и практики реализации а также пути усовершенствования в контексте трансформационного перехода к демократии	275
<i>Никитченко Е.Э.</i> Демократия, экономический кризис и религиозная идеология в современной Украине	279
<i>Баймуратов М.М.</i> Местное самоуправление в Украине как субъект компетенций	280
<i>Балабанова И.В.</i> Понятие полномочий в сфере местного самоуправления	282
<i>Белкина Ю.Л.</i> Диалектика понятий «обеспечение» и «полномочия» как правовых категорий в контексте гарантирования культурных прав граждан	284

Раздел I. Пленарные доклады

ГЕНЕЗИС НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ДРЕВНЕЙШИЕ ФОРМЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Литовка И.И.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

История науки для современных ученых-естественников - это, прежде всего область конкретных фактов, задача же философии науки, опираясь на рассмотрение конкретных фактов из истории науки, выявить их связь не только с принципами существования науки как явления, но и с принципами и методами самого мышления, порождающего научное знание. Французский философ и методолог Г. Башляр, указывая на особую роль философии науки, отмечает: «Философия науки как бы тяготеет к двум крайностям, к двум полюсам познания: для философов она есть изучение достаточно общих принципов, для ученых же – изучение преимущественно частных результатов. Она обедняет себя в результате этих двух противоположных эпистемологических препятствий, ограничивающих всякую мысль: общую и непосредственную. Она оценивается то на уровне *a priori*, то на уровне *a posteriori*, без учета того изменившегося эпистемологического факта, что современная научная мысль проявляет себя постоянно между *a priori* и *a posteriori*, между ценностями экспериментального и рационального характера» [1].

Экстраполируя это утверждение на спектр проблем по изучению систем знаний древних народов можно утверждать, что одним из тех срезов из области конкретных фактов, который обогатит исследования в области философии науки, и предоставит ценный конкретно-исторический материал для историографии науки в целом являются методологические модели генезиса научного познания с учетом самых древних образцов человеческой мысли. Историко-научный подход, может стать связующим звеном между философией науки, историей философии и историей конкретных научных дисциплин, наполнив их предметным содержанием.

Протонаучный комплекс знаний народов древней Месопотамии и Египта с точки зрения различных исследовательских направлений и концепций историографии и философии науки, является собой с одной стороны как ничего не значащее для научного развития явление в истории науки, с другой стороны, присутствует признание эпистемологической ценности этого комплекса знаний для генезиса науки в глобальном масштабе. В ходе исследования мы пришли к определенным выводам относительно степени научности систем знаний цивилизаций Месопотамии и Египта в отношении тех особенностей,

которые сближают их с современной наукой. Удалось выделить признаки, сближающие протонауку с современными научными традициями.

Во первых - древние народы выделяли знаний, представляющие область рациональных познавательных интересов, из других форм духовного творчества, и смешение с религиозными культурами не служит непреодолимым препятствием для проведения определенной демаркационной линии между протонаукой и религиозными культурами.

Во вторых - древнейшие народы Месопотамии и Египта стремились к акумуляции знаний, их сохранению и передаче посредством письменных текстов, а не только вербально, через устную традицию и предметно через воплощение в образцах материальной культуры. Тот факт, что сохранилось достаточно немного первоисточников, скорее трагическое стечание обстоятельств – следствие их утраты, нежели реальное положение дел в древности. Особенно это касается Египта, где, строго говоря, исследователи практически не располагают документами «научного» содержания, имеются в виду прежде всего первоисточники по астрономии и математике. Все это дает обширную почву для разного рода спекуляций по поводу недоразвитости этих областей познания действительности в Древнем Египте.

В третьих - мы располагаем фактами, что древние народы Месопотамии и Египта сводили итоги своих познаний в различных сферах научно-практической деятельности к довольно высокому уровню систематизация знаний, и особенно в области математики, астрономии, медицины, посредством их приведения к общезначимым формам фиксации результатов познания – таблицы, примеры, задачи, представляющим некую единую совокупность сведений по определенной тематике.

В четвертых – одно из современных требований науки - эмпиризм как опора на факт в процессе сохранения результатов познания, присутствовало и в опознавательной деятельности древних ученых, с тем отличием, что в современном естествознании эмпирические методы исследования являются как исходной основой, так и подтверждением теоретических обобщений, в древних же египетских и месопотамских текстах описываемые факты не сопровождаются очевидными теоретическими выводами, либо можно предположить, что теоретическая основа знания была частью неких сакральных форм знания, недоступных непосвященным и тщательно оберегаемым от посторонних.

В пятых - коллективизм как социальная ориентация в организации системы производства знаний, также одна из черт, которая сближает современную науку с древней. Эта особенность, например, уже отсутствует в античной натурфилософии, которая демонстрирует нам образцы преимущественно индивидуального творчества. Современная же наука – это, прежде всего коллективная система познавательной деятельности. Научный коллектив – исходный пункт в развитии и формировании яркой индивидуальности современного ученого, однако если современная наука сочетает черты коллекти-

визма и индивидуализма, то древневосточная протонаука отличалась «точальным» коллективизмом.

На сегодняшний день смысл, заложенный в разрозненных отрывках древних текстов, до конца не раскрыт, и это тоже существенная проблема. Очевидно, что они создавались на базе неких единых методологических оснований. Поэтому, в данном случае необходимо учитывать специфику протонаучной методологии, что требует от современного исследователя применения особого дескриптивного методологического подхода, который и предстоит выработать современной науке и историкам, философам, лингвистам, а возможно и специалистам других научных дисциплин. В дальнейшем разработка данной тематики и результаты, полученные в рамках подобных исследований, позволят более глубоко проанализировать историю протонауки как значимого явления в развитии научного познания в целом, а так же раскрыть методологическую функцию философии науки в изменяющихся представлениях о генезисе науки.

Примечания

1. Башляр Г. Философское отрицание // Сб.ст. Новый рационализм. - Биробиджан, 2000. - С. 261.

«РЕСПУБЛИКА УЧЕНЫХ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Аблажей А.М.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Честь создания первого научного сообщества, носившего наддисциплинарный и, что не менее важно, надгосударственный характер, принадлежит французскому просветителю Мари Мерсену. Именно благодаря его трудам в начале XVII в. в границах Европе начало формироваться общее пространство научного поиска и общения, получившее позднее наименование «республики ученых». По сути, это означало, что еще на стадии зарождения новоевропейской науки формировавшееся научное сообщество осознавало наличие особых, вннациональных и внрелигиозных, ценностей, свойственных людям науки (таких как научная честность, добросовестность, открытость, политическая или материальная неангажированность, и т.д.). Именно благодаря существованию подобных ценностей одновременно с организационным генезисом науки формировался и специфический для нее ethos или кодекс поведения ученого (см. работы Р. Мертона). Облегчало решение задачи и наличие общего для людей науки языка (латыни), и общность обсуждаемых проблем (кор-

респонденты Мерсена, как правило, обсуждали исключительно те или иные сугубо научные проблемы).

Вопрос – что происходит с республикой ученых сегодня, в эпоху глобализации? Основная гипотеза нашего исследования звучит следующим образом: глобализация науки, понимаемая как постоянное усиление взаимозависимости национальных научных сообществ, чрезвычайно усилила тенденции формирования глобального, вненационального сообщества исследователей, своеобразной «республики ученых», оказывая тем самым значимое влияние не только на национальные институты науки в целом, но и на уровне учреждений, лабораторий и отдельных ученых.

Тема глобализации науки занимает сегодня заметное место в публикациях как зарубежных, так и отечественных специалистов в области социальных наук. Так, по мнению М. Кастельса, «научное сообщество было всегда в значительной степени международным, если не глобальным сообществом ученых, на Западе начиная с времен европейской холастики»; что же касается современной ситуации, то в наши дни «академическая исследовательская система глобальна. Она опирается на неустанную коммуникацию между учеными во всем мире... наука организуется из определенных областей исследования, структурированных вокруг сетей исследователей, взаимодействующих посредством публикаций, конференций, семинаров и академических отношений... [более того] научно-исследовательская работа в наше время или проходит глобально, или перестает быть научной» [курсив мой – А.А.]. Кастельсу вторит Франклин, анализируя процессы складывания общеевропейского научного сообщества и подчеркивая их значимость для развития того или иного направления научных исследований: «Сегодня... можно говорить о существовании подлинного сообщества науки в Европе, переступающего дисциплинарные и национальные границы. И страны, и дисциплины связаны между собой различными формами сотрудничества и образования. Ученые большинства дисциплин имеют тесные контакты со своими коллегами в шести или более европейских стран... Благодаря высокой степени сотрудничества европейские ученые прекрасно осведомлены о работе своих коллег в других странах и их достижениях... взаимодействие, сотрудничество в целом и международное сотрудничество в частности играют важную роль в освобождении научного потенциала от ограничений институционального и национального характера».

В известной мере глобализация науки стала ответом на усиление антисциентистских настроений в обществе и прагматизма в отношении результатов научных исследований. Подобная ситуация привела к тому, что несколько лет назад ряд американских авторов выдвинули и обосновали идею создания всемирной консолидированной организации по проблемам науки, когда ученые разных стран становятся гражданами «наднациональной республики науки», которая должна иметь соответствующий механизм управления и координации исследований в мировом масштабе.

Один из важнейших признаков глобализации науки – чрезвычайное усиление академической мобильности. Для мировой науки становится нормой, когда ученый в течение своей профессиональной биографии меняет не только города, университеты и научные центры, но зачастую и страны, где работает. Отражением такой тенденции стало принятие на международном уровне ряда основополагающих документов, призванных сделать наднациональную «республику ученых» реальностью, зафиксировав основополагающие принципы поведения ее членов. Речь идет прежде всего о «Хартии научных работников», «Декларации прав и обязанностей ученых», «Рекомендациях о статусе научных работников».

Что касается ситуации в российской науке. Не секрет, что для советского этапа ее развития была характерна замкнутость, автаркия. По словам Б. Юдина, после 1917 г. в российской науке «продолжала сохраняться и частично воспроизводиться, хотя и с большими трудностями, ориентация на ценности мировой (или академической) науки. Ее поддерживали главным образом те, кто приобщился к этосу научного сообщества еще в дореволюционное время, а также последователи их традиций. Одновременно, согласно господствовавшей системе ценностей, *наша страна представлялась авангардом всего остального человечества*. Такое *мироощущение накладывалось и на науку, что порождало негативно-пренебрежительное отношение не только к содержанию, но и к ценностям мировой науки*. [курсив мой – А.А.] В каких-то пределах это мироощущение, поскольку оно защищало и поощряло самобытность мысли, могло даже способствовать научному творчеству, разумеется, не гарантируя качество результата.

Однако постепенно, по мере того как советская наука становилась все более автаркичной, следование собственным критериям, оторванным от критериев мировой науки, освобождало почву для культивирования серости, невежества, а порой и откровенного шарлатанства. Положение усугублялось еще и тем, что во многих отраслях науки складывалось и нарастало отставание в материально-техническом оснащении исследований, а быстрый рост числа научных работников и учреждений не сопровождался соответствующим развитием технической базы науки. По мнению Юдина, «процесс вторичной институционализации советской науки привел к формированию таких нормативно-ценостных структур, в которых заметное место занимала установка на самоизоляцию. Нельзя сказать, что она подавляла противоположную установку на полнокровное взаимодействие с мировой наукой, однако под ее влиянием создано немало барьеров, которые и сегодня затрудняют включение отечественных ученых в мировое научное сообщество» [Юдин, С.106].

Ситуация начала заметно меняться с конца 1980-х гг., что было обусловлено взаимным интересом как нашей науки к зарубежной, так и, еще в большей мере, зарубежной науки к достижениям советских ученых. Рутиной стали поездки российских исследователей за границу для участия в конференциях, совместных научных проектах, с преподавательскими целями. Включение

отечественной науки, и прежде всего самих исследователей, в процесс все более усиливающейся глобализации, стремительно нарастил и продолжает усиливаться. А. Юрьевич и И. Цапенко в своей статье «Глобализация современной российской науки» следующим образом описывают наиболее яркие признаки того, что российское научное сообщество также подвержено воздействию глобализационных процессов в научной сфере:

1. физическое перемещение ученых;
2. аутсорсинг (размещение заказов иностранными компаниями на территории России среди отечественных научных коллективов или высокотехнологичных фирм);
3. резкий рост числа публикаций, выходящих за рубежом, в т.ч. в соавторстве с зарубежными учеными;
4. все более широкое использование глобальных информационных сетей; глобализация содержательного контекста современной отечественной науки (интернационализация методологии научного поиска);
5. изменение социально-психологического облика отечественного ученого, его постепенное приближение к международным стандартам;
5. социальная и организационная трансформация отечественной науки (ослабление РАН, перемещение науки в вузы, рост числа небольших научных коллективов);
6. изменение отношений науки с обществом (их прагматизация);
7. рассредоточение науки по территории страны.[Юревич, Цапенко, С. 1100-1101]

Полученные в ходе социологического мониторинга Новосибирского научного центра также весьма убедительно подтверждают описанные выше тенденции. Результаты социологических опросов ученых ННЦ показали: за последние годы заметно выросло число тех ученых, которые проработали за рубежом более 2-х лет: если в 1996 г. по ННЦ их было ничтожно мало, менее одного процента, то к 2004 г. – уже более 9% от числа тех, кто побывал за рубежом, т.е. в 10 (!) раз больше. Как пишет наш соотечественник, живущий ныне в США, «Прислушайтесь к разговорам в Гарварде и Оксфорде, на Елисейских Полях и Пиккадилли, пройдитесь по коридорам любого института в Германии или компьютерной фирмы в Силиконовой долине – и вы услышите русскую речь». [Магаршак]

Указанная тенденция более всего коснулась ученых среднего и старшего поколений; что касается молодежи, то здесь данный показатель едва превысил два процента и связано это, скорее всего, с тем, что молодой ученый, проведший за границей более 2-х лет, в подавляющем большинстве случаев в Россию не возвращается. Напротив, среди научной молодежи произошло резкое увеличение такого показателя, как работа за рубежом менее 3-х месяцев (с 38 до 54%), что может служить доказательством в пользу утверждения о том, что первый опыт зарубежной работы для российского ученого связан, как правило, с кратковременным научным визитом, например, участием в

конференции. Одновременно среди молодежи резко (более чем в 2 раза) упало число среднесрочных (на срок до 1 года) научных командировок: с 52 до 24%, и может быть связано с тем, что выбор зарубежными партнерами того или иного кандидата диктуется узкопрагматическими соображениями: не просто знакомство с коллегами из России, а приглашение маститого ученого, чей визит способен принести практическую выгоду.

За прошедшие годы российские ученые стали гораздо менее скептически воспринимать зарубежную науку. Так, если в 1996 г. доля научных сотрудников СО РАН старше 51 года, посчитавших, что организация науки за рубежом эффективна для развития фундаментальной науки, составила 57,7%, то в 2004 г. она увеличилась до 75%. Если же речь идет о возможностях реализации научно-инновационных проектов (проблемы, наиболее болезненной для российской науки), то для этой категории ученых цифры еще более впечатляющие: рост с 83 до 100 (!) %.

По словам молдавского исследователя М. Дискусара, одним из негативных проявлений глобализации для постсоветской науки стало усиление неравномерности в развитии науки, выделение нескольких полюсов ее развития. Все страны бывшего СССР, включая Россию, по его мнению, явно проиграли от глобализации: «Если в середине шестидесятых – начале семидесятых годов исследователи СССР по вкладу в мировой информационный процесс занимали прочное второе место в мире после США, то уже к концу XX века суммарный показатель всех республик бывшего СССР составил только □ 5%, что является шестым показателем в мире». [Дискусар]

Особого разговора заслуживает обсуждение такой важнейшей проблемы, как влияние передовых информационных технологий, в первую очередь Интернета, на темпы глобализации науки и функционирование «республики ученых». Исследование, проведенное известным российским науковедом Е.З. Мирской, показало, что внедрение новых информационных технологий в процессы научного поиска и коммуникации членов научного сообщества приводит к неоднозначным последствиям. Интернет-технологии, по ее мнению, в принципе являются технологиями глобализации. Под их влиянием, наряду с созданием *глобальных возможностей* [курсив мой – А.А.] для подлинного научного сотрудничества, не ограниченного ни расстояниями, ни границами и легко осуществляемого в режиме реального времени, происходит усиление стратификации национального научного сообщества, связанное с расширением международных взаимодействий. «Действительно *мировой* науки пока не существует, она все еще организована по национальному принципу и разделена ведомственными барьерами. Демократическая идея открытой науки, т. е. интернационального использования фундаментального научного знания, наталкивается на реальность национальных расходов на получение нового знания и его хранение. Интернациональные научные проекты должны преодолевать различия, иногда очень существенные, национальных интересов их участников. Поскольку эти антиномии существуют на

фоне очевидной тенденции глобализации мирового хозяйства, по-видимому, со временем трансформация науки в этом направлении неизбежна». [Мирская, С. 231-232]

В условиях глобализации все более очевидной становится проблема соотношения национальной (если угодно - гражданской) и профессиональной идентичности ученого, постоянный конфликт интернациональных и патриотических мотивов в его поведении. В этой связи стоит подумать о том, какими мотивами руководствуются северокорейские или пакистанские физиков-ядерщиков, которые должны понимать, в чьих интересах они на самом деле работают и для кого создают ядерное оружие.

Не подлежит сомнению тот факт, что темпы вхождения отечественной науки в мировое научное сообщество достаточно высоки: значительное число ученых имеют практический опыт работы за рубежом, в большинстве своем освоили Интернет, резко возросла и психологическая готовность к работе за границей, увеличилась востребованность российских ученых за рубежом, растет число отечественных коллективов и фирм, включенных в процессы аутсорсинга, прежде всего в сфере ИТ-технологий. Что же касается прогнозов, то исходя из контуров политики государства по отношению к науке, во всяком случае в том виде, как она озвучивается и формулируется в последнее время, резервы международного научного сотрудничества будут использоваться отечественной наукой все более и более интенсивно. Одно из очевидных тому подтверждений - постоянное усиление взаимодействия отечественных ученых с уехавшими за границу коллегами. Последние, за редким исключением, выступают в роли своеобразных медиаторов, способствуя налаживанию контактов с зарубежной наукой.

Литература

1. Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институциализации // Философские исследования, 1993, № 3. - С.83-106.
2. Юревич А., Цапенко И. Глобализация российской науки // Вестник РАН, 2005, № 12. – С. 1098-1107
3. Ю. Магарашак. Слухи о кризисе нашей науки не соответствуют действительности // Известия, 2003, 7 февраля.
4. Дискусар А. Развитие науки в условиях глобализации // <http://sdb-ois.asm.md/science/Center/Dikus3.htm>
5. Мирская Е.З. Интернет и наука: технологии глобализации и российская реальность // Интернет и российское общество. Под редакцией И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. - М.: Гендальф, 2002. - 279 с.

ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН КАК БАРЬЕР НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

Петров В.В.

Новосибирский государственный университет

В условиях динамично меняющейся ситуации в мире, шанс стать успешным и активно развивающимся государством получает такое государство, которое развивает систему продуцирования знаний. Только с помощью развития существующего и создания нового знания, такое государство может обеспечить максимально возможный простор и свободу для формирования активной личности. Поэтому общество должно искать, выявлять таланты и способности своих членов и желательно как можно раньше развивать их. На протяжении длительного времени в постиндустриальном обществе основное внимание формированию будущего специалиста уделялось не в системе среднего образования (которое является обязательным для всех), а в высшей школе. Если в рамках информационного общества, концепция которого была сформулирована в 60-х годах XX века в работах таких авторов, как Д. Белл, П. Драккер, Е. Масуда, А. Тоффлер и др., такой подход мог быть оправдан, то для концепции общества знания, получившей развитие в конце 1990-х гг. этого недостаточно.

Заместитель генерального директора ЮНЕСКО по вопросам коммуникации и информации Абдул Вахид Хана писал: «На самом деле эти два понятия (*информационное общество и общество знаний – Авт.*) являются взаимодополняющими. Информационное общество является функциональным блоком общества знаний. По моему мнению, концепция информационного общества связана с идеей «технологических инноваций», тогда как понятие «общество знаний» охватывает социальные, культурные, экономические, политические и экономико-правовые аспекты преобразований, а также более плюралистический, связанный с развитием, взгляд на будущее... концепция «общество знаний» предпочтительнее концепции «информационное общество», поскольку она лучше отражает сложность и динамизм происходящих изменений» [1].

Концепция общества знания предусматривает более широкий гуманитарный взгляд на происходящие изменения в обществе, философский анализ этих изменений, включая анализ трансформации социальных институтов в общем и системы образования в частности.

В контексте общества знания необходим комплексный анализ места и роли системы образования. Для этого требуется не только рационально обоснованный прогноз развития системы образования, но также анализ возможностей и необходимости изменения социальных функций образования в этом новом типе обществе, выработка критериев качества образования, которые будут отвечать изменившимся требованиям и ожиданиям [2, с. 8-9].

Для достижения этих целей необходимо не только *обучать* делать что-либо по образу и подобию, но и прежде всего *побуждать к размышлению*.

ВУЗы получают «сырье» в качестве абитуриентов - выпускников средних школ. От первоначального качества «сырья» зависит, что мы получим на выходе в качестве дипломированного специалиста.

Что происходит в системе среднего образования сейчас? Во многих школах, гимназиях, лицеях, не дожидаясь внедрений новых образовательных стандартов «сверху», предпринимаются разнообразные попытки адаптироваться к новым требованиям социума. Открываются разнообразные профильные классы, добавляются различные спецкурсы и т.д. Подразумевается, что чем раньше учащийся определится со своей дальнейшей судьбой – тем лучше. Пусть это не совсем и не всегда верно, тем не менее, наша достаточно консервативная система среднего образования уже претерпевает позитивные изменения.

Но для формирования «выпускника нового типа», который смог бы удовлетворять всем требованиям общества знания, одной только профильности недостаточно [3]. Необходимо, чтобы учащийся начал думать, рассуждать и пользоваться минимумом фундаментальных знаний для получения новых, порой неочевидных результатов [4,4].

Многие школы (гимназии, лицеи), осознавая необходимость такого подхода к обучению, самостоятельно (порой вопреки административным решениям «сверху»), предпринимают ряд действий, которые дают свои положительные эффекты.

А в результате - на выходе мы просеиваем наших выпускников, которых на протяжении длительного времени учили отходить от шаблонного мышления, для которых внедряли новые технологии обучения, использовали различные инновационные многоуровневые и профильные подходы к обучению, через сито Единого государственного экзамена.

Единый государственный экзамен, который внедрялся на протяжении нескольких лет как эксперимент, сейчас является обязательным. В том виде, в каком сейчас существует ЕГЭ – это не экзамен. По сути – это тест. Вряд ли он может показать умение мыслить, рассуждать и создавать новое знание выпускником. Позволю поставить под сомнение, что в рамках ЕГЭ по литературе на двух страницах можно раскрыть тему сочинения. Что касается физики и математики – то многоходовую задачу на ограниченном бумажном пространстве за ограниченный объем времени красиво решить далеко не всегда представляется возможным. В итоге, основной упор делается на собственно тестовую часть ЕГЭ. ВУЗы, которые теперь обязаны принимать всех абитуриентов по результатам ЕГЭ, не могут провести качественный отбор. ВУЗ принимает всех, кто показал свое умение работать по шаблону. Количество тех, кто способен действительно учиться и развиваться определяется уже непосредственно в течение первого семестра. В результате многие студенты-первокурсники, зачисленные по результатам ЕГЭ, на первой же сессии

показывают неудовлетворительные результаты. Количество студентов сокращается, начинают работать механизмы бюджетного финансового регулирования и, как следствие, ВУЗы вынуждены сокращать преподавательский состав.

Механизм сдачи ЕГЭ – тема отдельной статьи. Не вдаваясь в подробности, можно заметить, что он далеко не идеален и позволяет выпускникам корректировать свой ответ и нивелировать результат как в процессе ЕГЭ, так и после сдачи экзаменационного пакета материалов.

С учетом неотвратимости ЕГЭ в выпускных классах активно развивается «параллельное обучение»: собственно обучение в рамках программы и отдельно – «натаскивание» на сдачу ЕГЭ. Причем по всем предметам, на что затрачивается большой объем дополнительного времени. «Натаскивание» не случайно выделено в кавычках, так как непосредственного отношения к обучению, дальнейшему развитию и формированию образованной Личности оно не имеет.

Вполне возможно, что ЕГЭ необходим. Но в том виде, в котором он существует сейчас – это не экзамен, который может оценивать реальный уровень подготовки выпускника, отвечающего требованиям современного общества. Нельзя российскую систему образования подгонять под западные образцы. Если мы хотим внедрять какие-либо итоговые тесты по образцу и подобию некоторых наших зарубежных коллег – то необходимо это делать продуманно. Пусть ЕГЭ остается, но не в том виде, в каком существует сейчас. Требуется учитывать, что тест может отражать только базовый (общегуманитарный) уровень подготовки учащегося [5, 168]. Возможно, потребуется внедрить систему переработанных тестов на протяжении всего периода обучения в средней школе. Но если мы хотим сохранить высшее образование – ни в коем случае нельзя руководствоваться только результатами подобных тестов при зачислении абитуриентов.

Если это окажется возможным, то большее внимание можно будет уделять непосредственно непрерывности образования в связке «средняя школа – ВУЗ». При этом окажется возможной переориентировка развития всей системы современного образования именно на формирование социально адаптивной Личности, способной не только «тиражировать и копировать» полученные знания, но и создавать и развивать новое знание, Личности, способной к дальнейшему интенсивному *само-развитию* в течение всей жизни, Личности, способной активно не только участвовать в жизни общества, но и изменять само общество. Такая система образования с изменившимися социальными функциями имеет шанс стать основой формирующегося общества знания.

Литература

1. The Information Society // The Knowledge Society // <http://www.vecam.org>

2. Майер, Б.О. Об онтологии качества образования в обществе знания / Б.О. Майер, Н.В. Наливайко // Философия образования. – 2008. - №3(24). – С. 8-9.
3. Петров, В.В. Формирование выпускника нового типа в обществе знания / В.В. Петров, А.М. Аблажей // Педагогика любви: материалы Всероссийских этнопедагогических чтений – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – Ч.II. С. 183 – 186.
4. Биченков, Е.И. Принципы обучения физике в новосибирской физико-математической школе //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Педагогика». Том 1, выпуск 1. Новосибирск: НГУ, 2000.
5. Петров, В.В. Специализированное обучение: опыт 40 лет деятельности/ Никитин А.А., Силантьев И.В., Гончаров С.С., Диканский Н.С., Мазуров В.Д., Биченков Е.И., Дымшиц Г.М., Копытов В.М., Яворский Н.И., Марковичев А.С., Москвитин А.А., Барам С.Г., Миндолин В.А., Саблина О.В., Михеев Ю.В., Суменкова М.А., Петров В.В. // Новосибирск: НГУ, 2004.

Раздел II. Социальные исследования

ТРИАДА «ТРАДИЦИИ – ИННОВАЦИИ – ИНСТИТУЦИИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мошонкин Г.Б.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В условиях современного российского общества перед системой высшего образования стоит ряд основных стратегических задач: повышение качества и конкурентоспособности, соответствие потребностям экономики, необходимость перехода на рельсы инновационного развития.

Решение подобных задач осложняется наличием, во-первых, последствий радикальных политических и социально-экономических трансформаций, пережитых страной за последние 15 лет; во-вторых, постиндустриальных тенденций развития мировой экономики, выражавшихся, в первую очередь наступлением информационной революции.

Последнее время наблюдаются изменения в сторону увеличения социальной дифференциации общества. Происходит процесс объединения групп людей по компетенциям, по сферам интересов, по мировоззрению и т.д. С динамично развивающимся положением ИТ-технологий и Интернета происходит ускорение увеличения социальной дифференциации современного общества. Все это формирует инновационную модель развития страны. Что бы соответствовать современным реалиям, необходим инновационный подход, в том числе и в системе образования, поэтому существующая система образования

должна измениться для того, чтобы соответствовать инновационной модели развития страны.

Но для того, чтобы соответствовать этой модели, необходим переход системы высшего образования на инновационный путь развития. Для этого необходимо: понять, какое образование нужно в современных условиях, и может ли в этом качестве выступить инновационное образование.

В современном российском образовании, в научной, в педагогической общественности так и в министерстве образования и науки РФ не существует определённой и общепринятой концепции инновационной деятельности в образовании, это вызывает противоречивую реакцию, как со стороны ректорского сообщества, так и со стороны экспертов. Стоит заметить, что не существует такой концепции и в других сферах общественной практики, а попытки как-то концептуализировать деятельность такого рода соскальзывают на обсуждение изобретений и их экономического чаще всего коммерческого эффекта. Более того, отсутствует внятное устоявшееся определение инновационной деятельности, отдельные термины многозначны и размыты, что создает иллюзию банальности и общепонятности, что есть “инновационность”.

В последние годы наблюдается двоякая ситуация в отношении этого феномена: с одной стороны, говорят, что инновациями занимаются все — особенно при разработке конкретных исследовательских тем, а потому и не нуждаются в каком-либо особом исследовании или обсуждении того, что такое инновации в образовании; с другой стороны, возникают идеи о необходимости оценки инноваций, разработки критерии их валидности, отсеивания мнимых инноваций, что, очевидно, предполагает построение соответствующей исследовательской программы.

Очевидно, что в условиях такой неопределенности в отношении понимания, что такое инновации в образовании и с нормативным его закреплением в законодательной базе РФ, невозможно грамотно выделять объекты, критерии и процедуры экспертизы самих инноваций.

Однако проблема «инноваций» явно имеет все признаки связи с важнейшими стратегическими направлениями исследования образования и образовательной политики, хотя бы потому, что она определенно ассоциируется с проблематикой процессов модернизации.

Еще Петр I в России заложил интерес к модернизации, сделал первые существенные практические шаги — в экономике, развитии науки и просвещения. И по сей день этот процесс не останавливается, этапы модернизации, кризисы модернизации, видимо и сейчас мы имеем кризис, как реакцию на несовершенство перестройки и практических шагов 1990-ых годов. Как раз реализацию национального проекта «Образование» можно считать одним из шагов по выходу из существующего кризиса в системе образования. Где основное внимание уделено инновационному образованию, которое ориентировано не столько на передачу знаний, которые постоянно устарева-

ют, сколько на овладение базовыми компетенциями, позволяющими затем – по мере необходимости – приобретать знания самостоятельно. Объявленный национальный проект, в плотную приблизил вузы к такому понятию как инновации в образовании. Результатами которого стали 57 вузов имеющих типу инновационный вуз с последующим государственным субсидированием.

Стоит отметить направления программ ВУЗов-победителей, которые включают в себя:

- разработку новых образовательных программ;
- совершенствование организации учебного процесса с применением активных методов обучения;
- развитие информационной среды ВУЗов, их включенность в российский международные информационные сети;
- выполнение научных проектов в приоритетных направлениях развития науки и техники;
- создание механизмов внедрения результатов научных исследований в реальный сектор экономики и активизация международного сотрудничества.

В большинстве своем случаев средства, полученные ВУЗами, распределяются по четырем основным направлениям:

1. Закупка учебного лабораторного оборудования;
2. Модернизация аудиторного фонда;
3. Разработка и закупка учебно-программной документации;
4. Повышение квалификации преподавателей.

В каждой программе эти средства распределяются в разных пропорциях в зависимости от специфики инновационной программы конкретного ВУЗа.

Но возникает один из главных вопросов, что есть инновации и каким образом их внедрять.

Это можно увидеть в некоторых вузах, где подменяется название заявленной темы на цель не связанную с пониманием инноваций, на примере Саратовского государственного университета им. Герцена, где название инновационной программы: "Формирование и реализация инновационных научных и образовательных программ подготовки и переподготовки конкурентоспособных специалистов в регионе на базе университетского комплекса", а цель инновационной образовательной программы формулируется следующим образом: "формирование и реализация программ подготовки и переподготовки кадров, востребованных на рынке труда, создание научно-образовательной системы продвижения инновационных технологий в инфраструктуру региона".

Поэтому каждый вуз понимает инновации по-своему. Кто-то под разработкой и внедрением новых программ обучения, кто-то под разработкой новых эффективных методов и способов управления системой образования, но если отстраниться от конкретики, то инновации это переходный процесс от

прошлого к будущему, от существующих традиций к институциям, т.е. к новым признанным обществом, нормам и ценностям.

Рассматривая такой принцип, можно выстроить принципиальную схему **“традиции – инновации – институции”**.

Решение насущных проблем в образовании, конечно, нужно искать в нахождении инновационных подходов и их внедрение, но с признанием их в обществе.

Если взять за основу тезис того, что инновации есть переходный процесс, то доведение его до завершения в результате получится конечный продукт, признанный обществом.

Основная проблема в решении каких либо задач путем применения инноваций заключается в том, что а) нет четкого понимания, что является инновацией, а отсюда б) инновации не переходят в стадию институций.

Т.е. сложность состоит в том, как соблюсти на практике принципиальную схему **“традиции – инновации – институции”**. Для этого стоит определить, что является критерием признания обществом инновационных норм и ценностей, и посредством чего и как это происходит. Это позволит увидеть процесс перехода из стадии **“инновации”** в стадию **“институции”**, что, в свою очередь, позволит понять, каким образом возникает институция и что нужно сделать для того, чтобы инновация была признана обществом.

Если не соблюсти эту принципиальную схему (**“традиции – инновации – институции”**), то возникает угроза не принятия обществом инновационных программ и методов, которые сейчас разработанных вузами, благодаря национальному проекту. Возникает опасность того, что процесс может остановиться на уровне **“инноваций”**, т.е. на уровне процесса, а не на уровне конечного продукта, т.е. **“институций”**.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Мадюкова С.А.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В современных социальных, политических, экономических условиях для самоидентификации и позиционирования этносы, населяющие Россию, вынуждены обратиться к своим корням, к истокам, к традициям. Традиции играют возрастающую роль в установлении идентичности каждого локального сообщества, его культурного отличия от других подобных сообществ. Усиление различных форм фрагментации, в том числе, основано на повышении роли этнокультур и этнической идентификации. Последняя часто реализуется посредством по-новому функционирующей традиции, **«неотрадиции»**. Фено-

мен социокультурного неотрадиционализма непосредственно связан со способами существования традиций в современных условиях и механизмами трансляции и адаптации социокультурного опыта к изменяющимся условиям. В частности, влияние процесса глобализации как комплекса интеграционных и универсализирующих процессов на активизацию этнического самосознания мобилизует потенциал локальных культурных систем. В этих условиях в социокультурном неотрадиционализме актуализируются локальные идентичности, основанные на традиционных этнических культурах. Неотрадиционализм представляет взаимообусловленный процесс непрерывного воспроизведения традиции и ее видоизменения, адаптации к современным условиям. В результате осуществляется не просто следование «образцу», а развитие традиции за счёт инкорпорации новации, с учетом современных условий. Сохраняются и восстанавливаются те традиции, в которых существует потребность и которые имеют адаптационный потенциал.

Безусловно, вопрос о социокультурном неотрадиционализме неотделим от проблем взаимосвязи традиций с культурой, от выяснения соотношения понятий «традиция» и «культура», так как очевидно что «традиции – необходимая составная часть любой культуры, культуры любого общества. Между ними существует глубокая внутренняя связь, обусловленная, прежде всего, культурной традицией. ... Непрерывная наступательная линия в культурном развитии обеспечивается, прежде всего, посредством такого социального транслятора, как традиция» [1]. В этом контексте для комплексного рассмотрения феномена социокультурного неотрадиционализма, необходимо определить также социальность – как непременное условие связи между поколениями людей, между членами общества. Как справедливо отмечает С.Г. Кирдина, «на этой почве социальность пересекается с культурой, одной из важнейших функций которой как раз и является «коммуникативная функция», обеспечивающая «общение поколений» [2].

Распространенным среди исследователей является способ рассмотрения традиции в связке с понятием культуры, традиционной культуры. Традиция может рассматриваться как синоним культуры. Интересной в данном контексте представляется концепция философа-герменевтика Х.-Г. Гадамера, который настаивает на действенности традиции не потому, что в современном сознании имеется дефицит мыслительных средств, а потому, что ее утрата попросту невозможна, ибо, с его точки зрения, науки о духе «живут» в традиции, от традиции нельзя освободиться. Традиция для Х.-Г. Гадамера – та культура, в которой реализует себя индивид, традиция синонимична культуре [3].

Кроме того, традиция может рассматриваться и как структурный элемент репрезентантов культуры. При таком подходе возникает своеобразная «матрешка»: «традиция – репрезентант – культура – этнос – цивилизация» [4].

Традиционная этническая культура, рассматриваемая нами, прежде всего, как система этнокультурных ценностей и обрядовых практик, выступает

фундаментом социокультурного неотрадиционализма, который интерпретируется в рамках системно-генетического подхода, где реализуется принцип взаимодействия в единстве синхронного и диахронного аспектов анализа. Так, в диахронии социокультурный неотрадиционализм, характеризующий взаимообусловленность традиций и новаций, проявляется в частичном или полном вымывании сакрального смысла традиций в современности, привнесении в процесс воспроизведения традиций рефлексии и рациональности, доминировании публичных каналов трансляции традиций над приватными, а также в изменении традиционного вектора наследования традиций: от родителей – к детям.

Исторический опыт развития народов показывает, что ни одна культура не может существовать и развиваться в отрыве от культур других этносов, изолированно. Представители различных этносов общаются, взаимодействуют, сотрудничают в разных сферах культуры. На основе этого взаимодействия происходит ознакомление одного этноса с образом жизни и традициями другого этноса, которые могут частично или полностью перениматься. Таким образом, в синхронии социокультурный неотрадиционализм предстает как результат этнокультурных взаимодействий, в процессе которых привнесенные элементы другой этнической культуры выступают как инновации. Традиция выступает здесь как способ социокультурной адаптации и условие этнической идентификации социальных субъектов, что наиболее ярко проявляется в поликультурном городе, для которого характерным является наличие непосредственных, тесных и широких контактов представителей различных этносов, религий и культур. Традиции выступают здесь как способ этнической самоидентификации, социального самовыражения и самоутверждения. «Культура вырабатывает компенсаторные механизмы, позволяющие более или менее безболезненно выдерживать груз традиции. Прежде всего, здоровая культура внутри каждой цивилизации рождает органический метод адаптации «своих» к «чужакам», т.е. индивидам, принадлежащим к другим цивилизациям, имеющим иную идентификацию. Массовая ксенофобия – естественное состояние социального организма цивилизационного уровня. Она обеспечивает на рефлекторном уровне поддержку «своим» и создает достаточно четкую градацию психологических реакций на «чужака». Этот «чужак» – опаснее другого, а тот – совсем почти домашний, с близкородственной идентификацией» [5].

Принципиально важной характеристикой неотрадиционализма, как маркера современной российской цивилизации представляется то, что он не вытесняет традиционную культуру, а инкорпорирует, включает ее в себя. Однако в этом симбиозе традиционная культура не остается неизменной. Она приобретает новые свойства и выполняет новые специфические социальные функции. «Борьба модернизации с традиционализмом – основное содержание любого переходного периода, – считает С.А. Бессонов. – Для «переходных» стран характерны не только сосуществование и борьба, но и взаимодействие

и даже взаимопроникновение отдельных элементов, взглядов и идей традиционализма и модернизма. Так в теории и на практике появился своеобразный гибрид традиционализма и модернизма: неотрадиционализм» [6].

Анализируя опыт развития духовной культуры, А.М. Малканцев утверждает, что «в современных условиях появляются новые тенденции возрождения традиционной культуры: развертывается процесс освоения, сохранения и развития лучших традиций. Этот процесс способствует росту национального самосознания» [7]. В качестве альтернативы политическим средствам решения проблемы социокультурной идентичности (различные формы федерализации территориально-государственного устройства или суворенизация территорий по национальному признаку) высокую роль в современности приобретает феномен социокультурного неотрадиционализма, имеющий целью переосмысление, а частично – и возрождение этнических обрядов. Особое значение имеет проявление социокультурного неотрадиционализма в семейно-бытовой сфере, а здесь – в обрядах жизненного цикла, поскольку именно в семье и, прежде всего, с помощью женщин осуществляется сохранность и трансляция этнической культуры.

Как представляется, социокультурный неотрадиционализм распространен, прежде всего, в молодежной среде, поскольку именно молодежь, воспитываемая на постсоветском пространстве и в условиях глобализации, имеет существенно отличающуюся от старшего поколения систему ценностей, в рамках которой важное место занимает социокультурный неотрадиционализм как некоторая мыслительная конструкция и как способ актуального поведения. Воспроизведение современной молодежью своей этничности происходит посредством таких маркеров социокультурного неотрадиционализма, как осознанное (в большей или меньшей степени) исполнение обрядов, возрождение верований и оживление конфессиональной идентичности, популяризация локального патриотизма.

Таким образом, социокультурный неотрадиционализм интерпретируется нами как современная форма снятия противоречий этнокультурных традиций и социокультурных новаций (в синхронном и диахронном аспекте), трактуя их как взаимообусловленные стороны этнической культуры в современных условиях.

Литература

1. Быченкова И.А., Сычева Л.С. Традиция как объект гуманитарного знания. – Новосибирск: Новосиб. Гос. Ун-т, 2001. – 130 с. – С. 89.
2. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России [Электр. ресурс]. Режим доступа: <http://kirdina.ru/public/Socis2002n/in dex.shtml>. Дата доступа: 11.08.08.

3. *Андреева И.С.* К столетию со дня рождения Х.-Г. Гадамера: проблема традиции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.3, Философия: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр гуманит., науч.-информ. исслед. Отд. философии. – М., 2002. – №2. – 192 с. – С. 154–163.
4. *Медведко С.В.* Функции традиций во взаимоотношениях религии и политики // Годичные научные чтения «Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты». – М., 1999. – Вып.7. Обновление России: Трудный поиск решений. – С. 199–204. – С. 200.
5. *Володихин Д.М., Алексеев С.В., Бенедиктов К.С., Иртенина Н.В.* Традиция. Сила постоянства (историко-философский феномен традиции). – М.: ЗАО «Мануфактура», 2004. – 184 с. – С. 12.
6. *Бессонов С.А.* Традиционализм и модернизация в развивающихся и переходных экономиках. Их влияние на международную конкурентоспособность // Материалы V Международной научной конференции «Конкурентоспособность и модернизация экономики» – ГУ ВШЭ. [Электр. ресурс]. Режим доступа: <http://www.hse.ru/ic5/materials.html>. Дата доступа: 10.08.08. – С. 5–7.
7. *Малкандуев А.М.* Нравственные аспекты и системный характер традиций этнической культуры. – Нальчик: Полиграфсервис, 2004. – 164 с. – С. 85.

СМИ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ))

Абрамова М.А.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В условиях трансформации современного общества России, которая характеризуется инверсией базовых принципов социальной организации общества и усилением дезадаптивных процессов, становится актуальным исследование проблемы интеграции развивающейся личности в социокультурный контекст. В современной социальной психологии адаптационные процессы интенсивно исследуются в связи с проблемами межэтнического и межкультурного взаимодействия, миграции и социальных трансформаций отечественными и зарубежными учеными – Г.М. Андреевой, Ф.В. Бассиным, Дж. Бэрри, Ф.Е. Василюк, В.В. Гриценко, Ю.М. Десятниковой, Н.М. Лебедевой, А.А. Налчаджян, Б.Д. Парыгиным, М. Салазар, В.А. Смирновой, Т.Г. Степаненко, А.Н. Татарко, Г. Триандисом и др.

Существует три группы средств, обеспечивающих адаптацию личности в обществе: институциональные, нормативно-регулятивные (социокультурные) и личностные. Процесс социокультурной адаптации включает:

- культурологическую адаптацию (адаптация человека к материальной, природной и социальной среде),
- этническую адаптацию (адаптация различных этносов к изменениям социальной среды, а также приспособление социальных групп к этнической среде),
- социально-психологическую адаптацию (социально-психологические изменения модальности личности под влиянием среды).

Социокультурная адаптация выступает как процесс активного приспособления человека к условиям социальной среды, в результате которого происходит принятие целей, норм группы, социальных ролей и других характеристик социальной среды. Характер и результаты адаптационного процесса будут зависеть от многих факторов, которые принято подразделять на три группы: макрофакторы, мезофакторы, микрофакторы.

В данной статье мы остановимся на рассмотрении влияния информационных технологий и в частности СМИ как мезофакторе формирования адаптивного поведения молодежи. Первое, что необходимо уточнить – это функции, которые выполняют СМИ в различные возрастные периоды развития личности. Так в возрасте от пяти до пятнадцати лет на ребенка, кроме семьи, все большее влияние оказывают такие факторы инкультурации как общение со сверстниками, школа, СМИ, контакты с ранее незнакомыми людьми (учителя, воспитатели, врачи, руководители кружков и т.д.). В это время у детей формируется образ мира, который в старшем возрасте превращается в картину мира. В этот возрастной период они знакомятся со знаками и символами, а позже с понятиями, овладевают абстрактным мышлением, учатся создавать абстракции и идеализации, таким образом, принимая мир и идентифицируя себя в нем. СМИ, в данном возрастном периоде выполняют функцию организации некоего семантического пространства, в котором формируется ребенок.

В старшем возрасте информация, предоставляемая СМИ, позволяет усложнять, подкреплять и выстраивать новые смысловые цепочки в формируемой личностью картине мира, которые обусловливаются его этническим мировоззрением, национальным менталитетом, а ядром ее является «национальная языковая картина мира» (О.А. Корнилов). Национальная языковая картина мира определяет не только логико-понятийный компонент языкового сознания, но и его эмоционально-оценочный и нравственно-ценностный компоненты. [1, с. 249]. Таким образом, формирование личности в рамках национальной культуры во многом определяется национальной языковой картиной мира и в частности тем семантическим пространством, в котором индивид оказывается с детства. По утверждению Батыгина Г.С. мультимедийные версии текста возвращают письменную речь к ее устным и иконографическим истокам. Письменная культура возвращается к изображениям, а аудиальная и письменная форма текста представляют собой два уровня

текста как семиотической системы, функционирующие в разных контекстах. [2, с.177]

Анализ семантического пространства, проведенный Е.В. Улыбиной [3, с.56-61] позволил выделить два типа семантических структур. В соответствии с одним формируются простые, гармоничные образы, а в соответствии с другим – противоречивые, сложные. Простые в большей степени связаны с ценностями группы (общества в целом), ценностями стабилизации, сохранения имеющегося положения, а сложные – с ценностями личностного развития, разрушения, преодоления сложившегося положения вещей [4, с.138]. Простой, гармоничный образ мира обеспечивает сохранение ценностей стабильности, принадлежности к группе, работает на внутригрупповую интеграцию – «свои, хорошие – чужие, плохие». Противоречивый, амбивалентный образ мира в большей степени соответствует индивидным ценностям, занимающим окраинное, маргинальное положение по отношению к роду – в частности, ценностям индивидуального успеха. Притягательность для индивида выхода за пределы наличного дискурса, выявленная психологом содержит как потенциал для развития личности, так и опасность к формированию дезадаптивной модели поведения, различных форм патологий. Однако решение данной проблемы возможно только после выявления приоритетности тех или иных каналов СМИ для различных возрастных, этнических, гендерных групп, что мы и определили как ведущую задачу данной публикации.

Для решения поставленной задачи мы обратились к материалам проекта, реализуемого группой исследователей Института философии и права СО РАН (сектор этносоциальных исследований) по гранту РГНФ «Модели этно-культурной адаптации молодежи в условиях интенсификации промышленного освоения Севера» (№ 08-06-00613а), рук. М.А. Абрамова. В качестве базы исследования были выбраны учебные заведения г. Якутска. Это крупнейший административный город Республики Саха (Якутия) являющийся учебным центром и потому представляет богатые возможности для опросов молодежи, приезжающей на обучение из различных улусов. Репрезентативная общереспубликанская выборка состояла из 1620 респондентов, квотированных по полу, возрасту, соотношению городского и сельского населения. Респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся времени и содержания работы с компьютером и в Интернете, просмотра телевизионных передач и чтения газет, журналов книг. Опрос проводился в 2006-2007 гг.

В первую очередь мы рассмотрели вопрос о времени использования того или иного источника информации (см. табл.1.)

Время пользования	Телевизор			Компьютер			Чтение литературы		
	14-17	18-24	25 и старше	14-17	18-24	25 и старше	14-17	18-24	25 и старше
менее 1 часа	14,5	12,2	14,4	14,8	15,0	13,7	42,6	41,5	34,9
1-2 часа	24,1	25,5	29,5	19,4	18,1	13,0	27,0	30,7	39,0

2-4 часа	36,5	34,1	29,5	22,0	19,6	15,8	13,6	13,3	13,0
более 4 часов	15,4	18,5	19,9	22,6	16,5	33,6	6,4	5,4	6,2
0 часов	7,5	7,4	2,1	19,1	28,8	21,2	9,6	7,3	3,4

Таблица 1.

Распределение ответов респондентов о времени использования источников информации с учетом возраста, %

Ответы респондентов продемонстрировали явное доминирование телевидения как главного поглотителя времени, а соответственно ведущего информационного канала формирования семантического пространства молодежи. Более того, опрос показал, что с увеличением возраста респондентов доля предлагающих телевизор не сокращается. На втором месте оказался компьютер, при этом с увеличением возраста наблюдается тенденция по сокращению группы тех, кто работает от 1 до 2 часов в день и увеличивается количество респондентов, проводящих за ним более 4 часов в сутки. Возможно, этот факт связан с компьютеризацией рабочих мест, в результате чего человек оказывается латентно связан с компьютером в течение всего дня. Самый печальный факт связан с количеством времени, которое отводится на чтение литературы (книг, журналов, газет). Стабильно на чтение отводится не более 2-х часов в день всеми возрастными группами. Однако необходимо отметить и другую особенность восприятия различных информационных источников. Так, чтение, имеющее самые низкие показатели по количеству отводимого на него времени в течение дня, оказывается, имеет более высокий показатель по частотности обращений – 91,1% (процент высчитывался на основе частоты встречаемости ответов респондентов по использованию указанного источника информации). Практически такой же результат дал анализ частотности обращения к телевизору 90,8%. На втором месте оказался компьютер – 71,9%.

Необходимо отметить тот факт, что с возрастом частота обращения к печатной продукции увеличивается, что не влияет, тем не менее, на увеличение времени обращения (см. рис 1). В то время как в возрасте от 18 до 24 частота обращения к компьютеру несколько снижается 69,3% по сравнению с 78,8% у старшеклассников и 76% возрасте 25 и более. Но данный результат может быть обусловлен количеством студентов из сельского контингента, обучающихся в университетах и средне-специальных учебных заведениях и проживающих в этот период в общежитиях, где возможности обращения к компьютеру несколько снижены. Необходимо отметить, что в целом показатель частоты обращения к компьютеру и не только как источнику информации значительно ниже по сравнению с другими источниками.

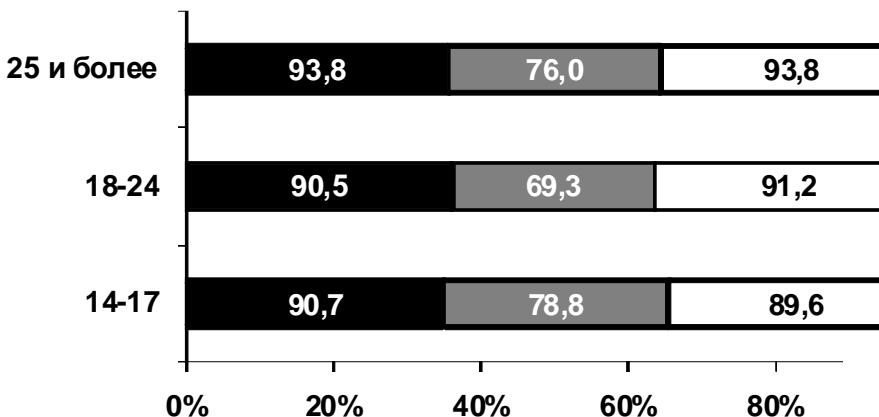

Рис.1. Частотность обращения учащейся молодежи к различным источникам информации, в зависимости от возраста, %

Анализ содержания работы за компьютером показал, что иерархия компьютерных видов деятельности расположилась для респондентов группы 14-17 лет следующим образом: музыка – на первом, игры – на втором, посещение Интернет-сайтов – на третьем. С поступлением в вуз приоритеты несколько изменяются: на первое место выходят игры, на второе музыка, а на третье – работа с текстовыми программами. В возрасте старше 25 лет приоритеты смещаются в сторону использования текстовых программ (1 место), на втором оказывается посещение Интернет-сайтов, а на третьем – работа с графикой и фотографиями. При этом существует гендерная и территориальная специфика, если для мужчин более свойственно работать в программах с интерактивной средой, то для женщин – с текстовыми программами. Для городской молодежи работа с компьютером, в первую очередь, связана с прослушиванием музыки (51,4% от количества ответов), во вторую - с поиском информации по сайтам (51,1%), а в третью - с играми (49,2%), с текстами работают 42,3% респондентов. У сельской молодежи на первом месте оказались игры 52,1% (от количества ответов), музыка на втором (47,6%), текстовые программы на третьем – 44,6%, просматриванием сайтов занимается только 36,8% респондентов.

Выявление специфики работы со средой Интернета показало, что ее важнейшей функцией является информационная. Независимо от возраста, пола и места проживания респондентов первое место заняла деятельность по поиску информации в Интернете. Вторые и третьи места изменились в согласии с возрастной динамикой отвечавших. Если для респондентов в возрасте от 14

до 17 второе место заняло скачивание музыки и фильмов, то для респондентов от 18 и старше на второе место вышло общение в Интернете. При определении гендерной специфики выяснилось, что общение в Интернете стоит на втором месте у женщин и на третьем у мужчин. В то время как для мужчин на втором месте все-таки остается процесс получения из Интернета фильмов и музыки. Необходимо отметить также, что рост интереса к Интернету как источнику информации становится более ярко выраженным с возрастом. В тоже время потребность в общении и скачивании фильмов и музыки, постепенно снижается как у мужчин и женщин, так и городского и сельского населения. Радуют практически единогласное предпочтение респондентов общения с реальными людьми, а не виртуальными друзьями. В тоже время, учитывая, что около половины подростков указали, что работают с компьютером более 4 часов в день, возникает некоторое сомнение, остается ли у них достаточно времени на общение в реальной жизни. Возможно, подмена типа общения происходит незаметно с переходом на систему чатов, ай-сикью и других вариантов «реального» общения. В тоже время необходимость общения по Интернету подчеркивают чаще всего респонденты, у которых работа связана с информационными технологиями.

Просчитав среднее арифметическое время, которое наши респонденты в день тратят на общение со всеми тремя типами информационных источников мы получили цифру в более или чуть менее 7 часов. На втором месте оказались те, кто пользуется только компьютером и смотрят телевизор – более 5 часов в день и на третьем оказались респонденты потребляющие информацию из телевизионных передач и чтения, либо компьютера и чтения - около 4 часов в день они тратят на ознакомление с данными каналами.

В заключении хотелось бы обозначить, в качестве одного из результатов исследования, что, как и городская, так и сельская молодежь Республики Саха (Якутия) имеет явное стремление к использованию всех возможностей информационных технологий в повседневной жизни. Одной из групп, частично исключенных из данного процесса, являются сельские женщины, для которых компьютер не выполняет столь важной функции как профессиональная адаптация в современном обществе. Первичный анализ качественных параметров воспринимаемой респондентами информации показал, что учащаяся молодежь склонна к прагматичному подходу в отборе предоставляемых источников, обусловленному как учебными, так и профессиональными задачами. К сожалению, необходимо признать, что одним из критерии выбора источника является не его смысловая наполненность, а яркость применяемых аудиовизуальных средств, что способствует формированию простого семантического пространства и усвоению формализованных моделей поведения. Данная ситуация является в какой-то мере нейтральной для осуществления процесса адаптации личности, поскольку применение и интерпретация предлагаемых СМИ материалов во многом будет зависеть от ценностей и норм личности. Тем не менее, все же следует обратить внимание на

мозаичность как характерное свойство предоставления современному человеку различными информационными каналами материала для ознакомления, а также размытость норм и представлений о морали, как основе нравственного поведения личности, что, безусловно, влияет на механизмы процесса адаптации, такие как имитация, идентификация, чувство вины и стыда.

Литература

1. *Розум, С.И.* Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб.: Речь, 2006. С. 249.
2. *Батыгин Г.С.* Социология Интернет: наука и образование в виртуальном пространстве // Социологический журнал. 2001. №1.- 176-187
3. *Улыбина, Е.В.* Образы правильного и неправильного мира в обыденном сознании // Социально-психологические проблемы ментальности. Материалы 3 международной научной конференции. Смоленск, 1993. С.56-61.
4. *Улыбина, Е.В.* Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. С.138.
5. *Шмелев, А.Г.* Психосемантика и психодиагностика личности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994.
6. *Петровский, А.В.* Психология неадаптивной активности. М., 1992.
7. *База данных ФОМ* / тематический каталог/ СМИ и Интернет - <http://bd.fom.ru/cat/smi>

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ОТ ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИИ

Лянгузова Ю.Н.

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Исследование процесса отчуждения современной молодежи от традиционной религии в условиях урбанизированного общества – основная цель нашей работы.

Период «урбанизационного перехода» - этап развития социума, когда образ жизни города становится образцом всего общества, - подверг ценностно-мировоззренческой трансформации религиозную самоидентификацию человека. Процесс становления и развития городской культуры оказал самое непосредственное влияние на способы самоопределения молодого горожанина как носителя социокультурных и психологических ценностей общества городского типа. Место религии в повседневной жизни современной молодежи, причины отчуждения молодых людей от традиционной религии – предмет нашего анализа.

Поскольку объектом нашего исследования является религия в аспекте формирования базовых ценностей, то для нас, в первую очередь, город - феномен урбанизации - выступает именно в этом качестве: как система специфических условий бытия культурных ценностей. Для того чтобы понять, каким образом городской образ жизни воздействует на мышление и поведение молодого человека, способствует отчуждению его сущности, проанализируем ценностные установки городской культуры и те социально-психологические условия, в которых оказалась молодежь при переходе от традиционного общества к городскому.

На наш взгляд, специфика «урбанизированной» культуры заключается в поливариантном восприятии мира, наличии акцентированной проблемы фрагментарности и атомарности существующей действительности, отказе от возможности целостного описания реальности, потери молодым человеком целостности существования и, как следствие, отчуждении своей сущности [2].

В урбанизированном обществе процесс самоидентификации, формирования устойчивого самосознания затруднен тем фактом, что горожанин не успевает приспособить свою личность к постоянно меняющимся, фрагментарным социокультурным условиям среды [7]. В таких условиях внешний и внутренний мир молодого человека разрушается в абсурдизме, и «героем» становится атомарный «человек без свойств» [4, 3], столкнувшийся с необходимостью переживать крайне индивидуальный психологический и интеллектуальный опыт постижения мира и утверждения собственной идентичности.

Внутренние отношения жителей мегаполисов также характеризуются замкнутостью и обособленностью. В тесной суете крупных городов, где так сильно чувствуются физическая близость и скученность, очень сильно ощущается независимость индивидуума, являющаяся результатом взаимной замкнутости и безразличия. На наш взгляд, отчужденность в отношениях с окружающими людьми, с обществом - обратная сторона этой свободы. Понятие «отгораживание от внешнего мира» [1, с. 114] опирается на утверждение экзистенциализма о глубокой субъективности свободы современного отчужденного молодого человека, сконцентрированной в понятии внутренней свободы.

Приспособливаясь к социокультурным и социально-психологическим, условиям городской действительности, молодой человек встраивает свое сознание и поведение в определенную систему ценностных установок. Реакция других людей на поступки человека задает определенную систему координат для самоидентификации, а собственное отражение в мире – отчуждение сущности – помогает определить этому человеку свое место в обществе, найти себя. Одним из способов преодоления отчуждения сущности человека и обретения целостности мировосприятия является религия как одна из форм существующей действительности.

На наш взгляд, религия, обращаясь к безусловному началу, может выполнять следующие функции: 1) восполнять отсутствие чувственной действительности и являться средством снятия стрессовых ситуаций в городском обществе с его интеллектуальной духовной культурой; 2) выступать в качестве способа интеграции и коммуникации при установлении отношений со своими «ближними»; 3) являться нормативной системой и основой традиционных общественно санкционированных способов поведения, помогая упорядочить мысли и действия людей в городском хаосе. Помимо этого, религия может выступать альтернативой фрагментированной культуре информационного урбанизированного общества, представляя идею Бога в качестве центра объединения и тем самым способствуя преодолению отчуждения сущности.

В условиях «технологизации» городской культуры, **во-первых**, наблюдается отчуждение индивида и общества от традиционной религии, **во-вторых**, происходит «обмирщение» религиозной жизни: церковь как институт становится более лояльной к изменившимся условиям. И, в соответствии с отношением современных молодых людей к религии (религиозное сознание и поведение), возникает следующая типология: 1) воцерковленные, или традиционно верующие; 2) верующие (здесь можно выделить «внешне набожных» и верующих во что-то иррациональное, мистическое, высшие силы); 3) безразлично относящиеся к религии; 4) неверующие (атеисты как крайняя степень).

С одной стороны, в условиях формализации социальных связей и отношений, поливариантности мышления, увеличения свободы выбора, и, как следствие всего этого, отчуждения собственной сущности, вполне понятным и объяснимым становится стремление современной молодежи приобщиться к традиционным ценностям, к религии. С другой стороны, в урбанизированном обществе традиционная религия постепенно утрачивает свою определяющую роль как в выстраивании социальных взаимоотношений, так и в формировании индивидуального и коллективного сознания, самоидентичности.

Не желая полностью потерять свободу, щедро дарованную городом, и испытывая настоятельную потребность сделать все более простым и душевным, молодежь отклоняет свой духовный опыт от религиозной традиции. Религиозность становится менее ориентированной на церковь и более направленной на земные проблемы общества и человека, что и соответствует ее формализации.

Духовный поиск современной молодежи, уже в самом своем процессе подразумевающий отход от традиции, не предполагает «невыносимого» объема догматических религиозных знаний и огромной ответственности за разделение определенных религиозных убеждений. «Вариациями» религиозной самоидентификации являются приверженность нетрадиционным религиям и культам, всевозможные политические, культурные, профессиональные группировки и музыкальные «тусовки». В условиях, когда молодому человеку

для применения и доказательства своей веры отводится лишь место для постоянного проявления исключительно собственной специфики, религия лишается своего объединяющего смысла и происходит постепенное отчуждение традиционных ценностей.

Литература:

1. *Волков С.Н.* Добро и зло в современном мистицизме. - Пенза, 2001. - 229 с.
2. *Лиотар, Жан-Франсуа.* Состояние постмодерна. Пер. с франц. Н.А.Шматко. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. - 159 с.
3. *Маркузе, Герберт.* Одномерный человек / [Пер. с англ.] / Г.Маркузе. - М.: АСТ, 2003. -332 с.
4. *Музиль Роберт.* Человек без свойств // Малая проза: Избр. произведения: В 2 т /Р. Музиль. - М., 1999. - 463 с.
5. *Фрейд, Зигмунд. Я и Оно: Сочинения* / [Пер. с нем.]. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 861 с.
6. *Фромм, Эрих.* Бегство от свободы; Человек для самого себя / [Пер. с англ.] - М.: Изida, 2004. – 398 с.
7. *Simmel George.* The Metropolis and Mental Life // The Sociology of George Simmel. - New York: Free Press, 1950, pp. 409-424.

ДВА ВАРИАНТА ОТВЕТА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА НА ЭПИДЕМИЮ ВИЧ/СПИД

Немцев М.Ю.

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирский государственный технический университет

Весной – летом 2008 г. в г. Бийске (Алтайский край) было проведено антропологическое исследование [1] реакции различных религиозных организаций на эпидемию ВИЧ/СПИД. Основной исследовательский вопрос моего исследования: как различные христианские религиозные организации (РО) города действуют по отношению к ВИЧ-положительным прихожанам, и реагируют на реальный факт эпидемии ВИЧ в городе? При этом Бийск представляется типичным средним российским городом, отличающимся только чрезвычайно высоким уровнем развития эпидемии (обусловленного всплеском наркомании) в начале 2000-х гг. Базовой концепций исследования была схема «вызов – ответ»: развивающаяся в городе эпидемия есть «вызов», который заставляет местное сообщество вырабатывать какие-то способы отве-

та; и в частности, религиозные организации (церкви, сообщества) должны разработать политику по отношению к эпидемии, и конкретные способы отношения к ВИЧ-положительным членам сообществ. В результате адаптации к изменившейся социальной ситуации церкви могут создавать новые практики, а также трансформировать концептуальные схемы отношения к болезни и здоровью.

С 2005 г. христианские РО России официально провозглашают необходимость участия в предотвращении эпидемии [2]. При этом вырисовывается проблема оценки этой эпидемии и её социальных эффектов (стигмы и т.д.) в рамках религиозной идеологии. В частности, в концепции, принятой РПЦ, ВИЧ/СПИД прямо трактуются как проявления греховности.

Одним из главных результатов исследования стало *описание двух вариантов «ответа» РО на эпидемию.*

1) Все «традиционные Церкви» используют практики «нормализации», основанные на соответствующем «дискурсе нормализации». Особенности его: люди, живущие с ВИЧ (ЛЖВ) не выделяются в особую группу людей, требующих специальной помощи или живущих в особых условиях; ВИЧ рассматривается как «ещё одна «болезнь», не требующая какого-либо специального отношения; отношение к ЛЖВ формируется на основе отношения к потребителям инъекционных наркотиков, хотя эти две группы в настоящее время не совпадают. В результате, такие специфичные для ЛЖВ проблемы, как, прежде всего, стигматизация, кризис семейных (родовых) отношений, формирование травматической идентичности, решаются ситуативно в порядке персональной помощи священника ЛЖВ. Темы особого отношения к ЛЖВ публично в церкви не обсуждаются; сообщество экстернализует эпидемию, и это обосновывает консервативную позицию РО по ряду медицинских образовательных программ. Условия для публичного признания своего статуса и привлечения к себе внимания ЛЖВ при этом в такой РО не возникают, что влечёт за собой сохранение стигмы. Упоминаний об использовании официальных документов, выпущенных на национальном уровне, локальными РО, не выявлено: фактически разработка «политики по отношению к ВИЧ» основана исключительно на личной инициативе конкретных священников (служителей РО).

2) В то же время, в местное сообщество в последние 5 лет активно внедряется неохаризматическая церковь «Церковь «Новое поколение». В отличие от РПЦ и других «традиционных» РО, «Новое поколение» ориентируется преимущественно на молодёжь и, особенно – на молодых мужчин, как свою социальную базу. В частности, ЦНП использует стратегию «обращения» людей, зависимых от наркотиков, и развивает работу специально с этой целевой аудиторией, причём используются и местные институциональные ресурсы (существующие организации помощи наркоманам), и опыт самой ЦНП. Эта РО сравнительно эффективно включает в себя, в том числе и ЛЖВ как особую целевую группу, создавая особый дискурсивный режим по отношению к

ВИЧ: его можно назвать «дискурс мифологизирующий». Открыто обсуждаются особенности жизни ЛЖВ, способы предохрания от ВИЧ и т.д. В силу публичности. ВИЧ обсуждается как особое заболевание, статус особой обсуждаемой темы в том числе – предмета специальных организационных действий (благотворительных компаний, создания групп взаимопомощи и т.д.) В сообществе этой РО тема ВИЧ более открыта, чем в других местных РО, поэтому здесь, с одной стороны, прихожане имеют возможность жить с (частично) открытым статусом, и открыто обсуждать проблемы, связанные с этим, с другой стороны, в силу принадлежности к данной РО, они оказываются «закрыты» для современных методов профилактики и просвещения. Интересным социальным и коммуникативным феноменом ой тенденцией являются проводимые пасторами «исцеления» от болезней, в т.ч. от ВИЧ. После них прихожане-ЛЖВ не придают значения лечебным программам СПИД-центра, но ещё более интегрируются в жизнь данного сообщества, рассчитывая на окончательное «исцеление» (хотя документальных подтверждений именно «исцелений» нет). В результате, в частию культуры сообщества становится совокупность знаний о ВИЧ/СПИД и условиях развития эпидемии, но в то же время эти знания и основанные на них практики могут не иметь научных медицинских обоснований.

Дискурс «нормализации» делает прихожан незащищенными перед «моральными паниками», и изолирует ЛЖВ внутри сообществ; «дискурс мифологизации» усиливает внутри групповую солидарность и способствует адаптации ЛЖВ внутри данной группы, но в то же время усиливает социальную границу между сообществом данной РО и городским сообществом (так, «исцеления» можно рассматривать как особый внутригрупповой миф). Если считать ситуацию в сообществах местных РО «срезом» ситуации в городском сообществе, то её надо признать уязвимой для политизации темы ВИЧ и «моральной паники».

Примечания

1. Исследование Эпидемия ВИЧ, ЛЖВ и религиозные организации в среднем российском городе» в рамках проекта «Социологические подходы в исследованиях ВИЧ/СПИД и общественного здоровья в Российской Федерации (поддержан Social Science Research Council).

2. О социальной позиции в отношении ВИЧ/СПИДа. Концепция российского союза евангельских христиан-баптистов. М., 2007; Концепция участия Русской Православной Церкви в борьбе с распространением ВИЧ/СПИДа и работе с людьми, живущими с ВИЧ/СПИДом. М., 2005. Межконфессиональный комитет по проблемам ВИЧ/СПИД. М., 2007.

ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Гомзова В.В.

Новый сибирский институт (Новосибирск)

Масштабные перемещения мигрантов – в соответствии с потребностями быстро развивающихся экономик, нехваткой рабочих рук – становятся неотъемлемым атрибутом глобализирующегося мира.

Перспективы социально-экономического, политического и демографического развития России во многом предопределяются развитием миграционных процессов в нашей стране.

Вхождение России в международный рынок труда положило начало развитию процессов внешней (международной) трудовой миграции. Она осуществляется в виде привлечения и использования в Российской Федерации труда иностранных граждан.

В связи с неблагоприятной демографической ситуацией и, несмотря на экономический кризис, потребность в иностранной рабочей силе сохраняется.

В свое время экономический кризис, geopolитические изменения породили массовые перемещения населения на всём постсоветском пространстве. Массовый приток в Российскую Федерацию в 90-е годы XX века вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья, связанный с экономическим кризисом тех лет сделал актуальной проблему адаптации не только для самих мигрантов, но и для жителей тех территорий, куда оказывались направленными миграционные потоки. В настоящее время ситуация может повториться и потоки иммиграции в Россию увеличатся.

Вместе с тем легальное привлечение иностранной рабочей силы сочетается с незаконным трудоустройством иммигрантов в России, нарушением их трудовых и социальных прав.

Государственная политика в России регулирует отношения в области миграции. Правительство России утверждает ежегодную квоту на привлекаемых иностранных работников на основании поступивших из регионов заявлений. Регионы, в свою очередь, ориентируются на заявки от предприятий.

В тоже время государство встречает негативную реакцию, принимающего общества, а условия кризиса усиливают её. Поток сообщений в СМИ о нападениях на иностранцев, выходках с «политическим подтекстом» русских нацистов, скинхедов, активистов движений против «нелегальной миграции» и т.д. подтверждает данные о том, что общий уровень этнической неприязни в России в два-три раза выше, чем в большинстве других стран Европы.

Отсутствие исследований, отсутствие мер, принимаемых для решения данной проблемы ведёт к определенным препятствиям.

Проблема требует выяснения отношения простого населения к трудовой миграции, определение уровня адаптации мигрантов, выявления отношения руководителей предприятий к использованию трудовых мигрантов.

Долгосрочные цели и задачи развития России, диктующие необходимость привлечения мигрантов, наталкиваются на социокультурные и экономико-политические ограничения: все возрастающее этнокультурное разнообразие общества; этническое размывание, сложившихся в обществе социальных отношений и связей, норм поведения, ценностей; адаптация людей разных национальностей к политическим и социально-экономическим переменам; сопротивление традиционных норм и ценностей с трудовыми отношениями.

Экономические, геополитические проблемы развития России диктуют необходимость обращения к иммиграции как адекватному средству их решения. Целесообразней привлекать наших соотечественников из стран СНГ и Балтии, русскоязычное население, знающее язык, традиции, культуру России, которые облегчают их интеграцию в российское общество и способствуют иммиграции.

Новосибирская область имеет выгодное экономико-географическое положение и является динамично развивающимся регионом, что привлекает в ней ежегодно большое количество мигрантов.

Также, Новосибирская область рассматривается как试点ный регион в программе переселения соотечественников. Для этого разрабатываются механизмы, способствующие адаптации соотечественников, приезжающих на жительство в область, к условиям региона, их переобучению и переподготовке. Особое значение имеет комплекс мер, направленных на обеспечение толерантного отношения коренных жителей Новосибирской области к пришлому населению: мигрантам-соотечественникам и особенно мигрантам из других стран, заполняющим ниши на рынках труда.

Научная актуальность данной статьи состоит в определении направления развития рынка иностранной рабочей силы в Новосибирской области в условиях кризиса, и создании портрета трудовых мигрантов по категориям требуемых работников (профессиональному) и половозрастному признаку, которых, по мнению экспертов, следует приглашать в Новосибирскую область в ближайшие 5-7 лет.

В этом контексте были поставлены определенные задачи и проведено исследование в Новосибирской области, связанное с трудовыми мигрантами. Было выделено несколько содержательных блоков:

- регулирование потоков этнических мигрантов, организация и управление миграцией;
- дискриминация этнических мигрантов;
- адаптация и интеграция трудовых мигрантов.

Цель данного исследования - определить направления развития рынка иностранной рабочей силы в Новосибирской области в условиях проявления экономического кризиса.

Говоря о характеристики исследования необходимо отметить, что для реализации поставленных задач был проведен экспертный опрос работодателей, представляющих все основные отрасли экономики региона.

В качестве экспертов выступали руководители предприятий, заместители руководителей, возглавляющие кадровую работу либо управление персоналом, собственники предприятий и другие должностные лица, осуществляющие подбор и подготовку кадров (начальники отделов кадров, менеджеры по персоналу и т.д.).

В экспертном опросе работодателей участвовало 159 экспертов. Анализ должностной структуры показывает, что 65% экспертов составляли руководители и заместители руководителей предприятий; 27% - иные должностные лица и 5,7% - собственники предприятий.

Эксперты представляли разнообразные по структуре и организационно-правовой форме предприятия.

Примерно 60% экспертов представляли крупные и средние предприятия, 39% - малые, доминирующими при этом были средние предприятия. Но 2,5% экспертов являлись представителями предприятий, насчитывающих более 10 тыс. работников; 1,9% - от 5 тыс. до 10 тыс. работников и 4,4% - от 3 тыс. до 5 тыс. работников.

Анализ организационно-правовой формы предприятий, представляемых опрошенными, показывает, что основную их часть составляли предприятия негосударственной формы собственности (примерно 70%); государственные учреждения и предприятия - 10,7%; муниципальные учреждения и предприятия - 8,8%; общественные объединения и некоммерческие организации - 2,5% и другие.

Достаточно широко в исследовании была представлена отраслевая структура экономического комплекса Новосибирской области. Около 10% экспертов представляли ведущие отрасли промышленности (станкостроение, машиностроение, электротехническая и оборонная промышленность, черная и цветная металлургия); 8,2% - строительство, архитектуру и дизайн; 3,8% - энергетику; 2,5% - связь; 6,3% - науку и наукоемкое производство; 5% фармацевтическую промышленность; 5% - ЖКХ; 5% - финансовые институты; 9,4% - общественное питание и торговлю; 3,8% - сельское хозяйство; 7,5% - социальное обслуживание и т.д. (туризм - 7,5%, образование - 5%, здравоохранение - 1,9%, транспорт и дорожное строительство - 7,5%, маркетинг и реклама - 8,2%, нотариальные и юридические услуги - 3,1% и т.д.).

Анализируя личные характеристики экспертов, можно отметить, что 86,2% из них имеют высшее образование; 1,3% окончили магистратуру, а 5,7% - аспирантуру. Фактически представлены все возрастные группы, доминируют, при этом, эксперты в возрасте от 30 до 50 лет (61,7%), но представлены лица 60 лет и старше (4,4%) и младше 30 лет (14,5%).

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

В среднем на каждом пятом предприятии в Новосибирской области используется труд мигрантов. Такой объем трудовой миграции останется неизменным, т.к. планируют отказаться от привлечения мигрантов 6,9%, но привлекать впервые собираются столько же.

По мнению экспертов, наиболее перспективным является привлечение мигрантов в контексте перспектив развития Новосибирской области в следующие отрасли:

- 1 место – сельское хозяйство (69,2%);
- 2 место – транспорт и дорожное строительство (56,6%);
- 3 место – жилищно-коммунальное хозяйство (56,6%);
- 4 место – строительство, архитектура, дизайн (40,9%);
- 5 место – общественное питание и торговля (27,2%);
- 6 место – социальное обслуживание (23,9%);
- 7 место – черная и цветная металлургия (15,7%);
- 8 место – машиностроение (15,1%);
- 9 место – электротехническая, электромеханическая промышленность (14,5%);
- 10 место – энергетика (5,7%).

Как считают работодатели, следует сокращать неквалифицированных рабочих (39,6%), а поток квалифицированных рабочих и специалистов (35,2%) – увеличивать.

Более принципиальные позиции занимают работодатели в запросах, связанных с демографическими характеристиками трудовых мигрантов. В основных категориях работников они считают возможным привлечение двух возрастных групп от 20 до 29 лет и от 30 до 39 лет, при этом пол, как показывают результаты, не имеет значения, но при равных условиях предпочтение можно отдать мужчинам. Несколько отличаются требования к административно-управленческому персоналу. Здесь работодатели видят необходимость в приглашении двух возрастных групп: 30-39 лет и 40-49 лет, а предпочтение пола здесь также не имеет значения. Явно выраженная ориентация на мужчин-мигрантов присутствует в группе работников основных профессий (20,1%). По отношению ко всем категориям работников работодатели исключают практически необходимость приглашения мигрантов младших возрастных групп – от 16 до 20 лет – и старших возрастных групп – старше 50 лет.

Постоянную занятость мигрантов одобряет только 12,6% работодателей, а почти 20% опрошенных считают, что мигрантов следует приглашать только на временную занятость.

Только 9,4% работодателей оформляют трудовых мигрантов преимущественно официально и на постоянную работу, 3% работодателей используют труд мигрантов неофициально.

Проведенный анализ показывает также, что большинство работодателей (примерно 60%) выступают против трудовой миграции. Около 50% опрошенных связывают это с тем, что приток этнических мигрантов представляет

угрозу, опасность для национального развития российского общества, затрудняет сохранение национальных традиций и обычаев.

Наличие дискриминации по этническому признаку является непродуктивным для социального развития любого общества.

По мнению экспертов на данный момент времени существует дискриминация этнических мигрантов по сравнению с российскими гражданами в различных видах социального положения:

- 1 место – в условиях проживания (57,9%);
- 2 место – в условиях труда (57,2%);
- 3 место – в оплате труда (47,2%);
- 4 место – в продолжительности труда (45,9%).

Несомненно, наличие таких видов дискриминации по отношению к этническим группам мигрантов ведет к ослаблению социальной ответственности работодателей за организацию труда работников других групп. В любом случае развитие миграции, имеющей целую совокупность видов дискриминации, не продуктивно как для мигрантов, так и для сообщества, в которое они попадают. Хочется отметить, что большинство наших экспертов отрицают наличие религиозной дискриминации (71,1%) и дискриминации этнических мигрантов, связанной с унижением личного достоинства (55,3%).

Возможно, следует создать новые структуры, способствующие более эффективной интеграции мигрантов в экономическую и культурную жизнь региона. Нужна государственная поддержка работодателям, принимающим трудовых мигрантов, поскольку миграция трудовых ресурсов заявлена одним из источников рабочей силы, необходимой для реализации Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области до 2025 года.

В рамках данного исследования рассматривалось предложение, направленное на формирование эффективной трудовой миграции с помощью создания новых структур. Большая часть опрошенных согласилась, что нужны специальные миграционные центры, не исключена возможность создания специальных образовательных структур. Не получило поддержки предложение о создании новых административных структур. Не видят необходимости в создании каких-либо новых структур, направленных на интеграцию мигрантов в экономическую и культурную жизнь Новосибирской области 21,4% экспертов.

В целом, анализ процессов трудовой миграции позволяет сделать вывод, что ее развитие в регионе сегодня порождает определенные проблемы, которые требуют адекватных и более эффективных действий от органов государственного управления.

Создание «желанного» социально-демографического портрета трудового мигранта будет способствовать:

1. выявлению предпочтений по отношению к производственному (профессиональному) уровню мигранта, следовательно, его более успешной адаптации;

2. улучшению демографической ситуации в области, при выявлении предпочтений в возрастных группах мигрантов;
3. выявлению предпочтений по уровню образования мигранта, что приведет к предупреждению конфликтности.

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТ-СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН*

Ерохина Е.А.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Геополитические трансформации, произошедшие в связи с распадом СССР и появлением новых независимых государств, повлекли за собой глубокие изменения в жизни людей. Они коснулись в том числе и самочувствия населения России. Среди проблем, которые наиболее остро стоят перед россиянами, многие исследователи отмечают проблему гражданской консолидации. Несмотря на попытки конструирования новой гражданской идентичности «российский народ», можно отметить, что пока успехи в этом направлении остаются весьма скромными. Проблема формирования национальной идентичности, которая могла бы преодолеть конфликтный потенциал уже состоявшихся этнических лояльностей, остается весьма острой.

Примечательно, что главный противник СССР и ее преемника России в «холодной» войне – США – также переживает упадок значимости национальной идентичности. Пророчество о «конце истории», сделанное Ф. Фукуямой, оказалось преждевременным. Его оппонент С. Хантингтон, полемизируя с концепцией «конца истории», предложил свою концепцию «столкновения цивилизаций». Если Фукуяма настаивает на значении победы либерализма в качестве главного фактора, определяющего развитие мировой политики, то Хантингтон полагает, что противостояние либерализма и авторитаризма утратило свою актуальность. Одним из самых серьезных вызовов для западной цивилизации, в том числе и для США, является вызов национальному государству и национальной идентичности со стороны транс- и субнациональных идентификаций.

В качестве важнейших признаков упадка национальной идентичности он называет повышение внимания к расовым, этническим, конфессиональным идентичностям в ущерб национальной, углубление трещины между космополитизмом элиты и патриотическими настроениями широкой публики, ослабление факторов, прежде обеспечивающих ассимиляцию мигрантов, и одно-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 09-03-00491а «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество».

временно усиление стремления иммигрантов к сохранению собственных традиций [1].

Как определяют себя россияне на коллективном уровне? С кем они ассоциируют себя? Какие символы и образы раскрывают содержание образа России? Эти вопросы принципиально важны для России как для страны, которая объединяет множество этнических, религиозных или лингвистических групп.

В поисках себя

Чтобы не быть голословными, обратимся к результатам исследований по проблеме национальной идентичности россиян, уже осуществленных российскими социологами. Результаты одного из них, проведенного в 2007 г. коллективом сотрудников Института социологии РАН, были положены в основу аналитического доклада «Российская идентичность в социологическом измерении». Как отмечают сами авторы исследования, для них очень важно было понять, с кем отождествляют себя россияне сегодня. К кому они испытывают наибольшую близость? Не ответив на этот вопрос, нельзя оценить перспективы того или иного пути развития России. С кем и в какой степени россияне испытывают чувство общности?

Как показали результаты этого опроса, россияне чаще испытывают чувство общности с людьми своей национальности (54%), нежели с россиянами вообще (35%). При этом практически никогда не испытывали чувства общности с людьми той же национальности 8%. Это почти в два раза меньше по сравнению с теми респондентами, которые не ощущали никогда чувства общности с россиянами (15%). Рассматривая динамику идентификаций в сравнении с 2004 г., авторы доклада отмечают рост этнической самоидентификации у россиян на 7%, общероссийской гражданской идентичности – на 4%. Таким образом, и по этому показателю можно наблюдать более интенсивный рост (почти в 2 раза) этнической идентификации по сравнению с российской общегражданской [2].

Таким образом, противоречия между этнонациональной и общегражданской идентичностью преодолеваются в настоящее время в основном в пользу первой. Этому обстоятельству, как известно, способствовало геополитическое событие, изменившее судьбу современного мира. Речь идет о распаде СССР и сужении масштабов распространения такой формы надэтнической гражданской идентичности как советский народ. Разрушение СССР и распад советской идентичности сопровождался двумя волнами национализма: 1) бурный «парад суверенитетов» в бывших союзных и автономных республиках СССР в начале 90-х гг.; 2) нарастающий с середины 90-х гг. рост тревожности русского населения, увеличение числа сторонников идеи «Россия для русских».

За истекшие почти два десятилетия выросло новое поколение, представители которого никогда не жили в СССР, и, следовательно, не имеют собственного представления о преимуществах, которые давала эта форма идентичности в полигэтничном мире. Если вспомнить о политизации этничности в

постсоветских государствах ближнего зарубежья, фактах переписывания истории в школьных учебниках, политической ангажированности, в одних случаях, и некомпетентности журналистов, в других случаях, при освещении информационных поводов, имеющих специфическое этническое звучание, то несложно убедиться, что объем работы, который предстоит проделать обществу и государству для того, чтобы был создан благожелательный фон вокруг вокруг консолидирующей представителей разных народов России идеи «российской идентичности», просто огромен.

Однако данный проект вполне реалистичен. В его пользу говорят такие социокультурные факторы, как единое коммуникативное пространство русского языка, память об общем историческом прошлом, о его «прорывах» (таких, как, например, освоение космоса) и чувстве гордости, связанных с ними, общая политico-административная и правовая система государства, которая в немалой степени задает доминанты повседневного существования россиян.

В тоже время на территории государств ближнего зарубежья осталось огромное число соотечественников. Юридически, в соответствии с Конституционным правом РФ, соотечественниками следует считать лиц, родившихся в одном государстве, проживающих или проживавших в нем и обладающих признаками общности языка, религии, культурного наследия, традиций и обычаяев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии. Как утверждается в Федеральном законе от 24 мая 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежем», под понятием «соотечественники за рубежом» следует подразумевать четыре категории физических лиц: 1) граждан России, постоянно проживающих за ее пределами; 2) лиц, состоявших в гражданстве СССР, проживающих в государствах, входивших в его состав, и ставшие гражданами этих государств либо лицами без гражданства; 3) эмигранты из России // СССР, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами другого государства (либо имевшие вид на жительство, либо ставшие лицами без гражданства); 4) потомки лиц, принадлежащих к трем вышеуказанным категориям (кроме потомков лиц титульных наций иностранных государств).

Формально, в соответствии с этим законом, граждане РФ и лица, имеющие двойное гражданство, одно из которых – российское, постоянно проживающие за пределами России, признаются соотечественниками в силу их гражданской принадлежности в соответствии с документами о гражданстве РФ. Что касается остальных категорий лиц, их принадлежность к соотечественникам является актом свободного выбора (в соответствии с п. 2 ст. 3 указанного закона).

Так обстоит дело с формальной точки зрения. Что касается неформальной стороны, то вопрос о том, кто может считаться «своим» и претендовать на членство в российском социуме, остается открытым. Категория лиц, бывших и настоящих наших соотечественников, прибывающих в Россию сегодня по

разным причинам на длительное проживание, а также тех, кто хотел бы стать российским гражданином или просто жить и работать здесь, отличается крайней неоднородностью по своему образовательному уровню, профессиональной квалификации и даже степени владения русским языком. И если славянское население, прибывающее из бывших республик СССР, относительно быстро (хотя и не без проблем), адаптируется к новым российским условиям, то представители титульного для этих стран населения испытывают, попадая в Россию, большие, обусловленные традиционностью мест «исхода», затруднения. Кроме того, в качестве своего рода «внутренней диаспоры» оказываются представители народов Северного Кавказа, формально имеющие российское гражданство, однако отличающиеся по своим социокультурным установкам от большинства россиян. Трудно отрицать определенное несовпадение экономических, трудовых и даже поведенческих установок таких мигрантов с традициями и практиками принимающей стороны.

Между тем, миграция сегодня – неотъемлемая составляющая развития современного российского социума. Современная миграционная карта делит государства мира на две категории: 1) страны эмиграции, которые отдают свое избыточное население более развитым экономически соседям; 2) страны иммиграции, концентрирующие капитал, но испытывающие дефицит трудовых ресурсов. Россия – принимающая страна, которая в условиях демографического кризиса частично компенсирует миграцией недостаток собственного населения. Жесткое ограничение или запрет миграции слабо реализуемы и не отвечают потребностям экономического и демографического развития страны. Однако для успешного поиска механизмов интеграции, взаимного социокультурного компромисса и сохранения социальной солидарности российского общества необходимо наладить диалог, в центре которого должны быть обозначены вопросы «что значит быть/кого называют россиянином?».

На этом пути придется находить консенсус между «традиционными» и «модернистскими» ориентациями полигетничного населения России. Соотношением этих двух взаимосвязанных составляющих в истории России не раз определялся выбор пути развития. Поскольку вопрос о смысловом стержне российской идентичности остается открытым, можно предположить, что в его основании будет находиться синтез светской морали с этическими системами традиционных для России конфессий – православия, ислама, буддизма, иудаизма.

Общеизвестно, что на характер и степень включенности мигрантов из республик Кавказа и Средней Азии в российское социокультурное и экономическое пространство существенное влияние оказывает религия (ислам). Данное обстоятельство актуализирует необходимость оценки консолидирующего/разъединяющего потенциала двух самых массовых для России традиционных конфессий: православия и ислама.

«Столкновение цивилизаций» и

социокультурные аспекты проблемы миграции

Христианство, одной из ветвей которого является православие, и ислам принято относить к мировым религиям – наднациональным, распространенным поверх этнических и политических границ конфессиональным системам. Как утверждает С. Хантингтон, идеодогическое противостояние, которое в прошлом становилось источником конфликтов, более не влияет на расстановку политических сил в мире. В наступившем веке определяющим, по его мнению, станет конфликт ценностей, культур, религий.

Зрелые, в терминах Хантингтона, страны Запада, к которым он относит и Россию, утратили «юношескую энергию к экспансии». Низкий уровень рождаемости и стареющее население характеризуют их демографический статус. Исламские же страны переживают демографический рост и так называемое «исламское возрождение». В 80-90-е гг. в исламском мире наблюдается отказ от версторнизации. Притязания на универсалистский характер своей культуры делают каждую из сторон этого противостояния потенциальной участницей затяжных локальных войн. При этом «столкновение цивилизаций», как прогнозирует Хантингтон, будет происходить уже не только между странами, но и внутри полиглоссических стран. Быстрее остальных, предрекает он, почувствуют на себе последствия этого процесса те страны, которые «принимают» население «окраин». Стремление обособиться и дистанцироваться – таковы в массе отношения между стареющим коренным населением и «пришельцами» с периферии глобального мира [3].

В какой мере этот прогноз относится к России? История России, как утверждал В.О. Ключевский, это история колонизации. Исторически миграционные потоки возрастили по мере расширения России. Русские в межэтнических отношениях оставляли вновь включенным в состав Российской империи народам две возможности: культурную ассимиляцию и гражданскую натурализацию. Нерусские народы становились российскими подданными и, обретая новую родину, расселялись за пределы исторической родины.

На пике своего могущества, после II Второй мировой войны, в СССР сменился колонизационный тренд. 60-70-е гг. ХХ века наметили отрицательные тенденции в воспроизводстве населения страны. Тогда же начинается реколонизация – возвращение русских на территории, которые ранее продуцировали колонизационные волны, за счет которых происходило расширение границ государства. С конца 80-х гг ХХ в. – до 2003 г. демографы фиксировали сокращение населения на севере и востоке страны. Русские двинулись в свой исторический центр, а многие и на Запад, с которым у части народа произошла устойчивая культурная ассоциация. «Западный дрейф» – движение населения с востока на запад – пополнял население центральных округов России за счет притока с восточного (Восточная Сибирь и Дальний Восток), южного (Северный Кавказ) и северного (европейский Север) направлений [4].

Однако к настоящему моменту ресурсы миграции внутри России исчерпаны. Подсчеты специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН показали, что миграционного потенциала при нынешних масштабах внешней миграции недостаточно для того, чтобы остановить процесс сокращения численности населения РФ [5].

По своему геостратегическому статусу Россия представляет собой страну с территорией и объемом природных ресурсов, намного превышающими многие страны мира. Дальнейшее сокращение населения в азиатской части страны в будущем может пагубно сказаться на ее долгосрочном развитии, учитывая фактор динамично развивающегося, густонаселенного Китая. Втягивание в орбиту чужих интересов, навязанная сырьевая специализация, низкая степень интегрированности в единое социокультурное пространство – вот далеко не полный перечень тех проблем, которые необходимо решать уже сегодня. Не является ли в этой ситуации миграция «меньшим из зол» для России? Миграция могла бы стать средством восполнения недостатка трудовых ресурсов, утвердить Россию в роли регионального лидера, служить культурным каналом поддержки связи с бывшими соотечественниками.

В связи с такой перспективой возникает несколько вызовов. Не окажется ли гражданская составляющая российской идентичности нерусских народов, в том числе и тех, кто ориентирован на исповедание ислама, подавлена ее этнической компонентой? В СССР советская идентичность давала им возможность для преодоления локальной замкнутости и вхождения в общности более широкого, нежели этнические или локальные, порядка, открывала каналы для социальной мобильности, вела к изменению образа жизни. Распад СССР и интенсивное вхождение России в глобализационные процессы сузили и фрагментировали идентичность. Люди отказываются от абстрактной солидарности и ищут единения в «конкретных» формах идентичности. В этих условиях ассоциация со страной исхода оказывается более сильной установкой в сравнении с перспективой гражданской натурализации.

Другим вызовом является отношение мусульман к национальному государству. Значимость национальной идентичности в разных культурах оценивается по-разному. Как отмечает С. Хантингтон, для мусульманского мира характерно U-образное «распределение идентичностей»: сильнее всего приверженность семье и роду, а также принадлежность к исламу; лояльность к нации и национальному государству находится между этими полюсами и проявляется достаточно слабо. В западном мире напротив, распределение идентичностей в последние два столетия имело вид перевернутой U: нация в верхней точке фигуры подразумевала глубокую преданность, превосходившую преданность семье и вере [6].

Какими ресурсами обладает российское общество для того, чтобы процесс ингеграции разнородных в этническом и конфессиональном отношении культурных групп в единое социокультурное пространство протекал более органично и естественно?

Становление новой российской идентичности тесно связано с выработкой нового отношения к соотечественникам, как к русским, так и к нерусским. При этом речь не должна идти только об депатриации. «Выскребание» русских из стран СНГ будет означать сворачивание геокультурного и geopolитического присутствия России на ее периферии.

Работа с соотечественниками должна быть направлена на облегчение пересечения границ, процедур оформления виз и получения гражданства, возможность иметь двойное гражданство, широкий культурный обмен, включая знакомство с достижениями соседей. И конечно, при разработке культурной политики государства должен быть учтен фактор русского ислама, явления, которое возникло на пограничье русской и исламской культуры. Русский ислам – городское явление, комплиментарное современному крупному городу с его многоукладностью, поликонфессиональностью, миграционной привлекательностью. Русским он назван по языку коммуникации и, в возможной перспективе, языку идентичности. Характеризуя это явление, С. Градировский выделил тенденции, сопровождающие его становление: массовый переход в городских мечетях на русский язык; переход исламского книгоиздательства на русский язык; принятие госстандартов по исламской теологии и разворачивание образовательного процесса преимущественно на русском языке в традиционном для России методологическом поле; становление исламских русскоязычных СМИ; появление исламских интеллектуальных сообществ, думающих и говорящих на русском языке [7].

Культурное и конфессиональное многообразие России в ближайшее время будет возрастать. «Кто мы?» и что стоит за этим «мы»: на эти вопросы вынуждены отвечать все страны постоянно и независимо от «статуса успешности» или «укорененности» в мировой geopolитической структуре. Русский ислам – это явление, которое принадлежит одновременно исламской и русской укультуре. Он мог бы стать в будущем одним из тех дискуссионных подиумов, на котором обсуждаются новые смыслы понимания образа России.

Литература

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности/ С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова.. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – С. 218.
2. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Авторский коллектив под рук. Горшкова М.К. 2007. Электронный ресурс: http://www.isras.ru/analytical_report_Iden.html
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переосмысление мирового порядка (*The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, 1996). Электронный ресурс: <http://lib.rus.ec/79038/read>. – С. 343.

4. Выхованец О., Градировский С., Житин Д., Лопухина Т., Мкртчан Н. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад. 2005. Электронный ресурс: www.archipelag.ru/agenda/povestka/naturalization/doclad

5. Вишневский А.Г. Альтернативы миграционной стратегии для России и политика идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. — М., 2006. — С. 305-321; Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2005, № 3 (30). — С. 72-87.

6. Хантингтон С. Кто мы? — С. 42.

7. Градировский С. Культурное пограничье: русский ислам (2003). Электронный ресурс: http://www.archipelag.ru/tu_mir/religio/novye-identichnosti/islam/cultural-bound

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ СИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ **Самойлова А.С.**

Новый сибирский институт (Новосибирск)

В фокусе исследования – особенности построения института местного самоуправления, а именно – востребованность и эффективность отдельных институциональных моделей взаимодействия, в частности – модели сити-менеджмента. Теоретические рамки исследования заданы новым институциональным подходом и концепцией социального конструктивизма П. Бурдье.

Институт местного самоуправления формирует особый нормативный порядок, складывающийся из формальных и неформальных ограничений деятельности местных политических акторов. Индивидуальные и коллективные акторы, являясь носителями определенных практик, осуществляют стратегические действия, направленные на сохранение или изменение своей позиции в поле городской политики. Реализация эффективных стратегий требует от них знания институциональных правил и следования им. В то же время предполагает наличие институциональных возможностей построения эффективной модели взаимодействия политических акторов.

В качестве формальных правил взаимодействия выступают все правовые нормы, определенные в Законе о местном самоуправлении. В роли главных институциональных строителей выступают федеральные органы власти, поскольку именно они устанавливают формальные рамки, регламентирующие деятельность местного самоуправления. Однако порядок действия формальных правил зависит от местных условий и стратегий местных политических акторов. Далеко не все установленные формальные правила реально дейст-

вуют в местных политических пространствах, либо их действие деформировано. Роль неформальных правил взаимодействия выполняют установленные нормы морали и политической культуры, традиции и обычай, а также взаимные неписаные соглашения местных политических акторов.

Эффективность института в рамках неоинституционального подхода в большинстве случаев определяется возможностью минимизации трансакционных издержек акторов. Для политических институтов, представляющих собой соглашения по поводу сотрудничества между политическим акторами, это издержки акторов, происходящие в результате соглашений [1, с. 72]. Для того чтобы соблюсти баланс интересов, каждый из акторов вынужден нести какие-то потери – они и являются издержками обмена в политическом институте. Издержки определяются количеством капиталов, необходимых для осуществления того или иного действия. Таким образом из всех предложенных в законах схем акторы, руководствуясь соображениями об эффективности взаимодействия, выбирают те, которые в большей степени соответствуют их возможностям и принципу минимизации издержек.

Стабильность власти обеспечивается наличием у субъекта власти ресурсов, достаточных для реализации своих действий. Власть обладает различными капиталами для реализации своих целей, но лишь один ее капитал ун普遍 – это легитимность или авторитет власти, которую М. Вебер определял как признание за субъектом власти права на управление, основанное на рациональных или эмоциональных мотивах, или укорененное в традициях общества [2, с. 46]. Авторитет власти обратно пропорционален ее издержкам при политическом взаимодействии. Значит эффективность политического института напрямую зависит от легитимности власти: чем она выше, тем меньше ресурсов нужно затратить на проведение принятых решений [3, с.14].

Таким образом, эффективность той или модели местного самоуправления зависит от того, насколько она соответствует стремлению местных политических акторов к минимизации издержек, а также позволяет повысить (или сохранить на прежнем уровне) капитал легитимности местных органов власти.

Сложившаяся к настоящему моменту российская практика показывает, что среди российских муниципальных образований соотношение городов, во главе которых стоит мэр, к городам, где введена должность сити-менеджера, составляет 74% к 26%. Можно говорить о том, что представленное в рамках института местного самоуправления формальное правило – возможность реализации модели сити-менеджмента – остается слабо востребованным местными политическими акторами.

Основная цель внедрения модели сити-менеджмента по замыслу ее разработчиков – повышение эффективности управления городом посредством привлечения к нему профессионалов. Анализ введения модели в российской политической практике показывает, что в большинстве городов, имевших такой опыт, должность сити-менеджера вводилась в условиях нестабильного политического поля: как инструмент борьбы за контроль над ним и защиты

от возможных изменений сложившейся системы взаимодействия. Зачастую она использовалась в качестве основного механизма смены сложившегося порядка. В то же время модель сити-менеджмента успешно внедряется в городах со сложившейся моноцентричной моделью власти: в национальных республиках, где существуют авторитарные режимы и региональная власть полностью определяет конфигурацию поля местной политики (Уфа, Казань), а также в моноиндустриальных городах, где у власти находятся представители одной корпорации (Норильск, Северск).

Ключевым вопросом исследования в рамках предложенной методологии является то, насколько сложившиеся в полицентрическом политическом поле неформальные правила взаимодействия политических акторов способствуют или препятствуют реализации модели сити-менеджмента. Основная гипотеза, которая может быть выдвинута: эффективная реализация модели сити-менеджмента в стабильном полицентрическом поле городской политики возможна в ситуации, при которой в результате изменения конфигурации поля сложившиеся издержки обмена политических акторов (в том числе ресурс легитимности власти) уменьшаются или не возрастают.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Гардарики, 1994.
3. Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Институционализм и политическая трансформация России / Доступ через <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ) Калмазан А.В.

Сибирский институт повышения квалификации (Новосибирск)

Предпосылками возникновения проблемы управления качеством ДПО становятся как социально-экономические условия – проникновение рыночной экономики в сферу ДПО в связи с развитием философии маркетинга образовательных услуг, так и практическая ориентация современных руководителей, обусловленная необходимостью упрочения статуса ДПО, регламентацией деятельности учреждения на организационно-правовой основе, отвечающей требованиям современной ситуации в дополнительном профессиональном образовании.

Современная ситуация в сфере образовательных услуг способствует тому, что многие учреждения дополнительного профессионального образования заинтересованы в разработке и внедрении системы качества для улучшения эффективности работы, результатов взаимодействия с потребителем. Однако, как показывает анализ практики, единые критерии качества на федеральном уровне в сфере дополнительного профессионального образования не разработаны.

Как отмечают Н.М. Блинов и В.В. Валентинов, государство последовательно сокращает свою роль в вопросах управления системой ДПО и контроля качества предоставляемых образовательных услуг, оставляя за собой функции управления и контроля качества только малой части рынка образовательных услуг ДПО (около 2-3%). Ситуация складывается таким образом, что все образовательные программы повышения квалификации, а также программы профессиональной переподготовки (от 500 до 1000 аудиторных часов) не подлежат экспертизе по установлению качества обучения, как на федеральном уровне, так и аккредитирующими органами субъектов Российской Федерации [1, с. 23]. Поэтому одной из первоочередных задач видится работа по созданию централизованной эффективной системы управления и контроля качества образовательных программ ДПО, обеспечивающую сбалансированное участие государства, профессиональных сообществ и работодателей в процессе управления системой.

В настоящее время большинство учреждений дополнительного профессионального образования ориентируются не столько на государственный заказ подготовки и повышения квалификации кадров, сколько на реальные требования предприятий, заключающих договора на обучение и определяют следующие цели создания системы менеджмента качества, исходя из интересов заказчиков, обучаемых и самих институтов:

- достижение соответствия качеств подготовки специалистов требованиям образовательных стандартов предприятий (необходимый уровень качества);
- достижение качества подготовки специалиста текущим запросам работодателей;
- достижение оперативного уровня качества подготовки специалистов, соответствующего потенциальным запросам работодателей (перспективный уровень качества, обеспечивающий конкурентоспособность и долговременность существования образовательного учреждения).

Переход учреждений дополнительного профессионального образования к системе качества особенно актуален в сложившихся условиях кризиса, поскольку позволяет:

- сделать функциональную структуру и взаимоотношения в организации прозрачными и понятными для внутренних и внешних потребителей – сотрудников учреждений ДПО, обучающихся и заказчиков образовательных услуг;

- осознать роль организации в общей системе управления образованием на территории РФ,
- увидеть сильные и слабые стороны реализации программ ДПО,
- своевременной коррекции управленческих действий для предотвращения производства некачественной услуги,
- проследить динамику развития учреждения;
- упорядочить работу учреждения.

Результатом внедрения системы качества является повышение эффективности работы учреждений дополнительного профессионального образования, более четкое и гибкое выстраивание взаимоотношений с потребителями, удовлетворение их требований и ожиданий, что увеличивает конкурентоспособность учреждений ДПО на рынке образовательных услуг.

Качество ДПО является предметом исследования в работах таких специалистов как П.В. Баранов, Н.М. Блинов, В.В. Валентинов, М.В. Давыдов, С.В. Израйлит, Г.Л. Ильин, Н.Е. Казакова, В.А. Корытов, С.Н. Никитаев, А.И. Поплищук, Т.Ф. Романюк, С.П. Северов А.В. Семенихина, И.А. Соловьева, К.А. Тарутин.

Значительный вклад в определение терминологического аппарата в области качества подготовки персонала в системе атомного энергопромышленного комплекса, внесли такие ученые как А.Н. Анохин, В.М. Болдырев, А.А. Деревянкин, Н.И. Гусев, А.Н. Жиганов, А.Л. Ильичев, Н.И. Ищенко, А.Я. Карпенко, С.А. Карпов, А.М. Карякин, А.П. Минаев, В.И. Петлин, В.В. Северинов, Ю.Н. Селезнев.

Ю.Н. Селезнев, уточняя понятие качества для организаций, обучающих персонал предприятий атомной отрасли (в частности предприятий, входящих в ведомство Госкорпорации «Росатом»), расширяет перечень компонентов качества в ДПО и говорит о том, что «качество образования» – комплекс характеристик образовательного процесса, определяющих целенаправленное формирование и обновление компетентности и профессиональной квалификации, включая культуру безопасности [2, с. 56].

Ю.Н. Селезнев выделяет следующий перечень компонентов качества ДПО [2, с.58]:

Качество процесса ДПО: качество целей обучения, качество образовательной программы, качество материально-технической базы образовательного процесса, качество преподавательского состава, качество обучаемых, качество информационно-методической базы, качество системы управления образовательным процессом (планирования, организации, контроля, мотивации).

Качество результатов ДПО: профессионализм, распознание и реализация индивидуальных способностей и особенностей, трудоустройство, карьера, овладение методологией самообразования, знания, практические навыки.

С точки зрения системы повышения квалификации персонала предприятий атомного энергопромышленного комплекса, результатом образователь-

ной деятельности в общем виде является совокупность знаний и навыков, отражающих способность сотрудника осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с требованиями современного этапа развития экономики, на определенном уровне эффективности и профессионального успеха, с пониманием социальной ответственности за результаты профессиональной деятельности. Результатом качественного образования является качественный продукт образовательной деятельности

Показателями качественных результатов образовательного процесса (продукта образовательной деятельности) в учреждении ДПО атомной отрасли являются итоги текущей и итоговой аттестации, положительные отзывы и рекомендации обучающихся, положительная оценка работодателя, удовлетворенного выполнением образовательного заказа, более качественная аварийная работа предприятия.

На качество образовательной услуги влияние оказывают следующие характеристики:

- уровень понимания преобладающих тенденций в мире инновационных технологий, на рынках труда и профессиональных услуг;
- способность адаптировать учебные программы к заданному контексту реализации образовательных услуг, конкретным потребностям заказчика;
- способность проектировать учебные программы с учетом развивающихся научно-технических представлений;
- способность обеспечить высокую результативность обучения с точки зрения временных и финансовых затрат, что особенно актуально на производстве.

При этом скорость и качество взаимодействия со всеми субъектами, заинтересованными в реализации услуг ДПО, имеет определяющее значение как для определения контекста и состава образовательной услуги (предоставление программы определенного содержания, направленной на конкретного специалиста предприятия), так и для повышения производительности труда при адаптации учебных программ.

Общие требования к учреждениям ДПО на федеральном уровне в области реализации программ дополнительного образования опираются на:

Закон Российской Федерации «Об образовании»;

Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»;

Типовое положение об образовательном учреждении дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов;

Государственные образовательные стандарты дополнительного профессионального образования (повышения квалификации и профессиональной переподготовки);

Требования к содержанию дополнительных профессиональных образовательных программ;

Общие нормативы общей нагрузки слушателей и др.

Более частные требования к услугам и продукции учреждений ДПО определяются федеральными законами, требованиями организаций, выдающих лицензию на право ведения образовательной деятельности по тому или иному направлению (специальности), квалификационными требованиями к подготовке специалистов, различными положениями и другими нормативно-правовыми актами по вопросам образования.

Система атомной отрасли имеет ряд нормативно-правовых документов, специально разработанных для поддержания системы качества образовательных учреждений, входящих в перечень Госкорпорации «Росатом»:

ОСТ 95 10581–2003 Система менеджмента качества организаций, в состав которых входят радиационно-опасные и ядерно-опасные производства и объекты. Управление персоналом. Профессиональное обучение персонала. Общие требования.

ОСТ 95 10584–2003 Квалификация и компетентность персонала. Общие требования.

ОСТ 95 10586–2003 Профессиональное обучение персонала. Требования к квалификации инструктора профессионального обучения.

ОСТ 95 10587–2003 Профессиональное обучение персонала. Требования к программам подготовки и поддержания квалификации инструкторов профессионального обучения.

ОСТ 95 10589–2003 Профессиональное обучение персонала; Рекомендации по оборудованию учебных помещений.

ОСТ 95 10588–2004 Профессиональное обучение персонала. Рекомендации по применению системного подхода к обучению.

Р 95 1–2005 Рекомендации по определению потребности в обеспечении квалификации и компетентности персонала.

Р 95 2–2005 Рекомендации по разработке программы подготовки и поддержания квалификации персонала

Р 95 3–2005 Рекомендации по организации работ по обеспечению квалификации и компетентности персонала.

Р 95 4–2005 Рекомендации по проведению оценки процессов обеспечения квалификации и компетентности персонала

Р 95 5–2006 Рекомендации по отбору, подготовке и аттестации руководящих работников ядерно и радиационно опасных производств и объектов.

Р 95 6–2006 Рекомендации по оценке руководящих работников ядерно- и радиационно-опасных производств и объектов.

Р 95 7–2006 Рекомендации по отбору кандидатов для замещения должностей руководящих работников ядерно и радиационно опасных производств и объектов.

Р 95 8–2006 Рекомендации по разработке индивидуальных программ подготовки руководящих работников ядерно и радиационно опасных производств и объектов.

IAEA-TECDOC-380 Руководство по подготовке персонала атомных электростанций и ее оценке.

Данные нормативно-правовые документы разрабатывались в русле различных программ, инициированных Департаментом управления персоналом Госкорпорации «Росатом», совокупностью институтов повышения квалификации, научно-исследовательских институтов, отделами менеджмента качества и отделами по работе с персоналом предприятий и организаций, находящихся в ведении Госкорпорации «Росатом».

Поддержанию и повышению качества образовательных услуг учреждений ДПО Госкорпорации «Росатом» способствуют также регулярное проведение на отраслевом уровне научно-практических мероприятий, посвященных выработке стратегии модернизации и технологического развития отрасли (конференции различного уровня, семинары-совещания), где представители образовательные учреждения встречаются с руководителями служб подготовки кадров организаций атомной отрасли для согласования вопросов взаимодействия, обсуждения ключевых направлений деятельности в области управления человеческими ресурсами, внедрения новейших достижений отечественной и зарубежной науки в программы обучения и т.д.

Библиографический список

1. Блинов, Н.М. О состоянии системы дополнительного профессионального образования и неотложных мерах ее развития [Текст] / Н.М.Блинов, В.В Валентинов // Тенденции и перспективы развития системы дополнительного профессионального образования: сб. науч. тр.– Новосибирск: Изд-во СГУПСа, 2009. – С.20-26.
2. Селезnev, Ю.Н. Системный подход к повышению квалификации персонала атомного энергопромышленного комплекса России. – Обнинск: ФГОУ «ГЦИПК», 2007. – С. 56- 70.
3. Сидоров О.И. Система менеджмента качества как фактор взаимодействия потребителя и системы ДПО: на примере АНО «СИПК» (Росатом): учебно-методическое пособие / О.И. Сидоров, Т.И. Суздальцева, А.В. Калмазан. – Новосибирск, 2009. –

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (К 70-ЛЕТИЮ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Абдылдаев К.К.

Иссык-Кульский институт кооперации (Каракол)

Уникальность экосистемы Иссык-Куля как объекта мирового исторического и культурного наследия позволила создать 25 сентября 1998 года биосферную территорию «Иссык-Куль».

С 2001 года биосферная территория «Иссык-Куль» включена в Планетарную сеть биосферных резерватов Программы Организации Объединенных наций.

В области пока нет устоявшейся экономики, и в ее институциональной структуре еще не определилась характерная особенность, что подтверждается ниже следующими показателями.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.	средн. пок-ль за 2006-2008 г.
ВРП, млн. сомов	13 096,7	16 049,8	19 709,6	16 285,4
реальный рост, %	85,6	112,2	108,2	103,5
дефлятор, %	106,8	109,2	113,5	110,3
ВРП (млн. долларов США)	358,8	439,7	540,0	446,2
ВРП на душу населения, тыс. сомов	30,4	37,0	45,3	37,6
номинальный рост, %	90,9	121,9	122,3	113,7
Промышленность, млн. сомов	10198,2	8529,1	9330,6	9 352,6
индекс физического объема, %	78,9	62,9	99,7	81,0
ИПЦ (индекс потребительских цен), %	104,4	107,0	109,1	107,2
Розничный товарооборот, млн. сомов	2 778,6	3 645,3	4 414,5	3 612,8
температура, %	105,4	123,6	109,2	113,1
индекс цен, %	104,9	106,1	110,9	107,8
Платные услуги, млн. сомов	1 003,2	1 467,8	1 657,8	1 376,3
температура, %	100,4	134,0	108,1	115,4
индекс цен, %	102,9	109,2	104,5	105,8
Валовая продукция сельского хозяйства, млн. сомов	8 147,6	10573,9	13007,8	10 576,4
температура, %	92,7	102,3	105,0	100,9
индекс цен, %	120,4	126,9	117,2	121,2
Капитальные вложения, млн. сомов	1352,6	4283,5	5279,4	3 638,5
номинальный рост, %	170,9	316,7	123,2	205,1
Экспорт, тыс. долларов США	7 207,9	8 820,1	14 212,6	10 080,2
номинальный рост, %	92,1	122,4	161,1	133,4
Импорт, тыс. долларов США	108 487,7	185 468,3	184 208,8	159 388,3
номинальный рост, %	147,9	171,0	99,3	138,1
Социальные показатели				
Численность населения, тыс. чел.	430,8	433,2	434,9	433,0

трудовые ресурсы, тыс. чел.	248,3	251,3	252,2	250,6
экономически активное население, тыс. чел.	170,7	188,9	189,6	183,1
занятое население, тыс. чел.	157,5	175,0	175,7	169,4
Уровень общей безработицы, %	8,4	8,1	7,8	8,1
Среднемесячная зарплата, сомов	3296,2	4383,3	5000,0	4 226,5
реальный рост, %	144,2	124,3	104,5	121,7
Минимальный потребительский бюджет, сом	1658,1	2419,6	2598,3	2 225,3

В Иссык-Кульской области сосредоточены значительные ресурсы, которые при интенсивном и грамотном использовании могут стать основой успешного социально-экономического развития региона.

Несомненно, на пути осуществления мероприятий, включенных в стратегию развития области (как на республиканском, так и на областном уровне) имеется множество препятствий различного характера. Испытывается недостаток финансовых ресурсов для практической реализации мероприятий, бюрократические препоны тормозят инициативы участников мероприятий, непосредственные исполнители порой не проявляют заинтересованности в реализации программы.

Но мировой опыт показывает, что процесс значительных преобразований в обществе никогда не был легким. Многие реформы и нововведения приходилось претворять в жизнь при весьма сложных обстоятельствах в условиях ограниченности средств и ресурсов. Применительно к Иссык-Кульской области можно сказать, что, несмотря на существующие здесь объективные трудности и проблемы, имеющиеся ресурсы (природные, человеческие) позволяют строить оптимистичные прогнозы относительно перспектив развития области.

Проведенные независимые исследования совместно с местными органами власти, международными финансово-экономическими институтами, а также проектами ТАСИС Евросоюза, ЖАЙКА (Японское агентство развития) показали, что наиболее перспективными и приоритетными направлениями развития Иссык-Кульской области следует считать: развитие туристической индустрии в соответствии с мировыми стандартами, динамичное, устойчивое развитие сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности, развитие горно-добывающей промышленности и гидроэнергетики.

В целом, несмотря на все предпринимаемые меры наш регион пока остается краем больших потенциальных, но нереализованных возможностей.

На наш взгляд пришло время настоящего иссыккульского прорыва!

Литература

1. Концепция эколого-экономического развития Иссык-Кульской области до 2020 года. Бишкек 2009 год.

2. «Экономическая политика социально-экономического развития Кыргызской Республики на долгосрочный период до 2025 г.» Том 1., Бишкек 2007
3. «Концепция социально-экономического развития Кыргызской Республики на период до 2015 г.», Бишкек 2008
4. Стратегия социально-экономического развития области на 2009-2011 годы.
5. К.С. Бакиев Курс на обновление страны, Бишкек 2009 год.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ИССЫК-КУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 2003-2008 ГОДЫ

Абдылдаев К.К., Сариев Ф.Б.

Иссык-Кульский институт кооперации (Каракол)

Как всем известно, что Кыргызская Республика со временем Союза была аграрной страной, таким остается и на сегодняшний день.

После распада Союза и приобретением суверенитета нашей страной прошло немало времени и были сделаны попытки поставить нашу экономику на нормальные рельсы развития. Не смотря на усилия чиновников нашего правительства, различных иностранных организаций аккредитованных в нашей стране с целью помочь в становлении подлинной рыночной экономики, с нормально функционирующими институтами власти, инфраструктуры рынка, бизнеса, ощутимых результатов не дало в сельском хозяйстве.

Как всем известно, в 90е годы были проведены с большим размахом приватизация в сельском хозяйстве, которые были призваны улучшить жизнь сельчан. Но как показывает практика, ощутимых результатов пока не можем добиться. В данной статье рассматривается положение в животноводстве и растениеводстве на примере Иссык-кульской области за период с 2003-2008 годы. В проведенном небольшом анализе в целом наблюдается снижения уровня производства в растениеводстве. Мы не стали делить по категориям хозяйств, взяли в целом по области и по районам.

Особую тревогу вызывает положение в сборе зерновых, так как с каждым годом идет уменьшения собранного урожая, что чревато продовольственной безопасностью страны в будущем.

Положение в животноводческой отрасли экономики области за анализируемый период, в целом складывается положительно.

В 2006 году, согласно статистических данных в хозяйствах всех категорий содержалось 146372 головы крупного рогатого скота, что на 17313 голов или на 13,5% больше чем в 2002 году, в том числе коров больше на 9719 голов или на 14,5%, увеличение поголовья идет и по другим видам скота за анали-

зируемый период. Все эти факты говорят о том что, в животноводстве подъем идет интенсивно.

На этом фоне плохо обстоят дела в свиноводстве, из года в год в этой отрасли сельского хозяйства идет уменьшение поголовья скота и соответственно уменьшается производство свинины, что в свою очередь приводить к удешевлению этого вида продукта на рынке. Уменьшение голов скота в свиноводстве можно объяснить расформированием крупных коллективных хозяйств, традиционно занимающихся разведением этого вида скота. Свою отрицательную роль играет такой фактор, как отток русскоязычного населения за пределы страны, так как местное население, особенно коренные жители, исторически по различным причинам не занимаются разведением свиней. Если этот снижающий процесс в этой отрасли будет продолжаться, то в ближайшее время мясо свинины войдут в категорию самых дорогих продуктов питания. Здесь хотелось бы обратить внимание на тот факт, что наша область является курортно – рекреационной зоной.

На основе выше изложенного, хочется отметить, что требуется квалифицированная помощь специалистов аграрников различных уровней, иначе в условиях мирового финансового кризиса и в условиях дороговизны привозного горюче-смазочного материала, семена и т.д. нашим сельчанам испытывающим острую нехватку сельхоз. техники будет сложно.

Литература

1. Сельское хозяйство Кыргызской Республики; 2003-2005г.г. Б. Нацисткомитет К.Р. 78с.
2. Статистические данные ГНИ Иссык-Кульской области за 2008-2009 годы.
3. Журнал «Экономика и статистика» №4 2000 год г. Бишкек.
4. В.М. Морозова Региональная экономика, Москва 2003 год.

ТУРИЗМ – БУДУЩЕЕ ОБЛАСТИ (К 70-ЛЕТИЮ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Бейшеналиева З.К., Кызаев А.К.
Иссык-Кульский институт кооперации (Каракол)

Иссык-Куль издавна привлекал своими природно-климатическими и магическими условиями, удобным географическим расположением и неповторимой чарующей красотой. Археологические памятники свидетельствуют, что Иссык-Кульская долина была населена людьми еще в эпоху раннего палеолита. Особенно в средние века здесь было много цветущих, развитых го-

родов. Через долину пролегала одна из ветвей Великого Шелкового пути, что способствовало развитию экономики и культуры Прииссыккулья.

Уникальные природные особенности Иссык-Куля и его окрестностей издавна привлекали исследователей. Русский исследователь Тянь-Шаня П.П.Семенов писал: "Трудно себе вообразить что-нибудь грандиознее ландшафта, представляющегося путешественнику с Кунгяя через озеро на Небесный хребет (имеется в виду Тескей Ала-Тоо). Темно-синяя поверхность Иссык-Куля своим сапфировым цветом может только соперничать со столь же синей поверхностью Женевского озера, но обширность водоема, ... и ни с чем сравнимый по величине последнего план ландшафта придает ему такую грандиозность, которой Женевское озеро не имеет". Географ-исследователь Н.А.Северцев, прибывший в котловину с восточной стороны, писал: "Синее небо, синий же Иссык-Куль, между ними белая зубчатая стена, на первом плане голый, красно-желтый глинистый берег - вот и весь вид, весьма несложный, но от которого глаз с трудом отрывается: так великолепен колорит, так изящны и легки очертания снегового хребта, за которым еще ясно видны высочайшие вершины".

Озеро Иссык-Куль является гордостью не только Кыргызстана, но и всей Центральной Азии. Изумительная его красота, горы, раскинувшиеся вокруг, вдохновляют поэтов вот уже многие столетия.

По числу часов солнечного сияния в год побережье озера превосходит курорты Крыма, Прибалтики и Турции. Горно-морской климат, чистый воздух, обилие солнечного тепла и другие благоприятные факторы обуславливают наличие курортов, санаториев и учреждений отдыха республики, среди них такие климатические и бальнеогрязевые комплексы, как Жети-Огуз, Жыргалан, Чолпон-Ата, Тамга, Ак-Суу и другие. Протяженность пляжной зоны 600 км. 20 крупных пляжных участков расположены в районах сел Кош-Куль, Чок-Тал, Бостери, Каджы-Сай, Тамга. Основными туристическими объектами региона являются урочища Кок-Жайык, Сан-Таш, долины Кырчын, Арапшан, Жети-Огуз, водопад Барской, озеро Мерцбахера и другие.

Прииссыккулье богато культурно-историческими памятниками. Всего в области учтено несколько тысяч памятников истории и культуры. Среди них памятники каменного, бронзового и железного веков (стоянки, пещеры, наскальные рисунки, Саймалуу-Таш), каменные скульптуры, письмена древних тюрков, городища и поселения средневековья.

В целом регион имеет огромные возможности для развития индустрии туризма.

Концепция устойчивого развития эколого-экономической системы «Иссык-Куль» до 2020 года рассматривает развитие Иссык-Кульской области как экосистему в целом, при котором обеспечивается высокое качество окружающей среды, бурное развитие туризма, экономический рост и рост благосостояния населения.

Касаясь туристического потенциала области, можно со всей ответственностью отметить, что за последние годы значительно возрос объем инвестиций, вкладываемых в развитие туризма. К примеру, на строительство горно-лыжной базы «Каракол», расположенной в ущелье Кашка-Суу, вложено 5 млн. долларов США. Планируется строительство новой горно-лыжной базы в селе Кереге-Таш Ак-Суйского района со сметными расходами в 15 млн. долларов. Развитие туризма будет способствовать притоку туристов в наш чудесный регион. Он может заложить прочный фундамент туристической индустрии в нашей области.

На наш взгляд пришло время настоящего иссыккульского прорыва в развитии индустрии туризма, превращения нашего региона в Мекку международного туризма.

Литература

1. К.С. Бакиев Курс на обновление страны, Бишкек 2009 год.
2. К.С. Бакиев, Каждому кыргызстанцу- достойную жизнь! Бишкек 2008 год.
3. Концепция эколого-экономического развития Иссык-Кульской области до 2020 года.
4. Б Ш. Мусаходжоев «Экономика Кыргызской Республики» Бишкек 2000
5. «Экономическая политика социально-экономического развития Кыргызской Республики на долгосрочный период до 2025 г.» Том 1., Бишкек 2007
6. «Концепция социально-экономического развития Кыргызской Республики на период до 2015 г.», Бишкек 2008
8. Стратегия социально-экономического развития области на 2009-2011 годы.

Раздел III. Философские исследования

Философия, логика и методология науки

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОГЕНИИ

Баяндин Р.Б.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

1. Философские аргументы и предположения играют гораздо более важную роль в систематике филогении, чем обычно представляется. Филогения, как область биологии, занимающаяся реконструкцией генеалогических связей между видами, посредством моделирования событий, приводящих к распространению и разнообразию жизни, опирается на неочевидные посылки, эмпирическая проверка которых невозможна или чрезвычайно сложна. Можно выделить три основных темы дискуссий, которые явно демонстрируют связь между философией и филогенией. Во-первых, все методы основаны на предположениях, при этом важно, что методов несколько и они конкурируют между собой. Во-вторых, природа видов и ее трактовка зависит от общих философских представлений. В-третьих, содержание филогенетических доказательств и их трактовка в конечном счете ограничены. В каждой из этих областей систематика использует философские аргументы для обоснования концепций и методологических подходов. И внутри каждой этой области внимательно изучают эти аргументы и предлагают свои доводы. В наши дни дебаты вокруг этих тем только нарастают.

2. Систематика – одна из самых старых ветвей биологии, прослеживаемая к Аристотелю и древним грекам. Аристотель придерживался эссеенциалистического взгляда на виды как вечные и неизменные. Это типологическое представление о природе сохранилось многие столетия, и биологическая классификация через логическое подразделение (ноги есть/нет, кровь есть/нет) было доминантным признаком подхода. Линнеевская классификация была основана на аристотелевской традиции логической дилеммы и была формализована двуичленной системой таксономической спецификации, которая знакома всем биологам. Вдобавок, вплоть до начала девятнадцатого века, самой распространенной идеей природного порядка мира была Большая Цепь Существ или Scala Natura (Лестница Природы), непрерывная последовательность от наиболее примитивных организмов к самому продвинутому (человечество). Эта линейная последовательность жизни была внедрена в ранних идеях о прогрессивной структуре мира, которая движется к совершенству. Однако наблюдалась структура изменения в биологическом мире в итоге отклонила

гипотезы прогрессивного порядка. Дарвиновская эволюционная теория положила основу для отказа от существенного понятия видов, подчеркивая изменчивость, что требует существования естественного отбора. Акцент на изменчивости привел к отказу от Scala Natura и идеям о «естественном прогрессе». Дарвин также улучшил дисциплину систематики представлением, что классификация должна быть основана на генеалогических отношениях. В конце 19 – начале 20 веков, биологии под влиянием обширных исследований популяций и их изменчивости пришли к Современному Синтезу – объединению различных областей биологии, таких как палеонтология, систематика, и генетика. Построенное на дарвинистских принципах и новых эволюционных исследованиях, «популяционное мышление» Современного Синтеза позволило биологам подчеркнуть уникальность и изменчивость организмов и популяций. С этим изменением, казавшееся фундаментальным для биологии понятия типов было отвергнуто, что должно было глубоко затронуть дисциплину систематики. Конец 20 века засвидетельствовал несколько методологических революций в систематике. Сегодня, систематика тесно связана со многими другими областями биологии: результаты филогенетического анализа (филогенетические древа) позволяют биологам проверять точные гипотезы об эволюционных образцах и процессах.

Современная биология говорит нам, что есть единственное эволюционное дерево жизни для всех видов – по крайней мере, 1,7 миллиона видов, и это колеблющееся число все еще не отражает полное историческое разнообразие, потому что существуют окаменелости и существующие виды, еще не обнаруженные или не описанные. В самом простом виде концепция филогенетической систематики – это организация этого дерева жизни, или порядка биологической вариативности. Упорядочивающая система – это филогенетическое дерево, иерархическая система, которая группирует таксоны в соответствии с их относительно поздним общим предком, основанная на соответственных особенностях, полученных из сравнительных исследований фенотипических и генетических данных. Таким образом, задача систематика в связывании вместе видов через свидетельства общей родословной в филогенетическом дереве. Фактически все современные биологи согласны, что эволюция происходит, и результат этого – обширная засвидетельствованная биологическая вариативность вокруг нас. Это знание исторических филогенетических отношений необходимо для того, чтобы проверить эволюционные и экологические гипотезы. Однако остаются споры о том, какое значение у практики и методов систематики.

3. В рамках филогенетии после Современного Синтеза возникло несколько традиций, со своими методологическими принципами и подходами. Собственно основным пунктом их размежевания состоит в различии методов для умозаключений о филогении.

Один из них – это эволюционная таксономия, значительно укорененная в эволюционной дарвинистской теории. Методы эволюционной таксономии

опираются на основные эволюционные принципы, такие как естественный отбор, адаптация, гомология. Эти принципы, в соединении с обширными сравнительными исследованиями организмов, используются, чтобы оценить родственную важность и/или надежность черт организма для выведения генеалогических отношений и, в конечном счете, чтобы восстановить эволюционные отношения среди видов, основанных на тех чертах. Акцент на гетерогенных нормах развития среди групп и на причинно важных эволюционных новшествах приводит к постройке таксономических групп, основанных на комбинации новизны и общей родословной. Так эволюционная таксономическая классификация может отразить оба эволюционных ветвящихся образца и эволюционное неравенство между группами. Эволюционная таксономия была раскритикованна за нехватку явной методологии, субъективные суждения о филогенетической полезности данных, и эклектичный подход, который часто производил конкурирующие классификации для той же самой группы. Эволюционные таксономии изображались как чересчур спекулятивные и интуитивные, превышающие эмпирические данные, чтобы произвести авторитарные и нетестируемые представления филогении.

Две совсем других школы развивались в оппозиции эволюционной таксономии – нумерическая таксономия и кладистика. Около конца 50-ых некоторые ученые начали защищать подход к систематике, который использовал компьютерный, количественный методы. Эти ученые предложили явную и «более объективную» методологию для систематики, приводя к повышению числовой таксономии или «фенетики». Фенетика может быть рассмотрена как обратная реакция против какого было воспринято как субъективный и неповторимый метода эволюционной таксономии, объединенной с расцветом обращения информатики к различным биологическим дисциплинам. Фенетика утверждает, что эволюционная теория не должна вмешиваться в исследования классификации; объективность в систематике должна быть найдена через применение количественных методов «свободных от теории». Две основные цели числовой таксономии были «воспроизводимость» и «объективность». Классификации фенетики типично изображают группы, которые сгруппированы количественно на основании усредненного подобия (или дистанции) значений. Различия не проводятся между гомологией против негомологичного подобия, ни между примитивным против полученного подобия. Фенетика была предназначена прежде всего для классификации, не генеалогии (которую считали непознаваемой). Подход предназначался для создания самой эффективной «информационной системы хранения и поиска», или универсальной классификации организмов. Это было раскритиковано по многим причинам, включая факт, что «полное подобие» не является биологически значимым основанием для систематики.

Некоторые также утверждали бы что позиция антитеории фенетики сохраняется в различных формах в области сегодня. Вилли Хеннинг считал что такая таксономия должна отразить филогению, что генеалогические отноше-

ния среди видов должны быть основаны на «специальном подобии» или иметь общие полученные черты, и что эти отношения должны быть устроены в иерархической манере, чтобы отразить теорию спуска с модификацией. В отличие от эволюционной таксономии, филогенетическая систематика принимает только естественные таксономические группы – например, те группы, что составленные из наиболее позднего общего предка, включающие виды и всех их потомков. В отличие от фенетики, филогенетическая систематика укорененная в теоретическом принципе спуска с модификацией, включает биологическую оценку характеры, и использование дискретных полученных черт, а не значения полных подобий, чтобы диагностировать группы. Результат – кладограмма, изображающая отношения «сестринской группы», или относительную новизну общих предков среди групп. Важные различия между монофилетическими группами, парафилетическими группами, и полифилетическими группами – одно из наиболее значимых вкладов Хеннига. Только монофилетические группы можно считать «естественными» или «реальными» сущностями согласно Хеннигу, потому что только в этих группах схвачена генеалогическая история. В системе Хеннига, важное различие между гомологичным и негомологичным полученным подобием также должно быть проанализировано.

Два или более таксона могут иметь общее полученное подобие по одной из двух причин: либо это было приобретено через спуск от общего предка (гомология), или это было приобретено конвергентно (гомоплазия). Различие проявляется через филогенетический анализ – анализ наблюдаемых особенностей организмов относительно иерархии. Вклад работы Хеннига в систематике глубок. Действительно, вскоре после перевода книги Хеннига на английский язык, систематика пережила еще одну революцию с развитием кладистики. Среди кладистов выделяют две довольно различных группы. Первая – «кладисты образца» – утверждали, что сам кладистика не об эволюции, но только об образце родственных отношений среди таксонов как обозначенных распределениями черт. Некоторые систематики продолжают спорить, что кладистика является вне-эволюционной-теории методом классификации. Кладистика образца, или «преобразованная кладистика», выросла из скептицизма относительно способности систематиков реконструировать филогению, и из беспокойства о методологическом круге – другими словами, если систематики желают использовать филогенетические деревья, чтобы проверить гипотезы об эволюции, тогда они не должны использовать эволюционную теорию для постройки деревьев. Различие между наблюдаемым образцом и объяснительным процессом теории является главной в этих обсуждениях: экспланандум (в этом случае, это иерархия групп в пределах групп) и экспланас (в этом случае, филогения), не должны соединяться. Обозначенная независимость наблюдения и интерпретации и обращения к наблюдению как логически предшествующего для филогении, кажется, аргументируется с корнями в эмпиризме и идеалистической морфологии. В любом случай, со-

гласно кладистам образца, классификационные кладограммы – с таксонами, организованными в наборы в пределах наборов, основанных на экономном распределении данных черт – является всем, чего кладистика может требовать достигнуть.

4. Другой важной темой разногласий среди филогенетиков является философская проблема определения природы филогенетических свидетельств. Систематики пытаются оценить альтернативные филогенетические гипотезы для различных групп. У них есть только конечные результаты ветвящегося процесса – организмы и их особенности – которые можно наблюдать сегодня и использовать как свидетельство для того, чтобы сделать выводы о филогенетических отношениях среди таксонов. Особенности, которые определяют группы, предполагается должны быть гомологами. Поскольку отношение гомологии – ненаблюдаемы (то есть, потому что гомология идентифицируется как сложными выводами, а не простым наблюдением), формулировки черт, которые основаны на наблюдаемых общих чертах и различиях в фенотипических или генетических данных. Сегодня, те сравнительные наблюдения типично преобразовываются в числовые коды и вводятся в данные матрицы (характеры-таксоны). Оптимальный критерий (например, экономность, максимальная вероятность) используется, чтобы проанализировать эти данные матрицы, обычно при помощи компьютерной программы, и получить филогенетическую гипотезу.

Филогенетический анализ требует разложения организменного целого, чтобы вывести данные о чертах для филогенетического анализа. В результате предложить филогенетические черты совсем не просто – между прочим, систематик должен решить, является ли наблюдаемая особенность одним, двумя, или более черт, и является ли определенная черта надежным индикатором гомологии или возможно вводящей в заблуждение конвергенции. Большинство систематиков соглашаются что черты, способные указывать филогенетическую близость это не просто любые особенности, но только эволюционные гомологии. Хенниганская филогенетическая систематика также подчеркивала инициальный характер анализа черт как необходимый путеводитель к гомологии. Хенниг используемое множество критериев – детализированные сравнительные морфологические исследования, топологию, возможность соединения, онтогению, функциональную анатомию, геологическое предшествование в окаменелостях, и экологию – для идентификации, анализа и поляризации черт. Оценка качества черты и ее полезности была основана и на теоретических обоснованиях и на эмпирических исследованиях.

Фенетицисты считали такие суждения о чертах произвольными и субъективными. Сокал и Сниф подчеркнули что подходы к данным черт не должны быть основаны на биологической оценке, но должны быть объективным, явными, количественными, и повторимыми. Важно отметить что в этой концепции «объективности» и теоретическая зависимость, и качественные описания черт уменьшают «объективность». Существенно, фенетический подход

данным черт сводят черты к сырым наблюдениям, и этот некритический эмпиризм - один из факторов, который в конечном счете привел к упадку метода. Однако, повсеместность философии кажется не была полностью преодолена в современной систематике, и меньше всего для морфологических черт. Некоторые современные систематики как это ни парадоксально признают что никакое наблюдение без теорий не возможно, все же они отклоняют теоретические и эмпирические оценки черт в пользу предполагаемо строгого метода проверки – конгруэнция черт относительно иерархии. Оба подхода утверждают что биологическая оценка черт является нерелевантной и невозможной, и что любое наблюдение может быть чертой, и оба в конечном счете подчиняются конгруэнции под экономностью как единственным методом проверки гомологии.

6. В итоге нужно сказать, что хотя концептуальные и методологические диалоги в систематике кажется превратились в вечные дебаты, филогенетика благодаря ним в значительной степени продвинулась в понимании дерева жизни для многих групп, и систематика продолжает все больше интегрироваться с другими областями эволюционной биологии. Кроме того, область продолжает испытывать влияние многочисленных событий, от новых открытий, касающихся эволюционных механизмов наследования и развития, до широко распространенного использования компьютеров, которые могут проанализировать большое количество данных, и до новых методов извлечения и упорядочивания ДНК. Эти дебаты стали свидетельством постоянной борьбы за понятия объективности, зависимости от теории и контролируемости. Это было выражено в методологических дебатах между фенетицистами и эволюционными таксономистами, и в различных методологических точках зрения филогенетических кладистов против кладистов образца. В пределах дебатов о видах некоторые предлагают тезис, что вид – это наименьшая филогенетически распознаваемая единица, тогда как другие предполагают, что требуется гораздо больше.

Фенетицисты, в отличие от биологически погруженного подхода эволюционных систематиков, защищали анализ стольких черт, сколько было возможно «объективно» перевести в количественные единицы черт, Ранние кладисты отклонили принципы числовой таксономии, и все же фенетические тенденции в описании черт еще сохраняются. Проблемы «объективности» и ее связи с «контролируемостью» привели систематиков к критическому анализу, и потому они иногда отклоняют методы, зависящие от теорий или суждений. Однако попытки избежать теории и гипотетических суждений в филогенетике часто заходили в тупики, которые могут иллюстрировать что такое предотвращение не работает. Дебаты о чертах – превосходный пример этого – уверенность в свободных от теории наблюдениях значимых черт приводит к затруднительному положению бесчисленных, определенных пользователем способов очертить характеристики, и этот подход не в состоянии преодолеть субъективность. Действительно, в отсутствие причинного основания, наблю-

дения просто становятся более определительными и филогенетическими, но менее проверяемыми гипотезами. Напротив, можно согласиться, что более успешное соединение наблюдений с причинными механизмами может увеличить их объективность. Многие систематики и философы биологии отмечали, что влияние эволюционной теории до сих пор еще не полностью интегрировано в систематике. Одно из объяснений его неполной интеграции в том, что систематики все еще не в состоянии схватить различие между классификацией и систематизацией – то есть, различие между упорядочиванием вещей в классы на основе свойств и упорядочиванием вещей в системы на основе естественного процесса, через который их части связаны (например, де Кеиро 1988). Возможно есть и другая причина, которая может быть решена дальнейшими обсуждениями между философами и систематиками: теоретическое слияние и причинные рассмотрений в филогенетических исследованиях без принесения в жертву объективности или контролируемости, оказалось трудным. Плодородное основание для будущего обсуждения между систематиками и философами лежит в критической экспертизе того, что собственно означает быть объективным и научным в пределах эволюционного мировоззрения.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ФУНКЦИОНАЛИЗМА

Винник Д.В.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В современной философии проблему природы сознания обычно предполагают рассматривать с онтологической, а не с генетической точки зрения. Действительно, проблема зарождения сознания является настолько сложной в современной философии и науке, что многие создатели психофизических концепций старательно обходят ее, в стремлении избежать некоторых онтологических следствий. Данную проблему можно сформулировать в виде двух вопросов, на которые наука давно желает получить ответ.

- 1) Какие объекты обладают сознанием, а какие нет?
- 2) При каких условиях эволюции сложного объекта он приобретает такое свойство как сознание?

Если первый вопрос до некоторой степени разрешим эмпирически, то второй носит глубоко фундаментальный характер. В самом деле, еще некоторые античные философы, наблюдая за поведением живых существ, пришли к выводу, что одни из них обладают разумом, а другие – нет. Вследствие отсутствия устоявшихся критериев сознательного поведения в психологии и этологии, существует множество точек зрения, различным образом проводящих границу между теми, кто обладает и не обладает сознанием. Одни приписывают сознание только людям и высшим приматам, другие признают его

наличие у некоторых млекопитающих, трети допускают сознательность даже у насекомых или сообществ насекомых. Относительно же того, при каких условиях объект становится субъектом совсем немного — их всего две. Это панпсихизм и эмерджентизм. Все прочие генетические концепции сознания сводимы к этим двум. Панпсихизм часто неверно относят к концепциям идеалистического толка, в то время как он является продуктом материалистической философии.

Современная материалистическая теория генезиса сознания находится между Сциллой и Харибдой панпсихизма и эмерджентизма. Панпсихизм достаточно последователен и непротиворечив как сугубо спекулятивная метафизическая позиция. Эмерджентизм, в свою очередь, не является безупречной концепцией сознания — он содержит явные погрешности с точки зрения классической метафизики, однако с точки зрения эмпирической науки его преимущества перед панпсихизмом очевидны. Если он и не объясняет механизм зарождения сознания, то, по крайней мере, в самом общем виде описывает условия, при которых система обретает ментальные свойства. Есть основания считать, что прогресс кибернетики, нейрофизиологии и фундаментальной физики позволит эти условия конкретизировать и эмпирически обнаружить численные критерии систем, способных обладать ментальностью. Для выполнения этой задачи, судя по всему, потребуются совершенствование критериев оценки сложности систем, отличных от простой оценки количества элементов и спекуляций относительно связей между ними, на основе простой оценки комбинаций.

В современной философии сознания функционализм считается одной из самых прогрессивных форм материализма, в том числе потому, что предполагает модели появления ментальных свойств в сложных системах, что позволяет подкрепить эмерджентизм. Изначально, в версии создателя Х.Патнэма, функционализм понимался как концепция, безразличная к проблемам субстанциальных онтологий. Более, того, функционализм открыто декларировал принципы, согласно которым, применительно к природе сознания, характер субстанции не играет вообще никакой роли. Успех функционализма объясняется именно тем, что он был представлен в виде онтологии принципиально нового типа, а именно — онтологией отношений в противовес субстанциональной онтологии вещей или феноменалистской онтологии свойств. В самом деле, своим появлением функционализм обязан появлению первых вычислительных машин и нередко именуется вычислительной моделью сознания. Эта концепция основывается на двух тезисах. Первый тезис гласит о том, что сознание так же относится к мозгу, как компьютерная программа («софт») к самому компьютеру («железу»). Программа при этом понимается как универсальный вычислительный алгоритм (машина Тьюринга), а в качестве «железа» может выступать вообще все что угодно, что может быть хоть как-то использовано в качестве логической машины. Второй тезис является продолжением первого, но не менее любопытен. Он говорит о том, что про-

грамма безразлична к способу своей физической реализации, иными словами, не имеет совсем никакого значения, на какой машине она будет исполнена. Так же как отправителю и адресату передаваемой информации все равно, на каком носителе она будет передана (высечена на камне и послана бандеролью или отправлена модулированным радиосигналом), один и тот же алгоритм может быть выполнен на вычислительных машинах, созданных на разной элементной базе (шестерни, лампы, транзисторы, тепловые вентили, квантовые переключатели) и с разной архитектурой (последовательные, параллельные). Х. Патнэм, излагая этот тезис в популярном виде, заявил, что для понимания природы сознания вообще не важно, из чего мы сделаны, «хоть из швейцарского сыра», хотя, следует отметить, в качестве логических элементов миниатюрные пивные банки, соединенные веревочками, в качестве вычислительного механизма подошли бы гораздо лучше. Любопытными следствиями этого тезиса являются:

1) По своему происхождению вычислительные устройства могут быть как искусственными, так и естественными. Для работы вычислительного алгоритма, представленного в универсальном виде в виде машины Тьюринга, это не имеет никакого значения.

2) В принципе один и тот же универсальный алгоритм может успешно функционировать как на компьютере, так и в мозге. Сознание как алгоритм может быть перенесено с мозга на искусственную вычислительную машину, сопоставимую по мощности. Возможен и обратный процесс.

С точки зрения функционализма, вопрос об элементной базе вычислительного устройства не имеет ровно никакого значения. В принципе, в роли вычислительного устройства может работать любой природный объект, обладающий достаточным количеством логических элементов и связей между ними. Ничто не мешает нам допустить, что этими элементами могут быть любые материальные объекты на любом уровне организации материи. Вычислительная структура, состоящая из этих элементов, может охватывать различные микро и макроуровни физической реальности. Если мы допускаем, что уровни организации материи бесконечны как в направлении микро, так и в направлении мега-мира, из этого следует, что сознание может эмерджентно возникнуть в любом сегменте организации материи. Существует известная философская шутка, придуманная противниками функционализма, согласно которой вычислительная структура созданная из всех китайцев, обединенных телефонной связью будет обладать сознанием. Принимая эти допущения, мы приходим к картине реальности, достаточно близкой к панспицистской в своей эмпирической трактовке. По крайней мере, принимая тезис функционализма и тезис о бесконечности уровней организации материи, можно с равным успехом, подобно панспицистам, допускать наличие сознания у звезд и галактик. Мощность элементной базы звезд и галактик вполне сопоставимы с мощностью элементной базы головного мозга, если в качестве элементов считать отдельные нейроны. Любая звезда содержит миллиарды

конвекционных ячеек, объединенных в сложную структуру, а галактики содержат сотни миллиардов звезд. Между тем, сознание в рамках функциональной онтологии носит с необходимостью не сквозной, а скорее дисперсный характер. В этом смысле, применительно к проблеме генезиса сознания функционализм по-сущи является полноценным эмерджентизмом, однако при некоторых допущениях может привести к панпсихизму.

ТЕЗИС СУЩЕСТВОВАНИЯ И НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСТИНЫ: НАТУРАЛИЗАЦИЯ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ*

Головко Н.В.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Как правило, рассуждения о месте понятия «истина» в рамках той или иной концепции, которую так или иначе можно отнести к реалистской, затрагивают соотношение истины и тезиса независимости. Однако, на наш взгляд, достаточно серьезное влияние на интерпретацию понятия «истина» имеет тезис существования. С одной стороны, это обусловлено кажущейся прозрачностью аристотелевского и античного в целом представления об истинности – «истинно по природе вещей» (объективно, в следствии того, что так и есть). С другой – неясностью интерпретации истинности «по-А.Тарскому», как расковычивания. Несколько, вызванной в первую очередь тем, что интерпретация истинности «по-А.Тарскому» никак не затрагивает онтологический аспект того, о чем говорит теория, оставаясь лишь в рамках семантической трактовки истинности. Конечно, можно согласиться с тем, что единственным достоверным существованием обладает объект, который, в первую очередь, семантически определен. Но, в целом, метафизический дискурс не обязан отвечать «надеждам» семантического, какими бы привлекательными, сточки зрения логической строгости, не выглядели построения сторонников лингвистического поворота.

* Работа поддержана грантами Программы грантов Президента РФ, проект МК-159.2008.6, «Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: понятие намеренной интерпретации языка научной теории в натурализованной семантике», РГНФ, проект № 08-03-00397, «Формализация истины и реализм теоретического знания» и Федеральной целевой программой «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 годы (мероприятие 1.4. Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров путем выполнения научных исследований молодыми учеными и преподавателями в научно-образовательных центрах).

Рассмотрим пример, который приводит Р. Карнап [Карнап 1971]. Рассмотрим группу ученых, которая исследует химическое строение данного вещества. Пользуясь принятymi в данном сообществе в данное время методами исследования, они приходят к выводу, что это кислота. Очевидно, что как бы ни были достоверны методы исследования, абсолютной уверенности в том, что это кислота быть не может. Тем не менее, мы согласны с тем, что на определенном этапе мы примем убеждение, с определенной вероятностью, что это кислота, т.е. условия утверждаемости для утверждения S_1 =«вещество X – это кислота» будут выполнены. Как отмечает Р. Карнап, если S_1 подтверждено в достаточной степени, то другое утверждение S_2 =«“вещество X – это кислота” истинно» также будет подтверждено. Ничто не запрещает нам применить в данном случае свойство раскавычивания, интерпретируя истину по А. Тарскому [Field 1972]. Отсюда он делает вывод, что «истинно» и «истина» эквивалентны при условии, что выполняются условия утверждаемости. Истина утверждения подтверждается не в большей и не в меньшей степени, чем требуют условия утверждаемости. Дополнительных аргументов в пользу истинности утверждения не требуется, а значит, мы просто можем говорить о достоверном процессе, который подтверждает условия утверждаемости. Очевидно, что достоверность метода не абсолютна, т.е. если метод достоверен, то это не значит, что убеждение, производимое им, будет истинным. Отсюда Р. Карнап делает интересный вывод. В том случае, если мы согласны, что мы не можем принять утверждение как истинное пока не докажем, что оно не может быть ложным, то истинность, тем не менее, все равно можно рассматривать как абсолютную величину, как значимое свойство утверждения, даже несмотря на возможность того, что утверждение может быть ложным. Еще раз, Р. Карнап утверждает, что даже в том случае, если мы признаем, что наши методы исследования несовершены, у нас нет основания отказываться от истины, конечно, если мы принимаем семантическое представление об истине, как о раскавычивании. Таким образом, даже в аналитической традиции представление об объективности, в данном случае об истинности, можно было связать с представление об утверждаемости, не смешивая эти два понятия. Что может предложить натурализация?

Корреспондентная теория предполагает, что реальность действительно ответственна за истинностные значения предложения, однако, *тезис существования из нее не следует*. В то же время, среди наиболее часто упоминаемых свойств, которыми должно обладать приемлемое представление об истине, называют, интерсубъективность, эпистемическую независимость, бивалентность (Д. Армстронг, М. Даммитт, Х. Корнблит, И. Нининилуто, Б. Тэйлор, К. Райт и др.). Наибольшее внимание, как правило, естественно, вызывает вопрос эпистемической независимости истины, т.е. именно тезис о том, что условия истинности и условия утверждаемости должны быть независимыми. Очевидно, натурализованное понимание тезиса эпистемической независимости истины требуют, по крайней мере, необходимости корреляции между

тезисом независимости и свойством эпистемической независимости. В определенном смысле, мы, в той или иной мере, должны заменить объективность на определенного рода интерсубъективность. Основное ограничение здесь – препятствие конструктивизму: мы можем перейти к представлению об истине *a-la* рациональная приемлемость по Х. Патнэму, но не можем черезсчур радикально трансформировать тезис независимости, реальность должна, в каком-то смысле, оставаться объективной.

Рассмотрим решение проблемы объективности, которое предлагает Б. Тэйлор: «Реализм утверждает, что объекты определенного вида *K* существуют объективно, в том смысле, что объективность существования каким-то образом объясняется в терминах интерсубъективности» [Taylor 2006: 18]. Показательно дальнейшее развитие темы интерсубъективности. Предполагается, что объект существует объективно тогда и только тогда, когда он существует и его существование является в принципе «доступным (accessible) более чем одному возможному наблюдателю» [Taylor 2006: 19]. Отметим, что данное представление уже достаточно далеко от стандартного для сторонников лингвистического поворота представления, что существование «определяется истинностью теории (предложения)». Более того, предполагается, что возможного наблюдателя (possible observer) можно заменить на эпистемическую точку зрения (epistemic standpoint). По определению, эпистемическая точка зрения находится в некоторой комплексной связи с окружающим миром (сравним с патнэмовским представлением о рациональной приемлемости) и является основанием для обоснования наших убеждений относительно него. Отметим, что понятие «эпистемической точки зрения», в данном случае, является методологическим, а не аксиологическим: относительно нее мы определяем рациональность принятого убеждения, но не истинность. Конечно, этот шаг, – привязка объективности, через интерсубъективность, к эпистемическим точкам зрения, – нельзя назвать достойным реализма, фактически это кантовский разговор о трансцендентальном, переведенный на новый лад, но есть одно преимущество. Обращение к эпистемическим точкам зрения дает возможность оценить степень объективности, например, соотнося объекты доступные эпистемическим точкам зрения Бога, человека и зеленых марсиан. Естественно, для тех, кто априорно допускает абсолютный приоритет собственно логики и логических построений перед натурализованными, возможно, это не аргумент. Тем не менее, объективность как подтверждаемость с позиции одной эпистемической точки зрения можно рассматривать как некоторую минимальную объективность. В общем же случае, степень объективности (понимаемая именно таким образом) может изменяться в зависимости от того, сколько возможных типов эпистемических точек зрения способны обоснованно утверждать существование объекта.

Что дает такое представление об объективности? О чём может идти речь, когда мы говорим о различных *типах* эпистемических точек зрения? На наш взгляд, речь идет о различных основаниях, которые являются достаточными

для того, чтобы сформулировать определенные онтологические допущений. Вспомним исходную проблемную ситуацию, как связаны представления, в одном из которых «масса» обозначает механическую массу, а в другом – релятивистскую массу [Field 1972]? Отметим, что в разных эпистемических точках зрения эти онтологически допущения могут быть разными. Другой, менее искусственный, пример различных эпистемических точек зрения – эмпирически эквивалентные теории [Laudan 1996]. Альтернативы T и T' будут описывать *различные* причинные структуры и постулировать различные ненаблюдаемые объекты, соответствующие анализируемому явлению.

Исходный вопрос заключается в следующем, что делает адекватным условие истинности или что можно считать свидетельством в пользу истинности условий истинности? Вне натурализованной перспективы, по-видимому, мы будем вынуждены остаться в рамках приведенной выше точки зрения Р. Карнапа. В рамках натурализованной перспективы ситуация интересней. Поскольку, натурализация переводит семантические и эпистемологические вопросы в методологические, то исходный вопрос можно трактовать как вопрос о *достоверности* методологии, которую мы используем. В рамках самой натурализованной перспективы было предложено несколько подходов к анализу этого вопроса, наиболее общий – релабелизм (Р. Бойд, А. Голдман, Д. Папино и др.), один из наиболее оригинальных – «Канон» Л. Лаудана. Мы предлагаем использовать для этих целей представление об иерархии объективности по Б. Тэйлору. Каждая методология фиксирует локальную объективность, причем степень объективности можно усилить, если обосновать связь с другими локальными объективностями, другим методологиями.

Отметим также, что подобное представление, в частности, дает возможность справиться с проблемой, с которой Л. Лаудан, по большому счету, так и не справился. Следуя Л. Лаудану [1996: 162], смена цели исследования рациональна и обоснована, только в том случае, если новая цель сохраняет канонические достижения науки, по-новому описывая их в новых условиях. Как минимум возможны два варианта, относительно того, как представить соотношение старой и новой ценностей. Условно, они могут быть из одной области, могут быть совместимы, а могут быть независимы, в том смысле, что зафиксированные «канонические достижения» полностью независимы от новой цели. В первом случае, смена цели может служить, например, отражением представления об увеличении правдоподобия. В последнем случае, Л. Лаудан, для того, чтобы сохранить само представление о «Каноне», будет вынужден, например, признать, что необходимо рассматривать два вида целей, условно, ядерные и периферийные, причем ядерные изменить нельзя. Тем самым, его можно отнести к лагерю тех, кто постулирует четкую границу между внутренними и внешними, между первичными и вторичными ценностями [Rosenberg 1990]. Примечательно, что сам Л. Лаудан так и не дает окончательного ответа на вопрос относительно конкретного характера смены ценностей, ограничиваясь только комментарием, что «хотя старые стандарты

и привели к известным каноническим достижениям, их реальную роль в получении этих достижений, в настоящий момент, проследить достаточно сложно» [Laudan 1996: 146].

С точки зрения представления об иерархиях объективности, мы можем рассматривать различные цели, принадлежащими различным локальным методологиям, тем самым, побеждает та цель, чья локальная методология получает больше подкрепление в смысле приведенных соображений об объективности. Причем идею Л. Лаудана о том, что новая методология, которая воспринимается как более объективная, должна сохранять «канонические достижения», можно оставить и здесь. В частности, именно в этом смысле можно проинтерпретировать идею о том, что от того, что Землю перестали считать плоской, что в свое время считалось хорошо обоснованным, рациональным научным фактом, сама Земля не изменилась. Современные представления, также как и классические средневековые, можно интерпретировать как различные локальные методологии, а Землю, как «канонический объект» исследования. В определенном смысле, сохранение «Канона» Л. Лаудана будет соответствовать ответу на вопрос, что ограничивает или что обеспечивает связность или сходимость различных локальных методологий, применительно к одной области исследований, т.е., так или иначе будет затрагивать постановку и экспликацию тезиса существования.

На наш взгляд, в какой бы традиции (классической, аналитической, феноменологической и т.д.) не ставился тезис существования, его интерпретация всегда затрагивает серьезный для любой доктрины тезис об интерпретации истинности. В данном случае преимущество натуралистической перспективы очевидно – поскольку независимость истины, например, от общей семантической (как в аналитической традиции) или эпистемологической (как в феноменологической традиции) установки постулируется, то, в общем случае, у нас нет необходимости апеллировать к тезису независимости. Достаточно зафиксировать тезис существования, а тезису независимости отвести интерпретации принятого достоверного процесса получения знания.

Литература

Карнап Р. *Философские основания физики*. М.: Прогресс, 1971.

Field H. Tarski's Theory of Truth // *Journal of Philosophy*. 1972. Vol. 69. P. 347–375.

Laudan L. *Beyond Positivism and Relativism: Theory, Method and Evidence*. Boulder: Westview Press, 1996.

Rosenberg A. Normative Naturalism and the Role of Philosophy // *Philosophy of Science*. 1990. Vol. 57. P. 34–43.

Taylor B. *Models, Truth, and Realism*. Oxford University Press, 2006,

НЕАКТУАЛИЗИРОВАННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ КАК НОВЫЙ АРГУМЕНТ ПРОТИВ НАУЧНОГО РЕАЛИЗМА

Ходяков Д.С.

Новосибирский государственный университет

Реализм, как направление в философии, постулирующее существование независимой от субъекта реальности, разделяется большинством людей с позиции здравого смысла (так называемый наивный реализм). Реализма относительно объектов наших научных теорий, т.е так называемого научного реализма, в свою очередь, придерживаются не только многие учёные, но также и часть философов науки.

Основное положение научного реализма кратко можно сформулировать следующим образом: успешность наших лучших научных теорий может объяснена только тем, что эти теории либо истинны, т.е. описывают объекты и отношения между ними именно так, каковы они есть на самом деле (в реальности), либо они истинны приблизительно (хотя и с высокой вероятностью).

Двумя основными возражениями антиреалистов против собственно реализма являются так называемые:

- а) проблема недоопределённости теории данными;
- б) проблема пессимистической индукции.

Проблему недоопределённости удачно обозначил Ричард Бойд в своей работе [1]. Суть проблемы заключается в том, что у нас могут быть две теории, T и T' , одинаково хорошо описывающие некую совокупность эмпирических фактов, причём выбрать из этих двух теорий одну только с помощью эксперимента принципиально невозможно - обе теории одинаково хорошо и подтверждаются, и опровергаются. Обычным ответом защитников научного реализма на это является указание на то обстоятельство, что теории - обычно - рассматриваются не сами по себе, а в совокупности с некоторыми вспомогательными допущениями, $T\&A$. Конечно, можно расширить проблему недоопределённости, и говорить о том, что недоопределённой является теория вместе с вспомогательными допущениями. В любом случае, с помощью перебора всех возможных вспомогательных гипотез, мы - по крайней мере в принципе - можем различить теории.

Вторая проблема - проблема пессимистической индукции - говорит о том, что поскольку наши теории в прошлом оказывались ошибочными (стоит вспомнить флогистон, или же теплород, например), то мы не можем быть уверенными в истинности современных теорий. На это также можно ответить как минимум указав на некорректность сравнения теорий времён зарождения современной науки как таковой, и современных нам.

Кайл Стэнфорд в своей работе [2] предлагает "новую индукцию в истории науки". По его мнению, это новый аргумент против научного реализма. Основная проблема, как говорит К. Стэнфорд, состоит не в том, что наши теории оказывались в прошлом ложными, или что они могут быть недоопределёнными.

лены данными, а в том, что можно просто указать на возможность существования альтернативной теории. И у нас нет никаких оснований считать, что "неактуализированные альтернативы" не будут хуже современных теорий.

Таким образом, в отличии от проблемы недоопределённости и проблемы пессимистической индукции, проблема неактуализированных альтернатив требует показать отсутствие возможных альтернатив для теории в принципе. Возникает вопрос: является ли в настоящее время проблема неактуализированных альтернатив наиболее серьёзным возражением против научного реализма?

Литература

1. R. Boyd, The Current Status of Scientific Realism, *Scientific realism*. Ed by J. Leplin. - Berkeley: Univ. of California Press, (1984)
2. Kyle P. Stanford, *Exceeding our grasp: Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives*, Oxford University Press, (2006)

КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Савченко А.С.

Омский государственный педагогический университет

С английского языка *cognitive* – познавательный. Когнитивизм – это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны, т.е. в общем смысле слова это наука о знании и познании. Предметом изучения когнитивной науки является устройство и функционирование человеческих знаний. Процессы, связанные со знанием и информацией, называются когнитивными. Согласно когнитивизму, человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека – описываться и объясняться в терминах его внутренних состояний. Эти состояния физически проявлены, наблюдаются и интерпретируются как получение, переработка, хранение информации для рационального решения задач. Поскольку решение этих задач непосредственно связано с использованием языка, вполне естественно, что язык оказался в центре внимания когнитивистов. В результате их деятельности создаётся система смыслов, относящихся к тому, что индивид знает, думает о мире.

Выявить когнитивность языковых моделей (имеются ввиду модели речевой деятельности, лингвистического исследования и метамодели) – это, прежде всего, указать роль языка в познании нами действительности, а также каким образом язык участвует в познании мира. В этом смысле язык очень тесно связан с мышлением. Наиболее общим свойством когнитивных моде-

лей считается её функция отражения. Она подчёркивает, что под когнитивной моделью понимают отображение фактов, вещей и отношений определённой области знаний в виде простой, наглядной структуры этой области или другой области. Когнитивные модели воспроизводят структуру объекта исследования и рассматриваются как отображение объекта познания. Когнитивные языковые модели, которые в первую очередь формируются в мыслях, в конечном счете, воплощаются в материальных средствах (знаках и других языковых конструкций). Как отображение объекта познания языковые модели представляют субъекту познания основные свойства и качества познаваемого объекта.

Модель, которая служит средством познания, должна иметь аналогию с объектом познания. Здесь наша задача заключается в том, чтобы находить подобие в вещах материального мира и осуществлять на этой основе процесс моделирования языка. В итоге созданная нами модель будет отражать реальный мир со всех его познаваемых сторон. Модели служат средством познания недоступных непосредственному отражению в сознании человека свойств и качеств вещей.

Рассмотрим когнитивность на конкретной модели – модели речевой деятельности. Звучание играет большую познавательную роль. Благодаря звучанию объективируется мысль, делается возможным обмен мыслями между людьми, т.е. здесь проявляется одна из основных функций языка – коммуникативная функция. Звучание органически связано со значением, составляющим внутреннюю сторону слова. Так же в когнитивном контексте модели речевой деятельности нужно остановиться на функции звучания слова «обозначать» – служить наименованием. Известно, что идентификация вещей и предметов, наделение людей собственными именами не возможны без названия, т.е. без слов, а именно слова играют главную роль в речевой деятельности. Происходит постоянный и непрерывный процесс обмена информации, с помощью слов фиксируются полученные данные об окружающем мире и действительности. Модели языка предстают перед субъектом познания и в виде знака, и в виде сигнала, выполняя, таким образом, функцию этих средств познания. Познание мира в человеческом сознании – сложный процесс. Глубокое познание действительности немыслимо без абстрагирования и обобщения его всеобщих признаков. В этих процессах (абстрагирование и обобщение) проявляется особая роль слова и языка.

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ И РУССКИЙ КОСМИЗМ

Скачков А.С.

Омский государственный технический университет

Разрабатывая идеи философии техники, следует отдавать отчёт в том, что это философские идеи, подпитывающиеся, как показал А.Н. Чанышев, из парапафилософии. Эти идеи не следует растворять в последней: в мифе, религии, искусстве, науке. Несколько суживая, говорил об этом и Б. Рассел: философские пути проходят на «Ничейной Земле» «между теологией и наукой». И прокладываются они конкретными лицами, неизбежно переживающими мировоззренческие бифуркции вхождения в смыслы всеобщего: не предзаданные по конкретности итога, но предзаданные в спектре итогов. В связи с чем используем как эвристику замечание В.И. Вернадского в § 75 «Научной мысли...»: «Как религий, так и философий, поэтических и художественных выражений, здравых смыслов, традиций, этических норм очень много, может быть ... столько же ... сколько и отдельных личностей, а беря общее – сколько их типов». Вскрыть типовое, значит, соотнести личностное философское «понимание реальности» (суть всеобщего в отношении человек – мир) с «небольшим числом основных типов» такого понимания (В.И. Вернадский. Указ. соч., § 81). И мы должны уметь находиться в такой подпитке внефилософскими смыслами, когда они выступают катализатором эффективного использования энергии мировой культуры для разработки идей о мире в целом, нашем месте и возможностях в нём.

Вслед за Н.Ф. Фёдоровым, можно спросить: ведёт ли какой-либо конкретный путь философской мысли к повышению мощи человеческого рода, ведёт ли к жизни? По-иному: в философском синтезе, в использовании энергии мировой культуры накапливаем ли мы, приращиваем ли на конкретном пути эту энергию, или рассеиваем? Некоторые скажут: если философия отмечена религиозным вдохновением или волей к научным достижениям, то скорее будет 1-ое, нежели 2-ое. Это так, но почему? И здесь на ум могут прийти схемы: в мышлении, жизни, действительности происходят как «диалектические снятия», так и снятия иного рода. Первые в ходе общественной жизни в принципе усиливают её мощь, противоположные ослабляют, а то и вовсе сводят на нет. Как это связано с людьми? Как показал Л.Н. Гумилёв, люди в истории постоянно демонстрируют борьбу жизнеутверждающего (порождающего) и жизнеотрицающего (перерождающего) мировоззрений. Весь набор мировоззрений распадается на 2-а типа. Это фрактально воспроизводится в рамках каждой конкретной мировоззренческой формы, напр., религии, со-обществе сторонников одной парадигмы, научно-исследовательской программы и т.п. и т.д. Почему? Почему у Ф. Энгельса «высший цвет материи» в виде человечества должен «с железной необходимостью» погибнуть, а у К. Маркса в «Философско-экономических рукописях 1844 г.» речь шла о том,

что есть некое «круговое движение, которое чувственно-наглядным образом дано в... бесконечном прогрессе, – круговое движение, в силу которого... субъектом всегда остаётся человек»? Почему «философ техники» О. Шпенглер разделял возврзения Ф. Ницше, согласно которым человечеству предписано: «Разумные животные должны ... погибнуть»? Спросим: повышает ли разработанная философская позиция, содержащая в качестве аксиомы или логически правильного вывода утверждение о неизбежности гибели человечества, вероятность гибели? И если в повести «Вне Земли» (1896 г.) К.Э. Циolkовский писал – «человечество бессмертно», то подобного рода работы, содержащиеся в них знания, увеличивают ли вероятность избежания гибели? Ответить можно по-разному. В любом случае, как показал В.А. Лефевр, человеческий род представлен носителями 2-х этических систем. Соотнося его же размышления над видами рефлексии, обусловленными названными типами, с термодинамическим видением перетоков энергии, вещества, информации в мире, нельзя не заметить, что «есть два пути: путь жизни и путь смерти, и разница между ними большая». Философия техники в этом смысле – нерв восприятия поляризации «путей». Через неё виднее гибельность технотронных проектов глобального будущего. Такого будущего, которое В.П. Казначеев назвал «кибернетическим адом», а А.А. Зиновьев «человейником». Так стоит ли вслед за В.А. Кутырёвым упрекать русских космистов в том, что «теория ноосферы – последнее слово философии техники»? Ведь философия техники в её разработке в соответствие с присущей ей ноосферной «субъектной сосредоточенностью» (Н.Ф. Фёдорова, В.И. Вернадского, Н.А. Бердяева, о.П.Флоренского), а не в соответствие с некоторыми блужданиями К.Э. Циolkовского, есть действенный инструмент против гибели. В ней есть по сути прививка от реальной болезни «когнитологической энтропией» (термин В.П. Визгина), шире – «общественной энтропией», напр., от общественно-гетеротрофного крена развития глобальной социотехнической системы. Её в целом органопроективные и гуманистически ориентированные идеи способны блокировать омницидальные тренды развития. Философия техники в таком виде ориентированна на разработку негэнтропийной подоплёки подлинно человеческого отношения человека к миру. Именно в ней возможен осмысленный разговор о необходимости различать среди орудий труда и технологий те, что есть «усилители мощности», и те, что таковыми не являются. Именно в ней вслед за С.А. Подолинским мы можем и должны различать «труд», не уменьшающий шансы гибели, и собственно Труд. Более того, именно она показывает то, что в наибольшей степени грозит гибелью. Ведь если отследить размышления космистов над развитием способов междусубъектной взаимосвязи и взаимообусловленности, то будет видно: «психофизический» подтекст кибернетико-информационных технологий был им ясен и в энтропийном, и в негэнтропийном следствиях. Значит, философия техники должна ввести в сферу рефлексии весь спектр «психофизического» в его наиметившемся технико-технологическом выражении, тем более, что деструк-

тивные процессы в России, фиксируемые, напр., образом «русского креста» имеют названную природу и есть следствие и продолжение информационного противоборства, способного разрушать и декларативно «нерушимые союзы».

СИМВОЛЫ ФЛОРЫ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Гольский И.А.

Омский государственный педагогический университет

Знаки, значения, смыслы, символы, интерпретации... Некогда мы бы сказали, что это удел аксиологически индифферентной семиотики, рассматривавшей все и вся как бюрократический документ, но сегодня все чаще звучит мнение, что наличие знаков и значений – фундаментальная особенность живых систем, включая разумные и неразумные организации. Ныне информационно-знаковые процессы рассматриваются как исконная, базовая система феноменов жизни, требующая нового понимания.

Раньше применяли естественно-научные методы в культурологическом знании, рассматривали культуру как живой организм и искали в ней то, что характерно для всех живых организмов, например, стадии развития, «возрасты». Сейчас же коммуникацию и язык, знаки и значения – то, что изучалось в филологии, рассматривают как универсальные понятия, характеризующие основы всех живых систем, как базовую систему феноменов жизни. Появляются концепции вычисления ценностей и определения смыслов в информационных системах.

Современная семиотика – это уже синтез гуманитарных, биологических и технических знаний, включающий в себя как анализ феноменов жизни, разума и культуры, так и концепции и разработки систем искусственного интеллекта. В последней трети XX века на пересечении семиотики и биологии возникли достаточно самостоятельные и относительно замкнутые области междисциплинарных исследований – биосемиотика и биогерменевтика, занимающиеся изучением свойственных организмам знаковых систем. Представители данных областей исследований настаивают, что «ботаничность» – изначальное свойство человеческого сознания. Они предлагают вновь обратить внимание на интересную особенность, заинтересовавшую психологов еще на рубеже XIX-XX веков: на определенном этапе развития детской психики в рисунках преобладает образ дерева. По тому, как человек рисует дерево, специалисты могут составить представление о преобладании тех или иных личностных качеств в человеке. Методика такой интерпретации детально была разработана Дж. Буком, Р. Берне и другими психологами. Так по К. Коху – корни дерева в тестовом рисунке связаны с коллективным и бес-

сознательным, ствол – с импульсами и инстинктами, ветви – с пассивностью или противостоянием жизни.

С точки зрения психологии, человек подобен дереву. К.Г. Юнг выразил это следующим образом: «У деревьев есть индивидуальность. Вот почему дерево часто выступает синонимом личности... Старый могучий дуб – что-то вроде лесного короля. Среди содержаний бессознательного – он центральная фигура, которая отличается наиболее ярко выраженными личностными чертами. Это прототип самости, символ истока и цели индивидуального процесса. Дуб знаменует собой еще бессознательное ядро личности».

Применительно к человеку дерево не только символизирует его собственную структуру, но и отражает важнейшие аспекты его жизни: саму жизнь и бессмертие, сопричастность добру и злу, плату за знание. Тема мирового древа присутствует во многих жанрах изобразительного искусства и архитектуры, начиная с эпохи бронзы и по сей день, и олицетворяет противостояние организующих сил космоса хаосу.

Для традиционного мировоззрения древних характерно символическое сближение, или даже отождествление Древа жизни и Книги жизни. Листья дерева и буквы книги рассматриваются при этом как аналогичные универсалии, космические символы, строительные камни мироздания. Наиболее характерным примером этому может служить «древесный» алфавит кельтских народов – огам, в котором каждый из знаков носил имя одного из деревьев, имел с ним символическую связь, а сама надпись напоминала дерево. В этом плане вспоминается образ книги как засеянного поля: борозды – строки, семена – буквы, сеяние – писание, сбор урожая – чтение и понимание книги. С образами букв и письменности связаны название дерева бук, русское слово «буква» и английское «book» (книга).

В научном знании также немало производных от мирового древа: есть древа генеалогические и алхимические, а также древа любви, души, жизненного пути, которые впоследствии вошли в изобразительные средства различных наук, особенно – биологической систематики.

Символы флоры дают возможность соединения рационального и эмоционального, теоретического и образного в структуре научного знания. Присутствуя в философском познании в виде универсальных образов, метафор, символы флоры содействуют обретению культурного контекста процессу познания. Культурные смыслы и познавательные свойства универсальных символов флоры способствуют антропоморфизации научного текста, делают его соразмерным человеку – открытым для понимания. В этом плане сошлись на авторитетную мысль специалиста по теории познания И.Т. Касавина: «Познавательный процесс не означает развития абстрактно-понятийного содержания за счет сворачивания чувственно-образного... Функция познания состоит в накладывании на мир сети обозначений – научных формул, нравственных норм, художественных образов, магических символов», которые упорядочивают бытие человека в мире, структурируют его душевный и духов-

ный мир и обеспечивают тем самым возможность деятельности и общения» [Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии].

Стремясь наиболее обобщенно фиксировать свойства и интерпретировать явления окружающего мира, добиться лаконичности информации, ее «свертки», наши предки сохраняли свои знания весьма многообразными способами – как изображая формы, так и изобретая символы. Наиболее универсальными формами функциональных символов, зародившихся еще в мифе и перешедших в массив общегуманитарного знания и философии, являются символы флоры – дерево, ветвь, куст, росток, цветок, трава, гриб, зерно, ягода. Как ни странно, но именно с этими символами связана европейская традиция антропологической представленности.

Сакрализация растений связана с земледелием, а оно зародилось позже скотоводства, соответственно – «ботанические» мифологемы» появляются позже «зоологических», что определяет их иерархичность и этапность в становлении человеческой культуры. Более ранние по своему происхождению, зооморфные символы отражают неподлинное бытие человека. В образах животных фиксируется ущербность человеческой сущности: с одной стороны – стремление к подражанию повадкам, силе и мудрости животных, с другой – концентрация пороков, присущих человеку как животному.

В растительных символах сосредотачивается идеальное представление о подлинно человеческой сущности. Человек, мужчина понимался древними как антропоморфное воплощение Вселенной, микрокосм, следовательно, как существо, занимающее вертикальное положение, направленное к Небу, приравнивался к Мировому дереву – также символу Вселенной, представителю класса растений, в отличие от горизонтального положения многих животных, воплощавшего все земное, тленное и злое. Данная мифологическая картина мира отчетливо явлена в поклонении язычников культовых столбам, шестам и бабам, олицетворявшим к тому же и творящую фаллическую силу.

В научном знании символ флоры представлен не только как подобие реального растения, но также и символически, достаточно абстрактно, выполняя в какой-то степени функцию символически-понятийного, «философского» компонента.

История философии в новом интеллектуальном контексте

СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ: АНТИЧНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

Деревянченко Ю.И.

Омский государственный педагогический университет

В античности государство воспринималось как необходимое условие реализации сущности человека. Идущая от Сократа высокая оценка знания и разума порождали идею о том, что государство есть необходимая форма разумной жизни. Аристотелевское определение человека как «политического животного» вполне отчётливо демонстрирует, чем человек отличается от остальных животных – «полисностью». Однако на закате античной эпохи появляется новая социальная организация, претендующая на реализацию человеческой природы – церковь. Возникшее противостояние «государство-церковь», становится узловым на ближайшие столетия не только для общественных отношений, породив борьбу пап и светских государей, но и для восприятия мира. Столкновение двух социальных организаций было обусловлено не только несовпадением политических интересов, но, прежде всего, различием предлагаемых механизмов социальной универсализации человека.

Античное мышление воспринимает мир жёстко дихотомично: либо государство, в котором разумное начало может быть воплощено в большей или меньшей степени, либо варварство. Социальный порядок предстает отражением космической гармонии. Очевидная для греков условность государственных установлений не является основанием для того, чтобы подвергать сомнению существующие законы. Божественная справедливость выражается людьми в законах в большей или меньшей степени, но никак иначе божественные законы не могут быть выражены. Законы – социальная форма осуществления справедливости. Поэтому выступая против законов, человек выступает против справедливости. Сократ отказываясь от побега объясняет, что законы несовершенны, то нужно «делать то, что велит Государство и Отечество, или же стараться вразумлять, когда этого требует справедливость...» [1]. Логоцентричный подход, свойственный греческой мысли, приводит к мысли о необходимости универсальных социально-политических принципов, на основе которых должна строиться общественная жизнь.

Римляне трансформируют полисное мировоззрение в Pax Romana. Преодолев родовую ограниченность полиса, имперская идея вбирает в себя его культурные претензии. Империя отождествляется с культурой и порядком, за пределами империи – варварство и хаос. Критерием полноценности человека полагается культура, а не национальность как у греков. Стремительная вар-

варизация Рима демонстрирует универсализм и открытость имперской идеи. Гражданство получают не только народы, включённые в состав империи, согласно эдикту Каракаллы стать римским гражданином мог даже иностранец. Универсализм не был результатом проявления толерантности в современном смысле слова, он был имманентен Римской империи, которая всегда рассматривалась как всемирное государство. Поэтому христианство, *выделяющее своих последователей*, представляет разрушительную силу для римской империи.

Однако христианство выступало антагонистом не только империи, но и государства вообще. Государство в раннехристианском дискурсе выступает квинтэссенцией земной/ греховной жизни. Последователи Христа демонстративно дистанцируются от участия в государственной жизни. Обвинение в поджоге Рима, выдвинутое в адрес христиан во времена Нерона вряд ли конечно было обоснованным, но оно весьма показательно как общественная оценка их позиции Цельс, рассуждая об отказе христиан совершать принятые религиозные ритуалы, пишет: «Это - голос мятежа, (исходящий от людей), которые отгородились стеной и оторвались от прочих людей» [2].

Резко негативное отношение с которым государство и общество воспринимают христианство (в римской истории известны и случаи христианских погромов), было вызвано не конфессиональными противоречиями - языческое мировоззрение в целом весьма терпимо относится к чужим религиям, а социально-мировоззренческими. Христианство в римской юридической классификации относилось не к религии, а суеверию наряду с астрологией, магией, гаданиями. Суеверием в Риме назывались духовные практики подразумевающие, по словам В.В Болотова, «прежде всего спасение отдельного человека, пытавшегося порвать прежде всего с общностью *nomem Romanum* для того, чтобы обеспечить себе и потомству предосудительное спасение» [3] поэтому суеверие рассматривалось как поиск путей, противоречивших основной идеи легитимирующей античное государство – достижению общественного блага. Христианство по своим масштабам превосходило все с чем сталкивалась до сих пор в этом отношении Римская империя, поэтому Плиний характеризует христианство как «безмерное уродливое суеверие» [4].

Подобное отношение к земному обществу и государственным институтам вытекало из духа раннего христианства. Первоначальное христианство – это христианство «ликующее» (Р. Тарнас) или «эсхатологическое» (Э. Фромм). Христос прийдя на землю принёс благую весть, о грядущем освобождении человечества от греха и страданий, что порождает не только социальное, но и религиозную безразличие. Скорое второе пришествие Христа лишает смысла какую-либо активность и более того создает риск вновь впасть в грех. Такие настроения угрожали самому христианству как социальному институту не в меньшей степени, чем государству и первые деятели церкви активно с ним боролись

Поэтому наряду с «ликующим» христианством существовал второй вариант христианского мировоззрения - «спиритуальный» (Э. Фромм) со временем ставший доминирующим. Спиритуальное христианство обращает взор не в будущее, а в прошлое: онтологическое искупление уже произошло, и Христос создал условия для искупления каждого. И поскольку спасение спиритуально уже свершилось сроки второго пришествия теряют принципиальное значение. Такой взгляд требовал организации жизни верующих в мире – формирования церкви. Создание института организующего совместную жизнь верующих было возможно только на основе универсализма. Решающая роль в этом процессе принадлежит апостолу Павлу, объединившему церковные общины в единую организацию.

Однако Павел создаёт церковь на иных принципах, нежели те которые скрепляют государство. В основе античного государства лежат философские принципы рациональной универсальности, эйдосы, соответствие которым определяет принадлежность к типу правления, сословию и т.д. Частное при подобном подходе имеет высокий онтологический статус, являясь необходимой частью всеобщего. Церковь, создаваемая апостолом, отрицает абстрактный универсализм. По выражению А. Бадью: «Павел - это антифилософский теоретик универсальности» [5]. Напоминая, что Огюст Конт определил философа как «специалиста по обобщениям», Бадью отмечает, что «Павел — не философ именно потому, что он направляет свою мысль не на общие понятия, но на единичное событие» [6]. имея в виду пришествие и воскресение Христа. Универсальность конкретного заключается в приобщении к этому конкретному. Растворив свою идентичность (ложное оторванное от Бога «Я») в Христе индивид универсализируется (обретает подлинное «Я» – единое с Богом). Универсализации осуществляется в церкви, представляющей собой «тело Христово», путём приобщения к таинствам. Частное, индивидуальное (способности, размеры состояния, социальное положение) при этом теряет всякое значение, приобретая характер случайности. Во Христе все равны, более того, едины. Сам Павел демонстрирует полную индифферентность к проявлениям частного: «для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем» [7].

Паулинизм благодаря конкретной универсальности демонстрирует такую толерантность, которая была невозможна даже для сторонников имперской идеи. Цельс, оценивая притязания христиан, писал: «(Они рассчитывают обратить в свою веру всех людей). Если бы возможно было, чтобы Азия, Европа и Ливия, эллины и варвары, до предела расходящиеся между собою, приняли один закон! (Но это невозможно), и думающий так ничего не знает» [8].

Христианский иррациональный универсализм конкретного события, противопоставленный государственному универсализму рациональных принципов, переводит отношение христианства к государству из плоскости игнорирования, свойственную первым общинам в плоскость противостояния, конкурентной борьбы. Государственно-церковный антагонизм становится основным вектором политического развития Европы. Преодоление этого противостояния происходит лишь с утверждением секулярного сознания, сделавшего однозначный выбор в пользу философского универсализма.

Литература

1. Платон. Критон // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.1. М., 1990. С. 107.
2. Цельс. Правдивое слово [Электронный ресурс] // Христианский портал My studies. URL: <http://mystudies.narod.ru/library/nochrist/celsus.htm> (дата обращения 3.09. 09)
3. Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Ч. 2. История церкви до Константина Великого. СПб., 1910. С. 7.
4. Письма Плиния Младшего: Кн. I—Х. М., 1982. С. 96.
5. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М., 1999. С. 64.
6. Там же.
7. 1Кор.9,19-23.
8. Цельс. Правдивое слово [Электронный ресурс] // Христианский портал My studies. URL: <http://mystudies.narod.ru/library/nochrist/celsus.htm> (дата обращения 3.09. 09)

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ФАБУЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Зайцева А.В.

Омский государственный педагогический университет

Рациональность (от лат. *ratio* – разум) – термин, символизирующий одну из ключевых тем философии, состоящих в выяснении смысла «разумности» бытия, действия, отношения, цели и т. д. По М. Веберу, рациональность – «точный расчет адекватных средств для данной цели», по Л. Витгенштейну – «наилучшая адаптированность к обстоятельствам, конформность», по С Тулмину – «логическая обоснованность принципов деятельности».

Вопросы, что могут быть адресованы к рациональности, неисчислимы, но ключевые, на наш взгляд, таковы: *Что такое разумность, каковы ее существенные определения? К каким родам и видам бытия применимы эти опре-*

деления? Исторически изменяемы и относительны эти определения или же неизменны и абсолютны?

Обратимся к первой группе проблем. «Логоцентристическая» парадигма европейской философии, окончательно оформившаяся в классическом рационализме, основана на вере в постоянство законов вселенского разума, обнаруживаемых человеком в собственной духовной деятельности. Античная философская классика признавала таковыми законы логики, которые, согласно Аристотелю, являются фундаментальными принципами бытия и мышления. Отсюда следует традиция уравнивать «рациональность» и «логичность». Вместе с тем, как отмечает К.В. Рутманис, древнегреческая философия обращается к проблеме рациональности, решая вопрос куда более общего порядка – соизмерения человека в бытии сущего [3].

Самообнаружение бытия в существовании человека, выражаемое в логически доказательном, систематизированном виде важнейшее достижение античной философии. Вместе с тем бытие, на которое обращены все устремления древнего грека и с которым сопоставляется его существование, есть ни что иное как «космос – движущийся, одушевленный, разумный» [1]. Даже Космос Пифагора, созданный числом и тетрактисом противоположных принципов предельного и беспредельного, четного и нечетного, многого и единого и т.д., что ведет себя логически и разумно, соразмерно необходимости и меры, есть гармонизированный Космос, открывающийся математику (познавателю) во время игры на лире, занятый гимнастикой, философией, вычислениями, а не подчиняемый им в отдельном акте познания.

Ограничение рациональности до ее современной формы следует связывать со становлением идеи духовного Абсолюта, Бога в неоплатонизме и средневековой христианской философии. Когда между «природным» и «человеческим» возникает пропасть и человек перестает быть микрокосмом – воплощением космических стихий и энергий. Разум, разумность человека начинают восприниматься как некие лишь ему данные качества, отличающие его от того, что он видит, слышит и осознает. Разум – это, прежде всего, исключительная способность человека постигать истину. Как таковая она в разных случаях противостоит: 1) эмоциям (чувствам, страстям); 2) опыту; 3) методу подбора или проб и ошибок. Чувственно воспринимаемый мир сотворен духовным Абсолютом, и насколько сущность последнего представлена (не представлена) в существовании мира – предмет богословских споров на грани теизма и пантеизма.

Итак, обобщая сказанное по *первой группе проблем*, отметим, что первоначально в европейской философской традиции рациональность есть все-таки соизмерение, гармонизация человека в бытии сущего. И лишь с возникновением и теоретической разработкой идеи духовного Абсолюта, сущностное обнаружение рациональности дает увидеть путь ее собственного осуществления в истории отношения человека к бытию.

Исследуя проблему: «исторически изменяемы и относительны ли представления о разумности или же неизменны и абсолютны?» следует отметить, что уже в позднеанттичный период «разумность» мира, а равно мыслимой в нем некоторой системы объектов, рассуждений, действий, способов поведения и т. д., определялась через целесообразность, гармоничность и согласованность элементов, объяснимость на основании причинно-следственных зависимостей, систематичность, а с нововременной философией – эффективность, успешную предсказуемость и проч. Идеал рациональности, выработанный классическим рационализмом, охватывает бесконечное множество таких характеристик; в этом смысле идеальная рациональность – это совпадение с Абсолютным Разумом.

Первые рационалисты полагали, что Разум не просто обеспечит нас абсолютными и вечными гарантиями, но что в его лице мы имеем самый, насколько это возможно, мощный и универсальный инструмент, применимый ко всем сферам нашей жизни.

Декарт открывает собой эпоху, в которой Разум выступает в качестве метода достижения истины, единственного, в конечном счете. В то же время Разум – это средство избавления от ее самых страшных врагов – обычая и примера. Перечень врагов Разума и человека, наряду с эмоциями, опытом и случаем, в эту эпоху пополняется традицией и авторитетом. Рациональный метод по определению не может потерпеть неудачу: если это происходит, то только из-за того, что он был недостаточно рационален. Истинное знание планомерно, то есть методично вырабатывается индивидом, а не толпой.

Картезианский разум преуспел в области факта, но потерпел неудачу в сфере права. Упорядоченный и познаваемый мир имелся в наличии, но был лишен правового обоснования. Философы, работающие в рамках заданной Декартом программы, обнаружили, что освобождающие наше сознание рациональные принуждения в свою очередь не могут быть обоснованы. Однако И. Кант полагал, что может доказать следующее: ум устроен таким образом, что должен породить из себя ясный, познаваемый ньютоновский мир. Рациональное принуждение, потеряв качества самопорождаемости и самоподтверждаемости, теперь вырабатывалось – по Канту – в ходе функционирования сложного механизма человеческого ума.

Кант, формулируя свое понятие рассудка, считал, что такие его определения, как спонтанность знания (противоположность восприимчивости чувственности), способность мыслить, а также способность образовывать понятия или суждения, если присмотреться к ним ближе, сводятся к одному – к способности давать правила. Гегель неоднократно подчеркивал систематизирующую, упорядочивающую функцию рассудка, указывал, что последний «действует по отношению к своим предметам разделяющим и абстрагирующим образом». Разумное мышление, с точки зрения Гегеля, – «бесконечное» мышление, говоря современным языком, – «открытая» система, тогда как рассудок – это «конечное» мышление, действующее всегда в заданной системе.

ме исходных координат. Высшая форма рациональности по Гегелю – это разум, связанный с возможностью постоянного критического пересмотра исходных установок и выходом на новые позиции, новые «горизонты» познавательного отношения к миру.

Существующие сегодня гносеологические и методологические модели рациональности в качестве познавательных целей заявляют: согласованность, эмпирическую адекватность, простоту, рост эмпирического содержания и другие аналогичные свойства концептуальных систем. Каждая из таких моделей дает определенное представление о том, каким образом эти цели могут быть достигнуты, и, следовательно, формирует специфический образ рациональности. Тем самым понятие «рациональность» получает трактовку в духе плюрализма.

Отвечая на вопрос *«исторически изменяемы и относительны определения рациональности или же они неизменны и абсолютны?»* приходится констатировать исчерпанность классической парадигмы рациональности в современном философском дискурсе. Сегодня актуальным представляется не противопоставление, а синтез рационального и иррационального: неклассический тип рациональности включает иррациональное в процесс познания как субъективное и интерсубъективное; постнеклассический тип рациональности обращается к субъективным проявлениям научного и внерациональным способам постижения истины [2]. Причины подобного положения не раз объяснялись постмодернистскими веяниями, но на наш взгляд постмодернизм только подчеркнул, выделил, но не написал кризис классической трактовки рациональности, которой предшествовал длительный процесс ее расширения. Истинные причины могут стать видимы только при ответе на вопрос о конкретно-исторических формах воплощения рациональности. При выявлении которых следует учитывать тот факт, что образцы рациональности, даже рожденные в интеллектуальной среде, приобретают мировоззренческое содержание и живут в столь нелюбимой Декартом культуре. В современной культуре, что, несомненно, шире современной философии, определенность, четкость, артикулируемость, последовательность шагов рассуждения, связанная с выбором наилучшего способа практического действия – все эти признаки неизменно связываются с представлением о рассудке. А в обыденном сознании они в значительной мере рассматриваются как характеристики рациональности вообще.

Литература

1. Красноярова Н.Г. Античная философия. Учения. Понятия. Метафоры. Часть 1: Учебное пособие. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. – С. 19.
2. См. об этом: Красноярова Н.Г. Философия в поисках взаимодействия рационального и иррационального // Реальность. Человек. Культура:

религия и культура. Материалы Всероссийской научной конференции. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – С. 144 - 146.

3. Рутманис К.В. Генезис идей рациональности в философии // Рациональность как предмет философского исследования. – М., Института философии РАН, 1995. – С. 28.

АРТУР ШОПЕНГАУЭР О ФИЗИОГНОМИКЕ

Гуськова М.А.

Омский государственный педагогический университет

Глава XXIX одного из ключевых произведений Артура Шопенгауэра «Parerga und Paralipomena», носящая название «О физиогномике», интересна историкам философии обычно лишь тем, что именно в ней философ позволяет себе достаточно резкое и далеко не красящее его суждение относительно внешности Гегеля: «я советовал бы своим остроумным землякам, если им опять придет охота какого-нибудь дюжинного человека в течение 30 лет провозглашать великим гением, не выбирать себе любимца, с такою физиономией трактирщика, какую имел Гегель, на лице которого самым разборчивым почерком было написано природою столь знакомое ей название "дюжинная голова"».

Отечественными, да и зарубежными биографами Г. Гегеля и А. Шопенгауэра это изречение упоминается без особой акцентуации, что и понятно – брань Шопенгауэра выходит за пределы допустимого поведения в научной среде, о ней все знают, но о ней предпочитают лишний раз не упоминать. Отношение к этому высказыванию было экстраполировано на всю главу, малоизвестную даже профессиональным философам. Между тем, по нашему мнению, она является своеобразным ключом к шопенгауэрской антропологии.

Определение характера по чертам лица или физиогномика берет свое начало в глубокой древности. В европейской традиции основоположником физиогномики считается Пифагор, как известно он же первым называет себя философом. Физиогномикой интересовались софисты, что горячо отстаивали тесную связь между внешним обликом человека и его внутренними качествами, теоретические аспекты физиогномики разрабатывал Аристотель. В средние века это знание причислялось к оккультным наукам. И вот отдельная глава по физиогномике появляется в «Парерге и Паралипомене» Шопенгауэра. Только ли для того, что бы унизить Гегеля? Конечно, нет. Физиогномике Шопенгауэр определяет особое место в своей философской системе. Считая, что человеческое лицо есть иероглиф, который не только допускает дешифрирование, но и готовая азбука для которого имеется в нас самих. Лицо человека говорит даже больше и более интересные вещи, чем его уста, ибо оно

представляет компендиум всего того, что он когда-либо скажет, будучи монограммой всех мыслей и стремлений этого человека. По мнению Шопенгауэра, уста высказывают только мысль человека, лицо – мысль природы.

Тем, кто имеет представление о философии Шопенгауэра понятно значение последней фразы. Лицо человека, отражающее мысль природы – есть зеркало Мировой воли! По Шопенгауэру, Мировая воля есть страдающая воля, следовательно, узнавание ее в лицах людей – по большей части «жалостное, прискорбное лицезрение». За исключением красивых, добродушных и интеллигентных лиц, которые, по мнению Шопенгауэра, чрезвычайно немногочисленны и редки, – он полагает, что у чувствительных особ всякое новое лицо большей частью должно вызывать родственное со страхом чувство, представляя неприятное в новых и неожиданных сочетаниях. Шопенгауэр делится своими наблюдениями о том, что попадаются даже такие люди, на лице которых отпечатана такая наивная пошлость и низость образа мыслей и такая животная ограниченность рассудка, что просто удивляешься, как они рискуют выходить с такою «физиономией» и не надевают маски.

Таким образом, описываемая глава о физиономике есть еще один, пролистанный историей философии, вклад философа в его пессимистическую антропологию. Объявляя человеческую массу царством «двуногих», он последовательно фиксировал признаки «человеческого, слишком человеческого», пересечение пределов которого поставит целью своего творчества уже другой «философ жизни», считавший Шопенгауэра своим учителем.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВЫХ ПРОГРАММ Н.М.КАРАМЗИНА И А.С.ШИШКОВА

Филатова О.В.

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В истории философии неоднократно в рамках филологических изысканий рождались идеи, выходящие за границы исключительно лингвистической рефлексии. Так, споры стоиков об этионе, споры номиналистов и реалистов об универсалиях являются не только частью истории языкоznания, но представляют собой и определенные этапы в развитии философии. Справедливо предположить, что языковая полемика карамзинистов и шишковистов относится к явлениям этого же порядка, поскольку спор о заимствованиях приводит к дискуссии о значимости внешнего фактора в развитии самобытной русской словесности и культуры, что приводит к оформлению двух историософских концепций, выходящих на уровень социально-философской рефлексии.

Для программы карамзинистов характерно стремление перенести на русскую почву европейскую языковую и литературную ситуацию. Непосредственным образцом при этом служит французский язык, то есть, приоритет в

формировании русского литературного языка отдается разговорной речи подобно тому, как это было в западноевропейских странах. Изменения языка признаются естественным и неизбежным процессом, фактом развития языка [Карамзин, 1964, 185]. Основным источником заимствований является французский язык, что является следствием из общей концепции развития цивилизаций карамзинистов. Она основывается на убеждении в универсальности характера человеческого мышления и в единстве пути развития всех наций, на котором некоторые народы оказываются в авангарде этого движения, другие – следуют за ними. Французская культура возглавляет это движение, поэтому она служит образцом для других прогрессирующих культур [Успенский, 1985, 5–30].

В основе позиции Шишкова лежит концепция языка, основанная на иных общественно-философских и литературно-эстетических убеждениях. Для него язык – это своеобразная структура идеологии и мифологии. Более совершенная и законченная система образного отражения действительности запечатлена в церковнославянском языке, что обеспечивает его несравненную силу экспрессии, яркость и обилие мыслей [Виноградов, 2000, 69–72], и исключает возможность включения в него европейской лексики.

И карамзинисты и их литературные противники выступают против инородных элементов в языке: сторонники Шишкова, исходя из диахронической перспективы, рассматривают как инородные те элементы, которые приобрел русский язык в процессе своего развития; последователи Карамзина, исходя из синхронической перспективы, признают славянизмы чужеродными, поскольку церковнославянский рассматривается как отличный от русского язык [Успенский, 1985, 34–40].

Установка карамзинистов на разговорную речь высвечивает не только проблематику, связанную с оппозицией «Россия – Европа», но и дает понимание того, как развивается саморефлексия российского общества этого периода. Ориентация литературного языка на разговорную речь связывается с речевыми навыками определенного социума, поэтому, в связи с отказом от единых критериев языковой правильности, возникает проблема социального престижа тех или иных речевых навыков. Язык карамзинистов явно ориентируется на разговорную речь светского общества, социальный диалект дворянской элиты [Карамзин, 1964, 186]. Поэтому языковая полемика «архаистов» и «новаторов» имеет отчетливо выраженный социальный характер: славянизмы осмысляются последователями Карамзина как речевые признаки приказного сословия, т. е. книжный язык фактически переосмысляется в социальной перспективе как сословный жаргон. У Шишкова же проблема социально-стилистических дроблений в сфере дворянской разговорно-бытовой речи не получает принципиального обоснования и рассмотрения, так как он относится к разговорному языку как единому субстанциальному единству, строящемуся на принципиально иных основаниях, нежели книжный язык. Для него характерна большая социальная терпимость: он допускает присут-

ствие элементов языка недворянских сословий в общей системе русского языка и культуры [Виноградов, 2000, 74].

Принципиальное значение языковой полемики начала XIX в. века заключается в расширении круга обсуждаемых социальных вопросов. В сферу «общества» вовлекается не только дворянское сословие, но начинается, хотя первоначально только в полемическом плане, обсуждение социальных диалектов разночинной и мещанской среды и их равноправного участия в формировании русского литературного языка. Этот факт приобретает особое значение, если рассматривать концепцию карамзинистов в исторической перспективе как адаптацию в русском культурном контексте ренессансной концепции *«Questione della lingua»*. Итальянские гуманисты боролись за разговорный (национальный) язык, являясь сторонниками демократизации литературного языка, что в свою очередь связывалось с понятиями общественной жизни и равноправия всех граждан. Фактически это означало снятие сословных границ и расширение понятия общества, за счет вовлечения в общественную жизнь буржуазии [Успенский, 1985, 65–67]. В российских условиях борьба с книжным (церковнославянским) языком приобрела противоположное значение: на русской почве именно он связывался с национальным началом, тогда как разговорная речь высшего общества была подчеркнуто интернациональна. В этих условиях литературный язык, ориентированный на разговорную речь дворянства, способствует еще большей дезинтеграции общества.

Таким образом, споры о языке моделируют самосознание русского общества, заостряя внимание не только на вопросах внешнего взаимодействия, но и на проблеме внутреннего единства социума.

Литература

1. Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.: Наука, 2000.
2. Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Избранные соч. в 2 т. Т. 2. М. - Л.: Худ. Лит. 1964
3. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – нач. XIX в.: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М. 1985.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ СВОБОДЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.БЕРЛИНА

Оглезнев В.В.

Российская академия правосудия. Западно-Сибирский филиал (Томск)

Идея различия отрицательного и положительного смысла термина «свобода» характера в первую очередь для западной философии и уходит своими корнями, по крайней мере, к И.Канту, но детально была исследована и детализирована И.Берлином в 1950-1960 годах. Исследования по вопросам соотношения положительной и отрицательной свободы обычно присутствуют в контексте политической и социальной философии. Хотя, несмотря на свою относительную автономность (самостоятельная предметная область), они зачастую переплетаются с философскими дискуссиями о свободной воле. При этом исследования о сущности положительной свободы нередко рассматриваются в контексте природы автономии.

При исследовании вопросов о соотношении положительной и отрицательной свободы приходиться столкнуться с определенной лингвистической трудностью, связанной с различием стиля и терминов «liberty» и «freedom», которые используются либо попеременно, либо взаимозаменяя. Хотя в западной литературе были сделаны некоторые попытки различить свободу-liberty и свободу-freedom, но они не завоевали особой популярности [1]. При этом эти термины не могут быть переведены на другие европейские языки, в том числе и русский язык, которые содержат только одно понятие латинского или германского происхождения (например *liberté*, *Freiheit*), тогда как английский язык содержит оба.

Итак, каково же их соотношение? Предположите, что Вы едете на автомобиле через город и подъезжаете к развязке на дороге. Вы поворачиваете налево, хотя никто не вынуждал Вас поступить так или иначе. Затем Вы, проехав перекресток, поворачиваете направо, но никто не препятствовал тому, чтобы Вы повернули налево или поехали прямо, так как на дороге нет других машин, нет никаких дорожных происшествий или запрещающих знаков. Таким образом, Вы кажетсяе, как водитель, абсолютно свободным. Но эта ситуация могла бы измениться весьма кардинально, если предположить, что Вы, являясь страстным курильщиком, повернули налево и затем направо, отчаянно пытаясь добраться до торговцев табачными изделиями прежде, чем они закроются. Вместо вождения, Вы чувствуете, что Вас «ведут», поскольку желание курить принуждает Вас неудержимо крутить руль сначала налево и затем направо. Кроме того, Вы совершенно ясно осознаете, что Ваш маневр направо на перекрестке означает, что Вы, вероятно, опоздаете на поезд, который должен был доставить Вас в назначенное место. Вы далеко несвободны

от этого иррационального желания, которое не только угрожает Вашему здоровью, но также останавливает Вас от выполнения задуманного.

Эта история дает нам два противоположных осмысления свободы. С одной стороны, можно думать о свободе как об отсутствии внешних препятствий и ограничений. Вы свободны, если никто не мешает Вам сделать что-либо, независимо от того, что Вы могли бы хотеть сделать. В этом смысле в вышеупомянутой истории Вы кажитесь свободным. С другой стороны, можно думать о свободе как о присутствии контроля со стороны кого- или чего-либо. Чтобы быть свободным, Вы должны быть независимыми, то есть должны быть в состоянии управлять Вашей собственной судьбой в Ваших собственных интересах. А в этом смысле Вы кажитесь несвободным: Вы не контролируете свою собственную судьбу, поскольку Вы не в состоянии управлять чувством, от которого предпочитаете избавиться и которое препятствует тому, чтобы Вы осознали, что является Вашими истинными интересами.

В известном эссе, впервые опубликованном в 1958 году, И.Берлин назвал эти два понятия свободы отрицательным и положительным соответственно [2]. Основная причина для использования этих ярлыков в том, что в первом случае свобода представляется, как простое отсутствие кого- или чего-либо (то есть препятствий, барьеров, ограничений или вмешательства), тогда как во втором случае требуется присутствия кого- или чего-либо (то есть контроля, самообладания, самоопределения или самореализации). По словам И.Берлина, «мы используем отрицательное понятие свободы, пытаясь ответить на вопрос: «какова область, в пределах которой субъект – человек или группа людей – должен быть оставлен, чтобы сделать что-либо или быть в состоянии сделать что-либо без препятствий со стороны другими лиц?», тогда как используем положительное понятие свободы, пытаясь ответить на вопрос: «что или кто источник контроля или вмешательства, который может определить что делать или не делать?»» [3].

Необходимо исследовать различия между этими двумя понятиями в смысле различия присутствующих внутренних и внешних факторов по отношению к актору. В то время как теоретики отрицательной свободы интересуются, прежде всего, степенью, до которой люди или группы переносят вмешательство со стороны внешних сил, то теоретики положительной свободы более внимательны к внутренним факторам, затрагивающим вопрос, до какой степени люди или группы действуют автономно. Учитывая это различие, можно было бы предположить, что философия права должна сконцентрироваться исключительно на отрицательной свободе, а интерес положительной свободой должен относиться больше к психологии или этике, чем к политическим и социальным исследованиям.

Однако подобное заключение было бы преждевременным, поскольку среди наиболее горячо обсужденных вопросов в политической философии следующие: положительное понятие свободы есть политическое понятие? Могут

ли люди или группы достигнуть положительной свободы через политические акции? Способно ли государство развивать идею положительной свободы для своих граждан от своего имени? И если так, то действительно ли желательно это для государства? Таким образом, классические труды в истории западной политической мысли разделены по признаку – как необходимо отвечать на эти вопросы: теоретики классической либеральной традиции (такие, как Б.Констант, В.Гумбольт, Г.Спенсер и Дж.Миль) отвечали «нет», и в этой связи выступали как защитники отрицательного понятия политической свободы. Теоретики, которые были критичны по отношению к этой традиции (Ж.Руссо, Г.Гегель, К.Маркс и Т.Грин) отвечали «да» и поэтому являлись защитниками положительного понятия политической свободы.

В своей политической форме положительная свобода нередко осмысливалась, как обязательно достигнутая через общность. Возможно, самый яркий пример – теория свободы Руссо, согласно которой свобода личности достигается через участие в осуществлении коллективного контроля над общественными делами в соответствии с «общей волей». Иными словами, можно было бы сказать, что демократическое общество – это свободное общество, т.е. независимое, и что члены этого общества свободны настолько, насколько имеют возможность участвовать в демократическом процессе. Но есть и другие применения понятия положительной свободы. Например, иногда говорится, что правительство должно активно стремиться к созданию необходимых для людей условий: самостоятельности и самореализации. С другой стороны, отрицательное понимание свободы больше обычного превалирует в вопросах либеральной защиты конституционных свобод, типичных для либерально-демократических обществ, таких как свобода передвижения, свобода религии, свобода слова, а также в защите права на частную собственность, хотя некоторые исследователи оспаривали требование, что частная собственность обязательно увеличивает границы отрицательной свободы [4].

Помимо И.Берлина наиболее распространенными и часто цитируемыми являются исследования по вопросам отрицательного понимания свободы Ф.Хайека [5], Дж.Дея [6], Ф.Оппенгейма [7], Д.Миллера [8] и Г.Стайнера [9]. Среди самых известных исследований положительного понимания свободы можно выделить работы А.Милна [10], Б.Гиббса [11], К.Тейлора [12] и Дж.Кристмана [13].

Поскольку И.Берлин показал, что отрицательная и положительная свобода не просто два отличных вида свободы, они могут быть представлены как конкурирующие, несовместимые интерпретации одного политического идеала. Политический либерализм предполагает отрицательное определение свободы: вообще либералы утверждают, что, если Вы одобряете индивидуальную свободу, то необходимы серьезные ограничения действий государства в отношении личности. Критики либерализма часто оспаривают отрицательное определение свободы, утверждая, что преследование свободы, понятой как самореализация или самоопределение (человека или общности), может по-

требовать особого вида государственного вмешательства, не позволяемого либералами.

Таким образом, отрицательная свобода может пониматься, как отсутствие препятствий, барьеров или ограничений. У каждого есть отрицательная свобода до той степени, что действия в этом отрицательном смысле доступны только для одного. Положительная свобода есть возможность действия или факт действия. В то время как отрицательная свобода обычно приписывается индивидуальным акторам, то положительная свобода иногда приписывается общностям или индивидам, которых рассматривают, прежде всего, в качестве членов данных общностей.

Литература

1. См.: Gibbs B. Freedom and Liberation, London: Chatto and Windus, 1976; Flathman R. The Philosophy and Politics of Freedom, Chicago: Chicago University Press, 1987; Oppenheim F. E. Dimensions of Freedom: An Analysis, New York: St. Martin's Press, 1961; Арон Р. Эссе о свободах. – М., 2005; Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. – М., 2004.
2. Berlin I. "Two Concepts of Liberty", in I. Berlin, Four Essays on Liberty, London: Oxford University Press, 1969.
3. Berlin I. Op. cit. P. 121-122.
4. См.: Cohen G. A. Capitalism, Freedom and the Proletariat, in Miller, 1991; Cohen G. A. Self-Ownership, Freedom and Equality, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
5. См.: Hayek F. A. von, The Constitution of Liberty, London: Routledge and Kegan Paul, 1960.
6. См.: Day J. P. Liberty and Justice, London: Croom Helm, 1987.
7. См.: Oppenheim F. E. Political Concepts: A Reconstruction, Oxford, Blackwell, 1981.
8. См.: Miller D. Constraints on Freedom // Ethics. – 1983. – Vol. 94. – P. 66-86. Partial reprint in 2nd ed. of Miller 1991.
9. См.: Steiner H. "How Free: Computing Personal Liberty", in A. Phillips Griffiths, Of Liberty, Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
10. См.: Milne A. J. M. Freedom and Rights, London: George Allen and Unwin, 1968.
11. См.: Gibbs B. Freedom and Liberation, London: Chatto and Windus, 1976.
12. См.: Taylor C. "What's Wrong with Negative Liberty", in A. Ryan (ed.), The Idea of Freedom, Oxford: Oxford University Press, 1979, reprinted in Miller 1991.
13. См.: Christman J. Liberalism and Individual Positive Freedom // Ethics. – 1991. – Vol. 101. – P. 343-359; Christman J. Saving Positive Freedom // Political Theory. – 2005. – Vol.33. – P. 79-88.

СТРУКТУРАЛИСТСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ Ж.ЛАКАНА

Ослопова Ю.А.

Омский государственный педагогический университет

Психоанализ, как направление медицины и психологии появился в начале XX-го века. Он явился реакцией на социальные и культурные изменения, которые делали необходимостью коррекцию поведения личности в условиях усилившейся конфликтности и взаимного отчуждения людей. Уникальность психоанализа, его необычность связана с тем, что он возник на стыке науки, практической медицины и бытового дискурса. Этим вполне можно объяснить революционность его положений, необычайно широкий интерес общественности к нему и, вместе с тем, волну упреков, разоблачений, обвинений в шарлатанстве и безнравственности.

По мере развития психоаналитических дискуссий происходило возникновение новых школ и направлений, которые претендовали на единственно верное толкование идей Фрейда и настаивали на необходимости синтеза классических идей психоанализа с другими учениями с целью создания новой, неклассической разновидности психоанализа. Одной из таких разновидностей и стал структурный психоанализ.

Выделение структурного психоанализа в самостоятельное направление произошло в двадцатом веке и связано с именем французского исследователя и психоаналитика – Жака Лакана (1901-1981). Начав свою карьеру как практикующий врач, Лакан в 30-е годы серьезно изучает философию, психологию, культуру, искусство, литературу.

Структурный психоанализ базируется на двух тезисах, заложенных Лаканом, один из которых утверждает структурированность бессознательного подобно языку (т.е. в языке необходимо присутствуют бессознательные речевые элементы, человеком хоть и не осознаваемые, но играющие важную роль в развертывании и протекании бессознательных процессов), другой же определяет бессознательное как речь Другого. Следует отметить, что понятие Лакана «Другой» весьма многозначно: это может быть и отец, чье имя связывают с законом и порядком, и место культуры. Опираясь на эти положения, Лакан утверждает, что наиболее адекватно расшифровать и понять структуру бессознательных процессов возможно только с помощью анализа самого языка и механизмов, в нем действующих.

По Лакану, личность - некое знаковое, языковое сознание, структуру же знака в свою очередь он психологизировал, размыщляя над ней с позиции психологической ориентации личности, т.е. с точки зрения проявлений в ней бессознательного, которое реализовывается в диалектичном взаимоотношении «необходимости» и «желания». Человека нельзя приравнять к одному из его атрибутов, его индивидуальность, его «Я» невозможно определить по причине того, что всегда находится в поиске, всегда ищет себя, а значит, мо-

жет быть представлено только через «Другого», через его взаимоотношения с другими людьми. Тем не менее, полностью познать себя или другого невозможно, т.е. невозможно полностью войти в сознание другого человека.

Лакан считал, что структура человеческой психики – сфера противоречивого и сложного взаимодействия трех элементов: Воображаемого, Символического и Реального.

Воображаемое – это совокупность неких иллюзорных представлений, создаваемых человеком о самом себе, которая играет важную роль его психической самозащиты. Воображаемое не подчиняется «принципу реальности», им скорее управляет логика иллюзии: оно создает некий образ «Я», который устраивает индивида и играет экранирующую роль по отношению к объективной действительности и по отношению к образам индивида, существующие в сознании его партнеров по коммуникации – «Других», в таком понимании Воображаемое – сфера иллюзий индивида в отношении себя. Формирование воображаемого происходит в детском возрасте – от 6 до 18 лет – на стадии зеркала, названной Лаканом так, потому что именно в этот период развития ребенок, который воспринимал до этого собственное отражение как другое существо, начинает связывать, отождествлять себя с ним, а также узнавать себя в зеркале. В своей теории Лакан говорит о том, что Воображаемая природа человеческого Я создается не им самим, а людьми его окружающими, и навязывается ему уже в том возрасте, когда он еще не способен к критическому восприятию себя, а также еще не может направить свое сознание на восприятие и осознание внутренних импульсов. То есть, наше Я – это совсем не то, чем мы его себе представляем. Люди, страдающие от засилья Воображаемого, которые в буквальном смысле засоряют Воображаемым личное пространство, как свое, так и окружающих, воспринимаются окружающими несколько специфически. И реакция на них возможна самая разнообразная: это и раздражение, вызванное примитивно завышенной самооценкой, и жалость, и желание помочь.

Реальное, по Лакану – самая проблемная категория, включает в себя непосредственные жизненные функции и отправления. То есть, Реальное есть сфера импульсов и потребностей биологического происхождения и психически сублимируемых, не данных сознанию в доступных, рационализованных формах. Реальное – дозыковое бессознательное, нечто неизгладимое, исконное, невыразимое. Это, своего рода, хаос впечатлений, состояний, чувств, в котором находится ребенок до того момента, когда под наблюдением взрослых, под воздействием культуры и при участии языка он, наконец учится выражать свои эмоции с помощью специальных знаковых средств – слов – понятий и названий, жестов, образцов поведения. По Лакану, Реальное – нечто телесно-сексуальное, аморфное и не имеющее формы, осознаваемое постепенно в виде цельного образа в возрасте полутора лет. Это осознание – является одним из важнейших этапов формирования личности. Отправная точка этого осознавания, по Лакану, - усвоение образа своего тела. Задача

этой стадии состоит в налаживании связей между человеком и его реальностью.

Терапия, практикуемая структурным психоанализом, направлена преимущественно лингвистическую проработку словесных выражений. Лакан отмечал подобие ситуации восприятия незнакомого языка и психотерапевтической ситуации – т.к. в обоих случаях индивид имеет дело с речевым потоком, «притекающим на уровне означающего, никак не соотнесенным с означаемым». Однако, во второй ситуации речь идет о двойственной интерпретации означаемого – как объективной реальности и содержания психики пациента. В последнем случае содержание психики пациента, скрывается им самим вполне осознанно, а выявлено может быть лишь по случайным незначительным деталям поведения и речи. Задача, доступная психоаналитику не может состоять только в том, чтобы воссоздать реальные обстоятельства, являющиеся внешними по отношению к истории пациента, или проникнуть в глубины его сознания. Его цель – имея протекающий перед ним поток, реконструировать структуру этого потока, которая, по мнению Лакана, и является структурой бессознательного.

Лакан, в отличие от Фрейда, старательно избегавшего философии в своих работах, придает психоанализу философское измерение. Он намеревается превратить психоанализ в довольно строгую гуманитарную и социальную науку, которая опиралась бы на определенные логико-математические и лингвистические понятия. Стоит отметить тот момент, что эта задача во многом осталась нереализованной. В своей работе Лакан допускает возможность нестрогого, даже метафорического использования терминов и понятий математики, лингвистики и др., в результате чего некоторым из разрабатываемых им положений не находится достаточной аргументации, а концепция в целом, видится противоречивой и непоследовательной.

ЭТИКА ЛАКАНА И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Кудряшов И.С.

Новосибирский государственный университет

Лакан и его теоретическое наследие – на сегодня одна из актуальных тем в западных дискуссиях по вопросам этики, политики и социальных наук. Одной из наиболее удачных и последовательных попыток использовать идеи структурного психоанализа в аналитике социальных вопросов можно назвать работу Янниса Ставракакиса «Лакан и Политическое» [1]. На возможность использовать понятийно-методологический аппарат лакановского психоанализа в изучении социальных проблем также неоднократно указывал Славой Жижек. Предвосхищая стандартный упрек в том, что применение психоаналитического дискурса к социальным процессам (а не личным проблемам ин-

дивидов), неправомерно, он отмечает, что такой подход к психоанализу в корне ошибочный. В одной из книг он поясняет: «Психоанализ сосредоточен совершенно на ином: социальное, область социальных практик не просто находится на уровне, отличном от индивидуальных переживаний, но представляет собой нечто, с чем индивид должен себя соотносить, что индивид должен переживать как порядок, который в минимальной степени «овеществлен», овнешнен» [2, с. 192-193].

Мы также придерживаемся идеи, что для осмыслиения любого феномена в рамках социума, нам требуется дополнительная (а точнее, внешняя и определяющая) точка зрения. Таковой чаще всего становится иная сфера бытия, как то: политика, экономика, культура, психология и т.п. (например, марксистская социальная наука зиждется на примате экономического, и отрицает автономность культуры и политики). Подобное методологическое установление необходимо, так как социум, будучи абстракцией высокой степени, довольно неопределенное понятие, содержание которого мы способны получить лишь с помощью установления «внешней» концептуальной рамки.

Этика Лакана позволяет нам увидеть, что одной из ключевых идей, которая часто незримо «ведет» исследователя в социальных науках, является идея гармонии. Большинство философов и ученых (в области политики, социологии, экономики и даже этики) хотели бы видеть решенными, «снятыми» многие антагонизмы и противоречия в жизни общества. Однако именно это и ведет к опасным иллюзиям, тупикам и утопиям. Лакан исходит из идеи, что «общества не существует», в том смысле, что его единство и существование не заданы. Или иными словами, сами феномены общества возникают из противоречий, «на разрыве», которые просто нельзя устраниć (так Ставракакис иллюстрирует, что убрать двусмысленность и дисгармонию демократии – это убить саму демократию). В этом плане этика Лакана интересна не только содержательно, но и как руководство для выработки методологии, для критической методологической рефлексии социального исследователя. Эта этика порывает с идеалом гармонии, и вообще не является этикой блага или идеала. В ходе истории поиск идеала, «настоящего» блага, привел к многочисленным различиям между истинными и ложными благами. Такая этика стремилась уменьшить все невозможное, предотвратить вмешательства случайности. Но подобный подход был изначально тупиковым, ведь «никакого высшего блага не существует». [3]

Что же нового предлагает этика Лакана? В своем докладе я предполагаю обратиться к некоторым основным программным заявлениям этой этики и показать их значимость для социального исследования.

Среди таких заявлений мы выделяем:

1. Центральную максиму этики Лакана: «Не сдавайся в своем желании!»

А также ряд ключевых идей, которые обеспечивают ее специфику:

2. Концепция сублимации (отличная от традиционной фрейдовской).

3. Необходимость отождествления с синтомом («Возлюби свой симптом!»).

4. Уважение к сфере фантазий другого («Уважай чужой фантазм!») [4].

В конечном счете, именно эти идеи могут в значительной мере способствовать антиутопическому развитию социальных исследований и преодолению фантазматических предпосылок в теоретизации.

Литература

1. Stavrakakis Y. Lacan and the Political. London: Routledge, 1999.

2. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ad marginem, 2003.

3. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: книга VI). – М.: Гnosis/Логос, 2006.

4. Жижек Славой. Глядя вкось: Введение в психоанализ Лакана через масовую культуру. – Электронный ресурс: http://www.volunteering.org.ua/wordstown/Text/Zizek/zizek_2.htm

Социальная философия

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ* Лыгденова В.В.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Возникновение понятия организационной культуры связывается с процессом гуманизации человеческого труда в XX в. Эти факторы вызвали переход от традиционных и механистических концепций управления к теории, ориентированной на понимание поведения сотрудников. В социальной философии организационная культура определяется как общепринятая система ценностей, образцы поведения, нормы, которыми руководствуются члены организации при достижении ее целей. Аксиологические основы организационной культуры представляют особый интерес, так как здесь исследуется ее роль и влияние на мировоззренческие и ценностные установки личности в организации. Однако для проведения подобного анализа необходимо, прежде всего, определить методологию исследования. Традиционно в теории организационной культуры выделяются два основных направления: рационально-прагматический и феноменологический.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-03-00392а)

Сторонники рационально-прагматического направления выделяют систему ценностей как средний уровень организационной культуры, на котором представлены идеалы и цели руководителей организации. В феноменологической концепции система ценностей определяется на основании интерпретации организационной культуры каждым сотрудником. Если в рационально-прагматическом направлении утверждается искусственная природа организационной культуры, то с точки зрения феноменологической теории культура является спонтанным и неуправляемым явлением. В целом, рационально-прагматическое направление отличается от феноменологического теми же параметрами, которые описал П.Бурдье, отмечая, что в социальной науке всегда присутствуют два «непримиримых направления» - объективизм и субъективизм [Бурдье, 1993. С. 137-150]. Рационально-прагматическое направление во многом соответствует объективистской концепции, прежде всего, тем, что в них не признается независимость субъектов в изменении социальной реальности. Феноменологическое направление характеризуется чертами, характерными для субъективистского подхода, который наиболее последовательно представлен А.Щюцем, утверждавшим близость субъективистского и феноменологического направлений в придании творческой функции индивиду и субъектам, благодаря которым формируется социальная реальность и организационная культура. Таким образом, в обеих концепциях достаточно ясно изложены основные принципы объективизма и субъективизма, на основании которых П.Бурдье утверждает, что теоретическое исследование необходимо проводить с использованием обоих направлений. Такое положение обосновывается тем, что объективизм и субъективизм находятся в диалектической взаимосвязи, поскольку противопоставление структуры (формы) и представления (значения) является искусственным. В рамках социально-философского исследования рационально-прагматический и феноменологический направления необходимо рассматривать с точки зрения их диалектического взаимодействия. Основные принципы данных направлений содержатся в сформированных на их основе экологическом, этнографическом и коммуникационном подходах.

Согласно С.В.Щербине, стороннику экологического подхода, влияние внешнего окружения на организационную культуру происходит поэтапно: вначале происходит отбор определенных ценностей под влиянием внешней среды, затем они либо принимаются в существующую систему, либо отторгаются, и в результате происходит их адаптация внутри организации [Щербина, 1996. С. 47-55]. При таком подходе организация – это не среда существования организационной культуры, но она рассматривается как производная культуры. Согласно данному подходу, система ценностей создается в результате культурного опыта, и в этом аспекте проявляются принципы феноменологического направления. Влияние рационально-прагматического направления отражается в том, что экологический подход предполагает системную модель организационной культуры.

С точки зрения этнографического подхода в основе организационной культуры лежат национальные ценности. Г.Хофстед, разработавший основные критерии различия систем ценностей в разных странах, описывает организационную культуру как состоящую из четырех компонентов: символы, герои, ритуалы и ценности. Система ценностей выявляется Г.Хофстедом в зависимости от национальных традиций в поведении, которые присутствуют в сознании индивида в виде ментальной программы. Этнографический подход, в целом, строится на принципах рационально-прагматического направления, поскольку для него характерен системный подход к организационной культуре, где ценности выделяются в качестве основы. Наиболее значимыми факторами для исследования здесь являются национальная культура, носителями которой являются сотрудники и внешняя среда. Коммуникационный подход также сочетает в себе принципы рационально-прагматического и феноменологического направлений. Значимая роль здесь придается коммуникациям, которые являются посредниками передачи информации и ценностных ориентаций в группе. В представляющем подходе основные принципы схожи с ключевыми идеями феноменологического направления, в частности, организационная культура отождествляется с организацией. Однако в отличие от феноменологической концепции, для коммуникационного подхода характерно системное понимание культуры, как и в рационально-прагматическом направлении.

Таким образом, при использовании этнографического и коммуникационного подходов учитываются влияние внешней среды на организационную культуру, ее национальные ценности и внутриорганизационные отношения. Организационная культура во всех трех подходах рассматривается в качестве системы, где центральное место занимают ценности. При анализе системы ценностей определенной организационной культуры представляется необходимым использовать все три подхода в совокупности для того, чтобы представить наиболее объективную ее картину. Такой подход позволяет создать философскую концепцию, в которой отражаются различные стороны поставленной проблемы.

Литература

1. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 137-150.
2. *Диев В.С.* Культура организационная // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – Москва–Санкт-Петербург–Нью-Йорк: ЕЛИМА, ПИТЕР, 2005.
3. *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения // Социальные исследования, – № 2. – 1991. – С. 106-122.

4. Щербина В.В. Социальные теории организации. – М.:Инфра-М, 2000. – 264 с. С. 121.
5. Hofstede G. Cultures Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions Across Nations. Library of Congress, 2000.
6. Pacanowsky M., O'Donnell-Trujillo N. Organizational Communication as Cultural Performance. Communication Monographs, Vol.50, June 1983. pp.126-147.

СРЕДСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ НЕПОЛНО ОПРЕДЕЛЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ*

Абруков В.С., Карлович Е.В.

Чувашский государственный университет (Чебоксары)

Введение

К неполно определенным системам можно отнести системы, для которых неизвестно точное число переменных, от которых зависит поведение системы, или, если оно известно, все переменные трудно определить.

Цель работы - разработка методологической базы и технологий применения средств Data Mining (DM) при построении количественных моделей неполно определенных социальных явлений на примере анализа семейных отношений.

Методы исследования, результаты и их обсуждение. При выполнении работы использовались данные опроса (интервью) разведенных супружеских пар и следующие методы DM: корреляционный анализ, дерево решений, искусственные нейронные сети, самоорганизующиеся карты Кохонена. Основное внимание было удалено построению количественных моделей семейных отношений. Продолжительность брака (ПБ) была выбрана в качестве целевой функции.

Примеры некоторых результатов, иллюстрирующих возможности DM, представлены на рис. 1-5: метод корреляционного анализа (рис. 1), метод дерева решений (рис. 2), метод искусственных нейронных сетей (рис. 3 и 4), самоорганизующиеся карты Кохонена (рис. 5). Комментарии приведены под рисунками.

* Работа выполняется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, код проекта 07-06-00277

№	Поле	Корреляция с выходными полями	
		пред#Бра	
1	истец		0,393
2	лет ей		-0,417
3	лет ему		-0,436
4	бер#добр		0,399
5	кол#детей		0,453
6	лет#1 реб		0,649
7	алког		0,383
8	измена		-0,374
9	не раб		-0,275
10	характеры		-0,458
11	разд. прож		-0,426
12	не храб		-0,433
13	есть другая		0,400
14	бьет		-0,591
15	раздраж		-0,431
16	слезы		0,441

Рис.1. Экран модели семейных отношений (корреляционный анализ).

Анализ результатов показывает, что: наибольшую корреляцию с ПБ имеет фактор «лет первому ребенку», но это естественно, так как, чем дольше длится брак, тем больше лет первому ребенку (здесь надо отметить, что метод корреляции чаще применяется для исключения незначимых факторов со степенью корреляции меньшей 0,300); достаточно большую степень корреляции имеет фактор «бьет», его можно рассматривать как отрицательный фактор, сопутствующий меньшей ПБ; незначимым можно считать фактор: муж «не работает»; остальные факторы можно считать значимыми в некоторой степени. Это еще раз подтверждает, что на семейные отношения влияют многие факторы.

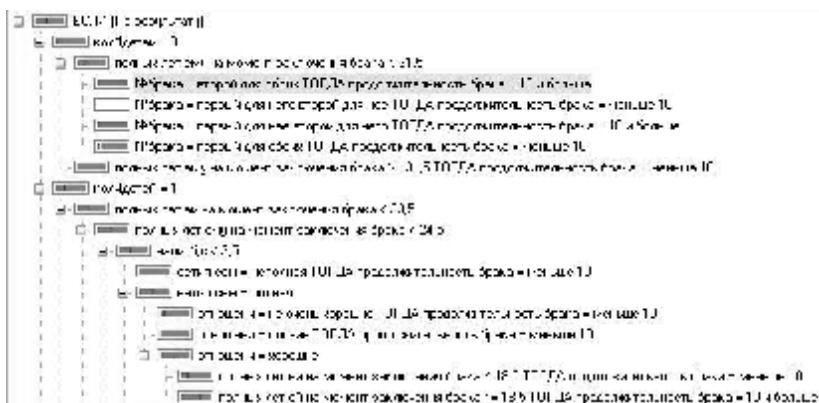

Рис.2. Экран модели семейных отношений (дерево решений)

Показано, как метод дерева решений позволяет выработать «правила», которые определяют, при каких условиях ПБ будет меньше 10 лет, а при каких – больше 10 (число лет – границу «правил» можно задавать до анализа).

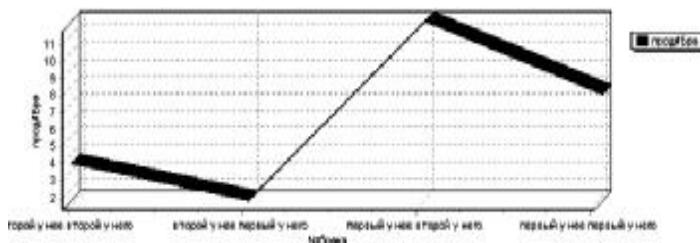

Рис.3. Экран модели семейных отношений (искусственные нейронные сети).

Зависимость ПБ от номера брака у жениха (него) и невесты (нее)

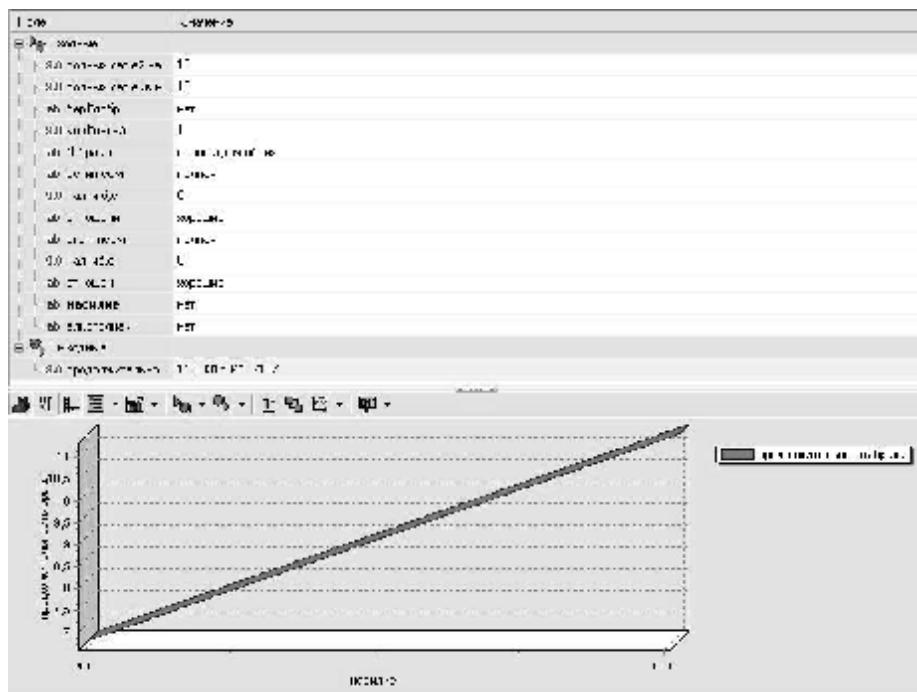

Рис.4. Экран модели семейных отношений (искусственные нейронные сети).

Внизу рис. 4 указан график зависимости ПБ (для конкретной данной семьи) от наличия насилия в семье. Видно, что наличие или отсутствие насилия заметно влияет на продолжительность данного брака. Подобные графики могут быть получены и для других параметров, от которых зависит продолжительность брака.

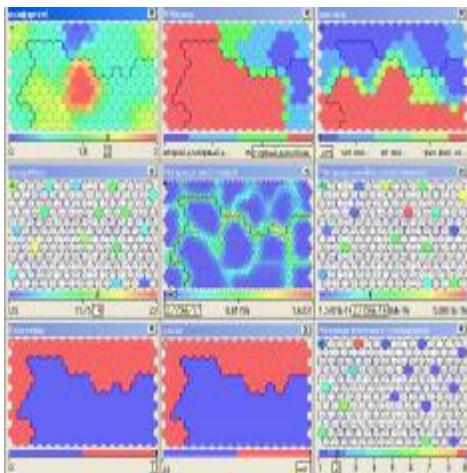

Рис. 5. Экран модели семейных отношений (графическое отображение результатов кластеризации с помощью самоорганизующихся карт Кохонена).

Особенностью самоорганизующихся карт Кохонена является возможность в общей системе данных найти подсистемы (кластеры), а затем уже выявлять существующие закономерности по отдельным кластерам.

Рис. 5 содержит в себе девять частей (диаграмм). В нижнем ряду первые две диаграммы слева наглядно показывают, что СКК разделили все семьи на два основных кластера: семьи, где у одного из супругов (в нашей базе данных - у мужа) была алкогольная зависимость, и семьи, где ее не было. Эти два кластера семей, соответственно, синий и красный, описываются разными закономерностями.

Заключение

Анализ полученных результатов показывает, что средства DM при исследовании социальных явлений позволяют получать принципиально новые результаты при выявлении многофакторных зависимостей. Они позволяют построить вычислительные модели семейных отношений, которые дают возможность не только определять (прогнозировать) продолжительность брака для людей, вступающих в брак, и для людей, живущих в настоящее время в

браке, но и вырабатывать рекомендации (управленческие решения) для увеличения продолжительности брака. Достаточно ввести свои данные о существующем или предполагаемом браке, и модель выдаст прогноз продолжительности брака. Подобрав значения факторов, обеспечивающие наибольшую продолжительность брака, можно определить, как надо выбирать будущего супруга или что надо изменить в существующем уже браке (выработать управляющие воздействия).

В настоящее время работа продолжается в направлении сбора новых более полных данных о разведенных семьях, а также данных о «счастливых» семьях – продолжающихся браков. С этой целью создан сайт: <http://www.chuvsu.ru/2008/proekt.html>. На сайте размещены 4 вида анкет-интервью: анкета для разведенных, анкета для живущих в браке, анкета для тех, кто собирается выйти замуж (жениться) и у кого есть претендент на эту «должность», анкета для тех, кто собирается выйти замуж (жениться) но претендента на эту «должность» нет. В анкетах содержится от 50 до 60 вопросов, которые затрагивают разные стороны семейной жизни. Эти анкеты могут быть заполнены в режиме он-лайн.

В целом, результаты работы могут быть использованы при проведении НИР социологических институтов, проведении различных социологических опросов населения, внедрены в работу социальных служб (разработка мер оказания помощи молодым семьям, мер социальной защиты института семьи в целом) и других заинтересованных организаций (например, брачные агентства). Результаты работы показывают также, что DM могут рассматриваться как перспективные методы при решении задач анализа и моделирования других социальных явлений, в частности, при анализе таких проблем, как подбор персонала (предупреждение быстрых «разводов» предприятия и работника), прием абитуриентов в вуз (прогнозирование будущей успеваемости абитуриентов, предотвращение кризисов в обучении).

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Базыкин Д.В.

Пермская государственная сельскохозяйственная академия
им. Д.Н. Прянишникова

Предыдущее столетие отметилось в истории человечества фундаментальными трансформациями социальной реальности. В настоящее время сформировалось общее видение этих процессов как переход общества к новой стадии общественного устройства, наиболее рельефно выразившееся в ряде объяснятельных парадигм (технократическая, постиндустриальная, постмодернистская, критическая).

Наибольшим эвристическим потенциалом обладает, на наш взгляд, теория постиндустриального общества (Д.Белл, Э.Тоффлер, Ж.Фурастье, М.Кастельс), претендующая на роль едва ли не «единственной адекватной социальной метатеорией, которая сегодня в полной мере воспринята западной социологической традицией и в полной мере находит свое подтверждение в общественной практике» [1].

Академическое признание данная теория получила за новаторский подход к проблеме общественного развития. Постиндустриализм сформировался в результате конструктивного взаимодействия с ведущими теоретическими направлениями в социальной теории, имеет поэтому комплексный, междисциплинарный характер, что выражается в широте охвата анализируемых срезов социальной реальности – технологического, экономического, политического, культурного. Данная теория, содержит как универсалистские социально-философские заключения о механизме общественного развития, так и выводы прикладного характера, получившие дальнейшую основательную разработку в концептах частных общественных дисциплин: экономических, социологических, политических науках.

Авторы постиндустриализма эмпирически зафиксировали и описали в системной связи ряд важнейших феноменов современного общества: 1) научное знание и информация, становятся основным ресурсом на современном этапе экономической деятельности, и заменяют труд в качестве субстанции добавленной стоимости; 2) экономическая деятельность смещается от непосредственного производства вещественных продуктов (товаров) к непроизводственной деятельности (сфера услуг, науки, управления, информационных и культурных продуктов), к воздействию на человека, а не на природу; 4) формируется новая социальная структура, ключевые позиции в которой займут интеллектуальная элита.

Постиндустриальная доктрина обнаруживает существенную близость к марксизму, с чем связан традиционный интерес к ней отечественных исследователей [2]. Если в советский период постиндустриализм получил преимущественно критические оценки ученых [3], то современные российские авторы полагают, что «коммунизм рождается как постиндустриальное и постэкономическое общество» [4], а сама «постиндустриальная концепция может и должна рассматриваться как лояльная марксизму теория, в ...продолжающая и развивающая традиции осмыслиения социальной жизни с последовательно материалистических позиций» [5]. Аргументы исследователей сводятся к нескольким моментам.

Во-первых, методологическая парадигма авторов постиндустриализма, именовавших себя «постмарксистами», в объяснении социальных процессов, далее, знаменуют преодоление узких схем технологического детерминизма в интерпретациях общественного развития, доминирующих в западной социальной философии с середины XX в. и приближается к социальному детерминизму.

Во-вторых, в постиндустриальной феноменологии современного общества в разной степени нашли свое выражение и подтверждение многие из прогнозов Маркса в концептах: социализации общества, превращения науки в непосредственную производительную силу общества, идеи о нерыночной природе знания, информации и услуг, демократизации собственности.

Однако, подметив огромную и постоянно возрастающую роль знания, науки, образования, информации в современном обществе, узкая философско-теоретическая база постиндустриализма не позволила ему вскрыть причины происходящих изменений, подняться на номологический уровень анализа.

С позиций постиндустриалистов и некоторых их отечественных сторонников провозглашается тезис о дематериализации общества и труда, а определяющим фактором общественного развития признается духовные факторы – знания, творчество, межличностное общение.

Постиндустриальная осевая парадигма, обладающая имплицитными логикой, методологией, но лишенная глубокой философской основы остается на том уровне анализа, который позволил описать ряд важнейших феноменов современного общества, но не смог раскрыть глубокую детерминирующую роль труда [6].

Мы присоединяемся к позиции В.В.Орлова и Т.С.Васильевой, которые считают, что архитектонические сдвиги в фундаменте человеческой цивилизации, связанные с формированием постиндустриального общества, на существенном уровне являются отражением формирования предсказанной Марксом новой исторической формы труда, названной им автоматизированным, научным, всеобщим трудом, когда человек перестает быть непосредственным участником производственного процесса, становится его контролером и регулировщиком [7].

Возникновение новой формы материального труда запускает фундаментальные процессы деструкции пропорциональности стоимостного отношения, а тем самым – рыночного хозяйства, и формирование принципиально новой экономики и нового общества.

Примечания

1. См.: *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1997.
2. См.: *Иноземцев В.Л.* Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10.
3. См., к примеру: *Араб-Оглы Э.А.* В лабиринтах пророчеств. М., 1973., *Гарифбекян Б.Г.* Кризис буржуазного общества и футурология в США.

Ереван, 1980., Иконникова Г.И. «Технологические» фальсификации общественного прогресса. М., 1986 и др.

4. См.: Бузгалин А.В. Ренессанс социализма. Курс лекций. М., 2003.

5. Иноzemцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире. М., 1990. С.31.

6. Орлов В.В., Васильев, Т.С. Философия экономики. Пермь, 2005. С.206.

7. Там же.

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР»

Голованов А.А.

Институт социальной экспертизы (Оренбург)

Вначале несколько общих замечаний о сущности выбора.

Во-первых, любой человеческий выбор является социальным по своему содержанию, в том смысле, что каждый выбор производится или в социуме и поэтому является социальным, или же социум оказывает существенное влияние на выбор индивида. Выбор обусловлен той социальной средой, в которой реализуется – даже индивидуальный выбор по отношению к природе детерминирован уровнем социализации индивида и степенью социального контроля над ним обществом. Поэтому понятия «выбор» и «социальный выбор» являются синонимами.

Во-вторых, социальный выбор является системным образованием и имеет собственную структуру. В качестве элементов структуры выбора следует рассматривать субъект выбора, предмет выбора, представленный неким множеством альтернатив, и объект выбора – «субъект-предмет-объект». Функции этих элементов проявляются в процессе социального выбора в их взаимоотношении между собой.

В-третьих, весьма полезно различать понятия «выбор» и «принятие решения». К сожалению, отождествление этих понятий («выбор» и «принятие решения») присуще большинству исследователей данной проблемы. И именно не различение мысли (принятие решения) и действия (акта выбора) создает серьезное препятствие в изучении различных аспектов социального выбора: говоря об одном, нельзя подразумевать другое. При принятии решения происходит определение предпочтений среди альтернатив, но сам выбор следует понимать как выполненное, актуализированное принятое решение. Поэтому принятие решения – это своего рода предварительный выбор. Принять решение можно и в воображении, даже не стремясь его реализовать. В тоже время возможен выбор без принятия решения: под воздействием внешних факторов, в условиях повторяющейся ситуации или при бессознательном выборе. Например, избиратель, изучая предвыборную агитацию, заявляет о своем предпочтении в отношении одного из кандидатов и даже утверждает,

что определился с выбором. Но выбор будет осуществлен только тогда, когда избиратель проголосует за этого кандидата в установленном порядке (соблюдая все правила и нормы законодательства), а до этого момента есть только принятное решение. Или другой пример, из повседневной жизни: множество людей часто принимают решение «с понедельника» начать новую жизнь, но для подавляющего числа их решение не приобретает практического воплощения, т.е. акт выбора не совершается и не актуализированное решение остается вне практики человека. Коллегиально принятное решение становится выбором только после того как будет документально оформлено, т.е. будет осуществлен акт фиксации этого решения в официально принятом (конвенционно разрешенным) порядке и оформлен в соответствии с правилами и стандартами (подписан, закреплен печатью, опубликован и т.д.). В некоторых случаях индивид или группа осуществляют социальный выбор на основе решения принятого когда-то раз и навсегда, либо действует согласно существующим, социально одобряемым нормам поведения. Например, осознав однажды необходимость следования религиозному учению (либо живя в среде верующих людей), человек посещает культовые сооружения, исходя из понятия должного поведения. В то же время, человек, под воздействием аффекта, совершает порой немыслимые с точки зрения культуры, социальных ценностей и норм, бессмысленные действия, а возбужденной толпе достаточно одного эмоционально окрашенного выкрика, чтобы она пришла в движение – в этих случаях совершение акта выбора происходит в отсутствии принятия решения.

В-четвертых, существует демаркация между индивидуальным и коллегиальным выбором. Принятие решения – процесс интимный, результат мыслительной деятельности, продукт и функция индивидуального разума, поскольку общественного разума не существует. Сущностной особенностью общества является его способность к восприятию идей личностей и последующее следование этим идеям – и это не только механизм формирования социального (в смысле общественного, коллективного) выбора, но и процедура включения человека в социальную реальность: следуя за другим, индивид становится частью общества, ведя за собой – тоже. Если выбор индивида преследует собственные цели, которые могут и не влиять на кого-то еще, то выбор общества направлен на достижение всеобщих целей, даже когда он ориентирован на одного человека. Например, изоляция преступника есть не только исполнение наказания, но и сигнал остальным членам общества о наличии у власти воли на отстаивание всеобщих интересов. Чаще всего общественный выбор фундирован индивидуально принятым решением, т.е. решение принимает один человек, но выбор осуществляется, в соответствии с этим решением, всем обществом.

Размышления над различными сторонами проблем социального выбора ведется с момента становления философской мысли: вопросы об элементах, предпосылках, компонентах социального выбора имплицитно присутствуют

в рассуждениях подавляющего большинства ученых. Степень научной разработанности проблемы выбора можно определить двояко: во-первых, большинство ученых так или иначе, в том или ином контексте, рассматривают выбор или его компоненты, а, во-вторых, никто конкретно не занимался «категоризацией» социального выбора. В связи с этим возникает определенная методологическая трудность в использовании самого понятия «выбор», и потому так важно понимание ключевых моментов феномена выбора.

Структура социального выбора. Субъектом социального выбора является человек или группа. Их статус определяется, при сознательном выборе, интенциональностью и способностью (умением) взять на себя ответственность за последствия выбора. Одной из функций субъекта выбора является предварительный выбор, т.е. осуществление теоретического обоснования предпочтения альтернативы в соответствии с собственными критериями.

Предмет выбора, в широком смысле, – это результат решения конфликта между субъектом выбора и его потребностью. В узком смысле предмет выбора – это конкретная цель субъекта выбора. Предмет выбора репрезентирован как минимум двумя вариантами, и они практически никогда не являются противоположностями: между двумя оппозициями «быть» или «не быть» находится огромное количество других альтернатив. В обоих случаях, нормативная оценка формулируется вопросом «как?» и порождает массу вариантов действия. Как правило, качественные характеристики альтернатив субъективны и зависят от того, насколько важным или принципиальным считает субъект свой выбор.

Объект выбора – это то, что должно быть изменено (или сохранено неизменным) для удовлетворения потребностей субъекта выбора. Как в личностных, так и в общественных взаимоотношениях объект выбора может поменять свой статус на субъектный, если сознательно или бессознательно (эмоционально) откажется следовать выбору субъекта.

Интенции, заложенные в выборе, реализуются: а) личностью в отношении себя (индивидуальный, личностный или внутренний выбор), в отношении другого (межличностный выбор), в отношении группы (общественный или политический выбор):

1. Я – p (предмет выбора) – Я;
2. Я – p – Он (не-Я);
3. Я – p – Онⁿ (Они), где $n > 1$;
4. Онⁿ – p – Онⁿ;
5. Онⁿ – p – Другие;
6. Онⁿ – p – Он (Я).

При множественности объектов выбора:

1. Я – p^n – Онⁿ; Я – p^n – Он. 2. Онⁿ – p^n – Он (Я), Онⁿ – p^n – Другие, Онⁿ – p^n – Онⁿ.

В социальном выборе не существует отношений «субъект-субъект», которые возможны только в условиях независимого существования или договора.

А в ситуации, когда субъект социального выбора не имеет возможности (ресурсов) или желания актуализировать свое решение, в структуре выбора появляется социальный инструмент, коим может быть и индивид, и группа, и конкретное общество, и общество в целом.

Классификация социального выбора строится исходя из того, что:

- Выбор представляет собой субстанциональную составляющую общества – жизнь человеческая зарождается через акт волеизъявления мужчины и женщины, затем на протяжении всего своего существования человек что-то выбирает: учебу, работу, спутника жизни, цель и способ собственного бытия в окружающей его социальной действительности и, наконец, умирая, он завещает свою последнюю волю (последний выбор).
- Сообща люди выбирают принципы общежития, устанавливая моральные и правовые нормы поведения, условия взаимоотношения и взаимодействия между индивидом и обществом. Они выбирают в разные времена различные способы и формы социального поведения, оставляя при этом незыблемыми некоторые ценности, ориентируясь на которые, они и совершают свой выбор. И если бы люди почему-то однажды перестали выбирать, то человек в его индивидуальном и социальном проявлении перестал бы существовать.
- Делая выбор самостоятельно или в сообществе с другими, человек концентрирует внимание на том, какие проблемы необходимо решить и каким образом стоит это сделать. Иными словами, он включается в социальную реальность осознанно, разделяя или отвергая ценности других, соотнося свои действия со сложившимися в обществе устоями, т.е. ориентируясь «на разум».
- Реализуя свой выбор в бессознательной форме, человек действует тождественно другим людям и таким образом становится частью общества, «единицей» совокупности социальных взаимоотношений. Позволяя совершать выбор «за него», он формирует пространство компромисса, без которого невозможно возникновение и существование социокультурной реальности.
- Социальный выбор осуществляют все участники социального взаимодействия – мужчины и женщины, взрослые и дети (с определенного возраста), на работе и дома, днем и ночью, вне зависимости от капризов природы и действия власти, места нахождения в пространстве и времени, становясь (в разной мере) субъектом или объектом социального выбора.

Поскольку основным действующим лицом в структуре социального выбора является его субъект, то наиболее точной и научно оправданной представляется его классификация по следующим основаниям:

- а) по степени осмысленности своей деятельности субъектом – *сознательная или бессознательная формы выбора*; б) в зависимости от сферы деятельности субъекта – *приватный или публичный типы выбора*; в) исходя из ген-

дера субъекта – мужской и женский виды выбора; г) с учетом временного фактора – конкретный и перспективный классы выбора.

Понятие социального выбора. Социальный выбор является феноменом общественной практики, выполняющий кооперативную функцию, консолидирующий человеческое общество и являющийся атрибутивным свойством человеческой деятельности. Социальный выбор – это процесс, имеющий фазы (этапы) своего развертывания во времени. Имея в качестве побудительной причины мотивы: потребность (субъективную или объективную), интерес (личный или общественный) или желание (индивидуальное или коллективное) как выражение воздействия чувств на поведение, процедура социального выбора запускается посредством осмыслиения или неосознаваемого имплицитива к действию механизмом принятия решения.

Социальный выбор – это творческий акт человеческой деятельности, пронизывающий всю социальную реальность и являющийся основанием общественной жизнедеятельности. Социальный выбор характеризуется разной степенью осознанности, гендерной дифференциацией, различной протяженностью во времени. Его основания лежат в системах выработанных социокультурным опытом человечества ценностей, его границы определены способностью к принятию решения, а горизонт – способностью к актуализации намерений. Социальный выбор несет в себе прогрессивную функцию и, даже обращая свое действие в прошлое, устремлен на движение вперед. Можно сказать: социальный выбор – это интенция настоящего в будущее.

ТЕКТОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Костов С.В.

Новосибирский государственный университет

С точки зрения тектологии развитие любой сформировавшейся системы происходит по простой схеме: «дифференциация – контрдифференциация». Из истории человечества известно, что самыми устойчивыми социальными образованиями были системы, построенные на авторитарном сотрудничестве, на власти-подчинении, т.е. на руководящей роли одних и исполнительской роли других (патриархальная община, феодальное общество, крепостная и рабовладельческая организация, государство, армия, церковь, школа, предприятие и, наконец, семья). Авторитарная система имеет свою «ахиллесову пяту», свой самый слабый комплекс, – это её центр управления (эгрессор), уязвимость которого порождена внутренним противоречием между ним и периферией. Суть этого противоречия в том, что организаторская функция, т.е. структурное приспособление всей системы, зависит всецело от индивидуального мозга авторитета, или властителя, тогда как масштаб организационной жизни коллективный. Следовательно, частичная и хотя бы кратковре-

менная индивидуальная недостаточность отражается на всём коллективе, иногда непоправимо или даже гибельно. Такого рода системную уязвимость в тектологии выражает принцип минимума, согласно которому устойчивость системы напрямую зависит от устойчивости самого слабого её комплекса. Исторически за весь период своего развития авторитарная система уже прошла стадию дифференциации и в настоящий момент находится в стадии контрдифференциации, т.е. интеграции в новое устойчивое образование. Эпоха индивидуализма, которую мы сейчас переживаем, потому и неустойчива, поскольку является переходной стадией между двумя равновесными системами, авторитарной старого образца с центром управления – индивидуальным мозгом, и нового образца с коллективным центром управления. Основные претенденты на роль глобального эгрессора интегрируют все существующие социальные системы, т.е. старого образца авторитарные общества, в единое глобальное целое с несколько обновлённым, но по-прежнему внутренне противоречивым авторитаризмом: с одной стороны, они усиливают слабое звено в управлении, прибегая к услугам «мозговых трестов» (think tanks), а с другой стороны, действуя прежде всего в своих частных интересах, сохраняют расхождение между целями своего развития и глобализируемого общества.

С 1917 г. по 1991 г. процесс контрдифференциации имел две тенденции, арогеничную и катагеничную, т.е. по сути было две контрдифференциации: одна глобализировала общество в единое арогеничное целое, в котором соблюдалась когерентность интересов центра и периферии, т.е. цели их были одинаковы, а другая – в единое катагеничное целое с некогерентным развитием центрального и периферических комплексов. До 1941 года доминировала вторая тенденция, которая после обострения в 1941-1945 гг. потеряла свои лидирующие позиции, в силу чего с марта 1946 до 1991 гг. между двумя конкурирующими тенденциями установилось «холодное» противостояние, но когда, начиная с марта 1985 г., сыграл наконец-то свою роковую роль принцип минимума, первая тенденция утратила свои паритетные позиции, и с 1991 г. вновь стала доминировать глобальная тенденция катагеничного типа. Однако в случае полного её успеха, причём независимо от того, какой конкретно сценарий при этом будет реализован, созданная глобальная система будет заведомо неустойчива в силу всей той же присущей ей внутренней противоречивости, и, как следствие, возможны два исхода исторического развития глобальной цивилизации: либо её крах, либо переход к устойчивой авторитарной системе с центром, арогичным периферии. В тектологии такой переход называется системной гармонизацией, в результате которой социальная энтропия минимизируется и вся социальная энергия, которая до этоготратилась на внутреннее противоборство центра и периферии, инвертируется на борьбу с внешней природой для более успешной к ней адаптации. Такая система с минимальными внутренними противоречиями в тектологии называется синергичной: в ней реализуются условия системной устойчивости (пе-

ревес асимиляции над дезассимиляцией и синергии над диссипацией, т.е. внутрисистемного согласования над противоречиями) и условие организационной симметрии (внутри- и внесистемные отношения выстраиваются на взаимодополнительной основе). Описанный выше процесс системогенеза «дифференциация – контрудифференциация» – это единый тектологический акт, в котором историческое противостояние двух самых активных и самых крупных интеграций глобального общества есть всего лишь один из организационных моментов, воспринимаемый нами как некая эпоха лишь в сопоставлении с периодом жизни одного поколения. Тектологически этот момент характеризуется огромной растратой внутренней энергии на социальное противоборство, что задерживает в целом развитие всей социальной системы, значительно снижая этим её адаптацию к постоянно изменяющимся внешним условиям. Между тем, они могут настолько неблагоприятно для неё измениться, что система попросту не успеет к ним приспособиться: либо не выработает для этого соответствующей формы адаптации, либо у неё не будет для этого средств. Наличие огромных трат на социальное противоборство свидетельствует о незрелости человечества как разумной расы.

Если человечество, интегрируемое в единое целое, намеревается комфортно обустроиться в непрерывно изменяющейся внешней среде, оно должно вступить в борьбу за своё существование как разумная раса, экономно и целесообразно используя имеющиеся в её распоряжении средства, а не распылять их на внутренние «разборки», сокращая этим потенциал собственного развития. Огромную трату социальной энергии несёт с собой уже сам процесс формирования центра вообще, не говоря уже о его катахиничности, но ещё более грандиозные траты сулит в будущем само существование такого центра. Человечество с таким «мозгом» можно сравнить с наркоманом, а точнее, с сумасшедшим. С энергетической точки зрения отношение социальной энергии, используемой человечеством целесообразно, ко всей затраченной энергии можно сравнить с КПД парового двигателя – отсюда и соответствующие темпы его развития: образно говоря, ползём и гадим. С таким эволюционным двигателем человечеству не выжить. Оптимально надёжен, одновременно и спасителен только аргеничный вариант глобальной цивилизации с центром, когерентным периферией, т.е. всему человечеству в целом.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЯВЛЕНИЯ

Лигостаев А.Г.

Новосибирский государственный педагогический университет

Судить об исторической альтернативности достаточно точно возможно только применительно к некому объекту – («целостности»), например, кон-

крайнему обществу, только в рамках определенного аспекта (например, социально-политического устройства этого общества), только как возможность установления некого «состояния» этой «целостности» в данном аспекте (например, установления демократического типа политического режима этого общества). Значит, историческую альтернативность (в наиболее общем смысле) можно понимать как возможность установления того или иного (одного из минимум двух возможных) «состояния» рассматриваемой исторической «целостности» в определенном аспекте, «воплощенного в действительность» в результате некой последовательности событий («альтернативного пути»). В качестве таких «целостностей» могут выступать общества, мировые системы, цивилизации и т. д.

Историческая альтернативность отличается от иных социально-исторических явлений, например, таких, как социальные революции, тем, что историческая альтернативность существует «внутри» иных явлений. Это объясняется тем, что историческая альтернативность «реализуется» в ходе развития иных «явлений» как возможность установления различных «состояний» обществ или иных «целостностей», в рамках которых происходят эти явления. Например, в случае социальной революции (то есть определенного явления) альтернативность может быть выражена в возможности (большей или меньшей) «воплощения в действительность» по ее окончанию монархической или республиканской форм правления для общества («целостности»).

Альтернативность в исторической действительности воплощается в том, что происходит «реализация» того или иного «состояния» рассматриваемой «целостности». Однако возможность «воплощения в действительность» различных «состояний» неодинакова. Возьмем гипотетический случай гражданской войны, в которой существуют две «стороны» конфликта, каждая из которых стремится установить в обществе, в котором идет эта война, определенный тип политического режима. Одна «сторона конфликта» стремится установить авторитарный политический режим, а другая – демократический. Авторитарный и демократический режимы – это и есть возможные «состояния» рассматриваемой «целостности». Но сама возможность «воплощения в действительность» этих «состояний» может быть различной. Например, «сторона конфликта», что отстаивает авторитарный тип политического режима, обладает силовыми (армия) ресурсами значительно превосходящими «объем» такого же ресурса иной «стороны конфликта», что выступает за демократический режим. Значит, возможность «воплощения в действительность» (в данном случае) авторитарного типа политического режима («состояния») выше, чем демократического. Возможна и такая ситуация, что оба этих «состояния» могут быть «воплощены в действительность» с одной и той же степенью возможности, понимаемой как вероятность, что происходит по причине того, что стремящиеся их «реализовать» «стороны конфликта» обладают одинаковыми или практически одинаковыми объемами ресурсов, которые могут быть «задействованы» против соперника. Поскольку возмож-

ность «воплощения в действительность» того или иного «состояния» рассматриваемой «целостности» (то есть историческая альтернативность) может быть различной, то сама историческая альтернативность может быть рассмотрена как переменная. Степень ее выраженности может иметь различные значения в конкретных случаях. Примем такое разграничение: степень выраженности исторической альтернативности тем более, чем более возможность «воплощения в действительность» минимум двух различных «состояний» в рамках данной целостности. «Реализуется» только одно из них, но возможности «воплощения в действительность» обоих «состояний» (если их два) практически одинаковы. Историческая альтернативность тем менее, чем более возможность «воплощения в действительность» только одного «состояния» из числа возможных.

В исторической действительности альтернативность существует всегда. Иными словами, нет такого момента в развитии обществ, цивилизаций и иных «целостностей», когда бы ни существовала выраженная хотя бы в минимальной степени возможность «воплощения в действительность» нескольких различных «состояний», или же возможность смены существующего «состояния» «целостности» (например, общества) на некое иное (как проявление исторической альтернативности).

В исторической реальности альтернативность никогда не достигает абсолютных значений минимума и максимума. Максимума – поскольку невозможны такие ситуации, когда возможность «воплощения в действительность» двух (или более) различных «состояний» некой «целостности» была бы абсолютно одинаковой, в частности, возможность установления авторитарного и демократического типов политических режимов. Такая ситуация была бы «идеальной», то есть возможной только теоретически. Минимума – поскольку не существует таких ситуаций, когда возможной была бы реализация только одного «состояния» для рассматриваемой «целостности» по определенному аспекту. В противном случае это бы означало, что общество с течением времени по данному аспекту не претерпевало никаких изменений (в абсолютном смысле этого слова), что также возможно только теоретически.

Тенденции эволюции «целостностей» могут изменять свою направленность. Таким образом, историческая альтернативность может быть представлена как совокупность переходов «целостностей» от одних «состояний» к другим. Существенной чертой исторической альтернативности является непредопределенность того, к какому «состоянию» произойдет «переход» «целостности». Альтернативность есть свойство исторического процесса, «благодаря которому» происходит историческое развитие.

ПРОШЛОЕ КАК СПОСОБ БЫТИЯ (КОНЦЕПЦИЯ ВОЗВЫШЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА Ф.Р.АНКЕРСМИТА)*

Рузанкина Е.А.

Новосибирский государственный технический университет

В современной философии и теории истории происходит обновление концептуального и терминологического аппарата, методологии исследования, возникают новые направления. Как отмечает Л.П. Репина, «современная историографическая ситуация создает огромное новое исследовательское поле для интеллектуальной истории, прежде всего, в направлении, связанном с историей исторической культуры» [3, с. 6], в рамках которого, как нам представляется, актуальным становится анализ понятия «исторический опыт», а также новых теоретических представлений, возникающих в ходе его осмысления.

Г.И. Зверева выделяет два значения понятия «исторический опыт», используемых в новоевропейской философии истории, теории и истории историографии: «1) «опыт истории», - выражение связи прошлого, настоящего и будущего, определенный результат исторического процесса, призванный быть изученным, использованным и превзойденным в обществе; 2) «опыт историка», - важнейшая процедура интеллектуальной работы, мыслительный процесс постижения прошлого, в котором устанавливается определенное отношение исследователя к своему предмету» [2, с. 106]. В работе «Возвышенный исторический опыт» голландский философ Ф. Анкерсмит говорит о трех видах исторического опыта: объективном, субъективном и возвышенном. Термином объективный исторический опыт он обозначает «то, как люди прошлого – представляющие объект исторического исследования – сами воспринимали свой мир» [1, с. 367]. Субъективный исторический опыт возникает при неожиданном слиянии прошлого и настоящего и переживании историком дистанции / различия между прошлым и настоящим. В возвышенном историческом опыте, в свою очередь, «прошлое обретает бытие лишь благодаря историческому опыту и через его посредство» [1, с. 368], этот вид опыта есть опыт обособления прошлого от настоящего, есть слияние объективного и субъективного опыта прошлого.

Фундаментом теории исторического опыта становится феномен ностальгии. «Субъективный исторический опыт [историка], - пишет Анкерсмит, - вполне может спровоцировать чувство утраты и ностальгии по прошлому, более желанному, нежели настоящее» [1, с. 369]. Именно в ностальгии кон-

* Работа выполнена при поддержке стипендиальной программы стипендий фонда Карнеги в области социальных и гуманитарных наук (*Carnegie Corporation Fellowship in Social Sciences and Humanities*) Смольного Колледиума

центрируется наиболее подлинный опыт прошлого, так как в ней происходит переживание прошлого в настоящем. В чувстве недостижимости прошлого, присущем ностальгии, сохраняется центральная позиция различия между прошлым и настоящим. Ностальгия выступает как способ переживания прошлого и настоящего, который реально возвращает нам прошлое.

В своей работе Анкерсмит выделяет два смысла понятия возвышенный исторический опыт 1) сама реальность (воплощенная в знаковых событиях, таких как Великая французская революция), которая меняет идентичность субъекта и характер историописания, и 2) экзистенциальный опыт историка, выраженный в его текстах. Возвышенный исторический опыт интересует Анкерсмита в большей степени во втором своем значении. В концепции возвышенного исторического опыта *возвышенное* является философским эквивалентом психологического понятия *травмы*, во втором смысле из двух, формулируемых Анкерсмитом. Так называемая «травма-1» бросает вызов нашей идентичности, но считается с ней, универсум идентичности остается невредимым и позволяет вытеснить травматическую утрату в бессознательное, тогда как «травма-2», или «возвышенное», заставляет нас отказаться от прежней идентичности. Травма-2, таким образом, предполагает переход от прежней к новой идентичности, что означает травматическую утрату самого себя (прежнего).

Вся концепция Анкерсмита строится на отказе от обсуждения исторического опыта в рамках субъект — объектных отношений, вопросов истины и, в целом, всей гносеологической проблематики. Для Анкерсмита вопрос об отношении прошлого (прошлой реальности, исторической реальности) и настоящего (познающего ее историка) есть вопрос онтологический. С точки зрения Анкерсмита, историку необходимо приобретать опыт самого прошлого, а не опыт чтения документов о прошлом (т.е. необходима реконструкция, а не конструкция прошлого). В возвышенном историческом опыте прошлое открывается историку как таковое, историк пребывает в нем, проходит сквозь него, но при этом прошлое сохраняется как что-то устойчивое, сохраняет свою сущность, чуждость настоящему бытию, каковым в данном случае выступает историк. Прошлое существует (как особый род бытия — бытия историка) в самом возвышенном историческом опыте историка.

Открытость опыта, позволяющая в тексте представить прошлое, каково оно есть, обнаруживается в высказывании — в историческом тексте. Историк «помещен» в прошлое и оттуда неизбежно представляет это прошлое в тексте — представляет истинно, хотя это для Анкерсмита вторично по отношению к самому опыту, т.е. к существованию прошлой реальности в опыте («опыт просто есть»). Прошлое не порождается историком в возвышенном историческом опыте, но высвобождается (раскрывается) к самостоятельному существованию. Поэтому мы можем говорить о подлинности опыта (прошлого) и непосредственном соприкосновении с прошлым. И поэтому построения в историческом тексте не произвольны, но представляют подлинный опыт

бытия прошлым историка. Прошлое обладает онтологическим статусом, первичным по отношению к конкретному отдельному человеческому бытию, поэтому историк не может творить прошлое в возвышенном историческом опыте, но только открыться ему. Но сама концепция возвышенного исторического опыта — это концепция опыта, которая не предполагает существование субъекта опыта. Исторический опыт — это безсубъектный опыт, субъект опыта появляется лишь благодаря и совместно с самим опытом.

Концепция Анкерсмита характеризуется им самим как крайний вариант эмпиризма, в котором опыту отведена более значительная роль, и в которой происходит отказ от трансцендентализации опыта. Таким образом, это постмодернистская (в рамках постмодернистской философии истории) ревизия традиционной метафизики — в плане критики традиционных концепций опыта (в данном случае исторического опыта).

Примечания

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007.
2. Зверева Г.И. Понятие “Исторический опыт” в “новой философии истории” // Теоретические проблемы исторических исследований, вып. 2, Москва, Исторический факультет МГУ, 1999. С. 104-117.
3. Репина Л.П. Современная историческая культура и интеллектуальная история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6, М.: :Едиториал УРСС, 2001.

«ЛОГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ» ИНДИВИДУАЛИЗМА И КОЛЛЕКТИВИЗМА Трубицын О.К.

Новосибирский государственный университет

Проблема противопоставления индивидуализма и коллективизма впервые появилась еще в античной философии. Однако по причинам социального характера в современной ее форме она была сформулирована только в 19в. С этого времени сохраняются устойчивые стереотипы того, что такое «индивидуализм» и «коллективизм», характерные равно для обыденного и для философского сознания. Индивидуализм обычно сближается с понятиями эгоизма и нонконформизма, рассматривается как характеристика индивида, стремящегося выделиться из коллектива, противопоставляющего свои частные интересы общественным. Коллективизм же воспринимается как его противоположность, сближаясь с конформизмом. Считается, что «коллективистский» индивид — тот, который стремится не выделяться из массы, не критически

воспринимает все установки массового сознания. Индивидуалист, соответственно, чаще всего характеризуется как инициативный, но слабо способный к организованной совместной деятельности, а коллективист – как дисциплинированный, но безынициативный исполнитель.

Для многих исследователей очевидна ограниченность этой схемы, основанной на бинарной оппозиции двух несовместимых личностных ориентаций. Время от времени предлагаются концепции, в которых выделяется тип людей с личностной ориентацией третьего рода, представляющей собой позитивный синтез этих двух. К. Маркс противопоставлял коммунизм как буржуазному обществу так и «грубому коммунизму». Соответственно противопоставлялись люди будущего коммунистического общества, способные к созданию добровольных ассоциаций, буржуазным индивидуалистическим и «казарменно коммунистическим» типам. Э. Дюркгейм выделял в историческом развитии периоды преобладания механической солидарности, ее кризиса и установления органического типа солидарности. Для общества с механической солидарностью характерны грубо коллективистские характеры, для общества периода роста аномии – утрированные индивидуалистические. В будущем же обществе, вследствие роста взаимозависимости его членов по мере развития разделения труда должен произойти позитивный синтез, когда развитый индивидуализм будет сочетаться с органической солидарностью. Еще одним примером попытки выделить третий, «синтетический» тип является концепция персонализма. Но эта концепция, обычно развиваемая в рамках религиозно ориентированной философии, оказалась весьма невнятной. В результате антропология до сих пор не имеет удовлетворительной схемы, позволяющей производить типологизацию личностей, а, следовательно, классификацию человеческих сообществ в зависимости от преобладания в них личностей того или иного типа.

Неудовлетворительность же наиболее общепринятой бинарной схемы «индивидуализм – коллективизм» проявляется в той роли, которую она сыграла в идеологической пропаганде в период холодной войны. Либералы представляли Запад в качестве оплота индивидуализма, а значит свободы. При этом они справедливо указывали, что официальный коллективизм социалистических стран на деле прикрывает диктатуру коммунистических партий, насаждающих единомыслие и единообразие. В свою очередь пропаганда социалистических стран столь же справедливо подчеркивала тот факт, что либеральный индивидуализм, разрушая классовую солидарность пролетариата, способствует закреплению его подчиненного положения по отношению к буржуазии. В конце концов, индивидуализм, препятствующий солидарным действиям граждан, также делает их разрозненные массы беззащитными перед организованной силой государства или бизнеса. В таком противопоставлении альтернатив, которые «обе хуже», чувствуется какой-то подвох.

Неудовлетворительность привычного противопоставления индивидуализма и коллективизма демонстрируют и современные социальные исследо-

вания, посвященные вопросам гражданской и производственной самоорганизации. Так Ф. Фукуяма, вопреки устоявшимся стереотипам, констатирует, что для русских не характерен коллективизм, что тормозит экономическое развитие России. С другой стороны, для традиционной американской культуры характерно сочетание индивидуализма и коллективизма, обеспечившее впечатляющий подъем США. Кризис же современных США связан с разрушением коллективистских ценностей в американской культуре, что, однако, не сопровождается усилением подлинного индивидуализма. Получается, неверно полагать, будто индивидуализм и коллективизм находятся в обратно пропорциональных отношениях, так что усиление одного означает ослабление другого и наоборот. Таким образом, антропологические исследования требуют использования иной исходной схемы типологизации людей.

В связи с этим предлагается иная модель, которую наглядно можно представить в виде таблицы из четырех ячеек, образуемых сочетанием двух уровней развития индивидуализма и коллективизма. Традиционной трактовке индивидуализма соответствует случай сочетания развитого индивидуализма и неразвитого коллективизма. Сообщество, состоящее преимущественно из индивидов данного типа представляет собой конгломерат эгоистически настроенных нонконформистов, не способных к эффективному добровольному сотрудничеству. Традиционной трактовке коллективизма соответствует случай сочетания развитого коллективизма и неразвитого индивидуализма. Сообщество личностей подобного типа – это коллектив безынициативных конформистов. Помимо этих двух типов сообществ можно выделить еще два. Во-первых, это конгломерат, состоящий из индивидов с неразвитым индивидуализмом и столь же неразвитым коллективизмом. Это означает, что данное сообщество представляет собой толпу эгоистов-конформистов, не способных к проявлению инициативы, не доверяющих друг другу, не способных, таким образом, ни к самостоятельным индивидуальным действиям, ни к добровольному сотрудничеству. Во-вторых, можно выделить тип человеческого сообщества, состоящий из людей с развитыми индивидуалистическими и коллективистскими способностями. Это добровольная ассоциация, состоящая из свободных, но солидарных индивидов, способных к сотрудничеству друг с другом.

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМА БЫТИЯ*

Ляшенко Ю.А.

Горно-Алтайский государственный университет

Увеличение и ускорение информационных потоков послужило причиной создания технологий, обеспечивающих возможность ее производства, трансформации, сверхскоростной передачи и распространения информации не только с помощью человеческого мозга и традиционных средств связи, но и с помощью совершенно новых технических устройств, заложивших материальную базу информационного общества и радикально изменивших всю систему духовно-практической деятельности человека. Компьютеры и информационные технологии обусловили переход человечества к новому информационному мируустройству. Данные обстоятельства порождают в обществе самые неожиданные последствия, что требует переосмысления проблемы человека и его существования.

Основная проблема современного информационного общества - отчуждение. «Наше общество, - пишет А. Турен, - это общество отчуждения, но не потому, что оно толкает людей в нищету или использует принуждение полицейского характера, а потому, что оно соблазняет, манипулирует, интегрирует» [3, с. 7]. Ряд ученых отмечают, что современное информационное общество «уродует человека, лишает порядочности, достоинства и самобытности, превращает его в «массового человека», стандартизирует личную и общественную жизнь, делает из него манипулируемого индивида» [1, с. 154].

СМИ как один из основных элементов информационного общества выступают не только для открытой, публичной передачи различных сведений с помощью специальных технических средств. Они являются сегодня одновременным проявлением силы и слабости, прогресса и отсталости. Массовые средства связи формируют общественное мнение в рамках всех сфер жизнедеятельности и закрепляют его в сознании человека. Они концентрируют в себе основные и наиболее влиятельные информационные потоки, придают необходимый вид информации и структурируют ее по своим правилам. Некоторые исследователи СМИ видят в них «суррогатные, лицемерные, уничтожающие человеческое достоинство явления, склонные к упрощенчеству, ведущие к эскализму». СМИ характеризуются массовым производством информации, игнорирующим индивидуальные вкусы граждан, стандартизирующим мышление, обезличивающим индивидов.

В таких условиях бытие человека приобретает антигуманный характер, ведущий к отчуждению: многие индивиды живут только как рабочая сила, но

* Тезисы подготовлены в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ (проект № 09-06-90701-моб_ст)

не как люди. Наполняя мир человека, обогащая сознание, информация неизбежно изменяет самого человека. Фальшивая информация дезориентирует, нарушает поведение и мышление, следствием чего является социально-духовная апатия и безучастное, пассивное отношение к окружающему миру. Информационное общество требует всецело подчиненного индивида и само формирует его. Научно обоснованное управление людьми и организация их информационной деятельности создают предпосылки такой идентичности, когда, согласно Г. Маркузе, индивид начинает идентифицировать себя с существованием, которое навязывается ему, и находит в этом источник своего развития и удовлетворения. «Эта идентичность, - пишет Г. Маркузе, - является не иллюзией, а реальностью. Тем не менее, эта реальность составляет более прогрессивную форму отчуждения. Оно становится полностью объективным: отчужденный субъект наслаждается своим отчуждением» [2, с. 45].

Еще один аспект, заслуживающий внимания, связан со сверхзанятостью современного человека, которая ведет к подавлению в нем духовного начала. В свободное время, которого не так много, вместо серьезных бесед или чтения книг, для которых необходима сосредоточенность, физической потребностью становится абсолютная праздность, развлечение и желание забыться. Именно с этой целью человек погружается в мир, создаваемый информационными технологиями. Он стремится не познавать и развиваться, а развлекаться - и притом так, чтобы это не требовало особого духовного напряжения. Даже в общении с близкими людьми человек не стремится превращать беседу в действительный обмен мыслями. Нормальное отношение человека к человеку становится затруднительным. Постоянная спешка, характерная для современного образа жизни, приводит к тому, что мы держимся отчужденно по отношению к себе подобным. Обстоятельства нынешнего бытия не позволяют нам относиться друг к другу как человек к человеку. Человек утрачивает чувство родства со своим близким, ступая на путь антигуманности. Спонтанные эмоции и амбиции заменяют интеллектуальные чувства, творческие переживания, сочувствие и сотрудничество в проблемных ситуациях. Выходящие из духовных основ делает бытие человека неустойчивым и ненадежным. Сегодня информационные технологии ограничивают человеческое бытие, заменяя традиционные качественные связи односторонними и мнимыми. Они отнимают свободу мышления, свободу действия, тем самым отчуждая человека и все более отдаляя от своей потенциальной сути.

Таким образом, технологический прогресс не оправдывает надежд на преодоление кризисной ситуации бытия, но наоборот, еще более усугубляет процессы отчуждения и потеряности личности.

Литература:

1. Арнольдов, А.И. Цивилизация грядущего столетия (Культурологические размышления) / А.И. Арнольдов. - М.: Грааль, 1997. - 328 с.
2. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого индустриального Общества / Г. Маркузе. – М.: REFL-book, 1994. – 341 с.

3. Touraine, A. Die postindustrielle Gesellschaft / A. Touraine. – Frankfurt am Main Suhrkamp, 1972. - 241 S.

О РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Луцина Т.Ю.

Удмуртский государственный университет (Ижевск)

В отечественной политической науке понятия «миф» и «мифология» уже заняли свое место в исследовании политических явлений и процессов. Сегодня можно отметить наличие двух тенденций, отражающих подходы к пониманию места мифологического в политике: стремление к рационализации и, наоборот, убеждение во все более возрастающей роли иррациональной составляющей жизни общества.

Рационализм, сопутствующий в общественном сознании идеологии Пропаганды, давно утвердился в качестве метода познания и критерия анализа политических явлений, тогда как обращение к бессознательным основам поведения *homo politicus* (без имманентной связи с религиозными, христианскими мотивами) получило широкое распространение преимущественно в XX столетии.

Критерии рационального подхода к политике нашли выражение в идеях демократизации, приоритета осознанного интереса к жизни по разумно установленным нормам и правилам. Соответствующие классическим образцам политической теории, принципы справедливости и общего блага, дополненные положениями о приоритете права и законности, стали обоснованием демократии как образа жизни, отвечающего выражению разумного начала человека. Однако, разумные установления, не подкрепленные моралью, не способны регулировать поведение человека в обществе. Решая проблему цели и средств в политике, Жак Маритен поднял вопрос о рационализации политической жизни. Для него этот процесс может иметь два противоположных варианта развития – технический и моральный. Первый, наиболее легкий, имеет истоки в макиавеллизме и в XX веке выразился в практике тоталитарных государств. Второй, более тяжелый, но «конструктивный и прогрессивный», воплотился в демократическом правлении, так демократия - это рациональное упорядочение свобод, основанное на праве. Таким образом, демократический вариант эволюции общественных отношений понимается как высшее выражение рационализма.

С позиции рационализма миф рассматривается в виде проявления перво-бытного, традиционного мышления и донаучного знания, то есть той части человеческого сознания, которая оппонирует разуму. При изучении современности миф ассоциируется с тоталитарным режимом.

В 90-е годы прошлого века в отечественной литературе утверждается представление о советском обществе как тоталитарном. Начинаются исследования феномена идеологии в СССР, дающей обоснование режиму и формирующей специфические формы общественного мышления. Многие ученые видят в ней проявление традиционных форм сознания, архетипов (Е.Б. Рашковский, А. С. Панарин, А. Топорков). Внимание к доиндустриальным формам коллективного сознания обуславливает обращение ученых к архетипам, мифологии. Выход архетипов на авансцену истории был определен ситуацией кризиса, социальной энтропии, связанных с особенностями отечественной модернизации. Образование мифа – органический процесс, отражающий не только цели идеологов, но и идущий снизу путем восприятия или отторжения предлагаемых идей.

Фактически в этом случае речь идет о социальных (подлинных, гражданских мифах). Такой миф отражает глубинные уровни сознания человека, несет архетипическую информацию о мире и самоорганизации социума. Социальная природа подлинного мифа проявляет себя в глобальности. Она существует в понимании ситуации, в которой оказывается общество, и способе решения проблем, с которыми оно сталкивается. Миф выступает как консервативная сила, консолидирующая общество на принципах обращения к прошлым формам существования и самоидентификации «свои-чужие».

Целью мифа здесь является сохранение гармонии и порядка в соответствии с исторической памятью народа через снятие внутрисоциальных противоречий. Подлинный миф дает группе и отдельному индивиду точку опоры в кризисные моменты, поскольку пробуждает сложившиеся ранее и сохранившиеся в подсознании ориентации и установки относительно социального и политического бытия. Тогда миф оказывается тесно связан с государственной идеологией, утверждение которой будет зависеть от того, насколько она сможет синтезировать современность и подлинный миф.

Теоретически подобные выводы относительно наличия мифов в социалистическом обществе обоснованы выводами антропологии. Мирча Элиаде обосновал присутствие в марксистской идеологии эсхатологических и миллениаристских мотивов. Марксистская основа советской идеологии обусловила имманентное присутствие в ней мифологии, а тоталитаризм превратил миф в практическое средство управления массами. Миф о «светлом коммунистическом будущем» стал важным фактором интеграции общества, реактивировав архетипический сюжет «пути».

С позиции рационализации политической жизни мифы предстают как часть сознания человека современного, но недемократического общества. Само по себе существование мифов не отрицается, но подчеркивается преимущественно негативный характер их воздействия на общественное сознание. Освобождение от мифов понимается как приобщение к цивилизованному миру.

Мифы рассматриваются как угроза демократии и с позиции их использования в качестве средства манипуляции общественным сознанием. Речь идет о неподлинных мифах. Причина их появления состоит в сознательной деятельности современных политиков. По внешней форме они нацелены на создание непротиворечивого образа, снимающего противоречия, но его цель – скрыть какую-то социальную или политическую проблему, тем самым затрудняя ее рациональное понимание и разрешение. Неподлинные мифы являются одним из самых действенных ненасильственных способов управления обществом, однако нет гарантии, что сами политики застрахованы от воздействия чужого или собственного мифа. Так, длительное время мифологизированным понятием в новой России была «демократия», с которой соотносились поступки, мнения, даже тенденции общественного развития, при том, что различные слои населения страны имели частую несоотносимые представления о демократии, не говоря уже о расхождениях с западным пониманием.

Утрата идеологии своей монополистической функции, переход в обществе, пережившее «конец идеологии» и «конец истории», привели к доминированию исследований неподлинных мифов в современной политике. А. Кольев, А. Цуладзе, С.Г. Кара-Мурза произвели анализ механизмов формирования и дешифровки политических мифов, а также факторов «разрушения» мифов.

Политический миф не является исключительно иррациональным феноменом, поскольку акт его сотворения и распространения предполагает сознательное, рациональное действие мифотворца.

Миф в современной политике присутствует в двух ипостасях – как основа социальной организации социума и как средство управления им. Рационализация политической жизни в полном объеме не осуществима, так как означает рационализацию индивида, подавление и даже уничтожение его природы.

Нематериальная основа идей рационализма и демократии позволяет увидеть присутствие в них самих иррациональных компонентов. Искусственно созданные мифы включаются в идеологию, когда она начинает участвовать в идейной конкуренции, что требует от нее четкой самоидентификации. Мифологизированными, т.е. приобретшими образное, более доступное и легко воспринимаемое выражение, становятся и теоретические компоненты идеологии, ее основные понятия. Они предстают в виде символов, с которым ассоциируется политическая идеология. Так, в либерализме это – свобода, права человека, суверенитет, в консерватизме – авторитет, семья, нация (народ) и т.д. В идеологиях новейшего времени часто происходит заимствование, наложение или дополнение символьных понятий, уже укоренившихся в общественном сознании, например, в феминизме – права женщин, экологизме – свобода животных.

В результате можно наблюдать противоборство неподлинных мифов различной ориентации, защищающих ценности той или иной идеологии как совокупности идей и фактора легитимации политической системы.

Мифология современной России имеет много вариантов, рассчитанных на самые разные социальные группы. Но многообразие мифов и их конструкций не означает наличия плюрализма в обществе, поскольку миф апеллирует к пространственно-образному мышлению человека, отличающегося некритическим восприятием окружающего мира, а потому легко подвергающегося манипуляции. Возможно, принятие знания о том, что мифы есть неотъемлемая составляющая сознания современного человека, позволит лучше понять механизмы политики, четче представить возможности участия в ней отдельного индивида с тем, чтобы более ответственно подойти к своей собственной судьбе и судьбе всего общества. Выбор демократического пути развития российским обществом (по крайней мере, для большинства населения он является приемлемым) предполагает стремление к политической культуре, в которой реализация частного интереса будет способствовать осуществлению общего блага.

УХОД ТРУДА ИЗ ОБЩЕСТВА ИЛИ ОБЩЕСТВО ТРУДА: АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Нечитайло С.А.

Новосибирский государственный технический университет

Сегодня много говорится о постэкономическом обществе, которое скоро наступит или уже наступило в развитых странах Запада. Такое общество характеризуется в первую очередь кардинальной трансформацией трудовых отношений предшествующего ему постиндустриального общества. В первую очередь это касается становления новых мотивов деятельности (личностный рост вместо материальной заинтересованности), превращение науки в непосредственную производительную силу, замена частной собственности личной, преодоление эксплуатации, повышение роли интеллектуалов и образования, а также вытеснение труда творчеством. Концепция эта в нашей стране наиболее ярко представлена в работах В.Л. Иノземцева и имеет как много сторонников, так и противников.

Перед тем как перейти к вопросу о трансформации трудовых отношений в постэкономическом обществе, предлагаю вспомнить, каково было отношение к труду и к человеку труда в предыдущие эпохи. По существу, мы можем выделить всего две кардинально отличные парадигмы. Это древнегреческая парадигма, унаследованная затем Римом и Средневековьем, в основе которой было презрение к труду и к той необходимости, которая лежала в его основе. Греки выделяли три рода занятий: свободные искусства, к которым относили архитектуру, медицину и сельское хозяйство, и "низкое искусство" или то, что называется холопские ремесла, за которые брались ради заработка и для

поддержания жизни. Это труд рыботорговцев, поваров, мясников и прочих. Оплате здесь подлежит результат проделанной работы, некий готовый продукт или произведенная вещь. И третий, и низший род занятий, то, что собственно и носит имя труда в отличие от вышеперечисленных "искусств", это деятельность, при которой оплате подлежат сами тяготы труда, а не готовый результат. Деятельность рабов.

Другая парадигма, новоевропейская, за основу взяла производительную мощь труда, которая явилась основой создания богатства и частной собственности. Этот критерий труда как производительной силы привел и к другому не менее значимому разграничению между трудом физическим и умственным, который по части производительности значительно уступая физическому труду, отныне тоже должен был доказывать собственную состоятельность.

Разделение труда на умственный и физический античности не было известно. Сама разница между *artes liberales* и *artes sordidae* «покоилась не на разнице между духом и телом или просто между головой и рукой, - как отмечает Ханна Арендт, - эти *artes...* были не "искусствами", а умениями, и отличались не тем что для них требовался высокий интеллект или что *ars liberalis*, свободное искусство было делом головы, а *ars sordida*, низкое искусство, делом рук. Критерий античности скорее чисто политический»[1]. "Свободные занятия" – это те занятия, которые осуществлялись по призванию, а не по нужде или необходимости. Деятельность направленная на необходимое и полезное, каким является хозяйственно-производительный труд, в греческом понимании является недостойной свободного человека. «Свободный гражданин полиса, человек благородный и с трудом не связанный, "склонен владеть прекрасными и невыгодными вещами, а не выгодными и для чего-нибудь полезными, так как самодостаточному первое более свойственно"»[2].

В наши дни мы можем наблюдать следующую картину. С одной стороны, по Иноземцеву, основной производственной силой общества становится наука и новейшие технологии. А престиж профессий связанных с производительным, а точнее с тяжелым физическим трудом (который и раньше-то был не высок, но с ним приходилось мириться) с возможностью переноса крупного производства в страны третьего мира упал окончательно. Казалось бы, цивилизованный Запад, перенеся производство и автоматизировав его, освободил себя тем самым для другой, высшей деятельности, предоставив тяготы труда нести за них рабам третьего мира. После этого уже ничего не остается, кроме как провозгласить «конец труда» и замену труда творчеством, о чем и толкуют идеологи постэкономического общества. Однако современный человек плотно встроен в схему производство/потребление, на которой базируется вся капиталистическая экономика. Более того, по мнению И. Джохадзе, капитализм не только реабилитировал труд как способ существования *homo faber`a*, но попытался также распространить логику *vita activa* на все прочие

сферах человеческой деятельности. Т.е. подчинить "прекрасное и невыгодное" (bonum) "полезному и необходимому" (utile).

Современные так называемые "творческие" профессии, завязанные на умственном производительном труде, мало общего имеют с теми "свободными занятиями" или "искусствами", о которых говорили греки. Сам критерий "производительности", которую Иноземцев тщетно пытается перевесить на науку и на производимые ею автоматы (как будто наука сама может что-то производить без посредства людей!), ясно указывает нам, что это в первую очередь труд, который требует от человека полной самоотдачи. А принцип, по которому эффективность работника измеряется количеством произведенных им идей (по-моему, это впервые, когда творчество стало измеряться эффективностью), следует понимать как признак того, что и творчество превращается в такой же тяжелый труд.

Таким образом, если докапиталистический человек и вынужден был трудиться для того, чтобы жить, то у него все еще сохранялся приоритет – сама жизнь, – жизнь была целью, а не средством. Капиталистический субъект такой возможности не имеет: он живет, чтобы трудиться и трудится, чтобы жить. По словам Джохадзе, это было начало лейборизации всего общества, закабаления человека трудом. Труд и обогащение с ним связанное, а не спасение души, как в Средневековье, и не досуг и свободное развитие личности, как в античности, стали самодовлеющей целью.

Литература

1. Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 117
2. Джохадзе И.Д. Демократия после модерна. – М.: Практис, 2006. С. 38

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА

Никитин А.П.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова (Абакан)

Традиционализм и консерватизм – два понятия, которые зачастую используются как синонимы. Однако сводить всю проблему их соотношения к сугубо терминологическим характеристикам довольно сложно. Связано это с тем, что оба термина используются в самом широком спектре значений. Поэтому необходим содержательный критерий, с помощью которого возможность их разграничения станет несомненной. Таким критерием в данной работе выступает отношение к традиции в концептах и традиционализма, и консерватизма.

Если говорить о традиционализме, то в самом широком смысле под ним понимают исключительную ориентацию на традицию, поддержание ее авторитета и подчинение этому авторитету. Традиционализм, в соответствии с этим определением, может быть представлен в двух ипостасях: как жизнь, непосредственно отвечающая требованиям традиции; и как идеология, обосновывающая необходимость соблюдения традиции. Первый вид традиционализма, согласно польскому исследователю Е. Шацкому, может быть назван «примитивным» и характеризуется отсутствием рефлексии, рационального осмыслиения традиции. Второй вид - «идеологический» - появляется тогда, когда традиционному положению дел приходит конец, традиции и освященный ими социальный порядок оказываются под угрозой и требуют защиты. Тогда и создаются специальные идеологии как системы аргументов в пользу традиций, обосновывающие необходимость их сохранения или восстановления, дающие разную оценку отдельным традициям. Такими идеологиями являются архаизм и консерватизм. Под первым Е. Шацкий понимает ориентацию на восстановление каких-либо элементов прошлого, уже не существующих в настоящем, что отличает его от традиционализма как консерватизма, направленного на сохранение существующих отношений [Шацкий, 1990. С. 390].

Таким образом, в синонимичном употреблении терминов «традиционизм» и «консерватизм» большой ошибки не обнаруживается, если мы признаем, вслед за польским социологом, что консерватизм – это частный случай традиционализма. Тем более, что такое употребление чаще всего встречается в исследованиях, посвященных именно консерватизму (всякий консерватор – традиционалист, но не наоборот).

Эта точка зрения представлена в научной литературе довольно широко, а аргументация всех тех, кто, так или иначе, связывает консерватизм с традиционализмом, связана со спецификой переживания времени в первом. Консерватизм всегда апеллирует к прошлому, пытаясь сохранить его в настоящем, и именно традиция выступает инструментом этого действия, ведь «в рамках традиции прошлое определяет настоящее через приверженность коллективным убеждениям и ощущениям» [Гидденс, 2004. С. 59]. Однако, как будет показано ниже, природа происхождения и трансформаций традиций во многом противоречит сущности консерватизма, который претендует на онтологический характер.

Одно из самых обобщающих определений консерватизма, данное К. Манхеймом, гласит, что это «есть прежде всего господствующая, инстинктивная, а подчас и теоретически обоснованная ориентация на имманентные бытию факторы» [Манхейм, 1994. С. 194]. Антирационализм – существеннейшая черта консервативного мышления. Оно не может опираться на гносеологическое отношение к миру, так как исходит из ощущения, что человек относится к некой непрерывной и уже до него существующей природной и общественной реальности, что он укоренен в ней. Данная реальность, безусловно, под-

вержена изменениям, но человек, будучи частью ее, не может изменять ее целенаправленно (в этом случае он абстрагирует себя от остального мира). Опыт прошлого, таким образом, естественным образом входит в настоящее, он постоянно в нем.

Казалось бы, традиция и есть этот самый опыт прошлого. Однако, мы не можем не признать, что многие традиции создавались людьми искусственно, то есть были подвержены действию человеческого разума, что для консерватора не приемлемо. Э. Гидденс, опираясь на исследование Э. Хобсбаума и Т. Рейнджа «Изобретение традиций», прямо заявляет, что сама идея традиции – порождение Нового времени, кроме того «мнение о том, что традиции не подвластны переменам – просто миф. Традиции не только со временем эволюционируют, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации. Если можно так выразиться, они все время изобретаются заново» [Гидденс, 2004. С. 57]. Даже не создавая традиций, а, пытаясь сохранить некоторые из них потому, что они оцениваются в данный момент положительно, общество вносит рациональный характер в их сущность (это касается и тех традиций, которые связаны с религиозной сферой).

Это не самое главное противоречие. Если сами консерваторы стоят на позиции, согласно которой традиции универсальны и органично присущи миру, то они попадают в другую теоретическую ловушку. Защита консерватором какой-либо традиции – это рациональный акт, это попытка построить учение о мире, согласно которому никакой интерпретации мира не должно быть. Осознав необходимость сохранения опыта прошлого, воплощенного в традиции, консерватор практически встает на ту же позицию субъект-объектного восприятия мира, против которой борется. Это означает, что иррациональная по своей сути идея органического развития общества, восприятия социальной реальности как имеющей онтологический статус, приобретает при своем воплощении рациональный, осмысленный характер.

Из этого видно, что так называемый «идеологический» традиционализм не может быть ассоциирован с «истинным» консерватизмом, в самой сути которого заложено отрицательное отношение к каким бы то не было идеологическим системам. Для традиционалиста, впрочем как и для прогрессиста любого направления, характерно убеждение, что он может получить знание о «хорошем» в готовом виде. Источник этого знания для традиционалиста (что отличает его от прогрессиста) – действительность, общественная реальность, осознавая которую, рефлексируя над которой, он выстраивает соответствующий набор существующих в ней традиций (так сделал в XIX в. в России С.С. Уваров). Для того, чтобы зажить счастливо, остается одно – следовать им. Консерватору претит сама мысль об осознании общественной действительности, он твердо убежден, что мир объективен и имеет собственные законы; человек – часть этого мира, и ему остается лишь инстинктивно руководствоваться ими.

Литература

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: «Весь Мир», 2004.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994.
3. Шацкий Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М.: Прогресс, 1990.

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Быховец М.В.

Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск)

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной социально-философской мысли тема консерватизма, в связи с социально-политическими трансформациями, является одной из наиболее значимых. Следствием подобного интереса стал отказ от существовавшего в советской науке понимания консерватизма как «стремления к сохранению общественных порядков», с присущей «враждебностью и противодействию прогрессу, приверженностью старому и устаревшему» [1]. Пришло осознание того факта что консерватизм и в настоящее время остается важным и актуальным явлением социально-философской и политической мысли. Но с другой стороны подобная ситуация породила другую крайность, по выражению С. Пантелеева, консерватизм в современной России стал своеобразным модным «брендом», присвоить который стремятся различные политические силы [2], а проблема определения сущности этого течения в философской и общественно-политической мысли продолжает оставаться открытой.

На наш взгляд, консерватизм – это весьма сложное явление социальной, политической и в целом культурной жизни, который выступает как совокупность разнообразных тенденций, идей и взглядов, что порой затрудняет его анализ. В целом консерватизм можно определить как *социокультурное явление, представленное в следующих измерениях*: во-первых, как психологические качества индивида, на уровне обыденного сознания, реализующиеся в установке «раньше было лучше» и выраженные в бессознательном обращении к прошлому как источнику стабильности. Во-вторых, консерватизм может выступать в *форме социально-политических институтов*, общественно-политических движений и партий. В-третьих, под консерватизмом подразумевается *комплекс социально-философских идей*, возникающих в результате реакции на идеи Просвещения и Великую Французскую революцию и развивающихся в полемике с двумя другими так называемыми «великими идеологиями»: либерализмом и социализмом. Характерной особенностью консерватизма является то, что его возникновение связано с угрозой разрушения традиционных институтов и ценностей в рамках определенной культуры. В свя-

зи с этим для их сохранения возникает необходимость теоретически обосновать и доказать преимущества сложившейся социальной реальности. Поэтому вполне допустимо вслед за К. Манхеймом понимать консерватизм, как «отрефлексированный» или точнее концептуализированный традиционализм. Иными словами консерватизм возникает, как попытка рационально эксплицировать и зафиксировать некие системообразующие, «вечные» социально-политические и духовно-нравственные основания культурной традиции в кризисных ситуациях и условиях способствующих их девальвации и опирается на психологическое стремление человека к стабильности и устойчивому развитию.

Подобное понимание помогает объяснить актуализацию консервативных идей в России со второй половины 90-х годов XX столетия. Социально-экономические проблемы, политический кризис и деградация духовно-нравственного состояния общества способствовали переизданию и активному исследованию творческого наследия русских консерваторов рубежа XIX – XX веков, а также появлению целой плеяды современных мыслителей, политических партий и общественно-политических движений, определяющих свои политические и социально-философские позиции как консервативные.

Говоря, об особенностях развития русского и, в частности, современного российского консерватизма можно попытаться выделить ряд целевых социальных групп, которые являются своеобразными центрами выработки идеологии консерватизма в современной России. Во-первых, это консервативное крыло Русской Православной Церкви. Во-вторых, национально ориентированная часть русской интеллигентской и духовной элиты, среди которой в основном и происходит идеологотворчество, речь идет, прежде всего, о научной и творческой интеллигенции. В-третьих, это силовики и политическая элита, включая создаваемые так называемые партии власти (которые все же с большей уверенностью можно характеризовать как партии центристского типа). Это далеко не полный спектр консервативных сил, но данный перечень позволяет нам судить о размахе и популярности консервативных идей в современной России.

Однако появление консерватизма на современной политической арене России и осмысление его социально-философских оснований обозначили очевидную проблему, собственно о сохранении какой традиции и ценностях идет речь? Если в конце 90-х годов XX в. большинство консервативно ориентированных мыслителей, обращались к идеям дореволюционного периода, то современный консерватизм, зачастую представляет собой уникальный синтез идей рубежа XIX –XX веков и недавнего советского прошлого, что позволяет сделать вывод о неком глубинном их идеологическом родстве.

Рассматривая содержание современных ценностных ориентаций отечественного консерватизма, можно выделить ряд ключевых идей. Речь идет, во-первых, о призывах следовать России по собственному пути национально-культурного развития, в том числе сформировавшегося под влиянием вос-

точно-православного христианства, ставшего основой русской духовной жизни и как следствие необходимости возрождения православия. Во-вторых, о признании значимости сильной верховной власти для поддержания стабильности и порядка, вплоть до призывов восстановления монархической власти или диктатуры. В-третьих, об идеях «общинности» и коллективности русского сознания, а также необходимости сохранения единого сильного государства – «империи» (принцип державничества), включая обоснование необходимости относительного изоляционизма и идей антизападничества, или точнее в настоящее время – антиамериканизма. Безусловно, отмеченные идеи представлены лишь в самом общем виде, но их обоснование и влияние напрямую прослеживается и в социальных ожиданиях населения, и в социально-философских работах консервативных мыслителей, и в политической теории и практике современной России.

Следует отметить, что несомненной заслугой русских консерваторов всегда являлось попытка понять и осмыслить специфику русской культуры и государственности. Но необходимо помнить, что культивирование и упование на некую призрачную самобытность и попытки искусственной реанимации давно утраченных идеалов и ценностей являются бесплодными, как и активное противопоставление себя, другим народам и культурам. Однако это абсолютно не значит, что консерватизм как политическая идеология и практика, как направление социально-философской мысли являются абсолютно бесперспективными для России. На наш взгляд, идея сохранения культурных традиций, знание адекватно оцениваемого исторического прошлого важны для любой нации и государства. Но, обращаясь более пристально к наследию как западных, так и отечественных консерваторов, следует помнить, что среди прочих их ключевыми идеями были: признание приоритета практической деятельности над идеологическими построениями; понимание необходимости социально-ориентированного государства, обеспечивающего защиту интересов, прав и жизнеспособности своих граждан; осознание необходимости воспитания и образования личности, способной нести ответственность за свои действия и понимающей, что включает в себя понятие «свобода» в гражданском обществе и умение грамотно ее распоряжаться. На наш взгляд именно эти идеи должны стать ориентирующими для современных консерваторов, как в теории, так и на практике, и могут способствовать преодолению сложившегося не только социально-экономического, но и духовного кризиса в современной России.

Литература

1. Мельвиль А.Ю. Консерватизм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 273.
2. См. Пантелеев С. Русский консерватизм сегодня. Битва за бренд // Свободная мысль, 2004. № 11. С. 45-62.

РОЛЬ КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Никонова И.О.

Новосибирский государственный педагогический университет

Так называемые теории заговора или конспирологические концепции играют заметную роль в современном политическом и оклононаучном дискурсе. Насколько корректно в отношении конспирологических концепций применение термина «теория» остается спорным. С одной стороны, конспирологические концепции конструируются рациональными средствами и обладают объяснительной силой в отношении общественных, экономических и политических явлений. Это сближает их с социальными теориями. С другой стороны, конспирологические концепции не удовлетворяют многим критериям научности, принятым в научном сообществе, таким как фальсифицируемость и верифицируемость. Существует подход, рассматривающий конспирологические концепции как специфический социокультурный феномен, наиболее характерный для эпохи массовой культуры, хотя, следует отметить, отдельные примеры конспирологических концепций можно обнаружить в исторические эпохи, предшествующие появлению средств массовой коммуникации. Тем не менее, наиболее заметную социальную роль теории заговора стали играть в рамках искусственно конструируемых идеологических концепций в XX веке.

По мнению А.Л. Топоркова, «в нашем столетии мы имеем дело главным образом с мифами политическими и идеологическими, которые имеют существенную специфику по сравнению с мифами традиционными (т.е. и мифами архаическими)». Они, как и архаические мифы, призваны создать образ новой реальности, придать осмысленность человеческому существованию, мифологизировать прошлое социума, организовать поведение людей, реализоваться в общественных ритуалах и укрепить социальные связи. Но, в отличие от традиционных мифов, объектом мифологизации в них являются не боги, культурные герои или предки, а реальные люди и события настоящего и недавнего прошлого. Кроме того, современные мифы, в отличие от архаических, имеют искусственную, «рукотворную» природу, основаны на научных теориях, правдоподобны и наукообразны, распространяются не устным и рукописным путем, а через средства массовой информации [1].

Исследователь Джордж Энтин предлагает следующую трактовку теории заговора: «теория заговора — это подразделение конспирологии, наиболее широко отражённое в произведениях искусства и в СМИ. Сущность явления — вера в то, что существует один или несколько тщательно скрываемых заговоров «сильных мира сего. В периоды потрясений, войн, революций, кризисов модными становятся разговоры, что эти стихийные напасти сознательно организованы некими тайными обществами. Чтобы подчинить

себе, закабалить простых смертных». Обычно целью заговора указывается оболванивание и порабощение человечества (или, по меньшей мере, стремление участников заговора к неограниченной власти)» [2].

Следует отметить, что понятие «теория заговора» очень близка к понятию «миф». Об этом, в частности, свидетельствует немецкое слово *Verschwörungsmythos* (мифы о заговорах). С одной стороны, это более подходящий термин нежели «теория», которая подразумевает рациональную, научную базу.

Ричард Хоффштадтер для характеристики конспиративизма, т.е. конспиративистского менталитета использует словосочетание «параноидальный стиль». Словарь Ефремовой дает следующее определение термину «паранойя» — форма психического заболевания, характеризующаяся своеобразной бредовой переработкой жизненных впечатлений при сохранении формальной правильности мышления [3].

Следует отметить, что в современном обществе теории заговора играют существенную роль. Социальная психология раскрывает, что теории заговоров дают их сторонникам целостную картину мира, в которой нет противоречий, неточных деталей и вопросов без ответов. Они дают ощущение комфорта, снимают тревогу и объясняют личные неудачи. Идентичную характеристику мы встречали в определении феномена «массовой культуры». У этих понятий есть и другие общие черты: исследователи отмечают, что мир конспиративиста радикально дуален и полон угроз; в нем проводится четкая грань между силами добра и силами зла, причем последние одерживают верх. Невидимые силы постоянно действуют и, как правило, держат невинных под наблюдением.

Сходство конспиративизма с мифом очевидно — им присуща высокая символичность: почти любая вещь или человек являются символом чего-то иного. «В этой Вселенной нет ничего нейтрального: все обременено аффектами, коллективными чувствами и намерениями. Будучи субъективными, люди очень часто придают предметам и существам свойства, которыми последние не обладают ни в какой форме или степени. Воображаемое пропитывает реальность и подчиняет ее до такой степени, что всякая дифференциация становится невозможной. Иными словами, объективные, социальные и экономические причины той или иной ситуации вообще не принимаются во внимание».

Отметим, что основополагающая функция теорий заговора схожа с функцией стереотипа, однако если последний дает упрощенную картину отдельного феномена, то глобальная теория заговора — упрощенную картину мира. Собственно создание определенного стереотипа восприятия — это одна из целей массовой культуры. В социальном плане, пик популярности глобальных теорий заговора совпадает с периодами экономической и (или) политической нестабильности, кризиса. Данное сходство подтверждает тезис о принадлежности теорий заговоров к мифам, распространенным в массовом

сознании. Глобальные мифы дают выход хаотичной деструктивной социальной энергии, что делает их одним из наиболее эффективных инструментов манипуляции массами в кризисных обществах.

Литература

1. Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие / А.Л.Топорков // www.ruthenia.ru/folklore/topork-ovl.htm.
2. Савельев А. Политическая мифология // www.savelev.ru/books/
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный.- М.: Русский язык, 2000.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МИГРАНТОВ: АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ НА БАЗЕ УЧЕНИЯ С.Л. ФРАНКА О ДУХОВНЫХ ОСНОВАХ ОБЩЕСТВА*

Кириллова А.И.
Гимназия № 6 (Новосибирск)

При изучении миграции важно знать характер протекания социализации у мигрантов. Мы хотим прежде, чем исследовать данный процесс эмпирически, понять какова качественно должна быть социализация в новой «среде», чтобы обеспечить не просто выживание и функционирование мигрантов, но их сохранение и развитие как личностей. Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо прояснить онтологические корни социализации.

С.Л. Франк о духовных основах общества.

Философская система, выстроенная Франком, является наиболее полной и систематически разработанной из всех построений русских философов [4, с.158]. Она проработана именно в тех частях, которые имеют принципиальное значение для социологии, где раскрыты первоосновы личности и общества, их взаимодействия, соотношения на онтологическом уровне. Франк доказывает равнопервичность «я» и «мы», что позволяет преодолеть «извечную» социологическую антиномию первичности личности и общества. В свете его философского учения личность и общество равнопервичны, личность включает изначально в свой состав идею «мы», которая впоследствии разворачивается через взаимодействие с эмпирическим миром «других людей», т.е. обществом.

* Работа выполнена при поддержке Фонда РГНФ: грант РГНФ № 09-03-00491а по теме «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество».

1. О природе социальной реальности

По мнению Франка «...общество именно потому есть особая, своеобразная область бытия, что оно не есть просто совокупность, внешняя связь и взаимодействие индивидов, а есть их первичное внутреннее единство – исконное многоединство, или соборность, как специфическая форма бытия» [5, с.64]. Бытие общественного явления предполагает их подчинение данному явлению. Своеобразие объективно-идеального бытия общественного явления в том, что «оно есть идея-образец, т.е. идея, самый смысл которой заключается в том, что она есть цель человеческой воли, телеологическая сила, действующая на волю в форме того, что должно быть, что есть идеал» [5, с.71]. Простое взаимодействие между людьми не есть еще общественное явление. *Подлинно общественное явление* имеет место лишь когда многоединство, лежащее в основе общения воспринимается людьми и действует как сила, которой они подчинены, как образцовая идея. «Так, частые встречи между двумя людьми и их взаимная симпатия еще не есть союз дружбы; последний имеет место там, где эти люди сознают себя «друзьями», т.е. подчиняют свои отношения идеалу дружбы, где дружба как «союз», как «единство» сознается ими как объективное начало, властивующее над ними обоими» [5, с.71]. Следовательно (наш вывод), содержание норм – это «идеал отношения» (например, добровольно и сознательно подчиняются норме дружеских отношений) и «чувствия отношения» (имеют дружеские чувства, симпатию), а форма норм – это «действия отношения» (поступают внешне в принятой в данном сообществе форме дружеских отношений, например, ходят друг к другу в гости, дарят подарки и др.). Приобщение к обществу, являющееся основой таких социальных процессов, непосредственно влияющих на формирование личности, как социализация, социальная адаптация, инкультурация, включает 1) обучение чувствовать внутри себя реальность других «ты» («ты», по Франку, предполагает отношение любви, значимости другого); обучение чувствовать реальность «мы» - общности, любящего единства людей; 2) введение в сознание индивида понятия об идеале взаимоотношений между людьми (социальных отношений) – взаимной любви, заботы (или хотя бы обязанности); 3) обучение конкретным действиям, основанным на данном чувстве и данном идеале.

2. О природе человека

Франк разделяет христианское учение о том, что природа человека богочеловечная и падшая одновременно. Богочеловечность «есть общая идея, распространяющаяся на человека вообще, на все человечество... Можно сказать, что *человечное в человеке есть именно его богочеловечность*» [5, с.315]. Он пишет, что учение о грехопадении говорит о фактической нищете человека, об его униженном состоянии, но не об онтологическом его ничтожестве [5, с.313]. Правильные, соответствующие истинному существу человеческой личности условия ее совершенствования и сохранения отражены, по Франку, в христианской морали: ее содержание есть «всеобъемлющая, захватываю-

щая всю душу любовь к Богу и самоотверженная любовь к ближнему, если она отвергает всякий эгоцентризм, всякую сосредоточенность человека на самом себе... Любовь к Богу и людям есть тот необходимый свежий воздух, которым одним только и может дышать человеческая душа, та живая вода, без которой она засыхает и гибнет... Это вытекает в конечном счете из онтологической взаимосвязанности человеческих душ...» [5, с.303-304].

3. О соотношении индивидуального и общественного.

«Я» уже заранее имеет понятие «не-моего я», что делает возможным общение между сознаниями, равно воспринимающими друг друга, «другой» понимается не столько как объект познания («он», чужой, объект), а как активное, равное и сродственное мне «ты». «Я» не существует и немыслимо иначе, как в отношении «ты» – как немыслимо «левое» вне «правого»; само «я» конституируется актом дифференциации, превращающим некое слитное первичное духовное единство «мы» в соотносительную связь между «я» и «ты» [5, с.49-50]. «Мы» есть единство категориально разнородного личного бытия «я» и «ты»; в отличие от всех других форм личного бытия, оно принципиально безгранично и может включать в себя все сущее. «Мы», по Франку, – некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия. Это единство множественности [5, с.51]. «Мы» столь же первично, как и «я». «Мы» есть столь же непосредственное и неразложимое единство, как и само «я», такой же первичный онтологический корень нашего бытия, как и наше «я». Каждое из этих двух начал предполагает иное и немыслимо вне бытия иного. Духовное (и социальное) бытие имеет два соотносительных аспекта: оно есть раздельная множественность многих индивидуальных сознаний и вместе с тем их нераздельное исконное единство [5, с.52]. Я – не только малая частица мирового целого, подчиненная силам этого целого, – я вместе с тем средоточие мирового целого или бесконечное место, в котором оно присутствует *целиком*, – так же как я есмь точка, через которую проходит связь мира с Богом. Я есмь «я сам» именно потому, что я трансцендирую и объемлю и все остальное. Само «вне» находится здесь «внутри» [6, с.542]. Франк утверждает «великое всеединство бытия», «в силу которого все частное и единичное есть не только часть целого, но и несет в себе самом все целое» [6, с.542].

К определению социализации в терминах учения С.Л.Франка о «я» и «мы»

В наиболее общем виде социализацию определяют как процесс приобщения индивида к обществу. Мы выделили 5 типов определений социализации: как обретения социальности, адаптации, инкультурации, овладения нормами, обучение ролям [3]. Но т.к. в эмпирической реальности социальная жизнь наполнена противоречивыми, разнонаправленными явлениями и процессами, то к социализации относят как овладение культурой, так и овладение бескультурьем, как созидающие личность и общество процессы, так и разрушающие его. Мы предложили [2] для сглаживания этого противоречия

опираться на нормы морали и права. Однако, если подходить к вопросу более строго, этого недостаточно. Чтобы уйти от релятивистского «все относитель-но», необходимо встать на иную философскую основу. Такая основа есть в религиозной философии, признающей существование Абсолюта.

Рассматривая онтологическую природу общества, Франк пишет: «Общественная жизнь имеет своим единственным, конечным назначением осуществление своей истинной онтологической природы во всей ее конкретной полноте, т.е. «обожение» человека, возможно более полное воплощение в совместной человеческой жизни всей полноты Божественной правды» [1, с.12]. Представление о двух уровнях существования общества – эмпириическом и онтологическом - позволяет преодолеть на теоретическом уровне противоречивость понятия социализации. Социализация, как и всякий социальный процесс, также протекает на двух уровнях. Первоначальное представление о социализации как приобщении к социальному можно уточнить в терминах Франка: это есть взращивание, развертывание обществом в индивиде (и индивидом в себе) в составе индивидуального «я» реальности онтологического единства (соборности), включая «научение» чувствовать внутри себя эту тягу к Абсолюту как тягу к Истине, к «правильному» положению вещей (голос совести). Потому для социализации так важны нормы морали (и права), что они как раз и призваны пробуждать и тренировать голос совести в человеке. Через обучение внешней форме моральных норм, человек получает представление о ценностях, идеях, стоящих за ними. Онтологически личность всегда есть «мы», а не одно лишь «я». «Всякое умаление действия соборности, всякий отрыв от нее испытывается личностью как умаление, обеднение ее самой, как лишение» [5, с.61]. Таким образом, качественное содержание социализации на онтологическом уровне – это обогащение структуры личности за счет включения силой любви в свое сердце, свой внутренний мир «других» (Бога, людей, природного мира, всей вселенной). В силу онтологического неразрывного единства личности и общества мы делаем вывод, что суть всех социальных процессов, формирующих личность (социализации, воспитания, социальной адаптации, инкультурации и проч.), позитивна, созидательна для личности и для общества одновременно; они приближают личность к обожению. Поэтому и эмпирические трактовки данных процессов, в частности социализации, должны иметь позитивный характер. Такие явления, как определение социализации или инкультурации как приобщения к чему угодно в обществе, неправомерны. Эти процессы подразумевают приобщение только к здоровому и оздоравливающему личность. Так, на эмпирическом уровне социализацию личности можно определить как приобщение ко всему тому в обществе, что способствует влоблению в общество, сроднение с ним и росту и обогащению личности. Так понятая социализация естественным образом связывается с позитивной (конструктивной, созидательной) социальной активностью и выражается в этическом принципе служения.

Литература

1. Алексеев П. Философская концепция С.Л.Франка / Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Издательство «Республика», 1992.
2. Борисова Л. Г., Кириллова А. И. Социализация: определение качественных границ понятия // Социализация молодежи в условиях развития современного образования: Материалы международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, апрель 2004 г.: [В 2 ч.] / Под ред. Е. В. Андриенко; редкол.: Е. В. Андриенко и др. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – Ч. 2. – С. 76–85.
3. Борисова Л. Г., Кириллова А. И. Социализация и девиация: методологический анализ сущности разнонаправленных процессов // Свободное время подростков: социализация или девиация: Учебно-методические материалы / Науч. ред. Л. Г. Борисова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – 212 с. – С. 48–67.
4. Зеньковский В.В. История русской философии (в двух томах). – Ленинград: «ЭГО» 1991.
5. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Издательство «Республика», 1992.
6. Франк С.Л. Сочинения. М.: Изд-во «Правда», 1990.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: «ПЛОТНАЯ» И «ТОЩАЯ» ИНТЕРПРЕТАЦИИ Шрейбер В.К.

Челябинский юридический институт МВД РФ

В интервью «Новой газете» Д.Медведев, соглашаясь, что «общественный договор означает передачу части полномочий, которые в силу естественного права принадлежат человеку, - в пользу государства», вместе с тем энергично возражает против антитезы «колбасы и свободы»: «нельзя противопоставлять стабильную и благополучную жизнь набору политических прав и свобод». Тем не менее, иностранные инвесторы сетуют на правовые ограничения и высокие риски, граждане продолжают жаловаться на взяточничество и коррупцию, правозащитники твердят о преследовании политических диссидентов и о том, что обвиняемые нередко не могут использовать свое право на защиту.

В чем основание этих жалоб? Лежат ли они в институциональной плоскости, то есть в принципах политического и правового порядка, которые не обеспечивают реального разделения властей и сводят всю демократию к выборам того, кто уже выбран на «междусобойчиках» людей из Кремля, топ-менеджеров крупнейших российских компаний и руководства силовых

структур? Или же все дело в исторически сложившейся политico-правовой незрелости и безграмотности большинства населения? Правы ли идеологи глобализации, говоря, что развитие мировых рынков приведет к установлению демократических режимов и конвергенции правовых систем по направлению к правовому правлению? Или же к истине ближе «патриоты» и сторонники культурного релятивизма, полагающие, что правовое государство – продукт западного Просвещения, и оно расходиться с правовыми традициями российского общества и, во всяком случае, любое правовое государство может существовать лишь с национальной спецификой?

Если к вопросам такого рода подходить с предзданной теорией, возникает опасность получить её зеркальное отражение, то есть увидеть только то, что хотели, и упустить нечто важное и значимое. Поэтому в данной ситуации есть резон опереться на введенное Клиффордом Гирцем разграничение «плотного» (обильного – *thick*) и «тощего» (*thin*) описаний. Гирц, которого считают одним из основоположников культурной антропологии, видел цель своих исследований не в описании, а интерпретации культуры. Интерпретация, по мысли исследователя, включает в себя изучение контекста действующих агентов и тем самым позволяет придать смысл самому действию. Подобные описания-интерпретации Гирц назвал «плотными». В самых общих чертах они были обрисованы в работе 1973 года «Интерпретация культуры». Так называемое «тощее» описание не позволяет интерпретировать; оно довольствуется каталогизацией некоторых объективных характеристик. Примером этого подхода может служить структурализм Леви-Стросса с его стремлением отыскать общие черты, характерные для всех культур.

Соответственно, будем различать «плотную» или субстантивную и «тощую» концепции правового государства. «Тощая» – это по существу процедурная концепция правового правления. Процедурная концепция подчеркивает формальные или инструментальные аспекты правового правления – те черты, которыми обладает любая эффективно действующая система права независимо от того, является ли общество демократическим или недемократическим, буржуазным или социалистическим, теократическим или светским. Приверженцы этой точки зрения, в общем, согласны, что юридические законы должны быть публичными, обязательными для всех, не имеющими обратной силы, ясными, непротиворечивыми, выполнимыми, стабильными и обеспеченными правовой санкцией.

Субстантивная или «плотная» концепция также признает значимость формальных компонентов правовой системы, но идет дальше и вводит в свое содержание экономические и политические идеи (рыночный капитализм, централизованное планирование, etc.; демократия, многопартийность, etc), а также теорию человеческих прав.

Очевидно, что социально-экономическое и политическое содержание концепции может различаться. Либеральная концепция правового государства строится на признании частной собственности с разными степенями госу-

дарственного вмешательства в экономическую жизнь. Другими её значимыми компонентами являются многопартийность, когда люди могут выбирать и выдвигать своих представителей на все уровни общественного управления, и либеральная интерпретация прав, которая отдает приоритет гражданским и политическим правам индивидов над экономическими, социальными, культурными и коллективными правами. Напротив, защитники социалистической концепции правового государства стоят за централизованное планирование экономики, ведущие позиции в которой занимает общественная собственность. В политическом плане этому базису соответствует верховенство коммунистической партии, стабильность и – что составляет едва ли не самую яркую черту нашего массового правосознания - главенство коллективных прав по отношению к правам индивидуальным, а также большая значимость социально-экономических прав по отношению к правам политическим. Наряду с этими формами можно выделить промежуточные модели, вроде коммунистической и «мягкого» авторитаризма.

Понятно отсюда, что правильная оценка достигнутого нами уровня правового развития должна исходить из принципа единства исторического и логического и учитывать влияние исторических традиций. Когда же западные и наши критики ругают российскую государственность за малую либерализацию, они отождествляют правовое правление с его либеральной разновидностью.

О ФЕНОМЕНЕ УТОПИИ

Шатула Т.Г.

Мы рассматриваем утопию не как мыслительную конструкцию, происходящую из эскалации товарно-денежных и технологических процессов, а как метапаттерновое явление, связанное прежде всего с идеей «светлого будущего», которая, в свою очередь, порождена особенностями человеческого сознания.

Термин «утопия» как таковой возник лишь после выхода в XVI в. христоматийной «золотой книжки» Мора, но как мысль, ищущая подтверждения действительностью, утопия существовала с гораздо более давних времен. Ранняя сознательная история человечества была пронизана преимущественно религиозными течениями сprotoутопическими смыслами – хилиазм, миллениаризм, различные пророчествования на тему Судного дня и Второго пришествия. В их основе лежал такой мотив будущего, как надежда на вознаграждение по заслугам (справедливость восторжествует, угнетаемые поднимутся над угнетателями).

Одной из первых по существу, и при том политически направленной, утопии считается произведение античных времен – «Государство» Платона. Но

здесь нужно отметить, что все же «Утопия» Мора ознаменовала собой важный водораздел в истории утопического сознания не по случайному стечению обстоятельств, а по причине существенного различия между направлениями ранней и поздней утопической мысли. Ранняя была обращена в светлое прошлое. И только начиная с Мора стала формироваться обращенная в перспективу, в будущее утопическая мысль, что последовательно определило появление социально-аналитических и прогностических тенденций в утопиях. Классические утопии Нового времени ориентированы на изменение условий жизни и это, понятно, объясняется социальными противоречиями.

Растущее количество и многообразие утопических произведений постепенно вывело на первый план вопрос: чем является утопия для человека? представляет ли она собой способ осчастливить человека или же способ сделать его жизнь и его самого совершеннее? Человек счастливый и человек совершенный – это две различные концепции, и даже если авторы утопических произведений не всегда отдают себе отчет, в каком именно ключе – антропоцентристском или мироцентристском – они рисуют свое идеальное общество, внимательный сторонний наблюдатель (вернее, читатель, но не суть важно) способен отметить эту принципиальную разницу. Логично, что в ходе общего развития человечества, технического прогресса, появления новых географических знаний и открываемых всем этим перспектив будущего утопии приобретали дополнительные характеристики и новые методы реализации.

К сожалению, размытость классификационных границ не позволяет четко отделить человека счастливого от человека совершенного, поскольку при изменяемости набора условий или угла взгляда первое может быть приравнено ко второму. Но, по нашему мнению, возможно сформулировать критерий, условно позволяющий провести разделение между концепциями человека счастливого и человека совершенного. Совершенство человека – это понятие, не поддающееся объективации, оно задается внешними факторами, в частности, авторитетным мнением (правительства, экспертов или иных людей, чьи суждения имеют вес), которое может утвердить любую «норму» совершенства. При таком подходе в совершенные рамки будет вписываться и евгенический человек, и человек-киборг с нестареющим телом и феноменальными физическими возможностями (на фоне текущего технологического прогресса достаточно актуальный вариант). Диаметрально противоположной, но также в определенной мере подходящей проекцией человека совершенного окажется и тотально дисциплинированный гражданин, как, например, рядовой служащий из антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Почему нет, если теоретически такой человек, выполняя все требования общества и живя по предписанным правилам, соответствует тем самым утвержденной правительством модели хорошего, правильного, а потому «совершенного гражданина»? Спорный вопрос, безусловно, но в исследованиях утопической мысли всегда отсутствует

вовала конкретизация ввиду того, что многочисленные подобные нюансы продуцируют разные трактовки и классификации.

Существует амбивалентная утопия, которая формирует одновременно человека совершенного и человека счастливого, – «Уолден-2» Б. Ф. Скиннера, влиятельного ученого-психолога XX века. В романе описывается идеальное общество, созданное психологами-правителями и поддающееся управлению за счет модификации поведения с самого раннего возраста, призванной вытеснить неполезные качества и черты и закрепить исключительно нужные и правильные. Последовательное достижение «механицизма поведения» методами Скиннера апеллирует к очевидному воздействию «кнутом и пряником». Индивид награждается за полезную с точки зрения экспериментатора деятельность и наказывается за нежелательную. Однако взгляды Скиннера на способ отучения от «неправильных» действий отличается – он отрицает общепринятую схему наказания, поскольку, к примеру, водитель, оштрафованный за нарушение правил, может не соблюсти их вновь, если увидит, что поблизости нет служителей порядка. Более глубокие, на физиологическом уровне, попытки «усовершенствовать» человека представляют собой различные биопроцедуры (бетризация как прививка от агрессии в «Возвращении со звезд» С. Лема или особое лекарственное лечение в «Заводном апельсине» Э. Берджесса).

Отсюда, если пытаться рассуждать формально, можно сделать относительный вывод, что утопия совершенная строится на убеждении в том, что разум, наука и прогресс будут в своей рациональной совокупности достаточны для создания преуспевающего, эгалитарного общества. Таким образом, в этой утопии наличествуют заданные правящей верхушкой нормы жизненно-го уклада и поведения и имеет первостепенное значение внешняя упорядоченность. Идя подобным путем, утопическое государство становится антитезой иррациональности, стихийности человеческой натуры и, что характерно, способствует подавлению у многих людей творческого сознания, желания созидать, которое обычно происходит из стремления изменить окружающий мир. Иногда забота о поддержании жизнедеятельности людей полностью отдается государству или технологиям, что приводит к умственной и физической бездеятельности людей (к примеру, сходная ситуация складывается у Э. Форстера в рассказе «Машина останавливается»).

Здесь выходит на первый план неразрешимая проблема психологического и экзистенциального характера – человек иррационален по натуре, он не может бесконечно жить по одному и тому же заведенному порядку, и тотальную обусловленность его сознанию не привьешь. Вероятно, отдельные индивиды были бы довольны размеренной и спокойной жизнью, но, как показывает история человечества, большинство однообразия и симилярности не переносит. Кажется, что в представлениях о счастье существует общность, но его конечный рецепт для всех неодинаков. И поэтому вычленить идею человека счастливого гораздо сложнее, нежели человека совершенного, посколь-

ку подавляющее большинство утопий ментальный аспект подробно не рассматривает. Либо же рассматривает крайне оценочно в силу вышеуказанных затруднений.

В классических произведениях всеобщие равенство и занятость эквивалентны счастливому состоянию, еще некоторые трактуют счастье в более широком смысле – возможность поступать согласно своим желаниям, делать все, что хочется (один из ярких примеров – Телемская обитель в «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле). В специфических случаях человек счастливый интерпретируется как человек, возвращающийся к истокам – к природе – и живущий в естественных условиях (Г. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу»), или как человек, избавившийся от негативных эмоций и психофизиологически полностью открытый другим людям (Э. Беллами «Остров ясновидцев»). Порой счастье может быть и вовсе насищенным (здесь снова можно вспомнить «Возвращение со звезд» С. Лема).

Этика, антропология, философские вопросы культуры и образования

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРЫ Дробышева Е.П.

Десятилетия культурная политика в нашем обществе формировалась и функционировала по историцеским моделям, которые породили множество стереотипов и упрощенных схем развития общества. Опираясь на эти историцеские схемы, так называемые «отраслевые» модели культурной политики воспроизводят единообразие функционирования культурных образцов и разрабатывают технологии их достижения. (Селезнева, 1996, с. 127). Критики национальной культурной политики небезосновательно указывают на техноцентризм ориентаций, закономерно возникающий из упрощенных схем, когда развитие сферы культуры представлено преимущественно в категориях технологического совершенствования и программного обеспечения, т.е. опять в форме обезличенных показателей и ведомственных нормативов. Однако есть и более серьезные претензии к национальной культурной политике, которые критикуют не столько цели, сколько ее ключевые элементы – представления о культуре и нации. В частности, наиболее серьезная критика исходит из лагеря теоретиков постколониальных исследований. Именно в этом теоретическом пространстве, с его особой чувствительностью к теме культурного доминирования и дискриминации, анализируются общепринятые представления о культуре и нации. Этот анализ позволяет обнаружить ряд базовых допущений, очевидность которых не ставится под сомнение проводниками и разработчиками культурной политики. Хоми К. Бхабха, один из

наиболее часто цитируемых зарубежных теоретиков культуры, директор Центра гуманитарных исследований Гарвардского университета, утверждает, что именно в современных представлениях о "культуре" и "нации" содержится источник порождения межнациональных конфликтов, ставших характерной чертой современности.

Хоми К. Бхабха, работая в рамках фукианской традиции, рассматривает всю совокупность современных высказываний о культуре и нации, как дискурс. Он проделывает с национальным дискурсом ту же работу, что и Фуко с психиатрией, медициной, политической экономией в «археологический» период. Взяя понятия, которыми оперирует национальный дискурс, Бхабха, говоря словами Фуко, желает «лишить их ореола квазиочевидности, ... нарушить то спокойствие, с которым мы к ним относимся, и показать, что они не следуют из самих себя, а являются лишь порождением конструкций, правила которых нужно знать и справедливость которых надлежит контролировать» (Фуко, 1996, с. 26). По мнению Бхабха, такими квазиочевидными понятиями национального дискурса являются понятия «нация», «народ», «культура» и «время».

В качестве примера такого рода дискурса Бхабха рассматривает получившую широкое распространение и ставшую основой культурной и иммиграционной политики в США, Австралии, Канаде концепцию мультикультурализма. Как показывает Бхабха, мультикультурализм, утверждающий в нашем сознании идею уважения к культурным различиям, парадоксальным образом не поддерживает, а нивелирует культурное разнообразие, не создает пространство для гармоничного сосуществования культур, а порождает между ними неразрешимые противоречия, дискриминацию и конфликты. Бхабха обращает внимание на то, что «презумпция равного уважения» в концепции мультикультурализма обращается в суждение о ценности культуры. В рамках либеральной традиции, берущей свое начало в теориях эпохи просвещения, сложилось представление о том, что существует некая общечеловеческая культура, как совокупность достижений человечества. В этом случае неявным образом оценивается масштаб "вклада" каждой отдельной культуры в общий культурный «котел». Эти "вклады" с очевидностью не равны, у одних они больше, у других меньше, а чьи-то и вовсе может оказаться незначительным или просто незамеченными. Таким образом, культурное пространство иерархизируется, появляются центр и периферия. «Периферийные» культуры, если не игнорируются, то наделяются маргинальным статусом культур меньшинства. Заметим, что такая-же иерархизация культурного пространства происходит и на "национальном" и на региональном уровне. Здесь так же существует представление о "общенациональной культуре", об особой специфичной культуре региона, например, о татарской или алтайской культуре, в которых так же можно распознать культурный центр и периферию.

Такое «горизонтальное» восприятие общества складывается благодаря одному из ключевых элементов национального дискурса - историцистскому

концепту времени. Историцизму свойственно представление о линейном поступательном движении истории, из которого выводится идея прогресса и существование неких универсальных законов развития. Это и обуславливает то, что все частные культуры полагаются размещенными на некой воображаемой плоскости, где они располагаются в системе бинарных оппозиций: центр - периферия, цивилизованность - отсталость и т.д. Второй важнейший элемент национального дискурса - "народ" или "нация", которые понимаются как субъект истории, развивающийся во времени. Современные исследователи национализма единодушны во мнении, что концепт нации это изобретение нового времени. В частности, Б. Андерсон и Э. Геллнер предлагают свой весьма любопытный анализ его становления. Однако современным историкам и политологам до сих пор свойственно вести происхождение наций с древнейших времен. В своих поисках истоков наций они с необходимостью обращаются к концепту культуры, так как именно предполагаемая культурная преемственность позволяет им говорить об истории современных наций, якобы берущих свое начало в глубокой древности. Таким образом, идея культуры народа, преемственности культурных традиций, становится необходимой составляющей национального дискурса. Но культура, как утверждает Бхабха, никогда не бывает цельной, чистой, она всегда состоит из частей, примесей, это всегда некий культурный микс. Это свойство характерно не только для культур эпохи глобализации. Оно всегда ей присуще. Чистая, подлинная национальная культура, как пишет в своих «Заметках к определению культуры» Т.С. Элиот, это не более чем умозрительный концепт. Мы никогда не можем сказать где заканчивается одна культура и начинается другая. "Границы" культуры, как и "границы" культурного сообщества, лишь полагаются, или, используя терминологию Х. Бхабха, предписываются, причем так, что они всегда размыты, неопределенны. Это, как утверждает Бхабха, открывает пространство для политического маневра. Именно глядя на пространство "между" границ, как пишет Бхабха, мы можем увидеть то, как конструируется народ, можно увидеть борьбу разных групп идентичностей, пытающихся утвердить свои границы культуры. Попытка зафиксировать, провести границу является не чем иным как "авторизацией культурного гибрида" и обращение к истории и к традициям является средством легитимации, следовательно, средством борьбы за авторизацию культурного пространства. Рассматривая в этом ракурсе национальную культурную политику, мы сталкиваемся с противоречием. Культурная политика, в соответствии с либеральными установками, имеет в качестве одной из задач сохранение культурного разнообразия и направлена на сохранение культурных традиций. В то же время, как правило, обращаясь к культурной традиции в ее ортодоксальном или этнографическом варианте, она стремится закрепить существующие культурные идентичности. Не случайно региональные и федеральные власти в качестве основных культурных мероприятий устраивают ярмарки и фестивали народного творчества, а в качестве агентов, репрезенти-

ирующих культурные меньшинства, выступают представители официально признанных культурных автономий. Акцент, который национальная культурная политика делает на этнографический компонент, работает на фиксацию культурной идентичности, что, с одной стороны позволяет сконструировать культурное меньшинство, как некую этнографическую общность. С такой общностью легко коммунировать через неких официальных репрезентантов. Но с другой стороны, такой подход не позволяет видеть сложную борьбу, где культурное меньшинство, утверждает себя в культурном, а в месте с ним и в социальном и политическом пространстве.

В современных условиях, как считает Бхабха, теория культуры не должна исходить из идеи подлинной и пред-данной субъективности, в поисках которой обращаются к истории и традиции народа. Современная теория должна демонстрировать, как конституируется идентичность в условиях культурной гибридизации. Теория культуры, а вслед за ней и культурная политика, должна учитывать сложный характер современного сообщества, которое в данных ему политических условиях пересматривает и переконструирует себя.

Литература

- H. Bhabha, (1990) *DessemiNation: time, narrative, and margins of the modern nation*. In: *Nation and Narration*. London and New-York: Routledge
- H. Bhabha, (2008) *The Location of Culture*. London and New-York: Routledge
- H. Bhabha, (2008) *Culture's in-between*. In: *Questions of Cultural Identity*. Edited by Stuart Hall and Paul du Gay. London: SAGE
- D. Huddart, (2006) *Homi K. Bhabha*. London and New-York: Routledge
- E. Gellner, (1983) *Nation and Nationalism*. Oxford.
- A. Smith, (1998) *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*, London: Routledge
- И. М. Мусаев, (2006) *Современные подходы к изучению национализма*. Человек. Сообщество. Управление. №1
- Е. Селезнева, (1996) *Культурная политика сегодня: рецидивы историизма?* Социологические исследования. № 10. С. 127-130.
- М. Фуко, (1996) *Археология знания*. Киев.
- Т.С. Элиот (1996) *Заметки к определению культуры*. – Антология культурологической мысли. М., С.259-261.

ДИАЛЕКТИЧНОСТЬ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Руди А.Ш.

Омский государственный технический университет

Коммуникации как процесс взаимодействия субъектов по природе своей диалектичны. Отсутствие различий между коммуникантами (например, информационных) делает коммуникативную связь бессмысленной. Научные коммуникации – устойчивая система сотрудничества (в самом широком смысле этого слова) ученых, связанных профессиональными интересами, но не всегда являющихся единомышленниками – тому не исключение.

Сущность науки определенно заключается в а) генерации идей, гипотез, объясняющих мир, б) превращении этих гипотез путем доказательства в теории, в) распространении теорий во имя дальнейшего познания мира, развития науки. Все три процессуальных составляющих коммуникативны по своей сути. Строгое рассмотрение вопроса заставляет признать, что сама генерация идей является процессом коммуникативным в той мере, в какой коммуникативно, социально в свою очередь сознание, продуцирующее научные теории. Существование науки возможно лишь в условиях хорошо налаженного механизма научных коммуникаций. Широкая сеть коммуникативных связей есть среда существования науки и внутреннее ее содержание. Современная наука не создается и не движется ни одиночками, работающими в изолированных кабинетах и лабораториях, ни даже научными школами, независимо существующими в вузах, городах, государствах. Сама процедура присвоения научных степеней предполагает не только высокий уровень профессиональной компетентности, знакомства с новейшими достижениями в исследовании интересующей соискателя проблемы в отечественной и мировой науке (отсутствие в диссертационной библиографии указаний источников на иностранных языках представляется уже недопустимым), но и апробацию полученных результатов в различных коммуникативных системах, на международных конференциях, публикацию в многотиражных журналах с широкой научной читательской аудиторией (резонно здесь вспомнить утверждение Р.Прайса о том, что журналы существуют не для того, чтобы их читать, а для того, чтобы в них публиковаться). Взаимодействие ученых представляет собой условие и доказательства гипотетических идей, и их распространения.

Диалектика, будучи учением о развитии, как нельзя более отражает суть науки, как постоянно развивающегося знания о развивающемся мире. В первичном своем значении, являясь искусством вести беседу, искусством спора (а в споре, как известно со времен Гераклита и Сократа, рождается истина – цель научных изысканий), диалектика соответствует содержанию научно-коммуникативных процессов, наиболее интересных и плодотворных в случае встречи (или столкновения) противоположных позиций. Речь не обязательно идет о контарных противоположностях (физиках и лириках, идеалистах и

материалистах, механицистах и релятивистах, верующих и атеистах). Здесь подразумеваются и контрадикторные противоположности – идеалисты и не-идеалисты, например. К не-идеалистам относятся те, кто не относятся к идеалистам. Многие философы не задаются вопросами о субстрате бытийного первоначала, а потому с одинаковым успехом могут быть отнесены к не-идеалистам и не-материалистам. Да и Платон, как помнится, не позиционировал себя объективным идеалистом, а был назван таковым помимо его воли и после его смерти. Основываясь на одном из древнейших философских посылов – уверенности в эвристичности диалектических построений, допустим в качестве безусловно полезного включение в научные коммуникации, скажем, физиков-ядерщиков для расширения коммуникативного пространства физиков-оптиков, или электротехников, математиков, философов-онтологов, эпистемологов и антропологов. Наука, несмотря на множество своих дисциплинарных ипостасей, исследует все-таки один объект – мир во всем многообразии его проявлений. Исследуя целостный объект, наука должна стремиться к собственной содержательной и формальной целостности. Процедура анализа малопримечательна без осуществления после всех аналитических действий синтеза.

Диалектические закономерности обнаруживают себя в разворачивании коммуникативного процесса в науке. Томас Кун, описывая процесс обновления корпуса научных знаний, говорит о накоплении фактов, которые сначала незначительно, но по мере накопления все более явно противоречат существующей на тот момент парадигме. Ввиду отсутствия на ранних этапах становления европейской науки развитой системы коммуникаций между учеными, он отмечает медленное изменение сведений об изучаемых объектах. Со временем сведения, не соответствующие доминирующей теории, накапливаются в таком количестве, которое с необходимостью приводит к качественному преобразованию парадигмального фундамента науки [Кун Т. Структура научных революций М., 2003. – С.101-103.]. Здесь с очевидностью просматривается действие принципа перехода количественных изменений в качественные. Научный спор, служащий примером борьбы противоположностей – тезиса и антитезиса, способствует обнаружению качественно иных умозаключений, в синтезе снимающий исходное противоречие. Существует позиция, ставящая под сомнение рождение истины в споре ученых, утверждая, что «борьба противоположностей» не рождает новое качество, а лишь испытывает его на жизнестойкость: делает уже рожденную истину достоянием всех членов научного сообщества [Левин Г.Д. Противоположности и противоречия // Эпистемология & Философия науки. – 2007. – № 1.]. Позиция весьма спорная. В дискуссиях, естественно, может победить искусный оратор, отстаивающий правильную или не совсем таковую позицию. Но автор напрасно исключает возможность нахождения учеными, сидящими за круглым столом с целью сглаживания острых углов гипотетических построений, искомых обюдоудовлетворяющих концепций, совершенно не звучавших в

начале коммуникативной процедуры. Представленная же здесь точка зрения позволяет продемонстрировать, что незначимые проблемы не вызывают научных дискуссий, а последние тем продуктивнее, чем больший диапазон мнений и соответствующих аргументов охватывают.

О ВОЗМОЖНОСТИ КАЧЕСТВЕННОГО ПЕРЕХОДА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Шматков М.Н.

Сибирский государственный университет путей сообщения
(Новосибирск)

Система образования, являясь важнейшим социальным институтом, неизбежно подвержена влиянию многочисленных противоречивых процессов и тенденций, характерных для современного динамичного общества. К таким процессам относятся кризис ценностей и культуры, процессы глобализации, информатизация общества, переход общества на новую стадию цивилизационного развития.

В таких условиях к образованию во всем мире предъявляются совершенно иные требования, со стороны общества имеют место принципиально иные ожидания, чем еще 15-20 лет назад.

Следует отметить, что в отечественной системе образования уже на протяжении более десяти лет наметилась целая серия существенных нововведений, призванная привести структуру, содержание и основные механизмы функционирования системы образования в соответствие с современными общественными вызовами. К таким нововведениям можно отнести перестройку отечественной системы образования по образцу европейских стандартов (Болонский процесс), пересмотр номенклатуры направлений и специальностей подготовки, содержания образовательных стандартов, массовое внедрение в учебный процесс новых педагогических технологий, активное внедрение в систему образования средств информационно-коммуникационных технологий (информатизация образования).

В то же время, система образования по своей сути весьма инертна по отношению к различного рода нововведениям и перестройкам. Не только отечественная, но и мировая история образования убедительно показывает, что для претворения в жизнь даже незначительных нововведений в системе образования, для более или менее объективной оценки результатов таких нововведений требуются не месяцы, а годы и десятилетия. Именно поэтому проблемы российского образования в современный переходный период должны решаться не по отдельности, а, на основе междисциплинарного подхода, комплексно, в их взаимной связи, в развитии, с учетом всех окружающих

факторов. Представляется, что целью такого рода нововведений (и это в полной мере относится к проводимым в настоящее время преобразованиям отечественной системы образования) должно быть не приобретение новой системой образования каких-либо внешних отличий от прежней системы образования, а переход системы образования в новое качественное состояние, которое позволяло бы получать в данной системе результат, более адекватный современной действительности, сохраняя, в то же время, весь позитивный опыт, накопленный за предыдущую историю развития отечественного и мирового образования.

В полной мере сказанное относится и к информатизации образования, которая в настоящее время заслуживает всестороннего социально-философского анализа. Видится, что приобретение системой образования некоторого нового качества является главной целью информатизации образования.

Качество некоторого объекта как философская категория представляет собой неотделимую от бытия объекта его существенную определенность, благодаря которой данный объект является именно этим, а не иным объектом. Качество отражает устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта, которое характеризует его специфику, дающую возможность отличать один объект от других. Именно благодаря качеству каждый объект существует и мыслится как нечто ограниченное от других объектов. Вместе с тем качество выражает и то общее, что характеризует весь класс однородных объектов [1, с. 186].

Отражая содержание категории «качество» во всех его возможных мыслимых проявлениях в составных частях объективной реальности, философское определение категории качества все же не раскрывает его специфики в сфере образования, что отмечают, в частности, Т.И. Березина и Г.А. Коротко [2].

С одной стороны, это можно объяснить спецификой понимания термина качества в той области знаний, которая исследует вопросы управления качеством и обеспечения качества. Термин «качество» понимается здесь скорее не в характеристическом смысле, как это мы видим в философском определении, а больше с потребительской точки зрения, нежели с общефилософской. С другой стороны, рассматривая вопросы качества применительно к сфере образования, следует констатировать существенную специфику объектов, субъектов и отношений, возникающих в данной сфере, равно как и целей, задач, а также механизмов их достижения.

Анализируя современные концепции качества, видится обоснованным согласиться с мнением А.И. Субетто по поводу того, что качество представляет собой сложную категорию. Категорию эту возможно определить только через систему суждений – определителей, в которых отражаются основные системные принципы и закономерности формирования и развития качества, необходимо раскрыть связи категории качества такими возникающими в про-

цессе создания конечного продукта категориями как свойство, структура, количество, система, эффективность, оценка, управление и др. [3].

Следуя А.И. Субетто, итог обобщения существующих в научной литературе по проблемам качества точек зрения можно представить как определение категории *качества* в виде следующей системы аспектов, в которых оно выступает: аспект свойства; аспект структурности; аспект динамичности; аспект определенности; аспект внешне-внутренней обусловленности; качество; аспект спецификации; аспект ценности.

Проблематика качества в сфере образования в настоящее время представлена различными научными направлениями. Так, Ю.К. Бабанский и А.М. Моисеев отталкиваются от целей и задач, стоящих перед образовательным процессом [4], выбор другой отправной точки исследований привел к созданию концепции, нашедшей отражение в трудах И.Я. Лернера, В.В. Краевского, Т.И. Шамовой, Г.А. Коротко, Л.Я. Зориной, Т.И. Березиной, М.Н. Скаткина и др. [5], Т.И. Шамовой, Т.М. Давыденко и Н.А. Рогачевой предложен подход к построению системы качеств знаний, главное положение которого заключается в том, что система качеств должна давать возможность субъектам управления образовательным процессом выявлять тенденции изменений в знаниях учащихся по наиболее существенным сторонам, а также одновременно судить и о развитии личности учащихся [6].

Проблема управления качеством образования подверглась системной разработке также в трудах других исследователей уже с конца 80-х годов прошлого столетия, к числу которых относятся Ю.А. Конаржевский, А.М. Данкман, Н.Н. Булынский, В.П. Панасюк, М.М. Поташник, Л.Ф. Колесников, Л.Г. Борисова, В.Н. Турченко, М.Ф. Ткач, М.Н. Берулава, Б.М. Бим-Бад, А.В. Петровский, Л.А. Майборода и др.

Анализ понятия «качество образования» позволяет заключить, что, несмотря на множественность подходов к определению данного понятия и наличие целого спектра моделей управления качеством в вузе, существуют реальные предпосылки для того, чтобы *информатизация образования стала средством повышения качества* последнего. При этом, реализация данных предпосылок возможна, как минимум, в двух направлениях. *Первое* из них направлено на учебно-воспитательный процесс и заключается во внедрении средств информационно-коммуникационных технологий в учебных процессах высшей школы с тем, чтобы повысить показатели качества образования. *Второе* направлено на управленческую деятельность и состоит в реализации механизмов управления качеством образования в вузе на базе соответствующих аппаратных и программных средств. Кроме этого, исходя из наиболее общего, философского понимания категории «качество», можно обратить внимание на то, что применение средств информатизации в образовании должно приводить не только к изменению количественных показателей учебного процесса, но данные количественные изменения должны порождать *новое качество* в рамках системы образования, переводить ее в *новое качество*.

ственное состояние, в котором цели и задачи образования как социального института реализуются более адекватным современным условиям социальной реальности способом.

Образованию, как особому роду человеческой деятельности, присущи определенные атрибуты, которые определяют категорию качества образования. В отношении теории качества образования в настоящее время следует признать, что в данном направлении пока существуют отдельные, хотя зачастую и достаточно глубокие, но все же частные исследования, направленные на решение конкретных задач, а также намечены отдельные направления на пути к созданию всеобъемлющей теории качества образования. Современное понимание категории «качество» применительно к сфере образования создает предпосылки для реализации информатизации образования как средства повышения качества последнего. Применение средств информатизации в образовании должно приводить не только к изменению количественных показателей учебного процесса, но данные количественные изменения должны порождать новое качество в рамках системы образования, переводить ее в новое качественное состояние, в котором цели и задачи образования как социального института реализуются более адекватным современным условиям социальной реальности способом. Данные обстоятельства актуализируют проблему моделирования информационных процессов в образовании, информатизации образования, меры и границ применения информационных технологий в образовании.

Литература

1. Философский словарь [Текст] / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Полит. лит., 1991.
2. Березина, Т. И. Управление качеством образования в лицее: монография [Текст] / Т. И. Березина, Г. А. Коротко. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005.
3. Субетто, А.И. Проблема качества высшего образования в контексте глобальных и национальных проблем общественного развития: (Философия качества образования) [Текст] / А.И. Субетто. – 2-е изд. – СПб., 1999.
4. Моисеев, А.М. Управленческая концепция директора школы [Текст] / А.М. Моисеев. – М., 1991.
5. Качество знаний учащихся и пути его совершенствования [Текст] / Лернер И.Я., Зорина Л.Я., Батурина Г.И. и др. – М., 1978.
6. Шамова, Т.И. Управление адаптивной школой: проблемы и перспективы [Текст] / Т.И. Шамова, Т.М. Давыденко, Н.А. Рогачева. – Архангельск: Изд-во Помор. пед. ун-та, 1995.

ПОНЯТИЕ «КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ» В НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Шматков Р.Н.

Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск)

В современной социально-политической ситуации трансформации отечественной системы образования, в соответствии с требованиями Болонской декларации, особую актуальность приобретает проблема социально-философского осмыслиения понятия «качество образования». Указанное понятие все чаще употребляется в выступлениях руководства страны, чиновников Минобрнауки, в дискуссиях представителей научной общественности. Таким образом, понятие «качество образования» вошло в сферу общегосударственных интересов и требует четкой формулировки в отечественных нормативных документах. Проанализируем существующие формулировки понятия «качество образования» в отечественных нормативных документах из сферы образования с позиций социальной философии.

В результате проведенного анализа удалось выяснить, что за последние пятнадцать лет сформировалась солидная нормативно-правовая база системы оценки качества образования в Российской Федерации [1, с. 75]. В основу указанной нормативно-правовой базы легли Закон Российской Федерации «Об образовании» (от 10 июля 1992 г. № 3266-1 с последующими изменениями и дополнениями [2]), Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ) [3], постановления Правительства РФ «О государственной аккредитации высшего учебного заведения» (от 2 декабря 1999 г. № 1323) [4] и «О лицензировании образовательной деятельности» (от 18 октября 2000 г. № 796) [5].

Однако, несмотря на такое обилие нормативных актов, регулирующих качество отечественного высшего профессионального образования, ни в одном из них не было дано четкого определения понятию «качество образования». Правда, из контекста документов можно было понять, что под *качеством образования* в них понимается степень соответствия действующим образовательным стандартам.

После принятия Концепции модернизации российского образования до 2010 года [6], а также одобрения Правительством Российской Федерации Приоритетных направлений развития образовательной системы Российской Федерации на период до 2010 года был проведен ряд важных мероприятий, определивших новые тенденции развития системы образования: были разработаны подходы к независимой объективной оценке качества образования, к совершенствованию контрольных процедур, были созданы модели организации контроля качества образования и формирования нормативной базы для общероссийской системы оценки качества образования (ОСОКО).

На заседании Межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Образование» при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике от 26 декабря 2007 г. был разработан проект Концепции общероссийской системы оценки качества образования (ОСОКО) [7]. Вторая редакция указанного проекта была опубликована 2 февраля 2008 года.

В указанном проекте, пожалуй, впервые определяется в явном виде со стороны государства понятие «качество образования».

Под *качеством образования* в данной Концепции понимается характеристика системы образования, отражающая степень соответствия реальных достигаемых образовательных результатов и условий обеспечения образовательного процесса нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям [7, с. 43].

Оценка качества образования подразумевает оценку образовательных достижений обучающихся, качества образовательных программ, условий реализации образовательного процесса в конкретном образовательном учреждении, деятельности всей образовательной системы страны и ее территориальных подсистем [7, с. 43].

Под *общероссийской системой оценки качества образования* понимается совокупность организационных и функциональных структур, норм и правил, обеспечивающих основанную на единой концептуально-методологической базе оценку образовательных достижений обучающихся, эффективности деятельности образовательных учреждений и их систем, качества образовательных программ с учетом запросов основных потребителей образовательных услуг [7, с. 44].

В своей статье «Становление общероссийской системы оценки качества образования» [8] Руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО В.А. Болотов уточнил определение качества образования, понимая под *качеством образования* интегральную характеристику системы образования, отражающую степень соответствия реальных достигаемых образовательных результатов государственным нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям. То есть, термин «характеристика», который был указан в определении качества образования в Концепции ОСОКО, В.А. Болотов заменил на термин «интегральная характеристика», уточнив тем самым данное определение.

Следовательно, под качеством образования В.А. Болотов понимает не какую-либо абстрактную характеристику, а именно интегральную, то есть единую характеристику системы образования, отражающую степень соответствия реальных достигаемых образовательных результатов государственным нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям.

Далее в своей статье В.А. Болотов, в частности, указывает на то, что произошло *изменение понимания качества образования*. В системе рыночных

отношений качество рассматривается с позиций его соответствия требованиям потребителя (потребностям учащихся, их родителей, рынка труда, общества и государства) [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что В.А. Болотов как представитель отечественных законодателей в области качества образования считает качество образования «рыночной категорией», а рынок — главным императивом измерений качества образования. Именно об опасности такой, по сути, не полной, ограниченной, «приземленной» точки зрения и предупреждает в своих трудах А.И. Субетто [9]. В рассмотренных нами нормативных актах нет ни слова о духовности как основной составляющей качества отечественного образования, что, на наш взгляд, является существенным их недостатком. Именно на это, по нашему мнению, и следует обратить внимание нашим ученым и законодателям при осмыслиении и формулировании ими понятия качества образования.

Необходимо постоянно помнить, что бездуховный специалист, прошедший хорошую профессиональную подготовку, несет не пользу, а угрозу для общества, о чем неоднократно свидетельствовали исторические примеры, в том числе и из новейшей российской истории.

В качестве примера определения понятия «качество образования» «с человеческим лицом» (то есть действительно учитывающего жизненно важные человеческие потребности), встречающегося в отечественных нормативных актах в последнее время, можно привести определение, сформулированное в Положении о региональной системе оценки качества образования (РСОКО) Красноярского края. В соответствии с указанным положением, в Модели региональной системы оценки качества образования Красноярского края под *качеством образования* понимается характеристика системы образования с точки зрения соответствия реальных достигаемых образовательных результатов, сохранения здоровья детей, условий образовательного процесса государственным требованиям, социальным и личностным ожиданиям [10, с. 37].

Как видно из приведенного определения, законодатели Красноярского края учли в качестве составляющих качества образования такие немаловажные факторы, как **сохранение здоровья детей и условия образовательного процесса**. Наиболее важным из приведенных факторов является сохранение здоровья детей, поскольку именно они являются носителями генофонда нации и строителями будущего России. Если в процессе профессионального образования они лишатся своего здоровья (которое следует трактовать в широком смысле — как телесного, так и духовного), то и сам образовательный процесс теряет всякий смысл.

Таким образом, формулируя понятие «качество образования», отечественные законодатели, по нашему мнению, должны прежде всего учитывать интересы своего народа, его культуру и религию, особенности его менталитета, его многовековые традиции. Только в этом случае качество образования будет эффективно служить на благо российского общества.

Литература

1. Болонский процесс и качество образования. Часть 1. Документы. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005.
2. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (с послед. изм. и доп.). – М., 2009.
3. Закон Российской Федерации «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ (с посл. изм. и доп.). – М., 2009.
4. Постановление Правительства Российской Федерации «О государственной аккредитации высшего учебного заведения» от 2 декабря 1999 г. № 1323 // Болонский процесс и качество образования. Часть 1. Документы. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005.
5. Постановление Правительства Российской Федерации «О лицензировании образовательной деятельности» от 18 октября 2000 г. № 796 // Болонский процесс и качество образования. Часть 1. Документы. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005.
6. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – Утв. приказом Минобразования России от 11.02.2002 г. № 93. – М., 2002.
7. Заседание Межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Образование» при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике от 26 декабря 2007 г. – М., 2007.
8. Болотов, В.А. О построении общероссийской системы оценки качества образования / В.А. Болотов // Вопросы образования. – 2005. – № 1. – С. 5–10.
9. Субетто, А.И. Квалиметрия человека и образования: генезис, становление, развитие, проблемы и перспективы / А.И. Субетто // Материалы XI симпозиума «Квалиметрия в образовании: методология, методика и практика». – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.
10. Построение Общероссийской системы оценки качества образования и региональных систем оценки качества образования: сборник статей. – М., 2007.

РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Килина Т.С.

В период модернизации высшего образования дискуссии о роли и функциях университета, а также о будущем цикла гуманитарных дисциплин тесно связаны между собой. Какое место займут классические гуманитарные дисциплины и соответствующие способы мышления, включая философию, историю, филологию, в университете будущего? Какие изменения претерпят образовательные функции, сложившиеся в рамках устоявшейся университетской традиции? Поиски ответов на эти вопросы ведутся на фоне перемен в социокультурных реалиях, в которых университету необходимо отстоять должное место в жизни общества. А циклу гуманитарных дисциплин занять достойное место в университетских стенах. «Состояние мира не просто сложное, а сверхсложное, и подготовка к жизни в этом мире есть часть вызова, брошенного и университету» [1].

За свою восьмивековую историю, объединив в себе образование, науку и культуру, Университет выступает как конкретное воплощение образовательного идеала. Главная институциональная функция университета заключается в производстве, передаче и накоплении знания. Так было, и в обозримом будущем так будет. Описанные в 1930г Х.Ортега-и-Гассетом положения (предоставление высшего образования, преподавание главных культурно значимых дисциплин, профессиональная подготовка) актуальны и в настоящее время[2]. Но учитывая процессы глобализации, детрадиционализации, социальной мобильности, а также возрастающую роль узкоспециализированного образования, Университету необходимо отстоять право быть местом, где не просто происходит накопление и передача знаний, но также и «местом, проведения многочисленных дискуссий, в результате которых рождаются новые формы знания»[1]. Гуманитарным дисциплинам в этом смысле отведена особая роль – формирование миссии современного Университета. Внутри университетских стен существует также проблема противостояния двух тенденций образования: либеральной и утилитарной. Взаимодействуя между собой, они придали университету многофункциональность. Обнаружить их можно уже у истоков европейских университетов, позднее они выражают себя в спорах об элитарном и массовом образовании. Утилитарное направление в образовании выступает за профессиональную подготовку, либеральное направление формирует классическое фундаментальное образование. Со временем, когда Университет утратил свою функцию – формирование интеллектуальной элиты общества, и открыл двери для всех социальных групп, дискуссия о первостепенной функции университета становится еще более острый. «Получить профессию в ходе образования или образовываться, получая профессию?»[3]. Этому вопросу уделялось большое внимание, существовали

яркие представители обеих позиций. За распространение в обществе специализации, за человека-профессионала в свое время выступал Дюркгейм, об узком профессиональном образовании, и о профессиональной специализации преподавателей писал М.Вебер.

Затрагивая различные аспекты проблемы элитарности образования, сторонники иного взгляда на академическое образование являлись К. Манхейм, Т.Веблен, Х.Ортега-и-Гассет и др. Последний в своей книге «Восстание масс», противопоставляет современного специалиста - «человека массы» человеку элиты: «специалиста нельзя назвать образованным человеком, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность»[4]. Испанский философ выступал за создание факультета культуры как центра всего университета. Предположим, что в негласной борьбе победа оказывается за утилитарной тенденцией образования, когда университету будет поручена обществом функция воспитания «специалистов». В таком случае, многие дисциплины гуманитарного цикла отойдут на второй план. А ведь система гуманитарного знания прошла сложный путь становления, начиная с античности. Достойное место гуманитарные дисциплины заняли в университете Гумбольдта (1810г.), впоследствии ставшего моделью классического. Ведущее положение в нем было отведено философскому факультету. «Будучи наследником *artes liberalis* и являясь низшим и в то же время свободным факультетом» [5], он становился ядром университета. Но так было не всегда. В конце средневековья схоластика, консервативные ценности, интеллектуальная стагнация обусловили косность форм университетского образования. В эпоху Возрождения, ростки гуманитарного знания, наряду с факультетом свободных искусств, появляются также в академиях и других научных учреждениях. Таким образом, рассвет гуманитарных наук напрямую связан с появлением Берлинского университета. Вместе с тем и университет приобретает статус «гуманитарного», став общепринятым местом мышления и обучения, главной целью которого являлось формирование личности, индивидуальности. Гуманитарные науки полностью раскрывают свой потенциал не тогда, когда формируют стандарты профессионализма, а когда «занимаются трансляцией культуры, а благодаря этому постановкой новых вопросов и проблем, что по Гумбольдту, является главной целью Университета »[6]. Таким образом, в сложном процессе переосмыслиения Университета в жизни современного общества, его статуса и функций, важную роль должна играть область гуманитарного знания, являющаяся духовным ядром феномена Университета.

Литература

1. Роберт Барнетт Осмысление университета / По материалам инаугурационной профессорской лекции 25.10.1997 в Институте образования Лондонского университета <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm>

2. Ортега-и-Гассет Миссия университета (Фрагменты) Перевод.А.Муравьева // Отечественные записки.-2002.-№2
3. И.А.Огородникова, А.Г.Геринг Идея университета –проект воплощения идеальной образовательной формы // Вестник Омского университета, 1997,Вып.4
4. Отрега-и-Гассет Восстание масс (Пер.с исп.).М.:Искусство,1991
5. Герберт Шнедельбах Университет Гумбольдта // Логос 5-6 (35).-2002
6. Гумбрехт Х.У.Ледяные объятия «научности» или Почему гуманистическим наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение.-М.,№86 (2006)

ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ

Хлебникова О.В.

Омский государственный университет путей сообщения

Философское знание сейчас однозначно увязывается с областью так называемого «гуманитарного» знания, которое все в большей степени начинает рассматриваться самими «гуманитариями» в качестве сферы применения организующего принципа, названного Ж. Деррида принципом деконструкции. Этот принцип может быть сформулирован в следующем виде: всякий эксплицированный смысл является продуктом аналитики лишенных инвариантного содержания означающих. По большому счету, суть заключается в том, что любое преобразование «гуманитарного» знания, любое расширение его объема мыслится теперь как осуществляющееся за счет *смещения* привычных значений означающих, ставших объектом аналитики в рамках того или иного конкретного исследования. При этом постоянно подразумевается, с одной стороны, склонность всякого подобного смещения к превращению в самодовлеющую, то есть абсолютизирующую самое себя, процедуру, а, с другой стороны, невозможность смещения некоторых значений (имеется в виду невозможность в рамках той или иной *конкретной* попытки смещения) никакими сознательными усилиями. Поэтому всякое «гуманитарное» изыскание сейчас начинается фактически с рефлексии над основаниями и обстоятельствами производимого смещения. Как говорит тот же Деррида: «Речь здесь идет о критическом отношении к языку гуманитарных наук и о критической ответственности дискурса. Речь идет о том, чтобы явно и систематически ставить проблему статуса дискурса, заимствующего из наследия необходимые для *де-конструкции* самого же этого наследия ресурсы. Проблему экономики и стратегии» [1]. Таким образом, следует заключить, что «гуманитарное» знание вообще это знание, эксплицирующее *экономику смещения* значений.

Добавим к сказанному, что формы объекта «гуманитарного» исследования и самого исследования зачастую рассматриваются сейчас как совпадающие (в связи с этим, например, считается, что рассуждение о мифе всегда должно быть мифоморфным, а рассуждение об истории должно быть изначально вписано в определенный исторический контекст). И тут главная трудность заключается в необходимости удержаться от сползания в «эмпиризм». В данном случае, эмпиризм – это простое апеллирование к опыту и контексту существования тех или иных смещаемых значений, в результате чего «гуманитарное» знание может приобретать вид специфического (*простого*) описания, которое всегда можно дополнить или опровергнуть новой информацией. Призрак эмпиризма вызывается к жизни кажущейся неспособностью «гуманитария» высказать все, что следует высказать, в силу бесконечности соответствующего информационного поля. Однако способ преодоления эмпиризма обнаруживается тут в осознании того факта, что *избыточность* всякого значения является следствием игрового характера процедуры смещения (это вытекает из сути принципа деконструкции). Поэтому, на самом деле, правильно проводимое «гуманитарное» исследование всегда имеет дело с конечным, *достаточным* объемом информации. Бесконечным же является только количество возможных сочетаний элементов, подстановок *внутри* конкретного смещения. Таким образом, можно резюмировать, что «гуманитарное» знание, эксплицируя экономику смещения значений, само превращается в *соответствующую* экономическую теорию.

Все сказанное по поводу «гуманитарного» знания в целом в полной мере относится и к философии в частности, и к любым ее возможным экономикам. Другое дело, что «гуманитарность» философии обладает рядом специфических особенностей по сравнению с «гуманитарностью» иных видов подобного знания. Источником этих особенностей является характерный исключительно для философии способ рассмотрения понятия «человек». В структуре всех прочих (кроме философского) пространств «гуманитарного» знания данное понятие всегда рассматривается через призму того или иного *определенного, явного* набора свойств (пусть даже довольно абстрактных). В то время как в рамках философского знания «человек» понимается как бесконечно *неопределенное* существо, а точнее как существо, *становящееся* в бесконечной неопределенности своих возможных свойств. Говоря другими словами, в рамках любой разновидности «гуманитарного» знания (за исключением философской) понятие «человек» как раз и является одним из тех понятий, которые не могут быть *смещены* в отношении оснований соответствующей предметной области никакими *частными* попытками анализа. Философский же подход к «человеку» базируется на представлении о бесконечной *сменяемости* любых вероятных значений данного термина в пределах самой сферы того или иного *конкретного* акта философствования. В этом смысле, философское знание представляет собой такую *содержательную* область, в

которой в наибольшей степени проявляется «неспособность гуманистики настичь свой ускользающий субъект-объект».

Литература

1. Деррида, Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. С. 357.
2. Эпштейн, М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 11.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДСТВАМИ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ В СЕМЬЕ

Ушаков Д.В., Ушакова А.А.

Новосибирский государственный педагогический университет

В ходе социализации ребенок испытывает множество явных и неявных направляющих воздействий со стороны взрослых. Дети, в свою очередь умудряются выстроить свой собственный мир, который позволяет им сформировать ценные навыки поведения, необходимые для выхода в мир взрослых. Внимание многих современных исследователей привлекает проблема социального развития и социального воспитания нового поколения. Дети это продолжение нашего рода и, безусловно, что каждый родитель мечтает гордиться своим чадом, ощущать, что его жизнь была прожита не зря. А новое поколение выросло достойным. В данной работе будет рассмотрено какими народными средствами педагогики можно воспитать ребенка.

Детское общество – это зеркало тех отношений, которые развертываются во взрослом мире. Проблемы, которые возникают в детском обществе – есть зеркальное отражение того типа и стиля жизни, которым живет взрослое общество. По состоянию детского общества можно ставить диагноз здоровья взрослого общества. Речь идет о здоровье или болезни, прежде всего культуры.

Дети вне взаимоотношений со взрослыми не жизнеспособны и дики. Какими же способами можно ребенка приобщить к взрослой культуре?

Во-первых, детская субкультура развивается и конструируется в формах сюжетно-ролевой игры, которая в последствии, условиях профессионального педагогического управления может перерasti в творческую продуктивную деятельность в школьном возрасте. Сюжетно-ролевая игра не исчезает и не редуцируется в игру по правилам у более старших детей и взрослых, хотя это возможно. Она порождает творческие виды деятельности, включаясь в них в качестве средства решения проблем. Она является основой творческого потенциала личности. Так же сюжетно ролевая- игра является основным сред-

ством развития способности управлять собой. Вступая в отношения с другими людьми, ребенок ориентируется на разнообразные нормы и правила. Однако именно игра делает эти нормы, ритуалы обыденной жизни осмысленными, превращая их в подлинные средства организации поведения. Существует несколько уровней развития ребенка по средствам игры. На первом он осваивает отношения с предметным миром. На втором уровне осваивает отношения с социумом (ролевое поведение), постигая функциональные, субординационные, нормативно нравственные ролевые отношения. На этом этапе ребенок должен сделать шаг от нормативной этики, лежащей в основе этического ригоризма, к этике совести, любви, смысла. Ребенок должен подняться над ролевыми отношениями и подчинить их собственно человеческим.

Это становится возможным с появлением следующего уровня развития игры – сюжетосложения. Таким образом игра – это форма организации всей жизни ребенка, способ его бытия и развития. Не только воспитание, но и обучение должно строиться в формах сюжетно-ролевой игры.

Следующим средством развития этических норм у ребенка является миф. Миф как некая попытка объяснить и осмыслить природные и социальные явления окружающего мира, придать этому миру целостность и полноту, открывает специфику архаичного мышления. Мифологическое мышление успешно решало свои задачи в условиях высокой степени неопределенности и высокой степени зависимости человека от событий, происходящих в мире природы, недостаточности естественнонаучных знаний и т.д. Так же мифы показывают ребенку, каким образом нужно себя вести. В них заложены расуждения о добре и зле. Которые помогут ребенку обрести нравственность.

Далее идет сказка как особый культурологический феномен. Она представляет собой превращенную форму мифа, специально обращенную к ребенку. Сказка позволяет ребенку в особой метафорической форме формулировать для себя специфические детские теоретические вопросы об устройстве Мира (о Добре и Зле, о Жизни и Смерти, о происхождении Всего и т.д.) и решать проблему неопределенности (т.е. прогнозировать события, строить собственное поведение на основе создания целостной мифологической картины мира). Структуру детского мышления и структуру детской деятельности связывают отношения подобия. Поэтому развитие и обучение дошкольников лучше осуществлять в формах сюжетно-ролевой игры, средствами сказки.

В бесписьменных культурах существовали профессиональные сказители (Гомеры, Бояны, Акыны), излагавшие канонические фольклорные тексты. В детской субкультуре нет ни таких сказителей, ни таких текстов. Это позволяет детям наделять произведение новыми смыслами и возможностями, что способствует развитию их продуктивного воображения, приобщению к процессам культурного творчества. Увертюра А.С. Пушкина «У лукоморья дуб зеленый...», фантазии Дж.Р.Р. Толкиена, сказки А.М. Ремизова. Каждое из них задает специфическое гетерогенное мифологическое пространство —

«воображаемый мир», или паракосм, открытый безграничной смысловой интерпретации со стороны ребенка. Однако в процессе такой интерпретации дети исподволь сталкиваются с необходимостью постановки и разрешения в образном плане ряда проблем универсального («вечного») характера (отличие живого от неживого, сущность жизни и смерти, природа этических норм, истоки эстетических представлений и др.). В этом и проступают самобытные черты детской картины мира, постепенно формирующейся по мере развертывания образовательного диалога ребенка и взрослого. В данных целях используется целая палитра педагогических средств (не только обсуждение произведения педагогом с детьми, но и рисование, лепка, обыгрывание сказочных сюжетов, словесное творчество, восприятие музыки, ознакомление с предметами народного прикладного искусства и др.).

Объясняя ребенку «что такое хорошо и что такое плохо» по средствам сказок, историй и мифов мы подталкиваем его, поступать подобным образом, тем самым не травмируя его детскую психику, как если бы сравнивали его с другими детьми.

Для того, чтобы детское сообщество нормально развивалось, необходимо, чтобы в группе присутствовала система ценностей – норм, обязательных для всех. В такую систему норм включаются лишь самые важные и необходимые, с точки зрения культуры, безопасности и возраста (нельзя оскорблять другого, нельзя делать другому больно и т.д.). Тоже самое должно быть и в семье, на детской игровой площадке, во дворе. Родитель должен объяснить ребенку правила поведения в обществе других детей.

В самом общении взрослых с детьми действиями воспитателей, педагогов, родителей устанавливается и развивается ряд ценностей – условий, при которых для каждого ребенка данное сообщество будет являться некоторым «Мы», внутри которого каждое «Я» является интимно признанным и обозначенным. Ценность доверия между членами сообщества. В общении важно исходить из «презумпции доверия». По моему мнению, родителям нужно рассказывать детям больше о своей жизни, о событиях, возможно даже некоторые интимные или компрометирующие его подробности для того, чтобы и ребенок делился всем, что происходит в его жизни, не создавал секретов от родителей.

Нравственные убеждения складываются под влиянием окружающей действительности. Они могут быть ошибочными, неправильными, искаженными. Например, под влиянием случайных обстоятельств, дурного влияния улицы, неблаговидных поступков. Поэтому родители должны знать и интересоваться с кем общается их ребенок.

БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ: ПЕРФОРМАНСЫ И АКЦИИ

Халыков К.З.

Казахская национальная академия искусств им. Т.Жургенова (Алматы)

На данный момент современное искусство представляет круг явлений, дискретных по языку, стремящемуся к чистому визуальному акцентированию, не приемлющему никакой метафизики в основе. Эти явления - "нечто такое, что воспринимается или интерпретируется как иное по отношению ко всему тому, что уже заложено в культурную память" (1).

Современные процессы, проходящие в художественных кругах Казахстана, можно разделить на несколько уровней. Одни продолжают прежние социалистические традиции, традиции народного творчества, другие активно используют хорошо известные художественные направления, существующие в арсенале мирового художественного наследия. Большую популярность получили в последнее время неоабстракционизм, сюрреализм, неоэспрессионизм т.д. И, наконец, часть творческой интелигенции пытается внедрить наиболее радикальные "достижения" из области современных тенденций мировой художественной культуры.

Последние в большей степени связаны с тенденциями развития новых направлений в рамках постмодернизма, так называемых перформансов. Для казахстанского искусства - это новая, неведомая ранее форма выражения художественной мысли. По большому счету, это фактически стиль жизни современных людей, желающих общаться между собой на том языке, который без ущерба для других, позволяет сохранить свое видение мира. Или, можно сказать, придуман для самовыражения в поисках "себя в себе", не мешая окружающим вписаться в поле ваших мыслей-идей, либо творить свое вместе с вами (как на дискотеках, когда все танцуют вместе и отдельно одновременно). Таким образом, в пространстве современной казахстанской культуры совершенно "бескровно" соседствуют крайние полюса в понимании философских, культурологических основ искусства. Часть художественной интелигенции прочно опирается на прежние устои, часть - ищет утешение в поисках своих корней, наиболее активная "продвинутая"- утверждает идеалы сегодняшнего дня с помощью отмеченных нетрадиционных средств. Под последним определением подразумевается неведомая для казахстанской культуры постмодернистская трактовка художественного, абсурдного в понимании непосвященного зрителя. Искусство гип-арта, хеппенинга, ленд-арта, перформанса и другие течения искусства современности коренным образом изменили отношения между зрителями и автором произведения. Они разрушили барьер между зрителем и художественным произведением. В данном случае трудно назвать действия в перформансах художественным, так как часто привычных форм искусства как таковых нет. Казахстанские зрители не

имели возможности видеть или хотя бы знать об этом течении в искусстве до недавнего времени, поэтому зритель здесь, как правило, элитарный.

В перформансах смешивается все: и картина, как таковая, и пространство, и театральное представление, и музыкальное сопровождение - иногда это просто звуки, запахи, когда художник преследует иллюзию предельного искусства в своем художественном проекте, - и современные технические средства. Для художника при этом очень важно, чтобы мысли его правильно были истолкованы, несмотря на якобы ненавязчивую, демократичную "подачу" своих идей. Он как бы желает подумать вместе, "поговорить" с автором, но если его идеи не нашли никакого отклика в душе зрителя, то художник, безусловно, страдает от неприятия. В этом смысле подобные художественные представления собирают элитарную публику, или тех, кто может сочувствовать всему современному, даже не признавая многое из его постулатов.

Непонятность происходящего вызывает у многих недоумение, чаще не желание понять - отсюда критика в адрес творческой интеллигенции. Критика по поводу художественности таких форм искусства. Как бы то ни было, известно, что и в искусстве постмодерна очень много знакомых, существовавших ранее форм. Содействие в художественном процессе автора проекта и зрителя напоминает "режиссуру" древних форм мистерий, ритуальных действий, в которых участники действуют вместе, по единому сценарию. Там сценарий известен всем участникам - в современных перформансах его задает художник.

И как бы не устала художественная интеллигенция от фрейдизма, но подсознательная природа человеческого бытия дает очень мощный импульс для дальнейшего утверждения в творчестве художника идей о смысле реально-ирреального, подсознательного, что определяет (помимо нашей воли) наши чувства, эмоции. Но, если в сюрреалистических произведениях художник опирается на подсознательное в человеческой природе - в большинстве перформансов, прошедших в искусстве Казахстана, художник больше стремится вызывать к сознанию или возвращает нас в до сознательный период. Особенно, если хочет достучаться до глубин души (выставления группы Коксерека). При этом в створчестве со зрителем художник пытается освободить его внутренние резервы, пытается пробить брешь в обыденном его сознании, требуя от него пребывания в этом отрезке времени и пространства, так как за пределами этого мгновения бытия материальной жизни во вселенной нет и надо, разумеется, отвечать за свои поступки.

За период своего сосуществования казахстанский зритель привык к картине как к законченному в рамках картинной плоскости произведению. Рамка - барьер между ним и художником. Такое полотно требует общения уже один на один с мыслью художника, а не с ним самим непосредственно. Тогда художник общался со зрителем посредством только своего произведения. Современный художник стремиться разрушить этот барьер. Фактически, разрушив форму предмета изнутри, художники начала XX пришли к созданию

"новой" формы через так называемое "интуитивное ощущение", "внутреннее видение" - "выйти за ноль", чтобы взору предстало Истинное, без диктата со стороны наших физических органов чувств. Художник конца XX века уже полностью разрушил взаимоотношения между традиционным восприятием и створчеством зрителя и автора. Конечно, можно утверждать, что такие крайности в искусстве связаны с конкуренцией в художественном мире, желанием привлечь к себе внимание. Во всех видах человеческой деятельности обострилась конкуренция, требующая неординарности мышления. Однако невозможно только этим объяснить все процессы в развитие художественной культуры современности. Суть стирания граней во взаимоотношениях: "зритель - художник" - явление, связанное с естественными процессами культурного развития современного общества в целом. Разрушены прежние барьеры в самой жизни. Разрушены не только, казалось бы, незыблемые политические образования, разрушились ощущения пространственных, временных границ в мире.

Интеграция, взаимопроникновение форм вещей - явление времени, характерное для всех видов деятельности человека, поэтому в художественной культуре оно обязательно должно было проявиться. Интеграция существовала и прежде, но носила всегда свой характер. Современность отличает крайняя динамичность, фрагментарность в восприятии глубоких интегративных процессов. Сегодня невозможно долго фиксировать на чем-то свое внимание: время ушло, наступает следующее состояние, со своим смыслом, наполнением, - человек не успевает осознать все связующие части этого процесса. Параллельно с новыми веяниями из художественной культуры Запада в искусстве Казахстана наблюдаются и другие тенденции, связанные также не столько с взаимовлиянием в художественных сферах, сколько общими тенденциями развития материально-художественной культуры. Это профессионализация народного творчества, индивидуализация, персонификация в некоторых видах дизайна и, напротив, стремление к "упрощению" высокого профессионального искусства. То есть произведения народного творчества приобретают все более уточненные профессиональные черты, отмечается стремление к их дальнейшему развитию (хотя и сохраняются традиции), а профессиональное искусство стремится к стиранию граней между художественными "уровнями" (2).

Изменения, происходящие в мировой практике, свидетельствуют о стираниях культурно-пространственных границ. Время оказалось также не властно в масштабах вселенной. Вопросы жизни и смерти столь же интригующе неведомы. Любовь столь же многогранна, таинственна, несмотря на все научные ее определения. История, как всегда, загадочна - слишком много теней, слишком мало истины. Выход искусства в совершенно новое измерение человеческого существования, достаточно точно выраженное М. Хайдеггером: «Искусство движется в горизонт эстетики. Это значит: художественное произведение становится предметом переживания и соответственно искусство

считается выражением жизни человека». Искусство больше интересуется бытийными основаниями мира человека, которую обозначила философия экзистенциализма, сводящий проблему бытия к человеческому бытию, к бытию человека, вопрошающего себя о бытии, способного переживать бытие.

Проблема бытия изначально включала два подхода в ответе на вопрос: что избрать первоначалом философствования: бытие или небытие? «Бытие» противопоставляется «небытию». Небытие (ничто) - это категория для обозначения того, чего нет, что не существует. Для подавляющего большинства философских систем понятие «бытие» понималось как исходный, основополагающий момент всех последующих рассуждений. В диалектических концепциях понятия бытия и небытия рассматривались как противоположности, предполагающие друг друга, как диалектическое единство при определяющей роли бытия. Однако, наряду с этими представлениями, существовали попытки понятие «бытие» вывести из «небытия». В современных условиях существования человеческой цивилизации возрождение интереса к «небытию», связано с целым рядом глобальных проблем, способных весь мир превратить в «небытие».

Литература

1. Грайс Б. Стратегия инновации. - В сб.: Утопия и обмен. М. 1993. С.143.
2. Труспекова Х.Х. Мировой опыт художественного творчества и современное искусство Казахстана. 1995. С. 216-218.

ИГРОВОЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА: ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ

Ласица М.В.

Омский государственный педагогический университет

Основная проблема перевода состоит, главным образом, в «перекодировании» смыслов текста при переводе с одного языка на другой, поскольку, как считает Г.Гадамер, «бедствие “перевода состоит в том, что «единство замысла», заключенное в предложении, невозможно передать путем простой замены его членами предложения другого языка.[1] «Ускользающий дух» текста оставляет только бессмысленный набор букв и символов. Связано это с тем, что всякое понимание носит языковой характер, а к языку, как «дому» и «способу» Бытия [2]. невозможно подобрать единый ключ или код. Все попытки структурировать «живую», непрерывно меняющуюся систему языка тщетны, как и попытки переводчика прийти к единому решению относительного передачи смысла своего иностранного текста.

Итак, учитывая недостижимость данной задачи в понимании перевода, важным становится не только результат, но и сам поиск, что позволяет соотнести процесс перевода с игрой «смыслоопределения», то есть игрой, определяющей или ищущей смысл в определенном поле деятельности.

Игра не есть конкретная задача, принцип игры, в первую очередь, в нахождении удовольствия, несерьезного, непринудительного развлечения, однако, настоящая суть игры в том, что, переступая рамки серьезного, игра легко определяет нужные, искомые смыслы.

Исходя из основных видов перевода, которые В.Руднев называет «синтетическим» и «аналитическим»[3], можно представить два типа игры. Будем учитывать также, что каждая игра имеет свои правила, цель и непосредственных участников.

Игра № 1 представлена типом «аналитического перевода». Цель игры: не «дать» читателю погрузиться в «реальность» произведения, «отстранить» его от непосредственного участия, снабдить полезной информацией. Правила игры: четко следовать языковым особенностям автора, давать обязательные сноски на тот или иной выбор термина. Участники игры: автор, переводчик и «образ читателя», то есть участие его не обязательно. Игра №2, тип «синтетического перевода». Такой вид перевода принято называть пересказом. Цель игры: незаметно ввести читателя в художественную реальность произведения так, чтобы он забыл о том, что перед ним текст на иностранном языке или даже вообще перевод. Правила игры: использовать любые «уклонения» и «превращения» слов для того, чтобы переиграть своего соперника, то есть автора текста. Участники игры: переводчик, читатель и «образ» автора.

Таким образом, любой из типов переводческой игры имеет «право» на существование, определяя в каждом из них свои смыслы. В переводе, как и в любой игре, важен как процесс, так и результат, а результат неизвестен до самого конца. Желательно избежать поражения, сыграть «вничью» или хотя бы не проиграть с «позорным» счетом.

Литература

1. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного.- М., 1991.
2. Хайдеггер М. Время и бытие - М: "Республика", 1993.
3. Руднев В.П. Винни-Пух и философия обыденного языка. - М: "Гно-
зис", 1994.

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА Кирилова А.В.

Новосибирский государственный технический университет

Рубеж XIX-XX вв. в России для многих людей характеризовался внутренним ощущением неведомого, таинственного будущего. Попытка поиска новых форм общественной деятельности и коммуникативных связей в культурной среде была связана, в том числе, с переменами в мировоззрении русской интеллигенции на рубеже веков. Художественные кружки в России второй половины XIX – начала XX века — объединения сами по себе уникальные, но и их деятельность протекала в сложный период в истории русской культуры. В это время изменялись основы эстетического мировоззрения, и совершить этот переход было легче вне профессиональных, публичных сфер искусства — в любительском и приватном контекстах.

В творчестве участников кружков возникают новации, как продиктованные общим развитием русского искусства этого времени, так и возникшие непосредственно в кружке, в его духовной атмосфере, в творческом диалоге участников. Одним из проводников художественно-преобразовательных процессов, происходивших в русской культуре данного периода, стал Абрамцевский кружок.

Доминирующая эстетическая система всегда обладает различными механизмами, побуждающими художника оставаться в её рамках. Это и система его воспитания, усвоенные им навыки и привычки, и давление на него господствующих ценностей через предпочтение зрителей и покупателей картин, от которых он экономически зависит, и воздействие на него оценок художественной критики и коллег-художников. Выход за пределы системы обусловлен действием различных факторов — или субъективных, особой гениальностью художника, его исключительным доверием к данным собственного творческого опыта или возникновением ситуации, в которой давление устоявшихся эстетических ценностей оказывается ослабленным. В Абрамцевском кружке мы имеем дело, прежде всего, с факторами второго рода.

Многие открытия Абрамцевского кружка стали возможны благодаря специфической атмосфере содружества — лёгкой, по-домашнему уютной и в то же время творческой и деятельной. На домашней сцене, в строительстве Абрамцевской церкви, в работе мастерских художникам открывался особый способ творческого диалога, в котором серьёзные поиски неотделимы от игры и напряжённый труд — от свободного творческого самовыражения, выводящего за пределы профессиональных канонов.

По отношению к такому неформальному сообществу, как Абрамцевский кружок, говорить о его эстетике, о строгой художественной программе в буквальном смысле слова нельзя. Это был кружок, не столько исходящий из оп-

пределённых эстетических принципов, сколько ищущий их. Все многообразные стороны деятельности содружества должны рассматриваться как различные аспекты единого процесса трансформации художественного мировоззрения в кружке. Они теснейшим образом связаны друг с другом.

В жизни абрамцевского содружества трудно определить ту грань, которая отделяла домашнюю затею, развлечение, игру от художественного начинания с серьёзным общественным значением. То, что рождалось за круглым столом, в совместных проектах, в общении художников, в спорах о культуре и назначении искусства, во многом отражало потребности времени. В связи с этим исследование повседневной жизни сообщества, воспроизведённой в мемуарах, письмах, записках его участников, приобретает особую значимость. Все эти свидетельства – обстоятельный воспоминания и беглые заметки, всплеск эмоций по тому или иному поводу, сиюминутные впечатления и продуманные умозаключения – содержат информацию, добавляющую какую-то новую грань, новую чёрточку в понимание характера кружка и сути его деятельности. Следует отметить, что высказывания участников кружка в мемуарах и переписке помогают проследить эволюцию их представлений о культуре и искусстве, понять обусловленность возникновения в объединении того или иного художественного явления, новых эстетических идей, ощутить связь этих идей с общим развитием русской культуры.

Это объединение не было кружком людей одной профессии. В него входили также певцы, музыканты, актёры, инженеры, представители делового мира, хорошо чувствующие и понимающие культуру и искусство. Это было объединение духовно близких людей, живших общими культурными интересами. В процессе творческого диалога художники не изобретали себе сферы приложения сил, но в соответствии со своими вкусами преобразовывали различные стороны абрамцевского быта. Эти задачи, связанные с преобразованием культурной среды, были очень скоро осознаны членами кружка как серьёзная потребность русской культуры.

Абрамцевский кружок не только даёт широкую картину трансформации художественного мировоззрения, затрагивающую самые разные аспекты культурного процесса, но и воплощает преемственность поколений в русском искусстве. Многие аспекты новаций кружка могут рассматриваться как прямое продолжение и развитие тенденций искусства 1870-х годов, ведущее, однако, за его пределы. Отсюда идёт движение уже к искусству XX века. Эстетические достижения передаются в кружке от одного поколения к другому, и молодые художники более последовательно и свободно развивают те принципы, к которым ранее прокладывало дорогу старшее поколение.

В кружок входили художники не только разных поколений, но и разных эстетических и мировоззренческих направлений, как, например, В.Д. Поленов и В.М. Васнецов, М.А. Врубель и М.В. Нестеров. Выработка нового эстетического мировоззрения идёт здесь не только в разных сферах, но и в разных формах, и то разнообразие проявлений, в которых выступает новая сис-

тема эстетических представлений в начале XX века, предвосхищается в рамках содружества. Духовные нити, которые скрепляли участников художественных кружков, были для них гораздо важнее формальных организационных рамок, они позволяли самостоятельно ставить и решать художественные задачи. Творческий диалог выступал способом реализации эстетической системы кружка.

РОЛЬ ЧУВСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Папченко Е.В.

Технологический институт Южного федерального университета
(Таганрог)

Под чувственностью понимается «способность к восприятию (ощущение)» [1; 503], «способность к чувственному восприятию» [2; 514]. Ощущения рассматриваются как начальный этап восприятия, на котором энергия физических раздражителей в рецепторных отделах трансформируется в нервный код, который в последующих структурах сенсорных систем подлежит декодированию [3; 620]. В ощущении, самом простом из всех психических процессов, через органы чувств устанавливается связь человека с окружающей средой, ощущения – источник наших знаний о мире и о нас самих. Изолировать ощущение от других психических процессов не представляется возможным. Наш жизненный опыт сопровождает любое ощущение целым рядом ассоциаций, воспоминаний, эмоций. Потребность иметь ощущения – основа умственного и эстетического развития личности, полнота отражения мира и отношения к нему. При отсутствии ощущений, сенсорной депривации наступает информационный голод, что приводит к дезорганизации личности. Человек ощущает свет, цвет, холод, тепло, вкус, запах, звук, форму, прикосновение и пр., при этом ощущение является активным процессом.

Среди сенсорных систем особая роль в формировании чувственного фона восприятия принадлежит обонянию. Обонятельные ощущения в мозгу человека возникают в результате воздействия окружающих факторов на обонятельные рецепторы, но чувственное познание включает в себя не только анализ, но и синтез, осуществляющийся в восприятии, в основе которого лежат сочетания различных видов ощущений. На основе ощущений и восприятий формируются представления, ведущие от чувственного познания к рациональному. Обоняние человека не так совершенно, как обоняние животных, однако в жизни современного человека оно имеет не малое значение, о чем Ф. Энгельс писал: «Собака обладает более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются известными признаками различных вещей» [4; 148]. Происходит это в силу того, что человек является социальным существом и на его ощущения, в том

числе и на запаховые реакции, влияют общественные потребности, установки, групповые интересы, индивидуальный опыт, профессиональная деятельность, особенности культуры. Несмотря на то, что современный уровень цивилизации не требует эксплуатации обоняния с полной отдачей, тем не менее, чувство обоняния как одно из важнейших ощущений живого организма было и остается сегодня важнейшим источником информации, несмотря на то, что посредством обонятельного анализатора человек получает лишь около 2% информации. Кроме того, запахи влияют на психофизиологическое состояние человека, его эмоциональное настроение, при этом регулятором эмоционального поведения является лимбическая система, под которой понимают морфофункциональное объединение, включающее в себя филогенетически старые отделы коры переднего мозга, а также ряд подкорковых структур, регулирующих функции внутренних органов, которые и обуславливают эмоциональную окраску поведения.

Зрение является основным источником информации о внешнем мире, данный человеку его биологической природой. Проблема восприятия цвета имеет едва ли не самую многолетнюю и противоречивую историю из всех, связанных с такими явлениями, как ощущения и восприятие [5; 191]. Цвет, также как запах, звук, вкус и другие модальности нашего восприятия, имеет психофизиологическую природу, возникая как результат специфической организации нейронных сетей мозга [6; 6 – 4]. Своими знаниями о восприятии цвета мы обязаны не только физиологам и психологам, но и художникам, философам, поэтам и физикам. Причину столь активного интереса к восприятию цвета понять нетрудно. Цвет не только характеристический признак, присущий буквально всем предметам окружающего нас мира и точно определяющий фундаментальные отличия одних поверхностей и объектов от других; для людей он нередко является источником сильного эстетического и эмоционального впечатления, основанного на ассоциациях и предпочтениях. Большинство из нас, прежде всего обращают внимание на цвет окружающих предметов. Цвета не просто привлекают к себе наше внимание, но нередко и ошеломляют нас, они украшают мир, придают ему большую ценность, пробуждают наши эстетические чувства и – что самое важное – являются источниками информации. Благодаря цветам нам легче отличить одну поверхность от другой, они облегчают зрительное обнаружение предметов и их распознавание и нередко являются также и признаком, позволяющим идентифицировать многие объекты, что придает окружающему нас миру необходимую стабильность.

Ощущения и восприятия выполняют важные функции в познании и социальной практике благодаря тому, что они служат формой непосредственной связи сознания человека с окружающим миром, а в современном мире роль сенсорно-перцептивных процессов не только не снижается, но и напротив, возрастает.

Литература

1. Жюлия Д. Философский словарь. – М.: Международные отношения, 2000.
2. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА – М, 1999.
3. Человек: анатомия, физиология, психология. Энциклопедический иллюстрированный словарь / Под ред. А.С. Батуева, Е.П. Ильина, Л.В. Соколовой. – СПб.: Питер, 2007.
4. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1982.
5. Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. – СПб.: Питер, 2003.
6. Измайлов Ч.А., Соколов Е.Н., Черноризов А.М. Психофизиология цветового зрения. – М.: Изд-во МГУ, 1989.

СУЩНОСТЬ И ТИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Ильиных И.А.

Горно-Алтайский государственный университет

Экологическое сознание – сформированная в виде понятийного аппарата система отношений человека к его связям с внешним миром, к возможностям и последствиям изменения этих связей в интересах человека или человечества, а также распространение существующих концепций и представлений, имеющих социальную природу, на явления природы и их взаимные связи с человеком (Медведев, Алдашева, 2001). Это определение было бы полным если бы мы добавили в него создающую и отражающую функцию сознания. Сознание в целом имеет двоякую функцию: создания окружающего мира, т.е. формирования его из нематериальных субстанций в материальные вещи, можно назвать такую функцию сознания *творящей*, и отражающую, т.е. обрабатывающую информацию исходящую от уже существующих материальных и ментальных объектов, создавая таким образом картину мира видимого и пред(пост)видимого мира. Создавая, а потом, осознавая заново это созданное, к тому же еще и управлять двумя этими процессами в прямом и обратном направлении – в этом и состоит фундаментальная роль сознания вообще и экологического, в частности.

Теперь стоит внести ясность в различие понятий «сознание» и «экологическое сознание». Какие особые качества имеет экологическое сознание? Если вспомнить определение понятия «экология», то станет ясно, что для нее основным предметом внимания является сфера *взаимодействия* «живых» существ друг с другом и средой «живой» и «неживой». Где провести границу в понятиях «живой» и «неживой» это сфера отдельного размышления. И если вспомнить, что само слово «экология», составлено из двух греческих слов, одно из которых означает «дом, обитель, родина и др.», то и здесь трудно

проводить границу, чтобы определить объект внимательного рассмотрения данной науки. Поэтому на каком-то уровне экология может включать в себя практически все науки, которые как-то помогают раскрыть внутреннюю или внешнюю суть *взаимодействия*. Тогда понятие «экологическое сознание» может сливаться с понятием «сознание», в той части, где есть *взаимодействие* сознания с миром или взаимодействие частей сознания между собой.

Среди многочисленных видов и форм взаимодействия со средой выделяются два аспекта: влияние среды на человека и влияние человека на среду и отражение этого влияния в сознании. Одни влияния проходя мимо сознания оказывают воздействие на физиологические процессы организма, другие отражаются в сознании и, преобразуясь в новую ментальную форму, воздействуют на тело самого человека и окружающую его среду. Некоторые современные ученые начинают открывать заново роль сознания в процессах взаимодействия человека с окружающим миром и природой в том числе.

Для понимания «экологического сознания» необходимо выделить уровни его проявления. Науке сегодняшнего дня известны два уровня сознания: общественный и индивидуальный (или отдельного человека или отдельной личности). Уровень общественного сознания может очень сильно отличаться от индивидуального сознания человека, т.к. он не является простой суммой индивидуальных сознаний. За общественное сознание принимается оформленные в виде слов мнения, утверждения, словесная оценка или описание взглядов и т.д. Все это запечатлевается в средствах массовой информации, научных изданиях и др. формах материальных носителей информации, сохраняется и передается устно от человека к человеку. Вся эта информация существует обособленно, независимо от того, кто ее создал. В целом общественное сознание это очень консервативная и трудно меняющаяся структура. Потому, что она имеет большие размеры и более структурирована. Она тоже способна вступать во взаимодействие с индивидуальным сознанием и оказывать влияние на него и отдельное сознание также способно видоизменять общественное сознание как в форме высказанных вслух мыслей, так и мыслей не высказанных и даже не оформленных, нечетких, но имеющих определенную смысловую и эмоциональную нагрузку.

Доминирующим сознанием сегодняшнего дня пока является сознание, рассматривающее не только природу (отношение к природе частный случай отношения к миру), но мир вообще как ресурс для человека, как источник удовлетворения потребностей, как совокупность объектов, которые нужно приобрести, захватить, заиметь. Деятельность человека отражает уровень его сознания. Но, чтобы не останавливаться на пессимистической ноте, хочется подчеркнуть мысль о *взаимодействии* всего и вся в этом мире. Всё взаимодействует со всем и всё оказывает влияние на всё. Отдельное индивидуальное сознание наполненное любовью к миру, в целом, и к природе, в частности, воздействует на другое сознание и напитывает его соответствующей информацией о любви, единстве, целостности, об истинных ценностях мира и

рано или поздно потребительское, технократическое сознание и мышление преобразуются в новое натурацентрическое или экоцентрическое, потому что эти типы отношений с миром более прогрессивные с точки зрения духовно-нравственного компонента и стоят на более высокой ступени эволюционного развития человека, общества и природы.

Литература

Медведев В.И., Алдашева А.А. Экологическое сознание. – М.: Логос, 2001. – 384 с.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛЬТУРЫ Сатаева О.Т.

Иркутское высшее военное авиационное инженерное училище

Вопросы методологии – не только основополагающая часть любой науки, но и лучшее свидетельство приращения знания. Задача методологии заключается в анализе деятельности по производству знания. Ее цель - выявление и формулировка закономерностей этой деятельности, а также изучение средств и методов получения нового знания.

Взаимосвязь одной модели теоретического знания с другой можно описать при помощи различных способов редукции. Тогда становится очевидным соизмеримость и преемственность теорий и моделей различных типов. Наиболее адекватно такие действия могут быть описаны только в методологических установках, построенных в рамках междисциплинарного подхода.

Методология является и метанаучным исследованием, которое направлено не просто на объект, а на знание об объекте, связанное методами и средствами, использованными при достижении истины.

Метанаучные и междисциплинарные основания методологии должны быть выражены в формах ее функционирования. Необходимо помнить также о том, что она выполняет и критическую функцию, не просто описывая познавательный процесс, но и выявляя условия его реализации, возможности получения знания, характерные черты результата процесса и модели, по которой осуществляется познание (по И. Канту). В этом варианте, необходимо учесть параметры методологического основания моделей культуры. В данном случае, гегелевская система доказательств наиболее приемлема. Она одновременно обосновывает исходные положения и исследует их по содержанию, – это и есть критерий научности. Методология четко фиксирует критерии и формы доказательства анализируемого явления. Устойчивость методо-

логических посылок является преимуществом, так как позволяет выразить единство формы явления в области его теоретической данности.

Рассуждения о структуре культуры, связанны с проблемой понимания и объяснения. Поэтому если нет *смысловой определенности*, выразить явление невозможно, не говоря уже о модели данного феномена.

Данную проблему освещает Э.В. Ильенков, отмечая, что «Логики до Гегеля действительно фиксировали лишь те внешние схемы, в которых логические действия, суждения и заключения выступают в *речи*, т.е. как схемы соединения *терминов*, обозначающих общие представления. Однако логическая форма, выраженная в этих фигурах, – *категория* – оставалась вне сферы их исследования, ее понимание просто-напросто заимствовалось из метафизики, онтологии.

Т.о., в процессе определения понятий необходимо учесть два фактора: *язык и принципы суждения*.

Специфический характер каждого языка оказывает влияние на мировоззрение, господствующее в данном языковом сообществе (Хайдеггер). Речь в этом отношении проявляется как первичный активный фактор. В статье «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» он отмечает: «Чужой язык является чужим домом бытия, так что европеец живет в совершенно ином доме, чем японец, а беседа одного дома с другим почти невозможна». Его рассуждения строились на том, что язык является не только средством для выражения мыслей, закрепления знаний и достижения договоренности между людьми, но и *сверхиндивидуальным историческим фактором* особого характера. Он позволяет индивиду познавать мир. *В нем отражен исторический опыт человечества, рассказывающий о мире*.

Теоретические построения и естественная логика языка не дадут нам адекватного представления ни о значении явления, ни о самом языке, ни об онтологии, если мы не построим адекватную модель присутствия. Не случайно Хайдеггер употребил такие неологизмы, как основоструктура и основоформа. Это измененные формы структурного анализа. Они позволяют связать явления действительности с их значениями и создать *смысловую определенность конкретного языка науки и самой структуры*. Действительность при таком подходе представлена не только в гносеологической данности, но и в онтологической определенности.

В системе социальной практики такую закономерность можно выразить через философию поступка.

Поступок – явление субъективно-индивидуализированное, которое выделяет и отличает индивида от других. Он как система личной практики объективен, вместе с тем, и субъективен (это выражение себя, проявление себя через свою сущность). В нем видны слитые в единстве интуиция и творчество: интуиция как способ осмыслиения сущности, а творчество как возможность выразить себя в мире бытия и существования, в мире длительности и данности. В этом контексте творчество – это умение «сказать» самому себе,

чем «Ты» являешься. Если ты через это «Ты» изменяешь внешний мир, превращая его в мир для себя, в этом ты раскрываешь и себя, и мир.

Данную проблему раскрывал М.М. Бахтин: «Вся жизнь может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни – поступления... Менее всего в жизни-поступке я имею дело с психическим бытием». Под жизнью-поступком автор понимал не жизнь в ее эмпирической данности, а жизнь, направленную на изменение и постижение действительности. (О.С.) Мир у него превращается в объект теоретического познания.

Он акцентировал внимание на эмоциональной и волевой стороне поступка: «Эмоционально-волевой тон есть неотъемлемый момент поступка, даже самой абстрактной мысли, поскольку я ее действительно мыслю, т.е. поскольку она действительно осуществляется в бытии, приобщается к событию». Тем самым, в поступке связывается действительность двух миров – сущности и данности.

Т.о., сущность культуры может быть выявлена через философию поступка; т.к. в нем прослеживаются основные интегрирующие моменты, на которых она строится.

Изменение базовых структур культуры приводит к сущностным изменениям, даже устойчивых парадигм (например: представления о теле в античной и средневековой культурах). Культурная память оказывается неработающей в системе изменившихся сущностей и привязанных к ним структур культуры.

Помня о *ценностях культуры* в системе практики, необходимо объединить реальность поступка с реальностью ответственности. При этом культура сохраняет свое духовное ядро.

Совмещение поступка с ответственностью приводит к новому воззрению на мир, вводит мораль в мир творчества.

Каждое свершение полагается мною в область безличную, но вместе с тем связанную с другими людьми, когда они вовлекаются в мой поступок. Личность должна пережить свой же поступок, в отношении других и самой себя, иначе он существует только во мне и благодаря мне. Если же личность переживает его за другого или поступок одной личности начинает звучать в другой, тогда это произведение, имеет субъективную творческую значимость и свое собственное значение. Оно не сводится к «я», а возвращается к нему, в силу своего собственного существования. Через него (этот поступок) происходит наполнение бытия, которое взвывает уже к смыслам мира и культуры.

Литература

1. Солонин Ю.Н. Понятие культуры: методологические и онтологические проблемы ее сущности. Введение в культурологию. Курс лекций под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. СПб., 2003. С.14-33.

2. Пуляев В.Т. «Методологические проблемы исследования культуры в новой парадигме развития общества» // Социально-политический журнал. 1998. № 5.
3. Т.А.Балакирева, Н.И.Ромах Методологии исследования культуры в уровневом контексте // Электронное научное издание «Аналитика культурологии», 2006, Кафедра культурологии ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006.
4. Кардонова И. А. Глобализация как социокультурная трансформация: институциональная перспектива, автореферат. Иркутский государственный университет, 2007.
5. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984 С.119.
6. Хайдеггер М. Бытие и время, М.: Республика, 1993. С.165-166.
7. Бахтин М.М. К философии поступка. Работы 1920-х годов. Киев. 1994. С.18, 19, 35.
8. Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование 1992 М.: Терра. С.111.

«МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ» КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Немкова Е.Ю.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан)

«Глобальная деревня» - так сейчас принято называть наш современный мир. Под глобальной деревней понимается все общество, которое воспроизводится с помощью «электрических» средств общения, таких как радио- телекоммуникации, мобильная связь, интернет и прочие. Ежедневно связываясь друг с другом через эти каналы, люди общаются так, будто они находятся рядом – в одной деревне. Здесь постоянно переплетаются все мировоззрения, ценности, способы общения, созданные человечеством. Следствием этого является расширение взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Ни одна культура не существует сама по себе. Она постоянно находится во взаимодействии с другими (за исключением некоторых племен, которые до сих пор пытаются сохранить свою неприступность и изолированность от всего мира). Это в свою очередь может повлечь за собой процесс размывания границ, потерю самобытности культуры. В контексте этого важным становится определение культурных особенностей разных народов, понятие их мироощущения, норм общественного поведения и т.д. Одним из способов определения вышеперечисленных аспектов является создание эффективной системы коммуникации между представителями различных народностей.

Понятие «межкультурная коммуникация» было введено американским культурным антропологом Эдвардом Т. Холлом в 1950-м году в рамках раз-

работанной им для Госдепартамента США программы адаптации американских дипломатов и бизнесменов в других странах. [1]. Говоря о взаимосвязи культуры и коммуникации Холл пришел к выводу о необходимости обучения культуре. Так он задал проблему межкультурной коммуникации в качестве предмета изучения как научных исследований, так и учебных дисциплин. «В отечественной науке и системе образования инициаторами изучения межкультурной коммуникации стали преподаватели иностранных языков, которые первыми осознали, что для эффективного общения с представителями других культур недостаточно одного владения иностранным языком» [2]. Среди современных российских исследователей межкультурных коммуникаций выделяются такие как Арутюнов С. А., Иконникова Н. К., Ионин Л. Г., Тер-Минасова С. Г., Ерасов Б. С., Шамне Н. Л. и другие.

Что же такое межкультурная коммуникация? Энциклопедия «Кругосвет» дает следующее определение данного понятия: межкультурная коммуникация – это общение, которое осуществляется «в условиях столь значительных культурно обусловленных различий в коммуникативной компетенции его участников, что эти различия существенно влияют на удачу или неудачу коммуникативного события.... Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что ее участники при прямом контакте используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми они пользуются при общении внутри одной и той же культуры» [6].

Социологические словари не дают определения «межкультурной коммуникации», зато характеризуют такие понятия как «культурная коммуникация» (процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидуами, группами и т.д.) с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем, приемов и средств их использования [4]) и «социокультурная коммуникация» (процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидуами, группами, организациями и т.п.) с целью воспроизведения, хранения и создания различных культурных программ, определяющих лицо конкретного типа культуры [5]).

Таким образом, межкультурная коммуникация это совокупность отношений между индивидами и группами, принадлежащих разным культурам.

Рассматриваемый нами феномен является объектом изучения различных отраслей знания (лингвистики, антропологии, психологии, социологии, этнологии и др.). В результате взаимодействия этих наук появились различные подходы к изучению межкультурной коммуникации. Так, одни авторы [3] выделяют два основных подхода к анализу коммуникации в поликультурной среде: инструментальный (адаптивный) и понимающий (развивающий). Первый опирается на методологию социологии (позитивистско-бихевиористическую), второй - культурной антропологии (герменевтическую – историко-культурную, цивилизационную). Целью инструментального подхода является достижение практического результата, а именно успешной

адаптации индивидов в инокультурной среде и создание методики обучения эффективному межкультурному общению в конкретной ситуации. Понимающий подход, в свою очередь, изучает изменения в структуре личности, которые происходят в результате знакомства с незнакомой культурой, а также перспективы развития способности индивида к коммуникации в поликультурной среде. Основой этого подхода является идея необходимости сохранения самобытности, с одной стороны, и взаимодействия культур, с другой.

Другие исследователи утверждают о наличии трех методологических подходов к изучению межкультурной коммуникации [2]. Среди них функциональный, объяснительный и критический. Функциональный сложился в рамках психологии и социологии. Согласно этому подходу всякую культуру можно описать с помощью различных методов, любые изменения, происходящие в тот или иной момент времени в культуре, могут быть измерены и описаны, также является возможным предсказание поведения любого индивида в рамках одной культуры. В отличие от функционального, представители объяснительного подхода не стремятся предсказать поведение индивида, но пытаются понять и описать его. С точки зрения этого подхода культура рассматривается как среда обитания человека, созданная и изменяемая им посредством общения. Следовательно, внимание уделяется коммуникативным моделям внутри отдельной культурной группы. Критический подход включает в себя многие положения объяснительного, но акцент ставит на изучение условий общения: ситуации, окружающей обстановке и т.д. Здесь определяющим становится исторический контекст коммуникации.

Помимо описанных выше подходов, существуют теории межкультурной коммуникации, такие как «теория адаптации», «координированное управление значением и теория правил», «риторическая теория», «конструктивистская теория», «теория социальных категорий и обстоятельств», а также «теория конфликтов».

Таким образом, мы видим, что подходов, как теоретических, так и практических, к пониманию межкультурной коммуникации множество, так как данный феномен включает в себя огромное количество аспектов, требующих особое изучение. Только тщательным образом исследовав все эти направления, можно будет эффективно применять теорию межкультурной коммуникации во всех сферах жизнедеятельности человека.

Литература

1. Википедия. [Электронный ресурс] <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред.А.П.Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.

3. Иконникова Н.К. Механизмы межкультурного восприятия // Социологические исследования. 1995, №4. С.26-34.
4. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т.1, под ред. В.Н.Иванова. - М.:Мысль, 2003. - 694 с.
5. Энциклопедия социологии. [Электронный ресурс] <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0497.htm?text>
6. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс] <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/4/40/1008757.htm?text>

ФРЕЙМ КАК СПОСОБ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

Финк Е.А.

Омский государственный технический университет

Человек активно взаимодействует с окружающим миром. Результаты такого взаимодействия активно интерпретируются субъектом. Подобные интерпретации концептуализируются и структурируются в виде различных образов (представлений), причём последние включаются в разветвлённую концептуальную систему, элементы которой связаны определёнными отношениями. Эта концептуальная система — результат схематизации и идеализации нашего опыта. Таким образом, в результате мыследеятельности субъекта формируется некий спроектированный мир, отличающийся от реального мира.

В коммуникационной сфере особую актуальность приобретают проблемы образного представления опыта и внутренней словесной информации (знаково-символического выражение знания). Всякая коммуникация — сложный когнитивный процесс (вычислительный процесс, в ходе которого достигаются ответы на заданные человеку вопросы). Поступающая по разным каналам информация преобразуется в виде представлений, образов, пропозиций (особых оперативных структур сознания и/или особых единиц хранения знаний, формирующих каркас будущего предложения: фреймов, скриптов, сценариев и т.п.) и удерживается при необходимости в памяти человека. Они конструируются только на основе визуальных или вербальных данных. Внутренняя словесная информация возникает в процессе осмыслиения всей поступающей по разным каналам информации и может включать сведения об объективном положении дел и сведения о возможных мирах. Этую информацию определяют как «внутренний код», «концептуальную структуру» личности. С помощью ментальных процессов эта информация соотносится с уже построенной понятийной системой и оказывается пропущенной через внутренний мир автора. Мир, «спроектированный» индивидом, можно представить в виде концепту-

альной системы. Важнейшую роль для подачи информации в этой системе играют фреймы.

Понятие фрейма было введено М. Минским в процессе анализа способности человека к получению информации с использованием зрительного канала восприятия. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья – что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся. В первоначальном толковании «фрейм» – это «структуры данных для представления стереотипной ситуации зрительного восприятия».

Обращение к фреймам в процессе функционирования концептуальной системы индивида связано с решением задач идентификации объектов и ситуаций, прогнозирования их поведения и изменения, предвидения развития событий, их содержания и внутренней связи. Одна из областей такого применения фреймов — восприятие и интерпретация языкового сообщения (текста).

Всякий раз, когда нужно выбрать какой-либо знак, интерпретатор автоматически привлекает широкий контекст или рамку (фрейм), на фоне которого отобранное языковое выражение получает своё толкование. Можно сказать, что фреймы — это структура данных для представления стереотипных ситуаций или бланк, имеющий пустые графы (слоты), которые должны быть заполнены. Слоты — это бытийные категории, которые формируются в процессе познания мира всем человечеством и которые образуют основные рубрики категоризации мира. Категоризация — это распределение категорий, а именно групп лиц, предметов, явлений, объединенных общностью каких-либо признаков.

В структуре фрейма можно выделить функции, выполняемые теми или иными участниками: по ходу речи одни участники выдвигаются на первый план, а другие оказываются на втором плане. Таким образом, фрейм — это структура представления знаний, организованная вокруг некоторого понятия, которая, в отличие от ассоциаций, содержит данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает конвенциональной (условной) природой и поэтому конкретизирует то, что для этой культуры характерно и типично, а что — нет. Кроме этого, фрейм воссоздаёт «идеальную» картинку объекта или ситуации, которая служит своеобразной точкой отсчёта для интерпретации непосредственно наблюдаемых, «реальных» ситуаций, с которыми человек имеет дело в действительности.

Под фреймом следует понимать совокупность единиц, организованных «вокруг» некоторого событийного концепта, например действия, процесса и т.п. Единицы, структурирующие фрейм, содержат основную (типическую и потенциально возможную) информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом.

Г. Бейтсон говорит о том, что термин «фрейм» служит для определения структурных особенностей повседневной коммуникации. Важнейшей из таких особенностей является использование метакоммуникативных и металингвистических сообщений.

«Любое сообщение, – резюмирует Г. Бейтсон, – эксплицитно или имплицитно устанавливающее фрейм, в силу самого этого факта дает инструкции получателю либо способствует его усилиям понять сообщения, заключенные во фрейм» [2, с. 215].

Таким образом, Г. Бейтсон выделяет следующую конститутивную характеристику фрейма:

фрейм – *метакоммуникативное образование*, «сообщение о сообщениях», он не сводим к остальным элементам коммуникации и не выводим из них; фрейм не принадлежит ни содержанию («деятельности в фрейме»), ни окружению («деятельности за фреймом»).

Задачей фрейма является подача информации. Именно через фреймы информация подается в доступном виде. Это является основой эффективности коммуникации.

Литература

1. Минский М. Фреймы для предоставления знаний: Пер. с англ. – М.: Энергия, 1979.
2. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000.

ЭГРЕГОР И НОВАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ (НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ «ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ)

Сысоева А.Е.

Новосибирский государственный университет

Эгрегор является одним из главных понятий современной «эзотерической» литературы. Тема эгрегора чрезвычайно популярна, ее затрагивают в своих текстах огромное количество авторов (С.Доронин, А.Сафонов, Д.Верищагин, Г.Малахов, Н.Правдина, А.Трехлебов и многие другие), а некоторые из них, например, такие как А.Подводный, И.Саторин, А.Некрасов, посвятили им отдельные труды. Эгрегор считается «основной структурной единицей тонкого мира» [1], поэтому авторы данного направления, которые ищут причины происходящего в «тонком мире», в движении «энергетических потоков», никак не могут обойти стороной это понятие.

На данный момент в эзотерической литературе существует достаточно ясное представление о том, что такое эгрегор. Эгрегор – это некая самостоятельная «энергетическая» сущность, порождаемая мыслями и эмоциями людей, объединенных в какую-либо организацию (государство, предприятие, семья, народность). Созданный людьми, он впоследствии начинает заставлять их действовать сообразно своей воле, осуществлять свои идеи. В то же время вторы признают, что человек с рождения кармически «приписан» к тем или иным эгрегорам и ему остается лишь найти свой. Вероятно, они связывают это с тем, что многие крупные эгрегоры сложились еще до рождения конкретного человека, и последний не может как-то не вписаться в уже «пределенный» мир.

Важные вопросы, связанные с данной темой, которые провоцируют обсуждение в «эзотерической» литературе – это вопрос выбора, смены эгрегора или освобождения от него, а так же свободы воли человека в рамках существующих эгрегоров. Важным считается рассмотреть иерархическую структуру эгрегоров, стадии его развития, которые понимаются как этапы развития человеческих организаций. Авторы призывают отдавать себе отчет в том, что мы служим тому или иному эгрегору, именно он является движущей социальной силой, а любое событие в наблюдаемом мире есть лишь символ события в «тонком мире».

Одним из нижних слоев в иерархии эгрегоров являются эгрегоры несвятых и святых мест (церквей, святыни и пр.). Считается, что это тот самый случай, когда человек может в полной мере участвовать в создании эгрегора, то есть различными способами увеличивать положительную «энергетическую» составляющую того или иного места, которая в дальнейшем будет положительно влиять на здоровье человека. Возможность этого наряду с верой в сверхъестественное формирует новое рациональное и этическое поведение. Появляется потребность бывать в «энергетически» более насыщенных местах, принадлежать к более крупному и «молодому» эгрегору, в котором можно реализоваться и через который можно увеличить свое благосостояние.

Литература

1. Подводный А. Трактаты. Общественное подсознание. (Трактат II) Книга 2. (Кармическая астрология). – М., Скрин, 1998. С. 6.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ В ПОНИМАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Новикова О.С.

В современной научной мысли понятие «идентичность» употребляется в широком семантическом поле. Понятие идентичности применяется к индивидам, их самосознанию, к культурам, субкультурам, этносам и нациям. Причем термин «идентичность» синонимичен таким понятиям, как самость, душа, Я-концепция, тождество личности.

В этой работе нам хотелось бы проанализировать способы употребления этого термина. Идентифицируя себя, заявляя о себе, человеческий мир выстраивает историю: себя, мира и их со-бытия, которое в процессе их совместного бытия становится настоящим событием. Можно даже сказать, что история мысли - это история того, как понималась идентичность человека в разные периоды времени, ведь истоки изучения идентичности восходят еще к идеям древних греков. С появлением у Parmenida понятия «бытие» появляется возможность для отождествления, идентификации. Но в то же самое время возникает и представление о различии. И эта двойственность восприятия является важной характеристикой идентичности. Различие между «самостью» и «тождеством», которые являются собой смыслы идентичности, и определяет тот контекст, в котором рассматривается данный термин. Человек, являясь одним и тем же (тождеством), изменяется в результате своих поступков, основывающихся на идее идентификации себя как личности, которой свойственны какие-то черты (восприятия, представления и предпочтения) в результате своей деятельности обратает самость.

Подходы к определению идентичности можно разделить на два типа, тоже в зависимости от того, как воспринимается идентичность – через тождество или различие. Либо индивид понимается как непрерывная определенность, либо же это результат взаимодействия множества идентификаций. При наложении на историческое развитие философии в направлении от классической модели к неклассической, идентичность понималась как соотнесение тождественного и иного, субстанциального и реляционного, устойчивого и изменчивого, статического и динамического, внутреннего и внешнего в человеческом Я. Так, например, в рамках примордиалистского подхода идентичность рассматривается как базисная характеристика личности, как внутреннее, сохраняющееся на протяжении личной или коллективной истории. А с точки зрения инструменталистского подхода идентичность характеризуется как ситуативная и выбираемая, а обретение идентичности это процесс, в котором индивидуальные и коллективные черты и способы самореализации могут изменяться в зависимости от ситуаций.

И сейчас множество авторов обращаются к проблеме идентичности,

подходя к ней с разных позиций. Э. Эриксон ввел понятие идентичности в значении постоянного, непрекращающегося развития «Я» в социуме; интеракционисты выделили идентичность осознаваемую и неосознаваемую (скрытую); когнитивисты разработали теории социальной идентичности и самокатегоризации(причисление себя к группе идентичных объектов), и их идея о существовании двух аспектов идентичности – социальной и личностной и их взаимосвязи нашла свое отражение в последующих работах многих авторов, которые, в свою очередь, можно разделить на две группы. 1) Одни считают что две этих идентификации взаимосклочивают друг друга (либо человек это личность, и имеет набор характеристик, отличающих данного человека от других; либо человек осознает свою групповую принадлежность, а значит принимает свойственные этой группе характеристики) 2) Другие рассматривает соотношение социальной и личностной идентичности как презентацию в сознании человека информации о себе самом. Т.е. либо признается, что социальные и личностные характеристики тесно взаимосвязаны и являются элементами одной рефлексивной системы, либо считается что они существуют отдельно друг от друга и не пересекаются. Вопрос о первичности личности по отношению к социуму остается конвенциональным.

Есть также многомерная модель идентичности, которая включает в себя расу, пол, конфессию, принадлежность к той или иной культуре или классу. Авторы модели E.S.Abes и S.R.Jones считают, что все они должны восприниматься только в совокупности друг с другом, взаимно дополняя и определяя друг друга.

Именно вопросы личностной и социальной идентичностей занимали и занимают умы многих исследователей, как отечественных, так и зарубежных, и при этом много внимания уделяется этнической идентичности. Этническая идентичность подразумевает осознание своей принадлежности к какой-либо этнической, национальной группе, и поэтому она является частным случаем социальной идентичности. Существуют две модели этнической идентичности: линейная и двумерная. Линейная модель описывает несколько типов идентичности: моноэтническую со своей этнической группой, биэтническую, моноэтническую с чужой этнической группой и маргинальную.

Как отдельные виды социальной идентичности в последнее время рассматриваются возрастная идентичность (которая понимается как результат отождествления себя с возрастной группой и принятия норм и правил, определяющих поведение индивида); профессиональная идентичность (результат отождествления себя с другими представителями профессиональной среды); городская идентичность (результат отождествления себя с жителями определенного города).

Кроме таких представлений о идентичности как о многомерной конструкции существует и представление о «возможном Я». Возможная социальная идентичность - это совокупность индивидуальных и групповых

представлений о возможных, в прошлом или будущем, ролях и отношениях. Выделяется множество разных типов идентичности: личностная (персональная), социальная, этническая (национальная), конфессиональная, психологическая, гендерная, возрастная (а также социокультурная, космополитическая, межнациональная). В связи с этими типами идентичности выстраиваются и уровни самоидентификации. (Так, например, М. Щербаков выделяет следующие уровни самоидентификации: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, эволюционно-видовой, половой и духовный.)

Подводя итог, можно сказать, что идентичность анализируют, воспринимая ее как целостность, сущность, имеющую самостоятельное бытие, поэтому для ее рассмотрения используются специальные стратегии исследования. Как некое единство совокупность узких определений Я, идентичность, понимаемая как тождество, получает характеристики процесса, изменяемой самости, которой свойственно меняться в соотношении с проявлениями окружающего мира, которым может быть и Природа, и Другой, и Многое.

Литература

Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии, 1998, №2. С. 43-53.

Трубина Е.Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. - 151с.

Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб: изд.РГПУ им. Герцена, 2008. С. 8-47.

Белинская Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии, 1999, №3. С. 40-46.

Софронова Л. А. О проблемах идентичности. М.:Индрик, 2006. С. 8-24.

Щербаков М. А. Модель уровней самоидентификации личности // www.gumer.info/bibliotek_Buks/

ОБРАЗ МИРА КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ТРАДИЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВНУТРИСЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

Куратченко М.А.

Новосибирский государственный технический университет

Социокультурная регуляция является одной из основных функций культуры, связанной с обеспечением коллективных форм жизнедеятельности людей. При этом социокультурные регулятивные системы соотносимы с тем или иным типом социальности, устанавливая уникальную для каждой общности упорядоченность во взаимодействии социальных субъектов. Таким образом, изучение проблем социокультурной регуляции необходимо для научного осмыслиения процессов воспроизведения и развития, происходящих в социуме.

Китай и Япония – два общества вступившие в XIX веке на путь модернизационных преобразований, однако результаты и сам характер преобразований оказались различны, и к концу XIX века ни у европейских держав, ни у Китая не остается сомнений в том, что Япония заняла значимое место на мировой арене, как в экономическом, так и во внешнеполитическом контекстах. Что позволило «маленьким дьяволам из-за восточного моря» (традиционное наименование японцев в Китае) добиться подобных успехов и, по выражению китайских деятелей «подло влезть в окно дома старшего брата»? [1] Однако проблема формулируется шире – что вообще определяет характер модернизационных преобразований?

С принятием модернизационной модели появляется необходимость решения сложной проблемы синхронического интегрирования в мировое сообщество и сохранения собственной культурной уникальности, независимости. Метод решения подобных задач в случае каждой страны уникален и является отражением, в том числе, специфики социокультурного регулирования.

Наиболее распространенным, при изучении специфики данных категорий, является компаративистский подход в рассмотрении дилеммы Восток–Запад, которой посвящено немало исследовательских работ, как литературно-описательного, так и научного характера. Тем не менее, подобное рассмотрение стран Дальневосточного региона как единого культурного пространства, противостоящего Западу, не способно ответить на главный вопрос – что делает Китай Китаем, а Японию Японией? Глобальное противопоставление Востока Западу выявляет лишь внешние факторы формирования культуры особого типа. Для определения того, что делает китайца китайцем, необходим сравнительный анализ стран, относящихся к одной, Восточной, традиции. При подобном подходе «внешние» общие факторы перестают быть оп-

ределяющими. Таким образом, обоснованным представляется переход к рассмотрению факторов внутренних, конструируемых образом мира, когнитивными процессами индивида в контексте его субъективной картины мира. Таковыми являются, в частности, особенности коммуникации.

Главным способом установления коммуникативного пространства, как с живыми, так и с мертвыми в Китае посредством ритуала является семья, что определило ее специфику как социального института. Именно конфуцианская доктрина определила ведущую роль семьи в обществе, которая должна, подобно государственной системе, обеспечить структурное функционирование социума. Как и в любой другой культурной традиции, семья обеспечивает спонтанное транслирование социокультурного опыта, выполняя функцию социализации индивида, однако, несмотря на общие основания, роль семьи в жизни индивида в Японии и Китае определяется неодинаково. Если китайская семья включает как живых, так и умерших, а ее главная задача – обеспечение диахронной коммуникации (что подтверждается графикой), то в японской традиции данный вид связей охватывает лишь тех предков, кого живущее поколение помнит живыми [2].

Представляется возможным говорить о том, что категория семьи в китайском и японском вариантах не только предлагает различное понимание семьи в контексте коммуникации, но и транслирует разные принципы социальной деятельности. В противоположность Японии, в Китае основой этического поведения являются правила, обеспечивающие, по мысли Конфуция, порядок в семье и государстве, как «расширенном» варианте семьи – это правила *ли*, *сю* и категория *жень*. И если целью японской воспитательной, этической системы видится регулирование отношений как в семье, так и за ее пределами, то в случае Китая подобный «регулируемый выход» за пределы семьи этической системой фактически не предусмотрен.

В исследовательской практике популярно предложенное Р. Бенедикт типологическое различие восточных и западных культур как «культуры стыда» и «культуры вины», отражающее особенности сознания и поведения в них человека. Представители «культуры стыда» чрезвычайно чувствительны к реакции других людей на их поведение – страх «потери лица». Однако по настоящему значимо мнение не любых людей, а только тех, с кем есть особые отношения. Какова же классификация месторасположения подобных значимых «Других»? Если говорить о Китае, то традиция семейно-родственных отношений сообщает индивиду, что его чувство достоинства и перспективы на будущее тесно привязаны к его первичной группе – к родственникам. И китаец по-прежнему склонен часто взаимодействовать с родственниками, по возможности находиться вблизи от них. Именно на родственниках сфокусировано его внимание, они пользуются уважением и уважают его в зависимости от места в иерархии родственных отношений. В связи с этим китаец склонен иметь отношения с людьми, не принадлежащими к семье

только в относительно безличной форме. Он может не проявлять к ним интереса, и легко расстаться, как только потеряет в них заинтересованность.

Японцы же более чем китайцы склонны к формированию вторичных групп. Связано это, как представляется, в том числе, с системой наследования (право примогенитуры, когда все достается старшему сыну), и сыновья-ненаследники были вынуждены создавать вторичную, вне предела близких родственников сеть социальных связей. Представляя расширенную модель китайской родственной семьи, японская социальная организация, однако, ориентирует индивида на общение с «внешними» социальными группами, принадлежность к которым является для японца доминантной.

Таким образом, кажущееся единство оснований китайской и японской культурных традиций далеко не так однозначно. Китайское общество ориентировано на институт традиционной семьи, как залог жизненно необходимой коммуникации, как с живущими, так и с умершими. Именно семья предоставляла возможности для социального гомеостаза индивида, что определило двойственный характер идентификации китайского общества в условиях модернизационных преобразований: страны Запада, с одной стороны, и собственное прошлое с другой, что, в свою очередь, детерминировало модель социальной деятельности

Что касается японского общества, то оно, вступив на путь преобразований модернизационного характера, идентифицировало себя со значимым «Другим», которыми однозначно выступали страны Запада. Подобное стало возможным в виду изначальной традиционной ориентированности японца «вовне», в японской культурной традиции «социальный гомеостаз» обеспечивался не столько включенностью в состав семьи, сколько принадлежностью к определенному социальному страту. Японская культура – культура заимствований сначала китайских, затем европейских достижений. Это и обеспечило принципиально иную, как оказалось, модель социальной деятельности в условиях модернизаций, в отличие от своего соседа Китая.

Примечания

[1] Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай-Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимодействия (VII в н.э.- 30-40 гг. XX в.). – М., 2001. – С. 180, 248.

[2] Бенедикт Р. Хризантема и меч. - М., 2004. – С. 202.

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ СТАНДАРТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Акимова Н.А.

Сибирская академия государственной службы (Новосибирск)

Административная реформа в РФ направлена на повышение качества и доступности государственных услуг, в том числе и через разработку и внедрение стандартов государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти.

Данное направление деятельности является новым для органов власти и методологически неразработанным (особенно для сферы культуры). Стандарты должны разрабатываться в духе новой управленческой парадигмы, характеризующейся субъектной ориентированностью, рефлексивностью, коммуникативностью, установкой на эффективную обратную связь [1]. Особую трудность – как методологического, так и прикладного характера – представляет разработка стандартов в сфере культуры – области наиболее далекой от стандартизации и обладающей высокой способностью самоорганизации [2].

В настоящее время департаментом культуры Новосибирской области разработаны и утверждены стандарты государственных услуг в сфере культуры [3]. Так стандарт на услуги, оказываемые областными государственными театрами, предусматривает лишь требования к объему оказываемой услуги (количество спектаклей в год), к срокам оказания (продолжительность спектакля), к режиму работы учреждения. Требования к условиям предоставления услуги и к информационному обеспечению получателей услуги сформулированы весьма обобщенно (например, учреждения должны быть обеспечены санитарно-бытовыми помещениями; обслуживающий персонал должен иметь среднее или высшее профессиональное образование). Также в стандарте не регламентирован источник получения информации и способ измерения показателей, что затрудняет оценку качества предоставленных услуг.

Утвержденный стандарт государственных услуг в сфере культуры не позволяет упорядочить обязательства поставщиков услуг перед потребителями, поскольку не содержит описание всех процессов предоставляемых услуг и показателей их предоставления, а также не предполагает участие населения в оценке качества и тем самым не создает механизм влияния потребителя на качество услуги.

Принципы менеджмента качества предполагают, что качество результата формируется всем процессом, поэтому стандарт на услуги должен включать и стандарт на процессы создания условий для предоставления услуги. В связи с этим разработка стандарта государственных услуг в сфере культуры должна начинаться с анализа и декомпозиции процессов деятельности театрального учреждения. Только описав и проанализировав систему деятельно-

сти учреждения в целом, можно определить границы и формы стандартизации, предоставляемых в результате этой деятельности услуг. Кроме того, подобный анализ может быть использован и для решения смежных прикладных задач (например, разработки регламентов деятельности учреждений и др.).

Вышеуказанный подход был использован при разработке стандарта услуг предоставляемых театрально-зрелищными учреждениями г. Новосибирска, в рамках научно-исследовательской работы «Разработка стандартов бюджетных услуг в сфере культуры, предоставляемых за счет средств областного бюджета населению Новосибирской области» [4]. Так, формирование стандарта государственных услуг в сфере культуры должно включать в себя:

1) составление карты процессов и их декомпозиция

Например, процессы предоставления услуг театрально-зрелищными учреждениями можно разделить на процессы связанные с непосредственным предоставлением услуг и процессы, связанные с созданием условий для их предоставления. К процессам создания условий для предоставления услуги можно отнести работу гардероба, буфетов, обеспечение порядка в зале и фойе, распространение билетов и др. К процессам, связанным с непосредственным предоставлением услуги театрально-зрелищными учреждениями можно отнести формирование репертуара, материально-технические аспекты (видимость, акустика, освещение, звуковое сопровождение), профессионализм исполнения, художественный уровень спектакля и др.

2) определение показателей качества выделенных процессов с указанием источника и способа измерения показателя

Например, такой процесс как работа гардероба в театрально-зрелищном учреждении может быть оценена по таким показателям как пропускная способность, время ожидания в очереди, сохранность одежды и вещей, вежливость и корректность персонала. Источниками получения информации могут являться результаты опроса потребителей, отчетные данные учреждения и др.

3) задание нормативных значений показателей

В качестве нормативных, стандартных значений показателей необходимо рассматривать требования заинтересованных сторон оказания услуг (потребители услуг, органы управления сферой культуры, эксперты, являющиеся носителями ожиданий с позиций передового мирового уровня). Формирующиеся нормативные значения могут экспертами с помощью методов прогнозирования на основе данных прошлых лет, либо с использованием бэнчмаркинга.

Разработанный в соответствии с данным алгоритмом стандарт государственных услуг позволит повысить качество данных услуг, сделать их доступными для граждан, сориентировать деятельность органов исполнительной власти на интересы потребителей, повысить эффективность административно-управленческих процессов в органах исполнительной власти.

Литература

1. На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Институт философии РАН, 2005.
2. В.К.Егоров. Культура в России в условиях общественной трансформации / Социальная политика в муниципальных образованиях / Под общей редакцией Н.А.Волгина, В.К.Егорова, С.В.Калашникова. – М.: Альфа-Пресс, 2006.
3. Приказ Департамента культуры Новосибирской области № 796 от 20.12.07. «Об утверждении стандартов государственных услуг».
4. А.З.Фахрутдинова, В.Г.Миллер, Н.А.Акимова. Отчет по выполнению научно-исследовательской работы по теме «Разработка стандартов бюджетных услуг в сфере культуры, предоставляемых за счет средств областного бюджета населению Новосибирской области» – Новосибирск, ФГОУ ВПО СибАГС, 2007.

Раздел III. Теоретические проблемы права

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОЕКТЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ, АНТИКРИЗИСНЫЕ СЦЕНАРИИ

Дидикин А.Б.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Конституционное развитие России на рубеже веков определяется двумя взаимосвязанными тенденциями: конституционной модернизацией правовой системы и формированием инновационной сферы экономики. Понятие «модернизация» в социально-историческом контексте предполагает переход из одного общественного состояния (формации, цивилизации, либо структурного элемента миросистемы) в другое с изменением форм и содержания общественных отношений.

Развитие российского конституционализма в первом десятилетии XXI в. характеризуется высокой степенью монополизации различных сфер общественной жизни политической элитой страны, формированием «сырьевой» экономики и существенным отставанием в высокотехнологичных отраслях, попытками обеспечить сферу geopolитических интересов российского государства на пространстве СНГ и во взаимоотношениях с США и Европой. К числу предпосылок и факторов, способствовавших построению российской политической системы в ее современном состоянии, относится серия рефор-

маторских и контрреформаторских решений в период правления В.В. Путина:

– *федеративная реформа* (В. Иванов, 2006; Р. Саква, 2005) (укрупнение регионов и введение мер федерального принуждения; реформы Совета Федерации 2001 и 2008 гг., отмена выборов глав регионов, централизация распределения бюджетных средств в регионах) [1];

– *муниципальная реформа* (создание новых территориальных единиц в границах муниципальных образований, установление контроля федерального Центра и регионов над муниципалитетами на их территории) [2];

– *административная реформа* (перераспределение полномочий между министерствами и ведомствами, рост бюрократического аппарата и бюджетных расходов на его содержание), главный результат которой – формирование двух центров принятия решений – Администрации Президента РФ и Кабинета министров Правительства РФ (А.А. Аузан, 2007-2008, М.А. Краснов, 2006-2008) [3];

– *реформа партийной системы* (усиление политической функции партий в формировании органов власти, ослабление роли общественных объединений и запрет на их финансирование из-за рубежа; введение жестких требований на создание партий и их региональных отделений);

– *избирательные контролреформы* (А.В. Иванченко, 2007) (введение пропорциональной системы на парламентских выборах в Государственную Думу, повышение избирательного барьера, запрет создания избирательных блоков и др.) [4]

– *контрреформы системы социального и пенсионного обеспечения* 2004-2005 гг. (Е.Ш. Гонтмахер, 2007, 2008) [5];

– *судебная контролреформа 2001 и 2008 гг.* (введение в квалификационные коллегии судей представителей Президента РФ и общественности; установление предельного срока пребывания судей в должности; централизация финансирования судебной системы; ослабление суда присяжных).

Несмотря на эффективное выстраивание «вертикали власти» и ослабление роли Федерального Собрания, внешнеполитические вызовы и необходимость структурных перемен во внутренней политике российского государства привели к появлению ряда политических проектов модернизации российского конституционализма [6]:

– *европейские проекты* (А.И. Ковлер, П. Лаптев, М. Энтин, С.Ю. Кашкин, В.Л. Иноземцев, 2006-2008 [7];) (интеграция в европейскую систему правосудия, интеграция в Евросоюз): предпосылками реализации проектов стало вступление России в Совет Европы, интеграция в мировую экономику и выстраивание торговых отношений с ЕС с целью создания нового Соглашения о партнерстве. Главные политические идеи – формирование парламентской демократии, контроль над исполнительной властью, судебная реформа, доступ граждан к европейской системе защиты прав человека.

– идеологический проект «*суверенной демократии*» (В. Сурков, 2006) [8]

– проект «Стратегия 2020»: построение инновационной экономики при регулирующей функции государства (Минэкономразвития, РСПП, 2007-2008) [9]

– проект «экстренной либерализации сверху» политической системы (И.Ю. Юргенс, Институт современного развития, 2008) [10]

– проект, сформулированный в Послании Президента РФ 5 ноября 2008 г.: внесение поправок в Конституцию РФ (увеличение сроков осуществления полномочий Президентом и Государственной Думой; ежегодные отчеты Правительства перед Федеральным Собранием), изменения в партийной и судебной системе и т.д.. [11]

Финансово-экономический кризис 2008 г. в конечном итоге способствует корректировке существующих проектов модернизации от необходимости быстрого «инновационного прорыва» (М. Делягин, С. Глазьев), формирования «мирового финансового центра» (И. Шувалов) до усиления государственного воздействия на экономику (В.Л. Иноземцев). Антикризисные сценарии основываются на необходимости своевременного бюджетного финансирования кризисных сфер, стабилизации финансового рынка, создания новых рабочих мест, приостановления федеративной, муниципальной и административной реформ (Институт современного развития, Исследовательский центр публичного права, 2008) [12].

Литература

1. Иванов В. Путин и регионы: централизация России. М., 2006; Саква Р. Путин – выбор России. М., 2005.
2. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. и пути их совершенствования. Аналитический доклад Института современного развития. М., 2008 (один из экспертов, упомянутых в докладе – А.Б. Дикин).
3. Аузан А. Вертикальный контракт неустойчив // Отечественные записки. 2004. №6 [www.polit.ru]; Краснов М.А. Персоналистский режим в России. М., 2006.
4. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до сверенной демократии. М., 2007.
5. Гонтмахер Е.Ш. Проект «Новочеркасск» и другие материалы [www.riocenter.ru]
6. См.: Дідікін А.Б. Розвиток науки конституційного права на сучасному етапі: системно-технологічний підхід // Юридичний журнал (Україна). 2008. №7-8. С.199-200; Дідікін А.Б. До питання про найменування науки й галузі конституційного права // Юридичний журнал (Україна). 2008. №10. С.109-110.
7. Иноземцев В.Л. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. М., 2009; Кашкин С.Ю. Право Европейского Союза. М., 2005; Ковлер А.И.

Конституция России и европейское право [www.lawportal.ru]; Дідікін А.Б. Рішення Європейського Суду з прав людини у національній правовій системі // Юридичний журнал (Україна). 2009. №1. С.147-148.

8. Сурков В. Национализация будущего: параграфы про суверенную демократию // Эксперт. 2006. №40. 20 ноября.

9. Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, утвержденная Председателем Правительства РФ 17 ноября 2008 года [www.government.ru]

10. Российская модель демократии. Аналитический доклад Института современного развития. М., 2008.

11. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с учетом изменений, внесенных законами РФ о поправках к Конституции № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2008. 31 декабря; Постановление Президента РФ Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г. [www.kremlin.ru].

12. Жданов А.Ф., Дикин А.Б. Рекомендации участников всероссийского экспертного круглого стола Исследовательского центра публичного права «Стратегия развития до 2020 года как фактор модернизации России в условиях финансово-экономического кризиса» (24 декабря 2008 г.) [www.icpp.my1.ru].

ПРЕЗИДЕНТ РФ – ГАРАНТ КОНСТИТУЦИИ (ПРОЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ)

Марино И.

Представительство Фонда конституционных реформ в Италии (Неаполь)

Введение в Конституцию РФ особого положения главы государства в качестве органа-гаранта, арбитра, органа *super partes* – это «конституционное ноу-хау» президентского проекта, над которым работало Конституционное Совещание.

Скрупулезный анализ стенограмм, материалов, документов Конституционной Комиссии 1990-1993 гг. показывает, что в них данное возможное положение не рассматривалось вообще, поскольку концептуально отвергалось [1].

В Конституционной Комиссии был поставлен в центр внимания вопрос о том, что судебная инстанция является более адекватным, более подходящим и естественным и более надежным органом-арбитром *super partes*.

Суть проблемы раскрыл в начале 90-х гг. ответственный секретарь Конституционной Комиссии О.Г. Румянцев: «И все же Конституционный Суд призван играть центральную роль, ибо в подлинно правовом государстве су-

дебная власть, а не чиновник, пусть даже высший, является легитимным и влиятельным гарантом конституционного строя» [2].

Известный депутат начала 90-х гг., дополнительно аргументированно разъяснял свою правовую позицию: «Но только судебная власть в условиях конституционного строя выступает его гарантом».

Давая ответ на вопрос, кем и как контролируется власть, Конституция выступает юридическим сводом ограничений государственной власти. Важнейшим из институтов контроля должен являться Конституционный Суд – высший орган судебной власти по защите конституционного строя» [3].

Действительно, с точки зрения права обоснованна позиция, на основе которой среди государственных федеральных органов только судебный орган, например Конституционный суд РФ, потенциально больше всех мог бы проявлять нейтралитет и, соответственно, беспристрастно играть роль надежного гаранта конституционного строя страны.

Безусловно, не менее важная проблема в том, что действенным, эффективным гарантом Конституции должен быть сильный орган, с соответствующими установленными в Конституции сильными полномочиями. Например, проблемы, замеченные российскими конституционалистами, о слабом состоянии исполнения постановлений Конституционного Суда также открывают новые проблемы для «идеального» выполнения задачи гарантирования конституционного строя.

Данная правовая концепция преобладала в Конституционной Комиссии, работающей с 1990 по 1993 г. над официальным на тот момент до определенного времени проектом Конституции.

Но как известно в итоге известной ожесточенной политической борьбы Президент РФ в конечном итоге «управомочил» Конституционное Совещание принять самостоятельно окончательный проект Конституции РФ: Конституционное Совещание здесь более уместно описывать как «конституционный самиздат».

Президент РФ по действующей Конституции является «сам себе гарантом». Он монополист в самостоятельном осуществлении этой особой и сложной выполнимой функции. Фактически не обеспечивается и даже возможный с точки зрения теории действенный процесс взаимоконтроля [4].

Известные и влиятельные участники Конституционного Совещания, одни из самых близких юристов первого Президента РФ, соавторы концепции Президента «координатора-арбитра» С. С. Алексеев и А. А. Собчак уже на начальном этапе конституционного процесса в России установили: «Сама государственно-политическая жизнь выдвинула в качестве решающего противовеса, способного организовать и гармонизировать власть, институт главы государства» и дали «окончательную сентенцию» по отношению к «конкурирующему» проекту Конституции Конституционной Комиссии: «В проекте, в сущности, не оказалось главы государства, высшего представителя государства в целом, государственного координатора и арбитра, призванного олице-

творять целостность и единство государства» [5]. По их личному мнению проект Конституционной Комиссии был «не конкурентоспособным» по сравнению с президентским проектом.

В итоге после «переходной совещательной фазы» Конституционного Совещания, уже окончательный проект Конституции, принятый на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., устанавливал, что Президент – гарант Конституции, орган-арбитр, орган, выведенный из системы исполнительной власти, орган координатор.

В конечном итоге с введением такого конституционного положения авторы Конституции, работающие в Конституционном Совещании, создали дополнительные, существенные контрольные функции Президента РФ, органа-контролера, неподконтрольного некому. Любопытно отметить, как в самом Конституционном Совещании в группе товаропроизводителей под председательством В. Ф. Шумейко была рассмотрена (но конечно безуспешно) интересная статья: «Всенародно избранный Президент. Президент подконтролен народу, закону и суду» [6].

Один из основных «первооткрывателей» данного конституционного положения, самый известный «отец-основатель» Конституции С. М. Шахрай недвусмысленно, прямо признавал и открыто объяснял, почему потребовалось установить такое положение органа *super partes*, которое могло бы оправдывать некоторые особо важные дополнительные «квазиарбитражные» функции Президента, и соответствующие, отсюда вытекающие права.

По признанию самого С. М. Шахрая в Конституционном Совещании можно открыть самые настоящие намерения авторов данной нормы: «В этих условиях была поставлена задача найти конституционные механизмы снятия противоречий, когда власти – законодательная и исполнительная – находятся в глубоком конфликте». Для этого авторы президентского проекта сочли возможным и необходимым введение в российскую Конституцию механизма роспуска парламента с назначением досрочных выборов.

Для того, чтобы такой механизм иметь, было одновременно признано целисообразным, что, возглавляя Правительство и исполнительную власть, Президент будет обладать правами по роспуску другой ветви власти, а значит, будет идти на нарушение равноправия, определенной автономии и разделения властей. По этому пути пошли частично, используя опыт ФРГ, Италии и других стран, и вывели Президента из системы исполнительной власти, наделив его некоторыми функциями координирующего свойства, в том числе правом роспуска с назначением досрочных выборов парламента» [7].

В Конституционном Совещании была создана «Шахраевская модель» Президента, не входившего не в одну из ветвей власти. Приведенная С. М. Шахраем «в соавторстве» с иными юристами Конституционного Совещания логика Президента, как выведенного из исполнительной власти, была в приоритетном порядке направлена на создание посредством арбитражных свойств данного органа, «координирующей» функции обеспечения согласо-

ванного функционирования органов государственной власти, оправдывающая в конечном итоге в этом ином качестве дополнительные не менее существенные полномочия Президента РФ.

Литература

1. См. Из истории создания Конституции Российской Федерации стенограммы, материалы. Документы (1990-1993 гг.). в 6 томах. М. 2008.
2. Румянцев О.Г.. Основы конституционного строя России. Понятие, содержание, вопросы становления. Юрист. М., 1994, С. 97.
3. Румянцев О.Г.. Функции Конституции в сегодняшней и завтрашней России. // Конституционный вестник «Судьба конституционного строя в Российской Федерации». Н. 1 (17) март-апрель 1994. Фонд конституционных реформ, С. 28.
4. В Конституционном Совещании был тот, кто затронул уже тогда суть проблемы: например К. Ф. Затулин: «Я бы просил снять в параграфе 8, там, где сказано, что глава государства России – всенародно избираемый Президент, дополнение «который является гарантом целостности государства, прав и свобод граждан». Я полагаю, что гарантом целостности, прав и свобод граждан являются Президент, парламент и правосудие – все вместе. Иначе мы противоречим принципу разделения властей». См.: Конституционное Совещание – стенограммы, материалы, документы. М. 1995, Изд. «Юридическая литература», Т. 5, ст. 364.
5. В Конституционном Совещании еще поступило и предложение Ю. К. Курина записать по отношению к Президенту «высшим гарантом». См.: Конституционное Совещание – стенограммы, материалы, документы. М. 1995, Изд. «Юридическая литература», Т. 8, С. 107.
6. См.: Конституция и судьба России. Известия. 1992. 28, 30 марта, См. Из истории создания Конституции РФ. Конституционная Комиссия. Стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.). Том 3: 1992 год. Под общ. ред. О. Г. Румянцева. М. 2008, ст. 697.
7. 10 июня 1993 г. См.: Конституционное Совещание ..., Том 5, С. 364.
- Группа органов государственной власти республик, 13 июня 1993 г. См.: Конституционное Совещание том 7, С.. 173.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС
РЕШЕНИЙ СОВЕТА ГЛАВ ГОСУДАРСТВ СНГ
Доморад О.В.**

Белорусский государственный университет (Минск)

В настоящее время особенно актуальной является проблема недостаточной регламентации правового статуса решений Совета глав государств (СГГ) СНГ. Проблема определения юридической силы решений СГГ вызвана отсутствием в документах Содружества четких правил по данному вопросу, в том числе их классификации на акты по вопросам осуществления целей организации и решения по внутриорганизационным вопросам.

Существующие разнотечения в толковании юридической силы актов, принимаемых СГГ до сих пор остаются наиболее серьезной проблемой. Разные точки зрения отражены самой природой Содружества, неопределенность его статуса на уровне учредительных документов, разным отношением государств – участников к его правосубъектности.

Важное значение в этом плане имеет предварительная работа по согласованию имеющихся подходов к той или иной проблеме. В случае нахождения устраивающего все стороны решения оно будет реализовано на практике, в противном же случае останется только на бумаге, и его, в таком случае, лучше вообще не принимать.

Выполнение решений СГГ может осуществляться как в явной, так и в неявной форме. Если с явной формой все понятно, то под неявной понимается формальное выполнение решения, при отсутствии достижения целей и задач, для реализации которых принималось решение. Определенный резонанс также вызывает принятие решений методом консенсуса, что не дает возможности принимать устраивающее подавляющее большинство участников решение.

Условно решения, принятые в рамках СГГ, можно разделить на три вида:

- *решения по поводу сотрудничества государств в сферах, представляющих взаимный интерес;*
- *решения по процедурным вопросам.* Данные решения касаются организационных вопросов и порядка заседаний СГГ;
- *протокольные решения.*

Следует проработать названия данных решений, что позволит определять статус и юридическую силу решений еще в момент их принятия, исходя из их названия, а не на основании субъективного анализа их содержания.

Исходя из вышеизложенного, в целях придания праву СНГ большей системности на уровне учредительных документов или специального международного договора однозначно определить, что все решения СГГ, устанавливающие непосредственно какие-либо обязательства для государств-участников или направленные на унификацию законодательства, должны

оформляться путем заключения международных договоров, либо решений, подлежащих обязательной трансформации в национальное законодательство.

Следует иметь в виду необходимость компромисса, выражения политической воли государств. Важно не только говорить о целесообразности использования переговоров для согласования своих позиций, но и на деле следовать этим принципам. Скептики очень часто говорят, что требование выражения политической воли государств встречается лишь в тех случаях тупиковых ситуаций, когда государство долго не может решиться на принятие того или иного решения. Иными словами, политическая воля нужна лишь в условиях неочевидности выгоды или потери для государств. Решения, основанные не на трезвом расчете государств, а на основании политической воле, ученые оценивают как волюнтаристские.

Решения СГГ по внутриорганизационным вопросам являются обязательными как для органов СНГ, так и для государств-участников Содружества. Статус решений по вопросам осуществления целей Содружества до сих пор не определен, поэтому их реализация основывается на добровольном согласии государств-участников СНГ. Государства путем принятия имплементационных актов могут выразить согласие на обязательность для себя таких решений.

В свете вышесказанного, решение данной проблемы видится в следующем.

Во-первых, следует на уровне Устава СНГ или специального договора определить правовой статус решений СГГ и степень их обязательности для государств-участников СНГ.

Во-вторых, решения СГГ, устанавливающие обязательства непосредственно для государств-участников СНГ, должны оформляться путем заключения международных договоров, подлежащих обязательной трансформации в национальные правовые акты. Поскольку на данный момент решения не имеют прямого действия. Не установлены нормы и сроки, в течение которых должны быть выполнены внутригосударственные процедуры или проведена ратификация, необходимая для вступления решения в силу.

В-третьих, необходимо ввести систему мониторинга выполнения государствами-участниками СНГ принятых на себя обязательств.

В-четвертых, решения должны содержать конкретизацию обязательств, ответственность сторон, способы разрешения спорных вопросов, порядок и сроки трансформации принятых решений во внутренние нормативно-правовые акты. Устранение из текста двусмысленности, непроясненности понятий и юридических норм, пафосности и декларативности, не несущих никакой юридической нагрузки. Поскольку на данный момент ситуация заставляет желать лучшего: решения определяют лишь основные контуры сотрудничества, основные направления и принципы. Основную смысловую нагрузку несут лишь несколько статей.

В-пятых, необходима достаточная проработка решений еще на стадии разработки документов, согласование воль государств, необходимых для принятия решения путем компромисса.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Кротова Ю.В.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В этом году Российская академия наук отпраздновала очередной юбилей – 285 лет с момента своего образования [1].

Она была учреждена по распоряжению императора Петра I указом правительства сената от 28 января (8 февраля) 1724 года. По прошествии 285 лет можно с уверенностью сказать, что Академия в течение всего времени своего существования являлась неординарным субъектом не только права, но всей политической и государственной системы России.

Историю развития Академии можно условно разделить на несколько этапов[2]. Первый этап – с момента образования по 1803 год. Он характеризуется становлением Академии наук, которая была создана в качестве клуба (но не путем собственной инициативы ее членов, как имело место в западноевропейских странах, а посредством инициативы императора Петра I «сверху»), при этом ее finanziровали не учредители, а государство.

Первым официальным документом этого периода стал регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге 1947 года, который, за редкими исключениями, закрепил уже сложившееся положение дел. При этом «Академия наук разделялась на Академию собственно и на университет». Под первой понималось «собрание ученых людей, которые стараются познавать и разыскивать различные действия и свойства всех в свете пребывающих тел и через свое испытание и науку один другому показывать, а потом общим согласием издавать в народ»[3]. Определялись регламентом и полномочия Собрания, имевшего статус совещательного органа по вопросам науки.

Таким образом, к концу первого этапа своего исторического развития Академия представляла собой, с одной стороны, обособленный клуб ученых, имеющих главной целью развитие национальной науки, и именно этой целью объяснялось ее финансирование государством.

Второй этап истории Академии начался в 1803 и длился до 1917 года, т.е. более 100 лет. Правовое положение главного научного центра страны в это время определяли два устава 1803 и 1836 годов. Данный этап ознаменовался тем, что Академия впервые была названа «первым ученым обществом в империи» [4] или «первенствующее ученое сословие в Российской империи» [5]. Большому изменению подверглись положения об источниках финанси-

ровании («академических суммах»), которые делились на 2 вида: сумма, определенная на содержание Академии императором и экономическая сумма. Последняя формировалась из прибылей от типографии и остатков штатной суммы, а с 1836 года также за счет доходов от отдачи в наем таких помещений в домах Академии, которые для собственного ее употребления не нужны» [6]. Экономическую сумму можно было тратить лишь на цели, предусмотренные уставом (хотя эти цели были достаточно широки). Кроме того, вся экономическая сумма поступала в неприкосновенную собственность Академии. Уставы 1803 и 1836 годов предусматривали четкое различие между Комитетом правления и Конференцией (собранием), если первый – управляющий делами орган, то второй – академический. Также впервые появились организации в структуре Академии, в частности, типография, книжная лавка, библиотека, музей ботаники, зоологии и минералогии, кабинет медалей и редкостей, астрономическая консерватория, физический комитет, собрание медалей, анатомический театр, две химические лаборатории и ботанический сад.

Данные положения определили некоторые черты Академии на многие годы вперед. Кроме того, именно в этот период она стала превращаться из клуба ученых в некую организацию, самостоятельно распоряжающуюся выделенными ей и полученными от собственной деятельности средствами, имеющую свою структуру и организации входящие в ее состав.

Третий этап начался в 1917 году, как отметил Ю. С. Осипов, «это был новый, почти 70-летний период беспрецедентного развития науки и образования в стране» [7]. В это время было принято пять уставов Академии наук СССР (1927, 1930, 1935, 1959, 1963 годов). Темпы развития рассматриваемой организации (прирост, прежде всего, научно-исследовательских институтов в ее составе) и науки в ней достигли максимального значения. Что в свою очередь определило необходимость изменения структуры и организационной формы.

Статус Академии в этот период был не однозначен, она, по сути, являлась и общественной организацией, основанной на членстве, и ведомством, с собственным управлением и организационной структурой (подчинявшимся в различный период СНК СССР, ЦИК СССР и Совету министров СССР) и государственным учреждением, финансируемым только из бюджета страны, не занимающимся хозяйственной деятельностью.

Четвертый этап – начало 90-х годов. В этот период хаотично принимались противоречивые документы, подчас не позволяющие определить правовой положение Академии. Так указом Президента СССР от 23.08.1990 № 627 «О статусе Академии наук СССР» [8] устанавливалось, что Академия наук СССР являлась общесоюзной самоуправляемой организацией, действующей на основе законов СССР и устава Академии без какого-либо вмешательства государственных и иных структур. Предполагалась передача всего имущества

ва, используемого входящими в ее состав предприятиями и организациями, в ее исключительную собственность.

Устав 1991 года предусматривал, что Российской академия наук создана государством как высшее научное учреждение и является общероссийской самоуправляемой организацией, имеющей государственный статус, и наделенная правами управления своей деятельностью и имуществом. В тот момент ее организационно-правовое положение ближе всего подходило к общественной организации. Но уже в 1996 году Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технологической политике» принят Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации 12.07.1996 года [9] закрепил иной статус Академии, вместо общественной организации она становится государственным учреждением. Указанная организационно-правовая форма не отражала в полной мере фактических черт рассматриваемой организации. Российской академия наук являлась неординарным государственным учреждением – имела в своем составе и подчинении огромное количество институтов и организаций, обслуживающих научную деятельность, большой комплекс имущества и самую главную отличительную черту – наличие «клубного» или корпоративного характера. Некоторые исследователи отмечали, что такой статус полностью соответствовал действующему законодательству, в частности ст. 120 Гражданского кодекса РФ, предусматривающей, что законом и иными правовыми актами могут определяться особенности правового положения отдельных видов государственных и иных учреждений, и Федеральному закону от 23.08.1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [10].

Но высказывались и противоположенные мнения, например, о необходимости придания Академии статуса акционерного общества, имеющего своими участниками ее членов и работников. Вкладом же являлись строго оцененный интеллектуальный потенциал участников [11].

Также высказывались мнения, что Академия наук ввиду своей специфики не может иметь ни одну из имеющихся в законодательстве организационно-правовых форм, поэтому необходимо принять ФЗ «О Российской академии наук», в котором будет установлен ее правовой статус [12].

В настоящее время можно констатировать тот факт, что Академия вступила в новый этап своего развития, в частности, принят новый устав в котором говорится, что Российской академия наук является некоммерческой научной организацией, созданной в форме государственной академии наук. Необходимо отметить, что в законодательстве о такой форме упоминается только в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». Также в уставе отмечено, что она является самоуправляемой организацией и объединяет членов Академии наук – действительных членов (академиков), членов-корреспондентов, избираемых общим собранием этой академии, а также научных сотрудников подве-

домственных РАН организаций. Таким образом, стало очевидно, что законодатель перестал пытаться «засунуть» Академию наук в уже имеющиеся организационно-правовые формы. Новый же статус – государственная академия наук – в настоящее время не разработан, что и определяет актуальность проведения научных исследований в данной области.

Литература

- [1] См. Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1875
- [2] См. Осипов Ю.С. Академия наук в истории Российского государства = Academy of sciences in the history of the Russian State. – М., 1999. – С. 23-76
- [3] Там же. С. 41
- [4] Уставы Академии наук СССР. – М., 1974. С. 52
- [5] Там же. С. 59
- [6] Там же. С. 113
- [7] Осипов Ю.С. Академия наук в истории Российского государства = Academy of sciences in the history of the Russian State. – М., 1999. – С. 47-48
- [8] Ведомости СНД и ВС СССР, 1990, № 35
- [9] Собрание законодательства РФ, 26.08.1996, № 35, ст. 4137
- [10] Ливанов Д. Пока нет иных правовых форм государственных некоммерческих организаций, вопрос об изменении статуса РАН не стоит // Режим доступа: http://www.ras.ru/digest/shownews.aspx?id=7250d985-ff2d-4521-9710-62293ee552bc&_language=ru
- [11] Бердашкевич А.П. Статус Российской академии наук – пробел в современном праве // Вестник Российской академии наук. 1998, том 68, № 12. С. 1080
- [12] Гордеева Н. А., Филь М. М. К вопросу о правовом статусе Российской академии наук // Вестник Российской академии наук. 1999, том 69, № 7. С. 626

СТАРОЕ НОВОЕ НОУ-ХАУ

Зыков С.В.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Секреты производства, исходя из своей объектной характеристики, являются наиболее универсальным объектом интеллектуальных прав. Если в современной России не столь многие участники экономического оборота используют в своей деятельности запатентованные технические решения, не говоря уже о ещё более раритетных объектах, таких как фонограммы или селекционные достижения, то потенциальным обладателем прав на объекты, охраняемые в режиме коммерческой тайны является буквально каждый субъ-

ект предпринимательской деятельности. Действительно, к секретам производства могут относиться не только творческие результаты, но и сведения о финансовой деятельности, маркетинговая информация, информация о системе материально-технического обеспечения, о менеджменте предприятия и т.п..

В этой связи возникает вопрос: почему же секреты производства являются на практике столь нераспространённым объектом интеллектуальных прав?

Как и любое объяснение социального явления, ответ на поставленный вопрос подразумевает целый ряд причин. Среди них можно обозначить жесткую необходимость совершения комплекса формальных действий. Если в отношении объектов патентных прав тяжесть осуществления регистрационных процедур ложится на патентное ведомство, заявитель лишь в надлежащей форме выражает свою волю, а для объектов авторского права и смежных прав совершения специальных действий не требуется в принципе, то вся нагрузка по установлению режима коммерческой тайны возлагается на правообладателя.

Принятие мер по охране конфиденциальности является ключевым моментом для признания сведений охраняемыми. Видимо здесь следует искать причины чехарды терминов «коммерческая тайна», «секрет производства», «ноу-хай». Несколько ломая устоявшееся словоупотребление, часть четвёртая Гражданского кодекса Российской Федерации первое из указанных понятий использует для обозначения правового *режима*, а два последних - *объекта* прав (при этом не реализованы доктринальные предложения ввести терминологическое различие технических решений и иной информации, либо оборотоспособных и непередаваемых сведений). Термины «коммерческая тайна» и «секрет производства» с разных сторон выражают одно и тоже явление, режим коммерческой тайны распространяется только на секреты производства. И меры по установлению данного правового режима играют ключевое значение.

В вопросе определения таких мер законодатель бросается из крайности в крайность. До введения в действие Федерального закона “О коммерческой тайне” не было даже рекомендательных норм, которые могли бы сориентировать потенциального правообладателя в вопросе о том, что именно он должен сделать для того, чтобы установить данный режим в отношении интересующих его сведений. Напротив, ст.10 указанного Федерального закона установила минимально необходимые для признания режима коммерческой тайны меры, при том, что их перечень достаточно объемен и они не слишком просты в реализации.

Даже те исследователи, которые, по нашему мнению, весьма спорным образом, истолковывают положения ч.5 ст.10 Федерального закона «О коммерческой тайне», где говорится о «разумно достаточных» мерах в том смысле, что непринятие предписанных законом мер не уничтожают правового режима коммерческой тайны, обращают внимание на возможность нарушителя

ссылаясь на отсутствие или смешанный характер вины с целью уменьшения размера ответственности [1]. С точки зрения менее оригинальной позиции, в указанной норме законодатель, напротив, требует не только совершения всех им установленных действий, но и оставляет возможность правопримениителю признать в конкретном случае их недостаточными, вводя для этого оценочные категории.

Более того, существует неопределенность и в вопросе правовой природы права на секрет производства. Несмотря на то, что Гражданский кодекс Российской Федерации обозначает такое право как исключительное (п.1 ст.1466 ГК РФ), отличие от прав на иные результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которые являются абсолютными, очевидно. По этому основанию одни исследователи говорят об особом, квазиабсолютном характере прав на коммерческую тайну [2], другие вообще отрицают для данных объектов наличие исключительного права [3]. Можно вспомнить, что еще недавно объекты исключительных прав и коммерческая тайна сосуществовали в разных статьях Гражданского кодекса (соответственно ст.138 и ст.139 ГК РФ).

Несмотря на то, что Гражданский кодекс России закрепляет исключительное право на секрет производства (п.1 ст.1466 ГК РФ), в реальности охрана осуществляется, как правило, в рамках договорных отношений. Действительно, если сведения стали общеизвестными, даже в результате виновных действий других лиц, защиты против третьих лиц, которые их пожелают использовать закон не предоставляет. Менее трёх с половиной лет просуществовал юридический институт предъявления гражданско-правовых требований лицам, получившим информацию, составляющую коммерческую тайну случайно или по ошибке. Это же произошло с диспозитивным сроком обязанности бывшего работника не разглашать такую информацию после прекращения трудовых отношений, хотя из измененного Закона не следует, что такая обязанность не может быть установлена соглашением. Возможно проблему бывшего работодателя решит заключение отдельного договора по данному вопросу, а не включение соответствующих условий в трудовой договор, однако и такое решение не является очевидным с точки зрения трудового законодательства.

С серьезными проблемами мы сталкиваемся в вопросе об ответственности нарушителя. Методики определения убытков в случае утраты конфиденциальности в настоящее время отсутствуют. В проекте была норма, которая предоставляла правообладателю возможность вместо возмещения убытков потребовать компенсацию в установленных пределах (как при нарушении исключительных авторских и смежных прав, а также прав на товарный знак) но в процессе принятия Закона она исчезла. Очевидно, выходом для обладателя прав на секрет производства являлось бы установление ответственности в форме неустойки, но она в качестве средства защиты прав на данный объект прямо не установлена.

Неудовлетворительным образом решен в законодательстве вопрос об ответственности работника, нарушившего права на секреты производства работодателя, а именно такое нарушение чаще всего имеет место. Материальная ответственность работника ограничивается реальным ущербом, но не упущененной выгодой. В тоже время, очевидно, что именно последняя составляет основную сумму убытков: экономические потери обусловлены распространением сведений, зафиксированных на бумаге, стоимость самой украденной бумаги на этом фоне совершенно незначительна.

Не всё просто и с процессуальной стороной вопроса. При рассмотрении гражданских споров в арбитражных судах и судах общей юрисдикции закрытое судебное разбирательство является отступлением от общего принципа гласности, требующей, как процессуальной активности стороны, так и соответствующего судебного усмоктения.

Приведем, полуанекдотичный (разумеется, не для истца) пример. Арбитражный суд рассматривал иск о компенсации нематериального вреда, причиненного разглашением коммерческой тайны по договору добровольного медицинского страхования. Ответчик распространил информацию о наличии у работников истца наркотической зависимости, чем, по мнению последнего, причинил ущерб деловой репутации. Не ставя под сомнение правомерность вынесенного решения, помимо всего прочего, для этого просто нет оснований, зададимся вопросом, поставив себя на место истца по делу: насколько его репутация выиграла от самого факта публикации указанного решения в справочно-правовой системе, где приведено его полное фирменное наименование?

Принцип конфиденциальности является имплицитным для третейского разбирательства, решения третейских судов, как правило, не публикуются и представляются в государственный суд лишь по ходатайству обеих сторон. Третейское разбирательство, бесспорно, является более соразмерным спорам, по поводу объектов, охраняемых в режиме коммерческой тайны.

Итак, древность юридического института секретов производства (упоминания о тайнах ремесла можно найти ещё в античных письменных источниках) отнюдь не является гарантией даже приблизительной оформленности соответствующего юридического института. Он нуждается в развитии, в частности, необходимо:

1. Добиться того, чтобы принятие мер по охране конфиденциальности не было столь сложным в практической реализации для потенциального правообладателя (минимизировать перечень обязательных мер; предложить примерные формы соответствующих документов). Предельно упрощено должно быть принятие таких мер должно быть для гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем.

2. Дифференцировать правовой режим оборотоспособных и необоротоспособных секретов производства.

3. Предусмотреть возможность взыскания неустойки или имущественной

компенсации в установленных законом пределах при нарушении прав на секреты производства, поскольку доказывание размера убытков в этом случае является крайне затруднительным и делает судебную защиту экономически малоперспективной.

4. Установить в качестве обязательного правила рассмотрение споров, связанных с коммерческой тайной в закрытых судебных заседаниях. Предусмотреть, что решения государственных судов по данным спорам публикуются без указания наименований сторон. Рекомендовать передачу данных споров на рассмотрение третейским судам.

Литература

1. Гаврилов Э.П. Вопросы правовой охраны коммерческой тайны / Хозяйство и право. - 2004. - № 11. - С.3-13.

2. В.А. Дозорцев. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. - М., 2003

3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая. Э.П. Гаврилов, О.А. Городов, С.П. Гришаев. - М., 2007.

ПРОГРАММНЫЕ АКТЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Бабин Б.В.

Одесская национальная морская академия

Сегодня в международных отношениях использование программно-управленческого подхода стало общим явлением для любой межгосударственной, региональной или глобальной системы. Программное регулятивное влияние международного характера обуславливает необходимость исследования соответствующего феномена, с использованием в качестве методологии как общей теории права, так и имеющихся концепций в сфере понимания природы источников и форм международного права.

Отметим, что устоявшаяся позитивистская концепция международно-правовой доктрины о том, что международный договор является не только основной, но и фактически безальтернативной (в условиях существенного ограничения сферы применения международно-правовых обычаев) формой закрепления международно-правовых норм привела к необходимости обоснования возведения всех фактических форм существования таких норм к категории договора. Это происходило путем максимально широкого определения международного договора; отнесения международных договоров документов различного характера, в частности программ (стратегий, планов), за-

ключаемых между субъектами международного права и содержащим в себе нормы поведения.

Считаем, что подобная ориентация на исключительный характер договоров (дополненных обычаями) как источников международного права во многом обусловлена определенным опасением подчинения суверенных государств другим международно-правовым источникам, в частности, общим принципам справедливости, свободы, международным стандартам демократии и соблюдения прав человека. Такие опасения были и являются характерными для многих недемократических режимов, в частности советского. В этом контексте крайне интересно привести мнение Рябко А.Н. о том, что «любая правовая система должна иметь необходимое сбалансированное для данного правопорядка разнообразие источников права» [1, с. 66].

Многие авторы, анализируя проблему источников международного права, ссылаются на ч. 1 ст. 38 Устава Международного Суда ООН как на норму, содержащую исчерпывающий их перечень. Одновременно сторонники открытого перечня источников международного права указывают на устаревость указанных положений, их неполное соответствие современным международно-правовым реалиям (таким, как принципиально новые задачи международных организаций, глобализация, образование интегрированных региональных систем и др.). В то же время объективное существование так называемого «мягкого» международного права не может быть обоснованным, исходя из классических международно-правовых концепций.

Отрицая принадлежность отдельных категорий актов (например, решений международных организаций) к источникам международного права, отбрасывая вообще концепцию «мягкого права» и попытки расширить за пределы договора и обычая круг международно-правовых источников, отдельные авторы высказывают гипотезу, что соответствующие правила и нормы, при условии отношения к ним как к юридически обязательным стандартам поведения, приобретают форму международно-правового обычая. Другие авторы рассматривают такие акты, как дополнительные источники международного права, используемые для установления существования международно-правового обычая или получающие юридическую силу вследствие международного признания в форме международного обычая, с чем также полностью согласиться нельзя. В этом контексте трудно будет соотнести категорию обычного международного права с ее пониманием отечественными исследователями, как первичного средства выражения материально-правовых ценностей, сформировавшихся на основе многовекового исторического опыта общественных отношений, имеющие свойства, не зависящие от политической конъюнктуры.

Особое место занимает теоретическое понимание места международных программ в контексте теории источников международного права. Следует указать, что выделение специального, программного права можно найти еще в трудах Петражицкого Л.И. Как отмечал, исследуя феномен программных

международно-правовых норм, Гавердовский О.С., в качестве их внешней юридической формы «выступают не традиционные источники (договор и обычай), а программные установки, программные положения многочисленных долгосрочных программ ...», что вошли в международно-правовую практику в наши дни»; этот автор определял такие программы, как специальные международно-правовые акты [2, с. 23].

Отметим, что упомянутая концепция, согласно которой все акты международно-правового характера окончательно неопределенной теорией приороды признаются международно-правовым обычаем, не может быть применена к программным актам из следующих соображений. Любая программа (в частности, принятая резолюцией международной организации) является актом, содержащим предписания (как правило, и общего и индивидуально-определенного характера), определенную цель, этапность и срок действия; содержание предписаний программы часто зависит от реальных последствий выполнения ее предыдущих этапов. Трудно представить себе международно-правовой обычай, который имел бы четкие (обычно от года до 15-20 лет) временные рамки действия и менялся при собственной реализации. Вместе с тем следует добавить, что в теории права отдельные авторы вообще отрицали возможность существования временного источника права, исходя из тезиса об общности закона. По этому поводу Л. Дюги указывал, что правотворец может, «предвидя заранее вероятные изменения социальных отношений» [3, с. 256], ограничить действие своего акта определенным сроком времени.

Оборотов И.Г. в этой связи отмечает, что «в настоящее время не вызывает сомнения, что нормативно-правовые акты могут быть постоянными и временными» и указывает, что разница между ними заключается в начальной определенности или неопределенности конечного момента действия. Этот исследователь подчеркивает повышенное значение способа действия во времени именно для нормативных актов, выделяя перспективный, немедленный, ретроспективный и ультраактивный способы такого действия, а также отмечает, что «при последовательном рассмотрении различных видов источников права четко видно тенденцию конкретизации их темпоральных особенностей, ... все большее значение приобретают точные данные о начальном и конечном моментах действия правовой нормы» [4, с. 95]. Считаем, что данные теоретико-правовые конструкции могут быть использованы для построения целостной концепции международных программ, как специфической формы современного международного права.

Литература

1. Рябко А. И. Актуальные проблемы онтологии форм права / А. И. Рябко, О. Н. Василенко // Философия права. – 2000. – № 2. – С. 60-69.
2. Гавердовский А. С. Имплементация норм международного права / А. С. Гавердовский. – К. : Вища школа, 1980. – 318 с.

3. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. – М. : Тип т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 988 с.

4. Оборотов И. Г. Проблеми розвитку часових характеристик джерел права / И. Г. Оборотов // Актуальні проблеми держави і права. – 2006. – Вип. 29. – С. 92-96.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ СЕМЬИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Кириченко К.А.

Новосибирский государственный университет

Изменения, происходящие в обществе, обусловливают и большую вариативность существующих семейных отношений, а альтернативные формы семьи порождают вопросы юридического характера, в том числе вопрос о возможности функционирования таких отношений в системе прав человека. В этой связи актуальным представляется изучение практики Европейского суда по правам человека, тем более что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. является источником и российского права.

Гомосексуальные отношения. Основная тенденция, которая может быть выделена при анализе практики ЕСПЧ – отношения между партнерами одного пола не считаются семейной жизнью (*Керкховен и Хинке против Нидерландов 1992 г.* об отказе в наделении родительским статусом одной из заявительниц в отношении ребенка, рожденного второй заявительницей с помощью искусственного оплодотворения; *S. против Великобритании 1986 г.* об отказе в предоставлении права аренды партнерше умершей женщины-арендатора).

Однако решение конкретных ситуаций, складывающихся в однополых семьях, меняется. Так, в деле *Карнер против Австрии 2003 г.* вопрос о возможности правопреемства при аренде был решен иначе, чем в упомянутом деле 1986 г. ЕСПЧ не решал вопрос о частной и семейной жизни, а лишь констатировал нарушение ст. 8 с позиции права на уважение жилища. Однако ЕСПЧ отметил, что различия в обращении в отношении гомо- и гетеросексуалов не являются дискриминацией в смысле ст. 14 лишь при наличии очень серьезных причин (которых не было в рассматриваемом деле), оправдывающих такие различия.

Отношения в гомосексуальных семьях могут также охраняться в рамках ст. 8 в части, касающейся частной (отношения совершеннолетних гомосексуальных партнеров) или семейной жизни (отношения между одним из членов пары и его действительным или потенциальным ребенком). Так, практика ЕСПЧ демонстрирует тенденцию: сама по себе гомосексуальность родителя не противоречит интересам ребенка (*E.B. против Франции 2008 г.* об индиви-

дуальном усыновлении женщиной, состоящей в стабильных отношениях с другой женщиной; *Салгуэйро да Сильва Моута против Португалии 1999 г.* об определении места жительства ребенка с его отцом, проживающим с мужчиной).

Вспомогательные репродуктивные технологии. ЕСПЧ рассматривал несколько дел, касающихся как доступа к ВРТ и судьбы эмбрионов, так и осуществления родительских прав в отношении ребенка, рожденного с помощью ВРТ.

В деле *Эванс против Великобритании 2007 г.* заявительница жаловалась, что внутреннее законодательство позволило ее сожителю отказаться от своего согласия на хранение и использование ею общих эмбрионов. ЕСПЧ отметил, что эмбрионы не имеют права на жизнь, поэтому их уничтожение не составляет нарушения ст. 2, а также указал, что вопрос о том, становиться или нет родителем (в том числе генетическим), попадает в сферу ст. 8, однако нарушений не было в силу отсутствия общеевропейской модели регулирования ВРТ, широкого усмоктования государств, а также невозможности придания большего или меньшего значения каждому из конкурирующих прав (заявительницы и ее сожителя).

В деле *Диксон против Великобритании 2007 г.* речь шла о жалобе заключенного, которому было отказано в проведении искусственного оплодотворения его жены с использованием его генетического материала. ЕСПЧ посчитал, что вмешательство в семейную жизнь заявителя было обоснованным (отказ, в частности, базировался на интересах ребенка, а также тяжести совершенного заявителем преступления), а потому ст. 8 и 12 не были нарушены.

В деле *Ю.Р.М. против Нидерландов 1993 г.* Европейская Комиссия указала, что семейная жизнь предполагает наличие не только биологических связей (в рассматриваемом деле – между известным донором и рожденным с помощью его генетического материала ребенком), но и тесной личной связи (которая не сложилась, поскольку заявитель имел после рождения ребенка лишь ограниченные по времени и интенсивности контакты с ним).

Семейные отношения с участием транссексуалов. ЕСПЧ относит гендерную идентификацию и транссексуальность к вопросам, охватываемым понятием «частная жизнь» (*В. против Франции 1992 г., Кристин Гудвин против Великобритании 2002 г.*).

Первоначальная позиция ЕСПЧ в отношении права транссексуалов на заключение брака состояла в том, что отсутствие возможности вступления в брак в соответствии с новым полом транссексуала не составляет нарушения, так как государства обладают в этих вопросах свободой усмоктования, брак традиционно рассматривается как союз мужчины и женщины, а пол является биологической категорией (*Косси против Великобритании 1990 г., Шэффилд и Хоршэм против Великобритании 1998 г.*). Однако в дальнейшем позиция ЕСПЧ изменилась. В деле Кристин Гудвин ЕСПЧ указал, что создание семьи

не является условием вступления в брак, а неспособность пары зачать или воспитывать ребенка не может рассматриваться как основание для лишения права на заключение брака. Гендерная принадлежность определяется не только биологическими критериями, а свобода усмотрения предоставляет государствам возможность определения порядка информирования будущего супруга об изначальном поле его избранника, судьбы брака после изменения пола, но не лишения транссексуалов права на брак вообще.

Сложнее практика ЕСПЧ по делам, связанным с родительскими права транссексуалов. В деле *X, Y и Z против Великобритании 1997 г.* ЕСПЧ посчитал, что невозможность внесения транссексуала в свидетельство о рождении ребенка, зачатого с помощью донорского искусственного оплодотворения его партнерши, не означает, что государство не уважает семейную жизнь заявителя, поскольку правовые нормы и практика их применения позволяет заявителям жить совместно, фамилия ребенка может быть изменена, его социальный отец может представляться отцом перед третьими лицами и самим ребенком, а полное свидетельство о рождении, в котором нет данных о заявителя, имеет ограниченную сферу применения.

УСЫНОВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ – ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА

Смолина Ю.В.

Институт государственного и международного права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург)

Забота о детях, всемерная охрана их интересов является важнейшим принципом, закреплённым в действующем законодательстве. Но для практического применения данного принципа необходимо наличие механизмов его реализации, закреплённых в нормах права. Система защиты детства предполагает комплекс мероприятий, направленных на защиту семьи в целом, матери и ребёнка, на определение места ребёнка и отношения к нему в семье и обществе.

В семейном праве РФ регламентированы институты, направленные на обеспечение охраны интересов несовершеннолетних детей. Особое место занимают институты, призванные обеспечить защиту прав интересов детей, оставшихся без попечения родителей, предусматривающие передачу таких детей на усыновление (удочерение), под опеку (попечительство) или в приёмную семью. В субъектах РФ активно развиваются новые формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, приняты специальные законы.

Наиболее предпочтительной формой социальной защиты детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление, поскольку оно по-

зволяет с максимальной эффективностью обеспечить не только интересы детей, но и интересы взрослых людей, которые по тем или иным причинам лишены возможности иметь своих детей. В этом заключается одна из особенностей усыновления, обуславливающая приоритетность данной формы устройства.

В российской доктрине гражданского права усыновление детей – это один из институтов семейного права, юридический акт, в силу которого между усыновленным ребенком и его усыновителем устанавливаются правовые (личные и имущественные) отношения, аналогичные отношениям между родителями и детьми.

Усыновление представляет собой основание возникновения семейных правоотношений, которое имеет свои специфические особенности, отличающие его от кровного происхождения.

Понятие усыновления необходимо рассматривать в нескольких аспектах:

1) усыновление как форма воспитания детей в семье усыновителя, при которой обеспечиваются условия жизни, равные с условиями жизни родных детей. В этом понятии акцентируется внимание на конечной цели – обеспечение ребёнку в чужой семье условий, отвечающих той бытовой, психологической, духовной близости, которая существует в родных семьях;

2) усыновление как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей – это способ определения юридической судьбы ребёнка посредством деятельности государственных, муниципальных органов власти, а также суда, направленных на его устройство в семью усыновителей для воспитания.

3) усыновление – юридический факт, устанавливаемый в судебном порядке и порождающий возникновение комплекса правоотношений, аналогичных по содержанию с родительскими;

4) усыновление – сложная система правоотношений, различных по правовой природе, в которой усыновитель и усыновлённый состоят в правоотношениях как между собой, так и с третьими лицами;

5) усыновление – комплексный институт законодательства, содержащий нормы различной отраслевой принадлежности, направленные на регулирование отношений по усыновлению, а также отношений между усыновителем, усыновлённым и третьими лицами.

Правовая природа родительских правоотношений и правоотношений по усыновлению различна. Различия можно провести по основаниям возникновения, моменту возникновения и прекращения родительских правоотношений и правоотношений по усыновлению.

Условия усыновления – это установленные в законе требования, предъявляемые к строго определенному кругу лиц по поводу усыновления.

Каждое условие является юридическим фактом, а все вместе они представляют собой сложный состав юридических фактов. Все условия взаимосвязаны между собой, но их единство обусловлено и поставлено в зависимость от одного условия, выступающего в качестве определяющего, – согла-

сие усыновителя на усыновление. По моему мнению, именно с этого момента волеизъявления кандидата в усыновители начинается формирование этого состава и развитие сложного правоотношения по усыновлению.

По делам об установлении усыновления, как известно, нет спора о праве, а речь идёт об установлении факта, касающегося статуса физических лиц (усыновляемого ребёнка и усыновителя), поэтому названные дела представляют собой одну из категорий дел особого производства.

Перечень оснований отмены усыновления в соответствии со ст.141 и ст.69 Семейного Кодекса РФ отличен от перечня оснований лишения родительских прав и является открытым.

В области международного усыновления всегда существовала сложность в решении вопроса о том, право какой страны подлежит применению при установлении усыновления. В данной ситуации применяются специальные коллизионные нормы, содержащиеся в различных источниках, прежде всего в национальном законодательстве Российской Федерации. В ст. 165 Семейного Кодекса РФ решены коллизионные вопросы усыновления, включая и отмену усыновления.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что проблемы, которые возникают на практике при усыновлении детей – граждан РФ иностранными гражданами, способствуют выявлению реальной ситуации, сложившейся с внутренним усыновлением. Необходимо проводить комплекс мероприятий, направленных на стимулирование, повышения привлекательности усыновления в нашей стране.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОБОСНОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (ЕСПЧ) КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА

Белкин М.Л.

Украинский институт развития фондового рынка (Киев)

Проблема применения в судебной практике решений ЕСПЧ является актуальной для стран, ратифицировавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950г. (далее – Конвенция) [1-4], в т.ч. для Российской Федерации (РФ) и Украины. Даже при том, что согласно ст. 17 Закона Украины (ЗУ) «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» от 23.02.2006г. № 3477-IV, суды Украины применяют при рассмотрении дел Конвенцию 1950 г. и практику ЕСПЧ как источник права, ряд авторов ставят под сомнение такую возможность. Так, в работе [5] указывается, что когда, например, выдвигается мысль о том, что национальные суды должны применять Конвенцию в случае несоответствия национального

законодательства ее положениям, возникает вопрос, на каком основании суды имеют право решать такие вопросы, если согласно ст. 32 Конвенции ее толкование относится к компетенции ЕСПЧ, а согласно ст. 147 Конституции Украины вопросы толкования законов относятся исключительно к компетенции Конституционного Суда Украины. Вместе с тем следует признать, что если государство искренне стремится к европейским стандартам в правосудии и признает приоритет международного законодательства, оно теоретически готово к применению в судебной практике решений ЕСПЧ.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Согласно ст. 9 Конституции Украины, действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины (далее – ВРУ), являются частью национального законодательства Украины. Согласно ст. 19 ЗУ «О международных договорах Украины», действующие международные договоры Украины, согласие на обязательность которых дано ВРУ, являются частью национального законодательства и применяются в порядке, предусмотренном для норм национального законодательства. Если международным договором Украины, который вступил в силу в установленном порядке, установлены иные правила, чем предусмотренные в соответствующем акте законодательства Украины, то применяются правила международного договора. Следовательно, применение Конвенции является приоритетным.

С другой стороны, согласно ст. 32 Конвенции, юрисдикция ЕСПЧ распространяется на все вопросы, которые касаются толкования и применения Конвенции и протоколов к ней. То есть, решение ЕСПЧ является официальным толкованием Конвенции, поэтому применение решений ЕСПЧ является одновременно применением Конвенции. Кроме того, по мнению [3] обязательность решений ЕСПЧ и их выполнения, предусмотренная ст. 46 Конвенции, ставит нормы Конвенции и прецедентное право ЕСПЧ на один уровень, т.е. нормы Конвенции и решения ЕСПЧ имеют одинаковое юридическое действие.

Аналогичные подходы зафиксированы в процессуальных кодексах.

Согласно ст. 4 Хозяйственного процессуального кодекса Украины (ХПКУ, аналог Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ), если в международных договорах Украины, согласие на обязательность которых дано ВРУ, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законодательством Украины, то применяются правила международного договора. Согласно ст. 111-15 ХПКУ, Верховный Суд Украины пересматривает в кассационном порядке постановления или определения Высшего хозяйственного суда Украины в случаях, когда они обжалованы: 3-1) по мотивам несоответствия постановлений или определений международным договорам, со-

гласие на обязательность которых дано ВРУ; 4) на основании признания постановлений или определений международным судебным учреждением, юрисдикция которого признана Украиной, нарушающими международные обязательства Украины.

Аналогично урегулированы указанные вопросы также в Гражданском процессуальном кодексе Украины и в Кодексе Административного судопроизводства Украины.

Согласно п. 2 ст. 304 АПК РФ, судебные акты арбитражных судов, вступившие в законную силу, подлежат изменению или отмене, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ установит, что оспариваемый судебный акт: 2) нарушает права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам РФ.

Таким образом, следует признать схоластическим спор на тему, что выше: национальное законодательство или Конвенция с Решениями ЕСПЧ. Если удастся установить, что судебное решение национального суда, принятое без учета норм Конвенции, не соответствует ей, такое судебное решение будет пересмотрено уже на основании национального законодательства.

Литература

1.Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. – М.: Норма, 2001.

2.Шевчук С. Судовий захист прав людини: Практика Європейського суду з прав людини у контексті західної правової традиції. — К.: Реферат, 2006.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОСТАВКИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОСОЮЗОМ

Фомина А.А.

Новосибирский государственный университет

Сегодня трудно найти человека, который бы не слышал ничего о газе, транзите и Украине, причем в основном в контексте взаимоотношений нашей страны с Европой. Также мало людей, которые не знают о том, как же важен для нашей страны экспорт энергоресурсов с экономической точки зрения. Поэтому, хотелось бы осветить основные аспекты взаимодействия России и Европы на энергетическом рынке, правовые основы этого взаимодействия, а также возможные пути их дальнейшего развития.

Но начнем с краткой правовой оценки событий, которые происходили на газовом рынке Украины в начале этого года, вновь остро обозначивших про-

блематику энергетического вопроса. Решение о приостановке поставок газа в Европу нельзя назвать однозначно политически и стратегически верным, однако юридически все было абсолютно правильно. 1 января 2009 года срок действия договора о поставках между российской и украинской сторонами (частными компаниями) истек, существующий контракт «Об объемах и условиях транзита российского природного газа через территорию Украины на период с 2003 по 2013 годы» не мог считаться заключенным, так как к нему не был подписан обязательное ежегодное дополнение, без которого данный контракт сам по себе – это «предварительный договор» (согласно ч. 1 ст. 635 ГК Украины или ч. 1 ст. 429 ГК РФ). Несмотря на это, «Газпром» и «Нафтогаз» договорились напрямую, самостоятельно согласовав финансовые условия транзита, и подписали Дополнение № 1 ГУ-06 и Дополнение № 1 ГУ-07 на 2007 и 2008 год соответственно. Однако 5 января 2009 года Хозяйственный суд города Киева своим определением приостановил действие двух упомянутых Дополнений, а 9 января 2009 года принял решение о признании их недействительными.

В итоге, заключенного контракта на поставку газа из России в Украину нет, действующего контракта на транзит, с оговоренными объемами и стоимостью газа, поставляемого в оплату услуг – тоже нет. Следовательно, и законного основания для осуществления транзита газа – нет. К тому же Россия так и не ратифицировала Договор к Энергетической Хартии, запрещающий приостановление поставок и транзита энергоресурса на период разрешения разногласий между сторонами. А пострадали в результате потребители не только самой Украины, но и многих стран Европы.

Эта ситуация ярчайшим образом иллюстрирует насущную необходимость в многостороннем международно-правовом регулировании вопросов энергетики, поставок и транзита энергоресурсов. Идея Европейской Энергетической Хартии (ЕЭХ), как подобного регулятора, была выдвинута еще бывшим премьер-министром Голландии Рудом Люберсом на заседании Европейского Совета в Дублине 25 июня 1990 года. Она была поддержана ЕС, а затем всеми участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в том числе и Россией, как предложение, направленное на укрепление безопасности и стабильности в ключевой сфере экономики - энергетике. 17 декабря 1991 года ЕЭХ была подписана в Гааге большинством европейских государств, ЕС, Австралией, Канадой, Турцией, США и Японией.

Однако, ЕЭХ является больше политическим документом. Для преобразования намерений и деклараций ЕЭХ в юридические обязательства было признано необходимым выработать многосторонний Договор к Энергетической Хартии (ДЭХ) - как "продукт взаимных компромиссов и уступок, отражающих стремление участников переговоров найти баланс своих интересов", подлежащий ратификации законодательными органами стран-участниц. Он вступил в силу 16 апреля 1998 года, однако до настоящего времени ДЭХ не ратифицирован Россией, Белоруссией и Норвегией.

Разногласия российской и европейской стороны при ратификации данного договора во многом базировались на различном прочтении положений данного договора. Главным предметом разногласий по поводу ратификации ДЭХ стал Протокол по транзиту энергоносителей. Протокол по транзиту – юридический инструмент, целью которого является разработка общепринятых правовых принципов, охватывающих транзитные, т. е. пересекающие как минимум две национальные границы, потоки энергетических материалов и продуктов, и обеспечивающих приемлемые для различных сторон условия транзита. Однако главной идеей протокола является вовсе не правовое урегулирование транзита, хотя конечно это одна из основных его целей, а получение доступа к более дешевым ресурсам средней Азии через российскую систему трубопроводов – ДЭХ предписывает обязанность торговать свободными транзитными мощностями. Еще одним спорным пунктом транзитного протокола является положение о недопустимости прекращения транзита на время возникших разногласий, однако, ситуация на Украине явно показала бездейственность данного правового механизма (напомню, Украина ДЭХ ратифицировала). В общем, можно сказать, что данная Хартия в максимальной степени удовлетворяет потребностям стран нетто-импортеров энергоресурсов, и ни в малейшей степени не защищает интересы стран нетто-экспортеров энергоресурсов.

И все же, несмотря на все разногласия, взаимодействие необходимо. Причем взаимодействие, урегулированное нормой международного права.

Для этого существует несколько причин:

1) Россия зависит от транзита энергоресурсов на основные рынки сбыта по территории третьих стран, и эта зависимость сохранится в будущем, поэтому ей необходим эффективный международно-правовой инструментарий защиты от транзитных рисков.

2) Российские компании активно выходят на европейский рынок уже не в качестве поставщиков сырья, а как инвесторы, покупатели активов, и им важно заручиться адекватной защитой своих прав ввиду нарастающего стремления ограничить их инвестиционную деятельность в Европе.

3) Появление наднациональных правовых норм в области международных энергетических отношений снизило бы нашу зависимость от внутренних правил, принимаемых Евросоюзом по различным энергетическим проблемам в одностороннем порядке и в условиях правового вакуума, способных стать определяющими для европейского рынка, что не всегда отвечает интересам России.

По словам Владимира Милова, Президента Института энергетической политики: «Нужен устойчивый правовой режим, потому что мы слишком зависим от доходов от продажи энергии на европейском рынке, а Европа слишком зависит от нас, и так будет всегда. Но хартия – плохая площадка для этого, она уже устарела».

Результатом тщательного анализа Энергетической хартии, ее правовой природы, а также сложившейся ситуации является вывод о том, что на сегодняшний день России необходим новый всесторонний правовой документ, регулирующий энергетические отношения, создающий равные условия для всех его участников.

Надежду на появление такового дает провозглашение Новой Национальной Энергетической Доктрины, принятой в нашей стране и о которой будет заявлено на Лондонском саммите G-20. В рамках этой доктрины можно выделить основные положения:

1) От интеграционной активности России, где сосредоточены основные мировые запасы ископаемого топлива, огромный научно-технический и интеллектуальный потенциал, а также в силу ее геополитического положения, и опыта создания межконтинентальных энергопотоков, во многом будет зависеть перевод мировой и, прежде всего, российской энергетики в новое русло эколого-энергоэффективного развития.

2) Предполагается, что в ближайшие десятилетие, во-первых, российский газ станет мощным "защитным" фактором стабилизации мирового энергетического рынка и что этот период будет ознаменован формированием Единой Евразийско-Тихоокеанской системы газоснабжения и электроснабжения, в которой ЕСГ, равно как и ЕЭС России, должны занять ведущее положение, и, во-вторых, что уже сформировавшаяся в конце XX столетия в этих огромных регионах мира Единая энерго-эколого-экономическая система общественного воспроизводства примет качественно новый устойчивый характер. Во взаимосвязи этих подсистем и самого общества должны проходить интеграционные процессы.

Соответственно новая глобальная Энергетическая хартия должна охватывать всех экспортёров энергоресурсов, так как теперь вопрос энергобезопасности перешел с регионального на мировой уровень.

Основным принципом нового документа должна стать «демократизация» энергетики, то есть ее ориентация на нужды потребителей и энергетическую безопасность планеты в целом, а также принципы:

- обеспечения эффективного энергопотребления,
- первостепенного значения энергобезопасности,
- экологической безопасности.

Новая хартия, несомненно, должна базироваться и на таких основополагающих принципах международного права, как сотрудничество, мирное разрешение споров и добросовестное выполнение обязательств по международному праву, суверенное равенство государств, ведь без этого невозможно будет сформировать сбалансированную правовую базу для регулирования данных правоотношений.

Соответственно, из всего вышесказанного необходимо сделать следующие выводы:

1) Необходимость документа, который бы урегулировал сложные отношения в сфере энергетики не только между Россией и Европой, но и в мировом масштабе, очевидна.

2) ЕЭХ и ДЭХ объективно не дают возможности справиться с ситуацией так, чтобы это не ущемляло ничьих прав (и в первую очередь прав России). Еще в январе 2009 года Президент РФ Дмитрий Медведев отметил на пресс-конференции по итогам московского Саммита стран - потребителей российского газа: "Существующие международные документы нас не вполне удовлетворяют".

3) На сегодняшний день существуют предпосылки создания Глобальной энергетической хартии, что дает основания полагать, что основанная на новых принципах, отвечающих реалиям своего времени, она наконец создаст достойную базу для правового регулирования отношений в энергетической сфере.

ЛИССАБОНСКИЙ ДОГОВОР И ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Кириленко Н.А.

Новосибирский государственный университет

В связи с происходящими процессами глобализации и интеграции в Европе возникла острая необходимость принятия акта, объединяющего законодательные основы существования Европейских сообществ, Европейского союза и практику Суда Европейских сообществ. Документом, соединившим в себе основные принципы и достижения указанных образований, должен стать Лиссабонский Договор.

Провал ратификации европейской Конституции создал беспрецедентный кризис в ЕС, обострив противоречия между приверженцами интеграции и государствами-членами, стремящимися сохранить традиционные межгосударственные связи без их углубления. Отсутствие единого понимания целей союза блокировало процесс определения перспектив дальнейшего развития; существенные различия между государствами-членами в экономической, социальной и иных сферах также породило глубокие противоречия.

Для преодоления сложившейся ситуации в июне 2007 г. была достигнута политическая договоренность о создании текста нового Соглашения, представленного впоследствии в Лиссабоне 13 декабря 2007 г. Лиссабонский договор, известный также как Договор о реформе, призван внести изменения в действующие соглашения о Европейском союзе в целях реформирования системы управления ЕС, упрощения структуры органов, принципов и порядка их работы.

Конституционная концепция, предполагающая отмену существующих договоров, была отклонена. По Лиссабонскому договору все существующие договоры сохраняют свою силу. После подписания и ратификации Договор о реформе перестает существовать как единый текст, а нововведения инкорпорируются в существующие договоры. В случае успешной ратификации договор вступит в силу первого числа месяца, следующего за последней ратификацией.

Основной причиной непринятия Конституции явилась боязнь национальных правительств утратить суверенитет. Наднациональные органы Союза достаточно окрепли, чтобы оспаривать у национальных государств их полномочия, и вопрос об уровне принятия решений оказался особенно актуальным. Законодательная процедура в ЕС, предложенная в Конституции, слишком напоминала законодательный процесс в национальных органах, что могло заложить основы последующего снижения возможностей парламентов государств-членов принимать решения.

Поэтому особенное внимание в Договоре уделяется не изменению законодательной процедуры и не реформированию самой институциональной системы, а прежде всего роли национальных парламентов в процессе принятия решений. Проект содержит несколько механизмов, обеспечивающих их участие в процессе принятия решений, включая протоколы о роли национальных парламентов и усилении их роли. В результате законодательный процесс усложнится, но большая часть политики ЕС будет по-прежнему осуществляться на национальном уровне, и наднациональные органы Союза не смогут принимать решения без участия национальных парламентов. Тем самым находит отражение принцип гибкости, позволяющий Союзу, во-первых, избегать стагнации и продвигаться вперед по пути углубления интеграции, и, во-вторых, обеспечить прагматические интересы государств-членов. В случае если государство-член не может или не желает принимать участие в определенном направлении интеграции, оно вправе отказаться от участия в таком сотрудничестве.

Вопросы экономики также засуживает пристального изучения, поскольку ЕС зарождался прежде всего как объединение, способствующее развитию внутреннего рынка, и именно экономические процессы послужили поводом для развития интеграционных процессов. При рассмотрении аспектов экономической деятельности стоит уделить внимание так называемой «экономической конституции» и влиянию Договора на нее.

Суд ЕС много раз провозглашал, что Сообщества с самого начала имели конституцию, хотя и незавершенную. Конституционный законный порядок, рассеянный во множестве соглашений, содержал в себе и «экономическую конституцию», в смысле системы норм, которые регулировали экономический процесс и пределы государственного вмешательства в него, а также определяли правовые национальные ограничения функционирования рынка. Однако в настоящее время способность национальных правительств к вме-

шательству и применению принудительных правил о деятельности социально значимых субъектов экономической деятельности (особенно транснациональных компаний), а также к распределению средств строго ограничена продолжающимися процессами глобализации. Поэтому роль международных организаций и наднациональных объектов продолжит только расти; положения Договора смогут оказать значительное влияние на развитие конкуренции и защиту внутреннего рынка, что особенно актуально в условиях борьбы с кризисными явлениями.

Социальная политика никогда не была значимым аспектом деятельности в ЕС как чрезвычайно либеральной структуре. Но тем не менее подобный подход начал приобретать все более социальный «окрас» в последнее время. Но выми целями ЕС, согласно Договору, являются полная занятость, социальный прогресс, высокий уровень защиты окружающей среды, борьба против дискриминации, социальная справедливость, защита прав детей и прочие.

Инкорпорирование в проект Договора основных социальных прав, даже в слабой нормативной формулировке, помимо эффекта легитимизации может приобрести важное конституционное значение, положив начало введению концепции «социального государства» в экономическую конституцию ЕС. Такое прочтение Конституции обязует национального законодателя придерживаться социальной направленности.

Договор о реформе - это правовая определенность, четкая и ясная модель институционально-правового устройства Союза на среднесрочную перспективу. Он дает возможность всем – властным структурам государств-членов, бизнесу, политическому сообществу, гражданскому обществу, третьим странам – понять, как события в ЕС будут развиваться и в рамках какого правового режима Союз будет функционировать.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА (УГОЛОВНЫЙ АСПЕКТ)

Парамонова С.Л.
Института Макс-Планка (Фрайбург)
Университет Пассау

Интернет, приобретающий все большее значение в современной жизни, сопровождается новыми виртуальными возможностями, которые влекут за собой возрастающую правовую неопределенность и как следствие – социальную нестабильность. Необходимость особого законодательного закрепления некоторых положений, обусловливается тем, что Интернет как средство совершения преступлений обладает специфическими характеристиками, среди которых выделяются: *разнообразие информации, скорость, глобализация*

сети, анонимность, латентность виртуального криминала.(1) Совершение преступлений в Интернете может происходить мгновенно, за минимальный период времени. Скорость и масштабность преступлений в Интернете существенно отличает их от схожих правонарушений, совершаемых в области традиционных СМИ (газеты, телевидение, радио). Однако, многие предписания в российском уголовном законодательстве оказываются неприменимыми в этой области из-за особенностей Интернета либо требуют существенных изменений и дополнений как на национальном, так и на международном уровнях, чтобы соответствовать специфике Интернет-преступлений. Таким образом, все более актуализируются проблемы *правового регулирования* происходящих изменений. (2)

В отношении кибер-преступности за последние годы ситуация стремительно меняется (качественно и количественно) во многих странах, в том числе в России. По данным МВД, уже в 2003 году в России было зарегистрировано более 7000 случаев Интернет-преступлений, что почти в два раза превышало их количество в 2002 году (3782 преступлений), а в первой половине 2004 года их число достигло 4995 и продолжает расти.(3) По данным Министерства юстиции США, за один 2001 год хакерским атакам подвергается 85 % компаний и государственных структур.(4)

Интернет-преступность проникает и в важнейшие социальные *сфераы жизни*. Актуальные уголовно-правовые дискуссии связаны с распространением в Интернет-пространстве порнографии, в том числе детской, материалов насилия, также информации экстремистских организаций. По-прежнему остается актуальным, особенно в российском Интернет-пространстве, нарушение авторских прав, незаконное использование компьютерных систем.(5) Согласно некоторым исследованиям, проведенным в Германии, информация уголовно наказуемого содержания размещена примерно на 1% Интернет-страниц.(6)

Непосредственно заинтересованность в «Интернет-безопасности» очевидна для *субъектов* различных уровней.

В Интернет-пространстве совершаются разного рода преступления, в том числе, политического характера, которые непосредственно направлены против интересов *государства* и его политической стабильности (например, саботаж или распространение информации антиконституционными организациями), также акты, подрывающие авторитет государственных органов власти.(7) Одним из таких примеров в российской «Интернет-практике» может служить создание фальшивого сайта Прокуратуры РФ, зарегистрированного как [«www.gprf.info»](http://www.gprf.info) в Чикаго. Содержание сайта состояло как из общедоступных сведений (выдержки из закона «О прокуратуре»), так и из материалов, призванных создать впечатление о коррумпированности сотрудников Генпрокуратуры.(8) Число стран, которые по причинам разного рода регулируют, контролируют и ограничивают доступ к сети Интернет, увеличивается быстрыми темпами в последние годы. Опираясь на аргументы, среди кото-

рых есть такие убедительные, как «обеспечение прав интеллектуальной собственности», «защита национальной безопасности», «сохранение культурных норм и религиозных ценностей» и «ограждение детей от порнографии и эксплуатации», многие государства осуществляют обширную практику регулирования национальных сегментов сети Интернет. В ряде других государств обсуждаются вопросы принятия аналогичных мер.(9)

В частной сфере значение «Интернет-безопасности» нельзя переоценить для *юридических лиц*. Сверх актуальным вопросом является наличие информации о новых методах Интернет-преступлений и возможностях проведения превентивных мер. Это обусловлено невероятными материальными потерями, которые несут организации в связи с появлением новых преступлений в Интернете. Согласно оценке консалтинговой фирмы Computer Economics американские предприятия только за 2004 понесли убытки в размере 17 миллиардов долларов из-за преступлений, совершенных с помощью Интернета.(10)

Следует учитывать, что на сегодняшний день обеспечение безопасности информационных технологий (IT – information technology) при ведении бизнеса не ограничивается установлением антивирусной программы. Так, в Германии директор общества с ограниченной ответственностью (GmbH) или совет директоров акционерного общества (AG) не могут ссылаться на то, что о рисках подобного рода они не знали и не должны были знать.(11) Не следует забывать, что предписанная законом добросовестность и заботливость в отношении ведения дел для любого предпринимателя и бизнесмена предполагает также своевременное распознание и предотвращение рисков в области электронной обработки данных (EDV). Ведь при нарушении своих обязанностей по немецкому законодательству, в том числе и уголовную ответственность, могут понести и директор, и совет директоров.(12)

Благодаря техническому прогрессу, в частности, через Интернет-страницы, стало возможным (как для *физических*, так и для *юридических лиц*) за невероятно короткий срок обмениваться и получать значительные объемы информации из любой точки мира. Это ведет к тому, что с одной стороны для каждого Интернет-пользователя или провайдера открываются новые возможности получения информации, с другой – растет зона риска, поскольку Интернет становится отчасти неконтролируемой правом зоной.(13) Мультимедийные возможности в ходе дальнейшего онлайн-бума охватывают все аспекты жизни и категории субъектов, величина потенциальных жертв и экономических потерь постоянно возрастает.

Думается, что в связи с развитием информационного общества, *социальное, экономическое и политическое* значение правового регулирования Интернет-пространства будет только возрастать, в том числе и для Российской Федерации.

Литература

1. Barton, Multimedia-Strafrecht. Ein Handbuch für die Praxis, Neuwied 1999, S. 8.
2. Парамонова С.Л., Транснациональные Интернет-преступления: проблемы юрисдикции и особенности решений по законодательству России и Германии. Сборник ИТ-конференции, Москва, 2009, изд-во Kaspersky, с. 5.
3. Новая «Кибер-мафия» процветает и развивается (криминологическое исследование McAfee), IuK-Kriminalität, IT-TK-Security. Режим доступа: <http://www.vsw-service.com>.
4. Лоскутов И. Сравнительный анализ международных норм законоадательного регулирования Интернета в различных странах. Режим доступа: <http://www.medialaw.kz>.
5. Harbort, Verbrechen im Cyberspace, Kriminalistik 1996, 194 (196)
6. Ladeur, Zur Kooperation von staatlicher Regulierung und Selbstregulierung des Internet, ZUM 1997, 372 (373); Detlef Kröger, Marc A. Gimmy, Handbuch zum Internetrecht, Springer.
7. Парамонова С.Л., Уголовное преследование транснациональных Интернет-преступлений: актуальность, особенности проблем и решений. Сборник материалов конференции. Институт по законодательству и сравнительному правоведению при Правительстве РФ, Москва, 2008, с. 326.
8. "Ведомости", 02.10.2003, "Устинову сделали сайт".
9. Лоскутов И. Сравнительный анализ международных норм законоадательного регулирования Интернета в различных странах. Режим доступа: <http://www.medialaw.kz>.
10. Интернет-преступления приобретают все более изощренный характер (Internetverbrechen werden immer ausgeklügelter). Режим доступа: <http://www.itsecurityblog.de>.
11. Закон «Об ООО», GmbH-Gesetz; «Об АО», AG-Gesetz: <http://bundesrecht.juris.de/index.html>.
12. § 14 Уголовного Кодекса ФРГ от 15.05.1871 (deutsches Strafgesetzbuch), BGBI. I S.3322. Режим доступа законов online: <http://www.bmj.bund.de>: Bundesministerium der Justiz BRD (Министерство юстиции ФРГ).
13. Markus Köhler/Arndt/Fetzer, Recht des Internet. 5. Auflage, Müller, Heidelberg, München, 2006. с. 2; Мартин Д., Информационное общество, Москва, 1990, с. 42; Терещенко Л.К., Правовой режим.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (СЕКТ) Петренина Л.О.

Всероссийская государственная налоговая академия
Минфина РФ (Москва)

В настоящее время, законодательство о религиозных объединениях стремится реализовать право на свободу совести и религиозные объединения. Во многом эта задача была достигнута с принятием действующего Федерального закона РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 19 сентября 1997 года и ряда изменений и дополнений к нему. Однако существуют пробелы в праве, связанном с религиозными объединениями. В Федеральном Законе РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 19 сентября 1997 года закрепляет определение религиозным объединениям, которое не носит рамочный характер: не дает возможности предотвратить преступную деятельность мошеннических, экстремистских группировок, которые также являются добровольным объединением граждан РФ и иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории РФ, и, установив основной целью совместное исповедание, они могут действовать на правах религиозных объединений.

Разработкой вопросов, связанных с криминологической характеристикой религиозных организаций и сект занимаются такие ученые как Е.В. Цынцарь [1], Е.Л. Забарчук [2].

Изучение криминологических характеристик является ключевым вопросом при реализации государством контроля в сфере надзора и регулирования деятельности религиозных организаций. Изучаемый вопрос связан с деструктивизмом религиозных организаций, а, следовательно, и с правовым регулированием, закрепленным в нормативно-правовых актах, рассмотрев и проанализировав которые можно выявить степень разработанности законодательства России в сфере определения правонарушений в сфере деятельности религиозных организаций.

По мнению Е.В.Цынцарь, социальной причиной и условием религиозной преступности стало возрастание религиозной активности, которое оказало влияние на криминальный мир, отдельные преступные организации стали адаптироваться к складывающейся ситуации или искусственно провоцировать ее проявления для решения своих криминальных задач (например, создание конфликтных ситуаций в отдельных многонациональных районах страны, на обострение межнациональной обстановки или религиозной несогласованности) [1]. В свою очередь, Е.Л. Забарчук, выделяет целый ряд причин, создающих благоприятную ситуацию для активизации религиозной преступности: ухудшение социально-политической обстановки (инфляционные процессы, стагнация производства, безработица и т.д.) и отсутствие при этом

устойчивых воззрений порождающее сектантское квазирелигиозное сознание формирования деструктивных псевдорелигиозных течений. Также Е.Л. Забарчук выделяет, помимо уже отмеченных вышеуказанными авторами, такие факторы как бедность и тяжелые социальные условия, деятельность экстремистских националистических группировок, наплыв мигрантов, этническую преступность, распространение экстремистской литературы и размещение экстремистских сайтов в Интернете, деятельность иностранных миссионеров [2].

Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за совершение преступлений экстремистского характера. Так, часть 2 статьи 105 Уголовного Кодекса РФ предусматривает ответственность за совершение убийства по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (1). Представляется, что статья 105 УК РФ [3] является не безосновательной, так как для современного сектантства характерно усиленное внимание к молодому поколению. Это в первую очередь касается протестантских и исламских сектантских течений, у которых не сформировались в полной мере мировоззренческие принципы и их последователей легче подчинить своему влиянию, зачастую сектантские общины пополняются именно за счет детей членов таких организаций [4].

По общим принципам религиозных сект построены практически все современные экстремистские и террористические организации.

Людей, принадлежащих к одной из мировых религий, объединяет общее понимание ценностей и принципов, а сектантов — более всего авторитет учителя и личные отношения с другими членами секты. Секты оказывают крайне деструктивное воздействие на здоровье на всех уровнях функционирования общества: индивидуальном, микросоциальном (уровне семьи, социальной группы, трудового коллектива), макросоциальном. Сначала новичок попадает под групповое давление и так называемую бомбёжку любовью, только в их «семье» люди умеют любить друг друга. Используются игры, подобные детским, групповое пение, объятия, прикосновения и лесть. «Семья» отделена от остального мира. Эта изоляция отбивает у сектанта желание сопоставлять слова «учителя» с реальностью. Используются техники, останавливающие мышление. Под предлогом создания близости с «семьей» новичка заставляют признаваться в его былых «грехах», применяют и угрозы, чередуют наказания и награды. Поощряются отказы от сна под маской духовных упражнений. Недостаточное питание преподносится как диета для достижения высокой духовности или часть ритуалов. Новичку не дают оставаться одному, чтобы он не имел времени поразмыслить, максимально загружаются все его каналы восприятия, в первую очередь — слух, зрение и осязание [4].

Почти все секты требуют, чтобы «новообращенные» отчисляли им значительную часть своих доходов и переписывали на них свое имущество [4].

В свою очередь, статьи 111, 112, 117 Уголовного Кодекса РФ предусматривают ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, а также истязание по мотиву религиозной ненависти или вражды, которые наказываются длительным лишением свободы.

Также статья 136 Уголовного Кодекса РФ предусматривает ответственность за совершение преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина (дискриминация, т.е. нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, отношения к религии и по другим основаниям, воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий, проведению собрания, митинга или участию в них) [4].

Статьи 212, 213, 214 Уголовного кодекса РФ закрепляют ответственность за ряд преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (массовые беспорядки, хулиганство и вандализм, которые зачастую являются культом, совершаемым в сектах). Статьей 280 Уголовного Кодекса РФ предусмотрена ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, в том числе с использованием средств массовой информации). Кроме того, уголовно наказуемым деянием является организация экстремистского сообщества и экстремистской организации (ст.ст.282-1, 282-2 УК РФ) [1].

Литература

1. Цынцарь Е.В. Криминологическая характеристика религиозных преступлений и перспективы развития криминотеологии.// Электронный ресурс «Юридического портала «Правопорядок» [www.oprave.ru/Kriminologia/kriminolog-02.php]
2. Забарчук Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности/Журнал российского права 2008. № 6.
3. Уголовный Кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ- М.: Издательство «Экзамен», 2006.
4. Что такое деструктивная секта.// Электронный ресурс сайта «Пси - Фактор» / <http://psyfactor.org/sekta10.htm>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «УМАЛЕНИЕ», «ОТРИЦАНИЕ» И «ОТМЕНА» ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ПОНЯТИЙНОМ РЯДУ НЕПРАВОМЕРНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Рассолова Е.Ш.

Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмуллы (Уфа)

Комплексный подход к рассмотрению конституционно обозначенного понятия «ограничение» позволяет выявить в нем не только позитивный аспект (ст. 55 и 56 Конституции РФ), но и обнаруживает негативный аспект (неправомерные ограничения – ст. 79, 133), относя его к понятийному ряду, характеризующему различные нарушения прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ). Особый интерес в данном понятийном ряду представляют понятия «умаление», «отрицание» и «отмена» прав и свобод человека и гражданина (ч.1 и ч. 2 ст. 55).

Наука конституционного права остается невнимательной к раскрытию смысла конституционных положений об умалении, отрицании и отмене прав и свобод человека и гражданина, а «в вопросе о соотношении таких конституционных понятий, как «ограничение прав» и «умаление прав», царит настоящая неразбериха» [1. – С.4].

«Умаление», по мнению одних авторов, означает «законодательное у становление в сфере соответствующих прав и свобод меры свободы, меньшей, чем необходимо с точки зрения основного содержания этих прав и свобод» [2. – С.31], другие авторы полагают, что «умаление, т.е. уменьшение объема прав и свобод законопослушного гражданина, может быть достигнуто и в результате правомерных действий со стороны представителей государственной власти (например, в результате реквизиции принадлежащего гражданину имущества)..... Всякое умаление (ограничение) прав и свобод человека и гражданина должно быть основано на законе» [3. – С.7].

С данной позицией нельзя согласиться, поскольку она не согласуется с заложенным в Конституции РФ смыслом. Конституционные нормы определяют умаление как негативное и неправовое явление, устанавливая, к примеру, запрет на умаление достоинства личности (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ) или отмечая, что перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Обращение к федеральному законодательству также позволяет отнести понятие «умаление» к неправомерному ограничению прав человека. Так ч. 3 ст. 2 ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4.] содержит норму, согласно которой: «ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях

не должно истолковываться как умаление прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания». В данной норме умаление употреблено в смысле ущемления прав и свобод человека и гражданина.

В ст. 55 ФКЗ от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме РФ», [5.] ч. 4 ст. 51 ФЗ от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов ГС ФС РФ» [6.] и ч. 5 ст. 46 ФЗ от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента РФ» [7.] используется термин «умаление» как синоним дискриминации. Еще одним примером может служить ФЗ от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке РФ», в котором закреплено, что «Обязательность использования государственного языка РФ не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе РФ и языками народов РФ» (ч. 7 ст. 1) [8.].

Как видно, «умаление» нельзя рассматривать в одном ряду с «правоограничением» (ст. 55 и ст. 56 Конституции РФ). Понятие «умаление» прав тождественно понятию «необоснованное ограничение» объема или действия прав по кругу лиц, во времени, сокращение гарантий или усечение механизмов их правовой защиты и т.п. [9.].

Разнятся мнения исследователей и в вопросе степени и вариантах умаления прав. Одни склонны рассматривать умаление как установление количественных пределов в реализации субъективных прав и свобод, [10.] другие - как уменьшение гарантий качества реализации субъективного права [11.].

Конституционный Суд РФ также не проливает свет на соотношение понятий умаление и ограничение, но вместе с тем определяет, что расширительное толкование ограничений приводит к умалению прав и свобод человека и гражданина [12. – С.166-167].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 19.06.02 относительно введения законом от 12.02.01 ограничения максимальным размеров в виде 10 000 рублей сумм возмещения вреда гражданам, ставшим инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, а в случае их смерти – нетрудоспособным членам семьи, находящимся на их иждивении, отмечено, что это «нарушает стабильность дляящихся конституционно-правовых отношений и понижает ранее установленный объем возмещения вреда, что означает умаление, а также ограничение права на возмещение вреда и, следовательно, противоречит Конституции РФ, ее статьям 42 и 55 (части 2 и 3)» [13. – С.168].

Используя слово «умаление» в указанном лингвистическом значении, конституционный законодатель вложил в него важный правовой смысл, согласно которому ограничение основных прав и свобод человека и гражданина федеральным законом не должно приижать их значение как критерия и регулятора, подчиняющего себе всю правовую систему, даже если такое ограничение осуществляется в той мере, в какой это необходимо для защиты ценностей, перечисленных в ч. 3 ст. 55.

Совместно с умалением ст. 55 Конституции РФ использует понятие «отрицание». Понятие «отрицание» указывает на усиленное его негативное со-

держание. Таким образом, отрицание прав и свобод человека и гражданина – это более глубокая степень умаления прав, которая снижает значимость прав до такой степени, которая приводит к полной утрате их содержания как высшей ценности (изменяется само существо право).

В Конституции РФ, а также нормах действующего законодательства используется понятие «отмена» прав. В ст. 3 ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» закреплено: «Вопросы, выносимые на референдум Российской Федерации, не должны ограничивать или отменять общепризнанные права и свободы человека и гражданина и конституционные гарантии их реализации. ») [14.]

Конституционный Суд РФ неоднократно в своих решениях подтверждал недопустимость издания законов, отменяющих права и свободы человека и гражданина. Так, в постановлении от 24 мая 2001 года отмечалось, что любые изменения в законодательстве, оказывающие неблагоприятное воздействие на правовое положение личности, должны осуществляться таким образом, «чтобы соблюдался принцип поддержания доверия власти к закону, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм») [15. – С.117].

Подводя итог под вышеизложенным, отметим, что неправомерные ограничения прав и свобод человека и гражданина – это противоправные действия органов государственной власти в ходе осуществления ими своих полномочий по обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Неправомерные ограничения охватываются понятиями «умаление» прав и свобод человека и гражданина (неправомерное ограничение прав и свобод человека и гражданина, выражющееся в снижении значимости прав человека, изменении не количественных, а качественных характеристик права, снижение критериального и регулятивного значения для законодательства основного содержания прав человека; отмена прав и свобод человека и гражданина (официальное устраниением из правовой системы тех или иных прав и свобод человека и гражданина путем прямого внесения изменений в законодательство либо путем отмены законов, гарантирующих права и свободы человека и гражданина или наделяющие его таковыми) и отрицание прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7.
2. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / под ред. В.А. Четвернина

3. Уваров А. А. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина. 2005.
4. ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // РГ № 190 от 01.09.1997.
5. ФКЗ от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме РФ» // РГ № 137-д от 30.06.2004.
6. ФЗ от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов ГС ФС РФ» // РГ № 108 от 24.05.2005.
7. ФЗ от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента РФ» // РГ № 6 от 16.01.2003.
8. ФЗ от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке РФ» // РГ № 120 от 07.06.2005.
9. Комментарий к Конституции РФ / под ред. В.Д. Карповича. – М.: 2002. - С. 380.
10. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строем Российской Федерации. - М.: - 2005. - С.27.
11. Наиболее последовательно данная позиция разработана Лапаевой В.В.
12. Лазарев Л.В. Правовые позиции КС РФ. - М.: 2003.
13. КС РФ. Постановления. Определения. 2002. / отв. ред. В.Г. Стрекозов. – М.: 2003.
14. ФКЗ от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме РФ» // СЗ РФ. 1995. № 42. Ст. 3921.
15. КС РФ. Постановления. Определения. 2001. / отв. ред. Т.Г. Морщакова. – М.: 2002.

РОЛЬ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Семьянов Е.В.

Российский государственный торгово-экономический университет
(Москва)

Поль Рикёр как-то заметил, что сегодня всякий, кто что-либо систематизирует, причисляет себя к структуралистам. Это же можно экстраполировать и на ситуацию с методом системного анализа.

Параллельное существование системного и структурного анализа часто приводит к их смешению, особенно это заметно на уровне терминологии: часто в исследованиях проходит подмена термина «система» термином «структура» и наоборот.

Метод системного анализа, по своей сути, наиболее близок к синергетике и используемым в синергетических исследованиях методам. В отличие от

метода структурного анализа, метод системного анализа не ищет в исследуемых явлениях некую единую вневременную структуру, некую константу, чтобы затем описать все маргинальные этой константе явления в терминах отклонения.

Применение метода системного анализа в государственно-правовых исследованиях зависит от правопонимания, то есть от контекста или вида юридического дискурса, в рамках которого идет речь.

Например, если понимать право как нечто объективно существующее, как универсальную ценность, обладающую вневременным характером, всякий метод ничтожен в процессе формирования права и правовой системы.

Если же под правом понимать совокупность интегративных элементов, то есть уже *a priori* как систему, метод системного анализа обретает приоритетное значение в вопросах формирования права, правовой системы и системы законодательства. Но в этом случае право утрачивает свою аксиологическую ценность и обретает существенный субъективный элемент. При данных условиях привнесение субъективного элемента неизбежно – представляя право как систему, мы должны руководствуясь сознанием сформировать, а позднее, продемонстрировать архитектуру этой системы. И в этом право предстает перед нами в виде мета-реальности, что увлекает нас в анатомию права и его мета-реальности; сферы сущего и сферы его проявления, сферы явлений, данных нам в ощущении и преобразованных в нашем сознании.

К сожалению, единого подхода к правопониманию современная юридическая наука пока не выработала.

В рамках так называемого широкого правопонимания иногда исследователи производят отождествление права и правовой системы. При этом система права, система позитивного права, система юридического права является лишь одним из элементов такой правовой системы. Система же законодательства является в свою очередь одним из элементов системы права.

В этой «матрёшке» чем мельче фигурка, тем сильнее влияние субъективного элемента, и тем менее отражается объективность права.

С точки зрения критериев дифференциации современная система российского законодательства вообще не имеет ничего общего с системой права.

Метод системного анализа позволяет системе разрастаться, но при этом резко усиливается энтропийность всей системы. Если говорить о системе российского законодательства, можно смело утверждать, что сегодня отрасли законодательства в отличие от отраслей права (явления намного более консервативного) формируются на основе более или менее обосновленного предмета правового регулирования и волонтаристского особого публичного интереса (заинтересованности) государства. Иначе, как можно объяснить существование, например, водного законодательства. Публичный интерес как критерий дифференциации законодательства на отрасли не выдерживает никакой критики, так как в этом случае мы окончательно соглашаемся с тем, что именно государство творит право; то есть право вторично по отношению

к государству, является элементом, производным от государственной политики [1]. При помощи подобных умозаключений мы возвращаемся к формуле: всякий закон от государства является правовым, то есть правом. Право в таком случае утрачивает всякую возможность аксиологической оценки и превращается в ничто - в право.

Обращая внимание на высокую степень энтропийности права как всякой сложной системы, следует отметить, что в наибольшей степени этому процессу подвержена система законодательства. Данное обстоятельство прежде всего обусловлено значительным увеличением удельного веса субъективного во всей совокупности формирующих эту систему факторов. В этих обстоятельствах совершенно вопиющим безобразием является факт существования лоббированного законодательства, и как причина этого – существование ангажированного государства.

Метод системного анализа как свобода для формирования системы законодательства и отраслевого законодательства – опасный метод, влекущий к рождению перманентного самовоспроизводящегося хаоса.

В то же время метод системного анализа может принести большую пользу как метод, формирующий систему законодательства изнутри. С этой целью мы должны полностью разместиться в мета-реальности позитивного права, которая и задаст параметры процесса коммуникации в позитивистском юридическом дискурсе. Только при таких условиях метод системного анализа можно будет рассматривать в качестве системообразующего, а не системо-разрушающего, метода. Этот метод для вышеуказанной мета-реальности будет являться сущностным, так как именно через него, как проводник, является этатистская сущность системы законодательства в позитивном значении. Истинно правовая сущность системы законодательства обнаружится как некий палимпсест только в том случае, если ее удастся «поскребст» с помощью методов постмодернизма.

In addition: при вышеописанном уровне отчуждения системы законодательства от права мы наблюдаем следующую культурологическую ситуацию – неизбежное формирование в сознании (точнее, в правосознании) правового нигилизма. Усиление влияния этатистских начал и одновременное подавление начал правовых приводит к нарушению порядка, право-порядка. В этом случае правосудие как инструмент установления правопорядка и как атрибут права утрачивает свою ценность в общественном сознании.

Там, где правопорядок устанавливается сам собой правосудие излишне, а там, где правосудие устанавливает законопорядок, превращаясь в еще одного правоприменителя, оно уничтожает само себя и право вместе с собой.

Таким образом, в обоих вышеописанных случаях то, что мы в рамках «здравого смысла» называем правосудием, в действительности является его отсутствием, так как системы с подобными параметрами не являются правом.

Примечания

1. Но, как известно, именно право, а не государство является концентрированным выражением экономики!

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ НУЖД

Тумашёва А.Н.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

Положенная в основу конституционного устройства России теория общественного договора, предусматривает, что обеспечение публичных нужд, есть не только особый интерес публичных образований (на федеральном уровне, уровне субъекта Российской Федерации, муниципальном уровне), конкретизируемый в потребностях этих образований и реализуемый в непосредственном размещении государственного или муниципального заказа, но и служит удовлетворению интересов граждан конкретного государства и общества в целом. Это и является целью обеспечения публичных нужд в широком смысле этого слова.

Поэтому особое значение приобретает эффективность распределения бюджетных и внебюджетных потоков, направляемых на обеспечение имущественных интересов публичных образований, а значит и эффективность правового механизма, обеспечивающего эти процессы.

В этой связи актуальным представляется анализ, выявление проблем и формирование эффективного правового механизма обеспечения публичных нужд.

На сегодняшний день законодательство в сфере обеспечения публичных нужд является одним из самых динамично развивающихся в России. Подтверждением служат не только многочисленные проекты, ставящие своей целью снижение коррупционных потерь бюджетных средств при размещении госзаказа, но и постоянное внесение изменений в действующий правовой механизм. Так, например, в федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» № 94-ФЗ, вступивший в действие в 2006 году, за последние три года более полутора десятка раз вносились изменения. Однако и до настоящего момента законодателю не удалось сформировать полноценный механизм обеспечения государственных и муниципальных нужд, отвечающий принципам прозрачности, равенства и независимости и т.д.

Из рисков нарушения законодательства в сфере размещения государственного (муниципального) заказа следует выделить две их основных группы.

Во-первых, это риски связанные с формальными ограничениями, используемыми недобросовестными заказчиками. Такие риски достаточно успешно могут быть отслежены контролирующими органами при проведении проверок. Во-вторых, это группа рыночных рисков, которая имеет менее формализованный, но вместе с тем и более опасный характер с точки зрения бюджетных потерь. Кроме того, обнаружить их гораздо труднее, нежели первые. К ним относятся различные действия недобросовестных участников размещения заказа (например, картельные сговоры).

Действительно, договорённости с лицами уполномоченными принимать решения (составлять закупочную документацию, входящими в закупочную комиссию, принимать результаты исполнения заключённого контракта) провоцируют первую группу рисков, в то время как возможность непосредственно встретиться со всеми конкурентами в ходе торгов, обсудить дальнейшие стратегии поведения, провоцирует вторую группу рисков.

Т.е. мы можем утверждать, что обе эти группы рисков объединяет так называемый «личностный» фактор нарушения законодательства.

А потому, наиболее приоритетным направлением реформирования механизмов обеспечения публичных нужд должно стать снижение до минимума фактора личного участия заинтересованных сторон на каждом из этапов размещения заказа и максимальная прозрачность каждого из них.

Данная цель может быть реализована путём принятия такой меры, как максимальное внедрение технологии электронного размещения заказа. Такая технология на этапе планирования и подготовки проведения закупки, может включать введение единых критериев закупаемых товаров (работ, услуг) для наиболее распространённых товарных групп, с одновременным установлением ценовых пределов стоимости для каждой товарной группы. Безусловно, такие критерии не должны ограничивать конкуренцию на рынке, как и предоставлять отдельным производителям более выгодные условия, т.к. их целью является исключительно ограничение бюджетных затрат на повседневные нужды государственных (муниципальных) заказчиков. На этапе непосредственного размещения заказа может быть рекомендовано рассмотрение (оценка конкурсных заявок) комплексной комиссией, в состав которой входят не только представители заказчика, но и специалисты контролирующих органов. На завершающем этапе – принятие результатов исполнения контракта, также производится комплексной комиссией, включающей не только представителей заказчика и участника размещения заказа, но и сотрудников контролирующих органов, а также конкурирующих с исполнителем контракта, организаций.

В этом плане представляют интерес шаги законодателя по постепенному внедрению проекта «электронного государства», включающего увеличение доли электронных технологий в сфере размещения государственного заказа. Это позволит сделать более прозрачным взаимодействие всех заинтересован-

ных сторон и функционирования механизма государственного (муниципального) заказа в целом.

Безусловно, дальнейшие реформы требуют дополнительного бюджетного финансирования, однако практическая реализация этих путей решения проблемы в конечном итоге позволит снизить коррумпированность в этой сфере, а значит более эффективно расходовать бюджетные средства.

ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ НА КОРРУПЦИОГЕННОСТЬ

Третьякова Е.-Д.С.

Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск)

В настоящее время в свете общегосударственной направленности борьбы с коррупцией все большее значение приобретает информационная открытость деятельности органов государственной власти всех уровней. К обсуждению важнейших вопросов привлекаются не только специалисты различных отраслей знания, но и общественность. В сфере правотворчества наблюдается такая же тенденция. Наряду с правовой экспертизой проектов нормативных правовых актов, проводимой на стадии подготовки акта к принятию, в уполномоченном органе, встает вопрос о вовлечении в эту деятельность независимых экспертов. Роль таких экспертов будет заключаться не только в «сторонней» и «незаинтересованной» оценке принимаемых нормативных правовых актов, но и в анализе актов на наличие норм коррупциогенного характера.

В целях организации деятельности федеральных органов исполнительной власти по предупреждению включения в проекты нормативных правовых актов положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции, выявлению и устраниению таких положений, Правительством Российской Федерации утверждены Правила проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2009г. № 195). В соответствии с указанным Постановлением Министерством юстиции Российской Федерации издан приказ от 31.03.2009 г. № 92 «Об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность». Получить соответствующую аккредитацию могут как физические, так и юридические лица, причем для них установлен различный перечень документов, необходимых для получения аккредитации. Определен порядок получения аккредитации, который заключается в подаче письменного заявления в Минюст России (лично или по поч-

те) и в предоставлении предусмотренных приказом документов. Официальными документами, удостоверяющими аккредитацию, являются свидетельство об аккредитации юридического лица в качестве независимого эксперта, уполномоченного на проведение экспертизы на коррупционность, и свидетельство об аккредитации физического лица в качестве независимого эксперта, уполномоченного на проведение экспертизы на коррупционность, выдаваемые на основании распоряжения Министерства юстиции Российской Федерации. Свидетельства об аккредитации подписываются заместителем Министра юстиции Российской Федерации и выдаются на пять лет. В течение 10 рабочих дней со дня издания распоряжения Минюста России об аккредитации юридического или физического лица в качестве независимого эксперта Минюст России оформляет свидетельство об аккредитации и направляет его в территориальный орган Минюста России по месту нахождения заявителя для выдачи заявителю либо его уполномоченному представителю под роспись с представлением документа, удостоверяющего личность гражданина. Территориальный орган Минюста России направляет подтверждение о выдаче свидетельства об аккредитации в центральный аппарат Минюста России. В целях информационной открытости деятельности Минюста России, и для сведения заинтересованных лиц, информация об аккредитации юридических и физических лиц размещается на официальном сайте Минюста России в сети Интернет. Приказом предусмотрены случаи аннулирования аккредитации, такая информация также подлежит размещению на официальном сайте Минюста России в сети Интернет. Важно отметить, что плата за аккредитацию, в том числе за выдачу свидетельств, не взимается.

Правительством Российской Федерации разработана методика проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2009г. № 196), целью которой является организация деятельности федеральных органов исполнительной власти по предупреждению включения в проекты нормативных правовых актов положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции, а также по выявлению и устранению таких положений. В соответствии с утвержденной Методикой, эффективность проведения экспертизы на коррупционность определяется ее системностью, достоверностью и проверяемостью результатов. Методика подробно регламентирует коррупционные факторы, т.е. положения проектов документов, которые могут способствовать проявлениям коррупции при применении документов, в том числе могут стать непосредственной основой коррупционной практики либо создавать условия легитимности коррупционных деяний, а также допускать или провоцировать их. По результатам экспертизы на коррупционность составляется экспертное заключение, в котором отражаются все выявленные положения проекта документа, способствующие созданию условий для проявления коррупции, с указанием струк-

турных единиц проекта документа (разделы, главы, статьи, части, пункты, подпункты, абзацы) и соответствующих коррупционных факторов. В экспертном заключении могут быть отражены возможные негативные последствия сохранения в проекте документа выявленных коррупционных факторов. Необходимо обратить внимание, что эксперт, проводящий антикоррупционную экспертизу, может руководствоваться не только названными в Методике коррупционными факторами. В экспертном заключении, возможно, отражать положения, не относящиеся в соответствии с Методикой к коррупционным факторам, но которые могут способствовать созданию условий для проявления коррупции. Важно заметить, указанная Методика не носит обязательного характера для аккредитованных независимых экспертов при проведении экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупционность.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ **Перельгина А.А.**

Новосибирский государственный университет

В процессе регулирования общественных отношений зачастую возникает состояние неопределенности, появляются нетипичные ситуации. Это объективно обусловлено тем, что право выступает в качестве надстройки по отношению к базису - материальным отношениям, развитие которых закономерно опережает развитие права и в конкретных ситуациях не укладывается в существующие правовые рамки. А это, в свою очередь, тормозит движение общественных отношений в целом и гражданского оборота в частности. Законодательство предусматривает наличие определенных способов для разрешения подобной правовой неопределенности. Одними из таких способов являются презумпции и фикции.

Значимость этих явлений признается современной наукой, однако исходя из анализа имеющейся литературы, вполне обоснованными представляются выводы некоторых ученых о злоупотреблении понятиями презумпций и фикций, неверном понимании их сущности и даже об их смешении [7, С. 229]. Указанные проблемы вызваны, на наш взгляд, тем, что разные исследователи рассматривают и анализируют презумпции и фикции в разных плоскостях. А ведь в разных плоскостях исследуемым явлениям будут присущи и различные признаки, качества.

Презумпции и фикции как результаты мыслительной деятельности могут рассматриваться в следующих плоскостях:

1. логической;
2. философской;
3. правовой.

По своей логической сути презумпция является индуктивным умозаключением – от частного к общему. В процессе наблюдения однотипных явлений происходит фиксация внимания на повторяемости у них определенных признаков [6, С. 36]. Устойчивая, закономерная повторяемость позволяет сделать предположение о том или ином явлении.

Именно в данной плоскости определение презумпции как предположения будет адекватно отражать сущность рассматриваемого явления.

Фикция с точки зрения логики – заведомо ложное положение о чем-либо. Ложь этого положения в том, что оно признает существующими явления (обстоятельства), которые не существуют в действительности или, наоборот, признает несуществующими явления (обстоятельства), которые реально существуют.

В данной плоскости наиболее приемлемо решать одну из проблем, существующую в теории презумпций и фикций, а именно определение вероятности предположений и выводов, на их основе полученных.

В философском аспекте презумпции характеризуются, во-первых, всеобщей причинно-обусловленной связью предметов и явлений окружающего мира, а во-вторых, устойчивой повторяемостью определенных признаков явлений, приобретшей характер закономерности [1, С.8-9].

Фикция в философском значении – не ошибка и не обман, а особое мыслительное образование, играющее служебную, инструментальную роль в познании; оно не истинно и не ложно, это допущение, введенное для преодоления специфических познавательных затруднений [9].

Представляется, что в этой плоскости, равно как и в области логики, презумпции и фикции – категории универсальные, и их использование возможно не только в праве.

В правовой плоскости презумпции и фикции как явления правовые должны рассматриваться исходя из их места и целей в правовом регулировании. Здесь им присущи такие свойства, как нормативность, императивность или диспозитивность, обязательность признания презумируемого факта или установленного фикцией положения. И именно в данной плоскости можно выделить правовую природу рассматриваемых явлений.

Анализ литературы, посвященной проблематике презумпций и фикций, позволяет выделить различные подходы к определению правовой природы данных явлений. Назовем основные:

1. Презумпции и фикции как правовые предположения выступают в работах Н.А. Никиташиной, Т.Г. Тамазяна и др. Однако, как ранее было отмечено, категория предположения характерна для логической области.

2. Концепция презумпций и фикций как правовых норм разрабатывается, например, О.А. Кузнецовой, Л.А. Душаковой. Аргументированные возражения приводит Е. А. Джазоян [3, С.20]. Он обращает внимание на то, что общеизвестным является понимание нормы права как общеобязательного

правила поведения. Ни презумпция, ни фикция сами по себе быть правилами поведения не могут.

3. Концепция понимания презумпций и фикций как нетипичных правовых предписаний присутствует, в частности, в работах Н.В. Караниной. Однако вызывает сомнения целесообразность самой конструкции нетипичных правовых предписаний как предписаний, в которых отсутствуют те или иные свойства, признаки, объективно присущие классической модели правовой нормы [10, С. 25].

4. Концепции, определяющей презумпции и фикции как средства юридической техники, придерживаются в настоящее время О.А. Курсова, Е.А. Нахова, Е.А. Джазоян и др.

Данная позиция представляется наиболее обоснованной. Презумпция, равно как и фикция – то средство юридической техники, с помощью которого соответствующие нормы формулируются и применяются таким образом, чтобы наиболее полно отвечать целям правового регулирования общественных отношений в целом и целям наличия в праве конкретной нормы в частности.

Таким образом, правовую природу презумпций и фикций следует определять в правовой плоскости, дабы избежать непоследовательности, фрагментарности рассуждений, что в итоге может привести к теоретическим ошибкам или неточностям, затрудняющим понимание сущности исследуемого объекта.

Литература

1. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.
2. Душакова Л.А. Правовые фикции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004.
3. Джазоян Е. А. Фикции в гражданском праве России /Е. А. Джазоян. //Законодательство. -2006. - № 8. - С. 17 – 23.
4. Каранина Н.С. Правовые презумпции в теории права и российском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
5. Кузнецова О.А. Фиктивные явления в праве. Пермь, 2004.
6. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
7. Максимов Л.В. О субъективистских течениях в современной философии морали // Этическая мысль. - Вып. 5. - М.: ИФ РАН. 2004.
8. Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Абакан, 2004.

К ВОПРОСУ О СЕМИОТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРАВА

Павлышин О.В.

Киевский национальный университет

Истоки семиотики как отдельной научной дисциплины, которая окончательно сформировалась в 60-70-е гг. 20 ст., следует искать в трудах М.М. Бахтина, А.А. Богданова, А.Н. Веселовского, Л.С. Выготского, Н.В. Крушинского, А.Ф. Лосева, А.Р. Лурии, А.А. Потебни, П.А. Сорокина и других отечественных ученых, а также в работах зарубежных ученых и философов – Э. Бенвениста, Р. Бертрана, К. Бюллера, В. фон Гумбольдта, Ж. Делёза, К. Леви-Страсса, Ч. Морриса, Ж. Пиаже, Ч. Пирса, Ф. де Соссюра, Н. Хомски, У. Эко и других.

Её оформление в качестве самостоятельной науки произошло благодаря исследованиям В.В. Иванова, Ю.С. Степанова, Б.А. Успенского, а на Западе – Г. Кресса, Р. Барта, Р. Ходжа, Дж. Фиске и других ученых. Большое значение имела научная деятельность тартуско-московской школы семиотики во главе с Ю.М. Лотманом. Исследования проводятся и в новейшее время, посвящены они, в основном, проблемам собственно языка, а также искусства, культуры в целом и отдельных ее проявлений. Определенный интерес представляют семиотические исследования политической реальности, вместе с тем, правовой проблематике уделяется недостаточно внимания [1-3].

Исследования знаковой природы правовых явлений и процессов проводились в рамках коммуникативной теории права, в работах по правовой лингвистике, юридической герменевтике, однако именно семиотические исследования правовой реальности по сути немногочисленны [4-7]. На наш взгляд, это направление имеет существенный научный потенциал, так как право является собою образец символической реальности, исследования которой с позиций семиотики могут составить конкуренцию многим другим теоретико-методологическим подходам и способствовать разрешению фундаментальных проблем философско-правовой науки.

Действительно, рассмотрение правовой реальности как знаковой системы позволяет иначе интерпретировать классические вопросы правой онтологии, гносеологии, аксиологии и антропологии. Перспективным представляется изучение права в его связи с другими знаковыми системами – культурой, языком, моралью, религией, обычаями, политикой; интересны в научном плане такие семиотические объекты, как логика права, правовой идеал, правовой миф, бинарные оппозиции "дисномия – эвномия", "Логос – Номос", "Хаос – Космос" [8, 16-17, 51-55].

Изучение правового бытия с точки зрения его семиотической интерпретации может осуществляться в следующих основных направлениях:

1) семиотика естественного права как правового идеала и источника права (в этом направлении интересно выявление закономерностей и связей человеческого бытия как такового с правовыми идеалами и принципами);

2) семиотика закона (в этом направлении важно определение характера связи и корреляции естественного права и закона, формально определенного нормативного волеустановления);

3) семиотика правовых отношений (это направление имеет наиболее практический ориентированный характер в современном обществе, важной проблемой является соотношение текста закона и правовой действительности).

Такой подход в целом соответствует выделению основных уровней (или слоев) правовой реальности, форм "бытия" права [9, 177]. Характерно, что данные уровни не располагаются последовательно, а скорее представляют собой циклическую знаковую систему, поскольку уровень правовой действительности наряду с другими факторами влияния задаёт критерии правовых идеалов.

Право имеет внешнее выражение – его формы, то есть писаные нормативные юридические акты, и в этом смысле важна связь между естественно-правовым содержанием нормы и её формой, однако кроме сугубо текстуального воплощения право также отражается в реальной жизни, регулирует общественные отношения, присутствует в сознании людей, является сдерживающим или движущим фактором в их деятельности, поступках, влияет на многие сферы общественной жизни. Правовая реальность, таким образом, является многоуровневой знаковой системой, отношения между элементами которой характеризуются различными закономерностями, но имеют один общий стержень – определённую логику, которая лежит в основе правовой организации жизни человека в обществе.

Семиотические исследования правовой реальности предполагают рассмотрение как формальных связей между правовыми знаками (структурная семиотика права), содержания знаковых форм (коммуникативная семиотика права), так и социальных контекстов реализации правовых предписаний (социальная семиотика права); как рассмотрение системы внутренних отношений между правовыми знаками (синтаксиса права), специфики отношений между правовым знаком и его значением (семантики права), так и проблем интерпретации правовых знаков, их ценности, отношений субъектов права к правовым знакам (правовой прагматики).

Литература

1. Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры / Московский гос. ун-т им. М.В.Ломоносова; Институт теории и истории мировой культуры. — М. : Языки русской культуры, 1998. — Т. 4 : Семиотика культуры, искусства, науки.

2. Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек: Очерки тоталитарного символизма и мифологии. — К. : Глобус, 1994.
3. Лебедев И.А. Семантика и семиотика в культуре тоталитарных обществ: миф, символ, ритуал : : Дис ... кандидата философских наук : 24.00.01. - Санкт-Петербург , 2006
4. Денисова А.А. Семантика терминов общей теории права (парадигматический аспект): Дис... канд. филолог. наук: 10.02.01. - Москва , 1992.
5. Саркисов А.К. Семиотика права: Историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 - Коломна , 2000
6. Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. — М., 1996.
7. Хабибулина Н.И. Политико-правовые проблемы семиотического анализа языка закона: теоретико-методологическое исследование: Дис... доктора юридических наук: 12.00.01. - Санкт-Петербург , 2001
8. Бачинин В.А. Морально-правовая философия. – Харьков: Консум, 2000.
9. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысливания: Монография. – Харьков: Право, 2002.

К ВОПРОСУ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Абдырахманов К.С.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Права человека и гражданина – высшая ценность любого правового, демократического государства, в котором все ветви власти призваны обеспечивать их охрану и защиту. Российское государство, являясь таковым, закрепило данное положение в основном законе страны. Где сказано, что признание, соблюдение и защита прав отдельной личности – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ). При этом в настоящее время до сих пор идет процесс переосмысливания положения человека в современном социуме, преобразования взаимоотношений между государством и личностью, что в свою очередь приводит к изменению законодательства, в направлении его гуманизации, в различных отраслях права, в том числе уголовно-процессуального.

Ограничение прав человека и гражданина как правовой институт имеет многовековую историю. Учеными-историками доказан тот факт, что уже в первобытнообщинном обществе сложилась своеобразная система социально-го регулирования, ориентированного прежде всего на ограничения. Правила поведения, в частности нормы табу, определялись необходимостью сдержи-

вания биологических инстинктов.[1] В дальнейшем при возникновении государства, в обществе возникла потребность в том, чтобы возвести имеющееся положение в закон.

В свою очередь, ограничения играют огромную роль в обретении личностью подлинной свободы. К. Ясперс писал: «Подлинная свобода – осознает свои границы». [2] Указанное свойство свободы было учтено во французской Декларации прав человека и гражданина, в которой говорится (ст.4): «Свобода состоит в возможности делать все – что не вредит другому: следовательно, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами». [3]

2 мая 1948г. во Всеобщей декларации прав человека (ст.27) было провозглашено право на ограничение прав, а впервые оно было реализовано в Европейской конвенции защиты прав человека и основных свобод, подписанной пятнадцатью членами Комитета министров Совета Европы в Риме 4 ноября 1950 года. [4]

В процессе своего ежедневного существования, тем или иным образом, государство вынуждено ограничивать права своих граждан. Это проявляется в различных областях его жизнедеятельности и наиболее ярко выражено в уголовно-правовой сфере. Человек, вовлеченный в силу различных обстоятельств, в отношения с государством, регулируемые уголовно-процессуальным законодательством, оказывается в такой ситуации, когда в любой момент его права и свободы могут быть ограничены в той или иной степени органами государства. Колорит ограничений усиливается, если в отношении субъекта проводится уголовное преследование. Предварительное расследование сопровождается возможностями достаточно широкого ограничения прав личности вовлеченной в уголовное судопроизводство, в частности посредством применения к ней мер уголовно-процессуального пресечения, в связи с чем, нуждается в особых механизмах, позволяющих предотвратить произвольное ущемление этих прав. Одним из важнейших прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации, является право на свободу и личную неприкосновенность, проблема ограничения, которого считается наиболее актуальной на протяжении долгого времени.

Рассмотрим в этом контексте такую уголовно-процессуальную меру пресечения как домашний арест.

Домашний арест – относительно новая мера пресечения для российского уголовного процесса. Она присутствовала в Уставах уголовного судопроизводства 1984г., в УПК РСФСР 1922г., УПК РСФСР 1923г. и была упразднена в УПК РСФСР 1960г. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001г. возродил данную меру пресечения (ст. 107 УПК РФ) [5].

Домашний арест, заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете: 1) общаться с определенными лицами; 2) получать и отправлять корреспонденцию; 3) вести

переговоры с использованием любых средств связи. Иными словами, обвиняемый, подозреваемый не вправе покидать жилище, а что касается ограничений на общение с определенным кругом лиц, получение и отправление корреспонденции, ведение переговоров с использованием любых средств связи, то они являются сопутствующими и могут применяться, либо не применяться в отношении лица, которому избрана данная мера пресечения. Данная мера пресечения предполагает ограничение подозреваемого (обвиняемого) в свободе передвижения и (или) в свободе общения. Домашний арест не допустим, когда отсутствует необходимость полной изоляции обвиняемого или подозреваемого от общества. Данная мера пресечения является довольно жесткой и уступает в этом лишь заключению под стражу, в соответствии, с чем законодатель засчитывает время домашнего ареста в срок заключения под стражей.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке установленном ст.108 УПК РФ, с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств. Согласно этому, гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина при применении меры пресечения в виде домашнего ареста является суд. Контрольная функция суда при применении в качестве меры пресечения – домашнего ареста не является новшеством в российской правоприменительной практике. Суд при избрании данной меры пресечения, с учетом мнения сторон, должен выбрать из всех возможных запретов те из них, которые действительно необходимы в данном конкретном случае. Вместе с этим, имеется ряд спорных моментов, от правильного решения которых, зависит эффективность защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

Также, можно отметить недостаточную регламентацию применения домашнего ареста. Например: в чьи обязанности входит надзор за надлежащим исполнением «домашнеарестованным» условий домашнего ареста, а также, каким образом должен осуществляться этот надзор. Здесь законодатель отметил лишь право суда на выбор органа или должностного лица, на которые возлагается осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений. Недостаточная техническая оснащенность правоохранительных органов страны и отсутствие правовой базы для ее внедрения в практику (Имеется в виду – отсутствие электронно-технической базы, которая дала бы возможность правоохранительным органам отслеживать время и место пребывания подозреваемого (обвиняемого) находящегося под домашним арестом посредством электронных браслетов (датчиков), надетых на них, тем самым, контролировать соблюдение условий данной меры пресечения ими. Что успешно практикуется рядом европейских стран) существенно сказывается на применении этой меры пресечения в России.

На наш взгляд, данная мера пресечения, являясь довольно строгой, что выражается в запрете ею значительного объема человеческих прав, выступа-

ет отличной альтернативой в выборе более гуманной меры пресечения перед заключением под стражу.

Литература

1. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропо-социогенеза. – М., 1983.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991.
3. Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: Сборник научных трудов. Ч.1 / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1998.
4. Международная защита прав и свобод человека. – М., 1990.
5. Уголовный процесс: Учебник для вузов / 2-е изд. Под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2006.

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРАВОСУДИЕ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Игнатушина М.В.

Новосибирский государственный университет

В настоящее время проблемным является суждение о корректности существования такой правовой дефиниции как альтернативное правосудие. Попытаемся понять суть возникшей терминологической проблемы с позиции теоретического исследования.

Вопрос о природе правосудия является дискуссионным. На сегодняшний день ученым удалось в отношении его обойти прийти к согласию лишь в том, что как любое правовое явление правосудие имеет форму и содержание, которые являются его обязательными характеристиками. В качестве третьего обязательного признака некоторые исследователи выделяют принцип осуществления правосудия только судом [См.: 1., С. 59-63., 2., С. 45-50.]. Нам предстоит оценить каждый из этих критерии, прийти к выводу об их наличии, либо отсутствии у конкретных негосударственных способов разрешения споров, а также о возможности, либо невозможности определения последних через дефиницию альтернативное правосудие.

Для начала обратимся к содержательной стороне явления.

«Понятие правосудие обычно трактуется как осуществляемая в процессуальном порядке деятельность судов по рассмотрению и разрешению юридических дел с вынесением по ним законных, обоснованных и справедливых постановлений» [3., С. 49]. В этом смысле правосудие и защита по гражданским делам могут употребляться как идентичные. Учитывая при этом, что судебная защита лишь одна из разновидностей защиты правовой, осуществля-

ляемой различными, в том числе и несудебными органами, можно сделать суждение, что рассмотрение и разрешение юридических дел с вынесением по ним законных, обоснованных и справедливых решений – может одновременно являться и содержательной стороной некоторых "неформальных" способов защиты по гражданским делам.

Второй обязательный признак – осуществление правосудия в особой процессуальной форме. Спор о том, является ли указанный признак исключительным признаком правосудия, пришел к своему логическому завершению еще в 70-х годах XX столетия. Практически все исследователи данного вопроса пришли к выводу о том, что любая защита нарушенного права может быть реальной лишь тогда, когда она осуществляется в полном соответствии с законом, как материальным, так и процессуальным. В силу того, что права и обязанности любого спора не могут осуществляться без установленного законом порядка, без определенной последовательности, совершенно прав А.А. Добровольский [4., С. 49.], сделавший вывод о том, что «исходя из существа процессуальной формы, нельзя приписывать ее только судопроизводству».

Таким образом, форма и содержание правосудия являются идентичными содержанию и форме некоторых альтернативных способов разрешения правовых споров. Почему же многие ученые считают формулировку альтернативного правосудия некорректной?

Большинство исследователей, отстаивающих указанную позицию, приводят в качестве своего главного аргумента положение Основного закона о том, что правосудие в РФ осуществляется только судом. Современные исследователи, в частности Безруков А.М. [5., С. 205], в своих работах делают еще более революционные выводы о том, что "правосудие исторически связано с деятельностью государственных органов" и поэтому в принципе не может осуществляться органами несудебными. Действительно, данные выводы имеют под собой определенную почву, но отсутствие прямого указания в законе – аргумент весьма слабый, подменяющий научный анализ формальными доводами.

Аргументы в позицию того, что принцип осуществления правосудия только судом – признак важный, но не необходимый, следующие:

1. Вызывает сомнение точность и корректность самой формулировки конституционного принципа. Так, например, В.П. Нажимов [6., С. 27.] усматривал в общепринятом понятии правосудия как деятельности суда некоторое противоречие, по которому правосудие существует лишь потому, что есть суд, в то время как в действительности наоборот: суд нужен лишь потому, что необходимо осуществлять правосудие. Автор с целью исключения тавтологии и внесения в определение ясности предлагал при конструировании понятия полностью исключить указание на то, кем правосудие осуществляется.

2. Буквальное толкование упомянутого принципа приводит к некоторым нелогичным, теоретически необоснованным выводам. Так, если правосудие –

это деятельность только суда, то любое изменение его компетенции и передача судебных функций несудебным органам не может рассматриваться как нарушение указанного принципа, поскольку деятельность этих органов уже не считается правосудием. В современных же условиях неформальные способы разрешения конфликтов в силу их экономичности, гибкости набирают все большие обороты. В связи с этим, можно смоделировать ситуацию, при которой через 20-40 лет подавляющее большинство разбирательств будет протекать в рамках негосударственных процедур, в связи с чем основной функцией суда станет, например, функция контроля. Интересно, при таком развитии событий можно ли будет говорить о том, что в РФ деятельность по осуществлению правосудия не осуществляется? Думается, это будет не совсем грамотным суждением.

3. Возникает вопрос о расширительном толковании конституционного принципа. Еще в XIX веке был доказан тезис "о внегосударственной природе суда, его генетической связи с правом, которое возникает на догосударственном этапе развития общества. А этот вывод позволяет рассматривать суд как явление внеисторическое" [3., С. 51]. В контексте развития цивилизации суд - это, прежде всего, орган, наделенный властью на разрешение определенных споров. В связи с этим главным признаком правомочности либо неправомочности арбитра является законность порядка наделения его властью. Согласно Конституции РФ носителем власти является ее многонациональный народ. В силу того, что в нашей стране нет запрета делегировать властные полномочия непосредственно, допускается возможность общества непосредственно передать лицу, обладающему необходимым уровнем образования, культуры, опыта, определенное количество полномочий на разрешение конкретного спора.

Анализ всего вышесказанного позволяет сделать вывод о возможности существования такой правовой дефиниции как альтернативное правосудие. В заключение отметим, что итог данных размышлений всецело подтверждает слова Руслана Норбера [7., С. 291.] о том, что «правосудие подлежит к обширному семейству понятий, поддающихся определению, но очень пластичных. Даже если государство заявит о своей исключительной связи с ним, сам термин на протяжении столетий способен изменять свое значение».

Литература

1. Арапов Н.Т. Проблемы теории и практики правосудия по гражданским делам. – Л., 1984.
2. Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР. – М., 1984.
3. Цихоцкий А.В. Проблемы осуществления эффективности правосудия по гражданским делам. – Новосибирск, 1997.
4. Добровольский А.А. Исковая форма защиты права. - М., 1965.
5. Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов. – М., 2007

6. Нажимов В.П. Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР. – Ростов – на – Дону, 1969
7. Норбер Рулан. Историческое введение в право: учебное пособие для вузов. - М., 2005.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИНЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СОВЕРШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВО- НАРУШЕНИЯ

Кинсбурская В.А.

Государственный университет ВШЭ (Москва)

На сегодняшний день в российском законодательстве, равно как и юридической науке, отсутствует единый подход к определению вины юридического лица в совершении административного правонарушения.

Существуют четыре концепции вины юридического лица: субъективная (психологическая), поведенческая, поведенческо-психологическая и концепция «социальной» вины.

Сторонники субъективного подхода определяют вину юридических лиц через вину их должностных лиц либо коллектива, т. е. вина представителей юридического лица, отражающая психическое отношение персонализированных физических лиц к совершенному правонарушению и его вредным последствиям, экстраполируется на вину юридического лица. В зависимости от того, как понимается процесс формирования воли юридического лица, в рамках субъективного подхода выделяют теории «коллективной воли» и «доминирующей воли».

Теория «коллективной воли» настаивает на наличии у юридического лица самостоятельной воли (воли его коллектива, складывающейся в процессе совместной деятельности, подчиненной общей цели) как необходимого условия его ответственности. Отсюда вина юридического лица – это вина коллектива[1], а субъективными причинами правонарушений, совершаемых юридическими лицами, являются не личные качества каждого из работников в отдельности, а характер отношений, существующих внутри коллектива и демонстрирующих «дефекты» внутренней организации, по причине которых коллектив санкционирует тайно или явно совершение конкретных противоправных действий[2].

В п. 4 ст. 110 НК РФ применительно к ответственности за совершение налоговых правонарушений, имеющей административную природу, закреплена теория «доминирующей воли». Она кажется более справедливой, поскольку действия организации выражаются в действиях тех лиц, которые в силу закона, учредительных документов, специального уполномочия представляют эту организацию в отношениях с третьими лицами и выступают от ее имени,

принимают решения и осуществляют управление[3], но на практике она не всегда «работает». Из-за разделения труда, существующего внутри организации, отдельный работник может не осознавать неправомерность какого-то своего действия, поскольку оно само по себе не выполняет полного состава правонарушения[4]; существует психологический эффект, заключающийся в том, что сдерживающие мотивы лица, включенного в коллектив, ослабевают под воздействием этого коллектива, и лицо, которое самостоятельно бы не совершило правонарушение, ввиду неблагоприятной моральной обстановки в коллективе, поощряющей нарушение закона «во благо фирмы», сознательно идет на совершение правонарушения[5]; нередки ситуации создания с заведомо противоправными целями юридического лица, должностными лицами которого значатся граждане, даже не подозревающие об этом, чьи установочные данные были использованы при совершении регистрационных действий без их ведома[6].

В связи с этим в гражданском праве, а затем в публичных отраслях права получил распространение противоположный подход к определению вины юридического лица – «поведенческий», где вина понимается как непринятие юридическим лицом необходимых мер для надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, т. е. выводится из его фактических действий (бездействия).

Согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ юридическое лицо освобождается от ответственности только, если надлежащее исполнение обязательства оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы; согласно ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ – если у юридического лица имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъекта РФ предусмотрена административная ответственность, но этим лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Последний подход предпочтительнее, поскольку позволяет учитывать как форс-мажорные, так и иные, более субъективные, обстоятельства, непреодолимо препятствовавшие исполнению возложенной на юридическое лицо обязанности.

По нашему мнению, в российском законодательстве понимание вины юридического лица должно быть унифицировано и сведено к подходу, отраженному в КоАП РФ. Вина юридического лица в совершении административного правонарушения подлежит обязательному установлению и должна определяться через совокупность трех условий: лицо *должно* выполнить обязанность, *могло* ее выполнить, но *не выполнило*. Отсутствие любого из этих условий означает отсутствие вины юридического лица в совершении правонарушения, что исключает ответственность. При этом при оценке возможности лица выполнить возложенную на него обязанность следует исходить из принципа *разумной достаточности* предпринятых мер (меры, которые лицо реально могло предпринять для обеспечения выполнения обязанности при конкретных обстоятельствах).

Литература

- [1] См., например: *Матвеев Г. К.* Вина как основание гражданско-правовой ответственности по советскому праву: Автореф. дис. ... д. ю. н. Киев, 1951. 42 с. [Электронная версия]. URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=50638> (дата обращения: 18.04.2009).
- [2] См.: *Морозова Н. А.* Административная ответственность юридических лиц: История, теория, практика: Автореф. дис. ... к. ю. н. Екатеринбург, 2004. 22 с. [Электронная версия]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1153054> (дата обращения: 18.04.2009).
- [3] См.: Комментарий к НК РФ, части первой (постатейный) / сост. и авт. комментариев С. Д. Шаталов. М., 2003. С. 562.
- [4] *Чапурных Я. Н.* Необходимость правового регулирования административной ответственности юридических лиц в сфере предпринимательской деятельности. [Электронный ресурс]. URL: http://kirov.arbitr.ru/press/press_self/228.html (дата обращения: 18.04.2009).
- [5] См.: *Морозова Н. А.* Указ. соч.
- [6] См.: *Иванов И. С.* Институт вины в налоговом праве: теория и практика. М.: Проспект, 2009. С. 128.

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА СПОРТСМЕНУ В ХОДЕ СОСТАВЛЯНИЙ Джелилов Э.М.

Новосибирский государственный университет

На сегодняшний день в России ведется пропаганда здорового образа жизни, в частности, пропаганда спорта. Однако при всех положительных моментах занятий спортом есть один негативный - травмы. На практике возникают трудности при определении лица, ответственного за причинение вреда спортсменам, поскольку специфика обязательств, возникающих в данных случаях, не нашла отражения в законодательстве России.

В зарубежных странах суды уже рассматривают иски о возмещении вреда, причиненного при занятиях спортом, в порядке гражданского судопроизводства. В данной категории дел важно определить степень вины и ответственности каждого участника спортивных мероприятий. Можно ли говорить, например, о возмещении вреда, причиненного здоровью при столкновении двух спортсменов на поле? В судебной практике европейских стран есть определенная тенденция в данном вопросе. Так, суд г. Тронхейм (Норвегия) присудил футбольному игроку, получившему травму от удара в голень во время матча, денежную сумму в качестве компенсации за ущерб, указав, что «...между ударом в голень и травмой есть прямая причинная связь. Данная

травма и ущерб, причиненный игроку, не могут быть оправданы спецификой игры» [1, с. 67].

При правовой оценке несчастных случаев в спорте следует отметить их главную особенность - в подавляющем большинстве, все они носят неумышленный характер. Но есть и исключения. Так, в Германии во время футбольного матча произошел эпизод, когда игрок футбольной команды выполнил подкат сзади, тем самым грубо нарушив правила футбола, в результате чего его противник получил перелом малой берцовой кости. Судья, удовлетворяя иск, исходил из того, что «в данном случае имеет место однозначное превышение общепринятого допустимого предела спортивного единоборства...» [2, с. 26].

С другой стороны, могут возникнуть ситуации, когда необходимо ответить на вопрос, может ли деяние, совершенное вне игры, повлечь гражданско-правовую ответственность? Так, в деле теннисистов De Frahan v. De Briey в теннисном матче во время перерыва один из теннисистов послал мяч в противоположный угол, случайно попав в глаз другого спортсмена. Бельгийский суд отказал в возмещении вреда, указав, что «...одного лишь данного факта не было достаточно, чтобы установить, игрок причинивший вред не знал правила игры или не вел себя как обычный разумный человек в данной ситуации...» [1, с. 68].

Но не все суды придерживаются данной точки зрения. В связи с этим примечателен также судебный процесс, описанный в литературе. Игрок в пелоту (баскская лапта) в ходе партии ранил в глаз своего партнера по команде мячом. При этом травма была нанесена при нарушении правил соревнований. Суд признал, что действительно имело место нарушение правил соревнований, однако в иске о возмещении причиненного вреда отказал. Аргументация решения сводилась к следующему: занятие спортом связано с риском, который добровольно берут на себя занимающиеся, кроме того, в этом случае не было умышленного или нечестного поведения, грубости, противоречащей духу спорта, что свидетельствует об отсутствии умысла, направленного на причинение вреда здоровью [2, с. 30]. Таким образом, в зарубежных странах иски о возмещении вреда, причиненного при занятиях спортом, удовлетворяются только в тех случаях, когда имело место грубое нарушение установленных правил, так как само занятие спортом предусматривает неизбежность нарушения правил.

Травмы всегда будут оставаться «побочным эффектом» спорта. Для того чтобы максимально избежать неприятных последствий, при возмещении вреда, причиненного во время спортивных состязаний, необходимо рациональное сочетание ответственности и страхования. Между тем, сегодня существуют проблемы, которые выявляются в результате анализа практики обязательного и добровольного страхования спортсменов в России. Например, отсутствие обязательного страхования участников всех соревнований. Сейчас на международных соревнованиях оно действует, но внутри страны - не в

полном объеме. Спортсмены-профессионалы застрахованы от несчастных случаев в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». Он не в полной мере учитывает специфику спортивной деятельности сборных команд, в особенности, если соревнования или сборы проводятся за рубежом. Поэтому необходимо законодательно урегулировать страховую деятельность в спортивной области, например, путем принятия федерального закона, непосредственно посвященного вопросам страхования спортсменов с учетом особенностей их рода занятий.

В настоящее время также поднимается вопрос о том, что некоторые отношения, возникающие в сфере физической культуры спорта, стало возможным регулировать и нормами гражданского права, поскольку отношения между спортсменами и физкультурно-спортивными организациями имеют свою специфику и не всегда согласуются с общими положениями трудового законодательства [3, с. 67]. Новый Федеральный закон «О физической культуре и спорте» уходит от прямого ответа на данный вопрос, отмечая, что в результате участия в спортивных соревнованиях спортсмены получают вознаграждение от организаторов таких соревнований и/или заработную плату. Представляется, что применение гражданского-правового договора в сфере физической культуры и спорта может повысить имущественную ответственность как спортивной организации, так и самого спортсмена, в том числе обеспечит гарантии спортсменов в случае причинения им вреда в ходе соревнований. Всё это будет способствовать развитию спорта и улучшению охраны прав российских спортсменов.

Литература

1. Глашев А.А., Минаев М.Ю., Чабан Н.Н. Спортивное право. М., 2002.
2. Скворцов А.А. Причинение вреда жизни и здоровью при занятиях спортом. М., 2006.
3. Кашапов Н.В. Возможность гражданского-правового регулирования отношений в сфере физической культуры и спорта // Право и образование. 2007. № 9.

ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Жуков А.А.

Новосибирский государственный университет

Проблема форм собственности находит различные по своему содержанию решения в цивилистике и конституционно - правовой доктрине. Ее разреше-

ние имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как позволяет определить правовой режим имущества, составляющего объект права собственности, а также совокупность правомочий собственника.

В п. 2 ст. 8 Конституции РФ констатируется, что в РФ признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. В литературе, посвященной конституционному праву, тезис о различных формах собственности не подвергается сомнению: конституционное регулирование отношений собственности выражается в том, что главной задачей является юридическое закрепление форм собственности, признаваемых государством [1, с. 155]. В положении о формах собственности наиболее примечательной является формула об их равной защите. Упомянутые в Конституции “иные формы собственности” включают собственность общественных объединений. Стоит отметить, что понятие формы собственности в данном контексте употребляется в экономическом смысле слова. Оно объединяет в себе два компонента: тип собственника и объекты имущества, которые могут находиться в собственности. С позиции экономической науки под формой собственности понимается форма присвоения материальных благ в зависимости от субъекта присвоения [2, с. 225]. В указанном случае наглядно отражена конституционная традиция подмены правовых понятий социально-экономическими терминами, перешедшая из советского законодательства, характерной чертой которого собственности было отражение приоритета экономического содержания (экономической природы) собственности над юридической формой. Классический (политико-экономический) подход к вопросу о многообразии и диалектике форм собственности исходит из известной концепции различных способов труда, производства и присвоения. Онтологией собственности и ее трансформации здесь справедливо считается обоснованный логический алгоритм: диалектика производительных сил – изменения в способе труда – изменения в организации и управлении производством – изменения экономической формы собственности – изменения юридической формы собственности [3, с. 28]. Генетическая незавершенность и абстракционизм политico-экономических трактовок сущности собственности заключается в отсутствии логически стройного и ясного алгоритма ее движения от зарождения до формирования и от формирования обратно к механизмам присвоения. Указанные доктринальные особенности позволяют констатировать необходимость использования институционально-юридического (правового) подхода к исследованию собственности и определению ее форм.

Современная российская цивилистика исходит из положения, что юридически существует одно право собственности с единым, одинаковым для всех, набором правомочий, у которого могут быть лишь различные субъекты [4, с. 24]. В ст. 212 ГК РФ “субъекты права собственности” речь идет не о формах собственности, а о субъектах этого права. Оно непосредственно не отражает

экономических отношений собственности, следовательно, искать суть формы собственности в глубинах “базиса” – заведомо бесплодное занятие [5, с. 159].

Аргументом в пользу теории единого права собственности выступают результаты использования философской методологии. Можно выделить содержание явления, познаваемое через его форму. Под содержанием понимается все, что содержится в системе, а под формой – способ внешнего выражения содержания. Форма – определенность целого, целостность в отвлечении от своих частей, выражающаяся в совокупности частей целого и целого с окружающей средой. Содержание – это части целого как одно [6]. Необходимо учитывать единство формы и содержания: содержание оформлено, а форма содержательна. Содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций, а форма есть внутренняя организация содержания. Отношение содержания и формы характеризуется единством, доходящим до их перехода друг в друга, однако это единство является относительным. Во взаимоотношении содержания и формы содержание представляет подвижную, динамичную сторону целого, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета.

Таким образом, если содержание явления одно, то ошибочно говорить о нескольких формах его выражения. Следовательно, в законах речь идет не о формах, а о субъектах права собственности. Форма собственности – это ее вид, характеризуемый по признаку субъекта собственности. Форма собственности определяет принадлежность разнообразных объектов собственности субъекту единой природы. Намеченный в названии ст. 212 ГК РФ и практикой путем отождествления формы собственности с принадлежностью имущества одному из видов субъектов, указанных в законе, следовало бы воспринять и в теории права как единственно допустимый.

Литература

1. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – М., 2007. – 608 с.
2. Лунин О.П. Формы собственности в Российской Федерации. – СПб., 2007. – 242 с.
3. Жуков В.И. Собственность в системе социально-экономических отношений: теоретико-методологические и институциональные аспекты. – М., 2005. – 408 с.
4. Гражданское право: В 4 т. Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. – М., 2008. – 496 с.
5. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М., 2002. – 512 с.
6. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия// www.society.polbu.ru

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПАЕВЫМ ИНВЕСТИЦИОННЫМ ФОНДОМ

Мурзина А.Ю.

Новосибирский государственный университет

Паевой инвестиционный фонд (ПИФ) получил закрепление в Гражданском кодексе РФ в качестве объекта доверительного управления (ДУ) лишь в 2007 году. Хотя становление и развитие института имеет более длительную историю. Впервые ПИФ нашел отражение в Указе Президента от 26 июля 1995 года N 765 «О дополнительных мерах по повышению эффективности инвестиционной политики Российской Федерации» в качестве фонда, обраzuемого из имущества инвесторов, переданного для учета в специализированный депозитарий данного ПИФа и находящегося в ДУ управляющей компании (УК). Долгое время институт регулировался лишь на подзаконном уровне, и только в 2001 году получил законодательное закрепление в Федеральном законе «Об инвестиционных фондах».

ПИФ представляет собой одну из форм инвестирования, наряду с такими как вклады в банках, инвестирование в ценные бумаги при использовании услуг брокера, объединенные фонды банковского управления, акционерные инвестиционные фонды. Преимущества данной формы заключаются в коллективном характере инвестирования, то есть денежные средства и иное имущество, если такое предусмотрено законом, объединяются в единый пул под управлением УК. Потенциальные инвесторы, не обладающие широкими познаниями в сфере рынка передают свое имущество в профессиональное управление лицу, обладающему специальными знаниями и навыками управления, который действует на основании специальной лицензии, что является дополнительной гарантией для инвесторов в его профессиональности, и в то же время определенной мерой защитой со стороны государства. Характерной особенностью ПИФа является то, что стать пайщиком может лицо, не обладающее крупным капиталом, обзор УК позволяет сделать вывод, что минимальной суммой, на которую инвестор должен приобрести паи является 1000 рублей [1].

Согласно действующему законодательству чтобы приобрести статус пайщика, лицо должно заключить договор ДУ ПИФом с УК. Ввиду особенностей объекта управления, договор обладает спецификой относительно порядка его заключения, изменения и прекращения.

Заключение договора проходит в 4 этапа: регистрация правил ДУ ПИФом, подача заявок на приобретение паев, передача имущества в управления и выдача паев. Специфика в том, что правила ДУ ПИФом представляют собой сам договор, включающий все существенные условия, регистрация договора в ФСФР РФ является первоначальным этапом в заключении договора. Текст правил подлежит обязательному раскрытию, и каждое заинтересованное ли-

цо, в случае если законом круг не ограничен, вправе ознакомиться с ними и подать заявку на выдачу паев. Заявки носят безотзывный характер, и в доктрине приравниваются по статусу к акцепту [2, с.333]. Договор ДУ ПИФом является договором присоединения, на что указывает механизм его заключения, и положения закона [3]. По моменту заключения договор ДУ ПИФом относится к реальным, поскольку передача имущества в управление в качестве оплаты паев является обязательным этапом. Следуя положениям п.2 статьи 433 ГК РФ договор, если он сопровождается передачей имущества, считается заключенным с момента такой передачи [4]. Однако, заключению договора ДУ ПИФа характерен еще один этап – выдача инвестиционных паев. Единой позиции относительно того, является выдача паев этапом заключения договора, или же это форма удостоверения заключенного договора нет [2, с.339]. Неоднозначно оценивается в литературе и природа инвестиционного пая: в законе закреплен за паем статус именной бездокументарной не эмиссионной ценной бумаги, удостоверяющей долю в праве собственности на имущество ПИФа. Однако, некоторые авторы, в частности, Плющев М.В. не разделяет позицию законодателя и предлагает лишить инвестиционный пай статуса ценной бумаги [5, 58].

Интерес представляет и механизм прекращения договора. Закон предусматривает три основания для прекращения договора: погашение пая, обмен пая и прекращение ПИФа. Самым проблемным случаем является прекращение ПИФа, поскольку основанием для такого может быть соответствующее решение УК, в случае если правилами ДУ ей принадлежит такое право. В этом случае пайщик становится в очень невыгодное положение, ввиду того, что получить денежную компенсацию при погашении пая он сможет только в порядке очередности после всех кредиторов, лиц принимающих участие в прекращении ПИФа, и УК по требованию начисленного до принятия решения о прекращении ПИФа вознаграждения. Таким образом, может сложиться ситуация, когда пайщики не получат компенсации. Поскольку все имущество уже будет распределено между предыдущими очередями.

Особый интерес в последнее время представляет новая категория пайщиков – квалифицированные инвесторы. Статус этих лиц определен ФЗ «О рынке ценных бумаг», и с появлением этой категории инвесторов в закон об инвестиционных фондах внесены соответствующие изменения. Особенности касаются специальных возможностей инвесторов при участии в рыночных отношениях, отсутствие большинства ограничений для УК в отношении сделок с имуществом ПИФа, возможностей нести большие риски, и отсутствие защиты, предоставляемой обычному пайщику, со стороны государства.

Таким образом, можно отметить, что регулирование отношений связанных с договором ДУ ПИФом постоянно совершенствуется, что находит отражение в изменении законодательной базы. Появляются новые субъекты договора, призванные увеличить привлекательность инвестирования в ПИФы, совершенствуются механизмы защиты инвесторов от неправомерных

действий УК, а также от действий, могущих ввести в заблуждение инвесторов, в связи с чем, в 2009 году были усилены меры ответственности за нарушения в КоАП РФ.

Литература

1. <http://www.nlu.ru/pifs-summinvest.htm>
2. Зайцев О.Р. «Доверительное управление паевым инвестиционным фондом»//М., «Статут», 2007.
3. Федеральный закон «Об инвестиционных фондах»
4. Гражданский кодекс РФ
5. Плющев М.В. «Инвестиционный пай с позиции бездокументарной ценной бумаги»// Хозяйство и право, 2004, №5

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РФ

Инцибаева А.Х.

Новосибирский государственный университет

В современных кризисных условиях наблюдается повышенное внимание значению денег и кредита как средств правового регулирования рыночных отношений. В процессе конституционного регулирования денежно-кредитных отношений немаловажную роль играет ЦБ РФ и его конституционно-правовой статус как субъекта кредитно-денежных правоотношений.

Последние десятилетия на Западе шло формирование и развитие нового научного направления, получившего название конституционная экономика. Оно отражает всевозрастающее понимание, что решение проблем государственного регулирования экономики нужно находить исходя не только из экономической целесообразности, но и из реалий конституционной структуры государства. Т.о. без учета буквы конституционных норм, определяющих принципы регулирования экономики, могут быть приняты скороспелые и необоснованные решения. Именно с этой точки необходимо рассматривать концепцию конституционного статуса Банка России.

Конституция России возлагает непосредственную ответственность за состояние российского рубля на Банк России, признавая защиту и обеспечение устойчивости национальной валюты его основной функцией (ст. 75 КРФ) Полномочия по защите и обеспечению устойчивости национальной валюты Банк России осуществляет независимо от других органов государственной денежно-кредитной политики.

Конституционно-правовое регулирование денежного обращения определяет не только финансовую политику РФ, но и уровень благосостояния насе-

ления, обеспечивает единство экономического пространства и экономическую безопасность страны. Оно является составной частью правового регулирования денежной системы, включающей денежное обращение официальной денежной единицы и порядок эмиссии наличных денег.

В связи с мировой кризисной ситуацией, в российском законодательстве предприняты соответствующие меры по предупреждению банкротства банков, закрепленные в ФЗ «О дополнительных мерах для укрепления стабильности банковской системы в период до 31 декабря 2011 года» от 27.10.2008, в котором ЦБ РФ и государственной корпорации "Агентство по страхованию вкладов" отведена исключительная роль стабилизаторов банковской системы РФ. В ст. 10 этого закона закреплено положение о финансировании мероприятий по предупреждению банкротства банков за счет средств не только инвесторов, но и Агентства, Банка России, федерального бюджета, а также фонда обязательного страхования вкладов при соблюдении предписанных обязательных условий.

В январе этого года инфляция в России ускорилась: ИПЦ по итогам месяца достиг 2,4 %. При этом продолжали сокращаться международные резервные активы, объем которых на 1 февраля 2009 г. составил 386,9 млрд. долларов по сравнению с 427,1 млрд. месяцем ранее. Реальный курс рубля продолжал падать: его снижение составило 7,4 %. В целях сдерживания инфляции и стабилизации курса рубля в феврале Банк России ужесточил кредитно-денежную политику и дважды повышал процентные ставки.

Свою политику на среднесрочную перспективу Банк России выразил в следующем документе: «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2009 год и период 2010 и 2011 годов», в котором лейтмотивом является задача снижения темпов инфляции, поставленная перед ЦБ законодательством РФ.

В соответствии со сценарными условиями и основными параметрами прогноза экономического развития РФ на заданный период Правительство РФ и Банк России определили задачу снизить инфляцию в 2009 году до 7,5-8,5%, в 2010 году — 5,5-7%, а к 2011 году выйти на уровень инфляции 5-6,8% (из расчета декабрь к декабрю). Банк России продолжит движение к режиму свободно плавающего валютного курса, последовательно ослабляя жесткость привязки рубля к бивалютной корзине и допуская большую волатильность ее стоимости.

Методы, используемые в денежно-кредитной политике, разнообразны, но наиболее распространенными из них являются (в соответствии со ст. 36 ФЗ):

1. процентные ставки по операциям Банка России;
2. нормативы обязательных резервов, депонируемых в Банке России (резервные требования);
3. операции на открытом рынке
4. рефинансирование кредитных организаций;
5. валютные интервенции;

6. установление ориентиров роста денежной массы;
7. прямые количественные ограничения;
8. эмиссия облигаций от своего имени.

Ведущим методом регулирования является учетная политика. Повышая или понижая официальную ставку рефинансирования, ЦБ оказывает воздействие на возможности коммерческих банков и их клиентов в получении кредита, что в свою очередь влияет на экономический рост, денежную массу, уровень рыночного процента.

Изменение процентной ставки ЦБ особенно активно используется в условиях нарушения равновесия платежного баланса и обострения валютных кризисов.

Конституционно-правовое регулирование денежного обращения определяет не только финансовую политику РФ, но и уровень благосостояния населения, обеспечивает единство экономического пространства и экономическую безопасность страны. Оно является составной частью правового регулирования денежной системы, включающей денежное обращение официальной денежной единицы и порядок эмиссии наличных денег.

КОНСТИТУЦИЯ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ А ТАКЖЕ ПУТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ

Слиденко И.

Мариупольский государственный гуманитарный университет (Одесса)

Создание конституции для государств, которые осуществляют переход к демократии обязательно должно базироваться на одном из основных постулатов органического конституционализма - государство во всей своей совокупности, действует лишь в пределах, которые определяются для нее гражданским обществом [1]. Для Украины это единый способ коренным образом преодолеть практику советского прошлого, когда конституции были одним из инструментов диктата государства на общество. А это значит что, конституция должна в первую очередь институционализировать и быть актом гражданского общества, а не государства. Любой другой вариант приводит к чрезмерному вмешательству государства, в сферу гражданского общества, и снижение уровня необходимой свободы [2]. Следствие чего - трудные реформы с периодами стагнации и неопределенности.

Зададимся вопросом, для чего, в сущности говоря, Украине требовалась действующая Конституция? Помимо всего прочего, принятие акта в котором нашли место ценности органического конституционализма, означало заявку Украины на самостоятельное развитие, в пределах правил, которые исполь-

зуются доминирующим типом цивилизации. Тяжело назвать действующую Конституцию Украины, актом который с точки зрения правовой техники и содержания, адекватно отображает такой опыт, а отсюда известные сомнения относительно результатов этого процесса для Украины. Что нужно было от новой Конституции Украины? Прежде всего - в государственной сфере, конструирование и обеспечение механизма осуществления государственной власти основанного на принципах демократического, правового государства, учитывая (по возможности) украинскую специфику, или хотя бы надлежащим образом его скопировать, отталкиваясь от аналогичных исторических условий и целей, задач, тенденций; в экономической сфере - создать и гарантировать экономическую базу гражданского общества, разделить экономический базис гражданского общества и государства, для создания экономических предпосылок демократии; в общественно-политические сфере - обратить внимание на факторы, которые генерируют гражданское общество, гармонично соединить естественные свободы с гарантиями их реализации. Вдобавок, Конституция, в период своего учреждения, как акт высшего, учредительного характера, обязательно нуждалась в *consensus omnium*.

Согласно такой поставленной задаче, перед учредительной властью было два пути. Первый более простой, принять конституцию трансформационного общества (временную). Второй более сложный, в первую очередь с точки зрения юридической техники, - постоянную конституцию рассчитанную на будущее. Первый вариант позволял точнее отобразить особенности трансформационного общества, значительно облегчить и ускорить, таким образом, трансформацию, второй - рассчитанный на стабильность и развитие, тем не менее требовал бы большего искусства со стороны государства при воплощении его в жизнь. Как показывает опыт, Конституция Украины мало отвечает, и первому, и второму сценарию. Как продукт компромисса она одинаково малопригодна, и для трансформации, и для развития.

Другой аспект проблемы заключается в следующем, если перевести теорию двухфазового перехода к демократии [3], в плоскость создания основного закона для государства переходного типа, то Конституция Украины должна была объединить в первую очередь, как учреждение институтов правового государства, так и способов и инструментов защиты трансформации общества в сторону ценностей демократии. Здесь речь идет о базисе и надстройке, где базис - развитое гражданское общество-III [4], а надстройка государственный механизм основанный и реально работающий на принципах демократии

Совершенная конституция гармонично отображает модель государства и модель общественного отношения. Юридическая конституция должна быть приведена в соответствие к существующим моделям, в противном случае ее расхождения с фактической - неизбежно. В этом смысле задача законодателя состоит в том чтобы синхронизировать тип конституции и тип общественно-го отношения и государства, и с помощью внесения изменений, или (и) тол-

кования конституции, приводить систему в состояние равновесия. Конституция, прежде всего, должна отвечать существующим политическим и социально-экономическим реалиям, с учетом, конечно, перспектив развития государства. В противном случае она остается лишь декларацией о намерениях, выполняя при этом лишь некоторые свои функции, переставая, таким образом, играть роль целостного документа, конституции, как в формальном, так и в материальном смысле.

Законодатель должен формулировать конституционные предписания в их совокупности таким образом, чтобы институционализировать всю гамму общественных отношений, хотя бы некоторые из них и выводились из конституции лишь логическим путем, например, толкованием. Законодатель должен избегать слишком казуистического отображения общественных отношений, особенно в период их учреждения. В противном случае значительная коллизия конституций - неминуемая. Опять таки, государство всегда должна иметь известное пространство для маневра, в пределах демократии конечно, (так называемый парадокс внеконституционного правления), особенно при условиях нестабильности, которая нередко требует быстрых и адекватных действий, но за пределами детализированных норм. В этом случае следовало бы ввести категорию «конституционной презумпции», под которой понимается урегулированность конституцией всего эвентуально возможного общественного отношения, если не на уровне общих норм, то уже во всяком случае, на уровне принципов.

Декларирование прав и свобод в основном законе, необходимо требует отображения гарантий их реализации как процессуального, так и что наиболее важно для Украины, как страны что принадлежит к континентальной правовой семье, и и вдобавок трансформационному типу, - материального характера Под последними воображается иерархическое, четкое, безпробельное законодательство - основа гарантий предоставленных (социальных и т.д.) прав. Ведь в сфере действия этих прав, одна из основных причин коллизии, и в этом убеждаешься анализируя практику того же Суда, в неурегулированности в Украине значительной части общественных отношений, законодательством, или регулирование их на подзаконном уровне.

Представляется, что в переходной период развития государства и общества более уместным есть принятия конституции более общей по смыслу и форме, так называемой конституции-цели, в случае если трансформация государства проходит в два этапа. Тогда второй этап начинается с принятия новой конституции, значительно более детализированной, и более приспособленной к новым реалиям. Такой подход позволяет гармонизировать развитие демократических институтов и учреждений. А в случае использования конституции-цели неопределенно долгое время - приспосабливать ее к нуждам государства и общества путем толкования или внесения в нее наиболее кардинальных изменений.

Следует задать вопрос, почему в Украине не была принята совершенная Конституция, которая бы могла реализовать свой потенциал хотя бы в период реформирования, а в идеале начинала и оказывала содействие бы стабильному развитию государства и общества? Вопрос дискуссионный, ведь он слишком перегружен большим количеством составляющих, факторов и условностей. Тем не менее некоторые соображения по этому поводу, в качестве аргументов возможно привести.

Исследование американских ученых показали, что процесс образования новых государств на пост тоталитарном пространстве происходил асинхронное сравнительно с образованием в них компетентных, подготовленных элит, плюс отсутствие любых демократических, рыночных традиций и развитых институтов гражданского общества, плюс чрезвычайно трудные задачи по восстановлению национальных государств с вышеуказанными институтами и учреждениями, при условиях общественного разочарования, деградации и экономической разрухи [5]. К этому нужно прибавить способ трансформации: независимость „упала” на Украину без особых потрясений и довольно неожиданно, что заставило адаптировать старые государственные институты (кое-где), и руководящую элиту (полностью), к выполнению довольно трудных и специфических задач, которые требовали соответствующих знаний, умений и качеств (которых не было), по стабилизации, трансформации, модернизации, адаптированию и развитию государства и общества. Собственные интересы и профессиональная невозможность, не могли побуждать руководство нового государства, перегруженное, вдобавок, старыми принципами и психологией управления, вводить радикальные изменения. Кроме этого, *implicite*, коммунистическое лобби, которое, учитывая не совсем демократический способ принятия Конституции 1996 г., оказало значительное влияние на текстуальные особенности и форму этого акта.

Таким образом, подытоживая и комплексно анализируя факторы, которые привели к принятию именно такой Конституции, возможно выделить основные причины: способ трансформации; отсутствие квалифицированной пра-вящей элиты, с четким пониманием целей и задач, которые стоят перед ней, и способов их реализации и решения, состав, профессиональные и моральные качества главных политических действующих лиц; игнорирование со стороны властных сил, которые имели кардинальное влияние на принятие Конституции, компаративно-правовых исследований в этой сфере и рекомендаций ученых-правоведов (сознательное или несознательное); политическая аномия основных масс населения, как следствие отсутствия гражданского общества и девиативного типа трансформации общества.

ДЕМОКРАТИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Никитченко Е.Э.

Одесская национальная юридическая академия

Современное обществоведение не оспаривает тот факт, что до сих пор в истории мы находим подтверждение тому, что в период экономической нестабильности политические режимы отходят от демократии в направлении авторитаризма.

Поэтому важно, чтобы существующие в обществе институты гражданского общества, такие как, например, религиозные объединения в период экономического спада, отстаивали бы демократические завоевания.

Дискурс по поводу демократии в нашей стране можно представить со стороны его речевой составляющей, то тогда он сводим к двум противостоящим способам аргументации, к двум наборам лексики: с одной стороны, это либеральная риторика, а с другой, коммуноправославная гомилемтика.

Из правового содержания европейского восприятия взаимоотношений между государством и религией следует, что в социальной концепции любой религии страны, претендующей на вхождение в европейское сообщество следует обратить внимание в первую очередь, на приоритет: а) демократии перед религиозными организациями; б) что теократия есть отрицание демократии; в) размежевание политики и религии; г) и на то, что религия, присущими ей способами может содействовать утверждению демократических ценностей.

Церкви на декларативном уровне демократичны в своих заявлениях, но на практике, случается, противоречат им. Например, отдельные положения социальной концепции РПЦ (как известно наиболее многочисленная религиозная организация Украины – это Украинская православная церковь, находящаяся в каноническом общении с Московским Патриархатом), противоречат правосознанию, доминирующему в Европе, по - крайней мере, на теоретическом уровне.

Нынешний экономический кризис ставит под сомнение (безусловно лишь в экономической составляющей) протестантскую этику (а протестантизм был примером демократизации христианства), что послужила основой процветания потребительского общества.

Экономический кризис и религиозная ситуация в Украине имеют свои особенности, но в том то и дело, что в описании общих причин разразившегося экономического бедствия эти отличия в изложении украинских религиозных лидеров не просматриваются.

Обращает на себя внимание то факт, что характеристика экономического кризиса возникшего в «обществе потребления», стала воспроизводится в

речах нынешних духовных предводителей Украины для описания собственно региональных экономических неурядиц.

Особый интерес представляет анализ возможностей участия религиозной идеологии в преодолении проблем, возникающих в период нынешнего экономического кризиса, в том числе, отстаивании ценностей демократии.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В УКРАИНЕ КАК СУБЪЕКТ КОМПЕТЕНЦИИ

Баймуратов М.М.

Мариупольский государственный гуманитарный университет
(Мариуполь)

Полноценное местное самоуправление (далее – МСУ) выступает в качестве одного из определяющих признаков демократической, социальной, правовой государственности. Именно через него лучше всего может быть реализованной важная идея существования, функционирования и реализации принципов демократии – осуществление власти народом, точнее населением соответствующей территории – жителями соответствующих административно-территориальных единиц государства непосредственно. Это осуществляется путем решения важных организационных и организационно-правовых отношений в системе координат «государство (органы государственной публичной власти) – местное самоуправление (органы и субъекты локальной демократии) – территориальное сообщество (совокупность жителей соответствующей территории государства) – житель – член территориального сообщества», которая имеет экзистенциальное значение для существования государства как такового. Считаем, что одним из эффективных средств позитивного решения этой проблемы является определение и признание МСУ в качестве субъекта компетенции, особенно в условиях осуществления муниципальной реформы в Украине.

Статьи 5, 7, раздел XI Конституции Украины впервые закрепили положения профильного характера о легализации, легитимации, признании и гарантировании МСУ в Украине [1]. Это свидетельствует о том, что, во-первых, оно является субъектом конституционного права, следовательно, выступая в качестве института конституционного права, МСУ является субъектом нормативно-правового сопровождения и выступает субъектом компетенционной регламентации обеспечения. Во-вторых, МСУ должно рассматриваться с разных сторон, в зависимости от того, какую оно играет роль в глобальном, национальном, региональном, локальном и сублокальном социуме (а именно, на уровне международного сообщества, региональных объединений государств, конкретного государства, его региональном и локальном уровнях, на уровне территориального сообщества и его членов – жителей соответствую-

щей территории государства) и какой акцент на природу, функции и роль локальной демократии при этом делается.

Одновременно феномен МСУ в качестве институционального элемента современного конституционного права можно рассматривать через призму конституционализма. Исходя из характерных признаков последнего, предлагаемых российским исследователем Н.А. Бобровой [2], и определенным образом их интерпретируя, можно констатировать, что МСУ проявляется в разных ипостасях, но наиболее часто как: 1) важная часть конституционной идеологии (система идей, концепций, доктрин относительно локальной демократии); 2) процесс (политический процесс по вопросу конституционной легализации, легитимации, регламентации местного самоуправления, а также политico-юридический процесс по принятию и изменению соответствующего раздела Конституции Украины, содержащего положения о МСУ); 3) цель (теологические доминанты по признанию и гарантированию МСУ в качестве одного из важнейших элементов конституционного строя как статутарного так и функционального механизма власти); 4) политico-юридическая реальность (конкретный строй в котором действует МСУ, обуславливающее реальность комплексного социального действия Конституции); 5) юридический результат (реализация конкретных норм, принципов и институтов Конституции, относящихся к МСУ и определяющих его конституционный статус); 6) способ (в процессе разрешения политических кризисов, возникающих между центральной властью и МСУ; установление цивилизованных форм диалога между народом в лице совокупности территориальных сообществ и властью в лице ее органов); 7) тип нормативной основы правовой системы государства (выход конституционного регулирования МСУ за пределы текста Основного Закона, особенно при восприятии правовой системой норм международного права, которые содержаться в международных стандартах МСУ); 8) тип отношений в системе «общество – государство – личность» (ограничение и самоограничение власти по либеральному типу в виде «минимизации» государства или по социальному типу, когда активизируются процессы создания гражданского общества и стратегическая цель государства превращается в его обслуживание); 9) тип взаимодействия в системе «конституционность – демократия – народовластие», что в условиях становления полноценного МСУ становится нерушимой парадигмой формирования, существования и функционирования демократической правовой государственности; 10) тип конституционного строя (среди возможных типов конституционного строя – либерального, социального, естественного, демократического, эволюционного, революционного – именно существование и полноценное функционирование института МСУ трансформирует его в либеральный, социальный, демократический и эволюционный).

Каждая из приведенных характеристик имеет системообразующий характер и выступает в качестве системы-подсистемы в пределах системы социального управления, системы уровней публичной власти, системы институ-

тов гражданского общества и в пределах системы МСУ. Отсюда возникает многообъектная и многоуровневая система координат, которая направленно детерминирует необходимость наделения МСУ соответствующими компетенционными полномочиями.

Литература

1. Конституция Украины 1996 г. – К., 1996.
2. Боброва, Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России /Н. А. Боброва. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2003. – С. 24 – 26.

ПОНЯТИЕ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Балабанова И.В.

Мариупольский государственный гуманитарный университет
(Мариуполь)

Становление и развитие в Украине местного самоуправления (далее – МСУ) идет достаточно интенсивными темпами. Но эти процессы сталкиваются не только с существующими управленческими стереотипами, но и с «законодательными минами», способными нивелировать позитивный опыт и потенциал института локальной демократии, его трансформирующую роль в демократической правовой государственности.

Одной из таких проблем выступает проблема понятия полномочий в сфере МСУ. Концепт «полномочия» относится к функциональной составляющей государственного управления [1] и несет в себе политеологическую нагрузку. Если даже вынести за скобки его общесемантическое содержание (где он обозначает совокупность, систему прав и обязанностей) и сосредоточиться целиком на общественно-политическом и правовом аспектах, то и в этом случае с ним идентифицируется целый ряд явлений. Это, прежде всего, выделение и конституирование компетенции органов государства; институционализация их структуры; различие в полномочиях и предметах ведения указанных органов; сам процесс их легализации и легитимизации в процессуальном и процедурном аспектах; порядок реализации ими своих прав и обязанностей, а также исполнения своих функций, несение ответственности за их невыполнение либо ненадлежащее выполнение и т.д.

Если более глубоко идентифицировать концепт «полномочия» между различными органами МСУ, то возможно выявить ряд явлений, среди которых, прежде всего, выделяются сам феномен МСУ, как вид социального управления и самостоятельный уровень публичной власти; конституирование самой локальной демократии в условиях правовой демократической государствен-

ности; институционализация системы МСУ; взаимоотношение центральной власти и МСУ; институционализация системы его органов с выделением соответствующих уровней, образующих системы-подсистемы в управлении и компетенционном аспектах; возникновение и динамика прав и обязанностей, полномочий и компетенции органов МСУ (далее – ОМСУ); выделение предметов ведения локальной демократии; возникновение и выявление отличий в полномочиях ОМСУ различных уровней и т.д.

Представляется, что исследуемый концепт не только нуждается, но и в функциональном аспекте, настоятельно требует своего основного этимологического уточнения относительно термина «полномочия». В правовой и управленической науках существует несколько подходов к толкованию этого термина. Так, специалист в сфере управления Н.Н. Мусинова, полагает, что полномочия – это права, которыми наделен каждый уровень власти и управления для выполнения возложенных на него функций. Но одновременно, это и обязанность выполнять данные функции. Таким образом, полномочия – это права, совмещенные с обязанностями [2]. Теоретик права О.Ф. Скакун, под полномочиями понимает систему прав и обязанностей, которые закреплены законодательством за государственными органами, ОМСУ, их должностными лицами, общественными организациями для осуществления возложенных на них задач и функций [3]. Понимая их, как установленные правовыми нормами права и обязанности органов государственной власти, ОМСУ, должностных лиц, П.П. Шляхтун, делает акцент на их интеграционный потенциал, заключающийся в том, что в совокупности с функциями и ответственностью, полномочия составляют правовой статус органа [4].

Отсюда, можно утверждать, что в основе дефинитивного определения полномочий лежат, в основном, единые парадигмальные подходы, имеющие все же свои отличия, обусловленные субъективными позициями представителей правовой доктрины и их авторскими предпочтениями, возникающими в зависимости от предмета и цели исследования.

Особый интерес в дефинитивном определении полномочий ОМСУ представляет ряд аспектов, воссоздающих единый политico-правовой феномен: а) *гносеологический* – полномочия характеризуют функциональную основу государственного, муниципального и иных видов социального управления; б) *онтологический* – они предстают в виде постоянной и неразрывной дихотомии – «права – обязанности»; в) *праксеологический* – практическая деятельность, выражаемая посредством полномочий представляют собой выражение определенной субстанции по отношению к обществу, таким образом, они направлены на реализацию деятельностной составляющей субъекта социальной жизни; г) *структурный* – они состоят из прав и обязанностей; д) *системный* – они представляют собой систему прав и обязанностей; е) *опорный* – они напрямую связаны с деятельностной составляющей ОМСУ, они лежат в основе понятия их компетенции и состоят в прямой и непосредственной взаимосвязи с их функциями; ж) *легальный* – они закреплены в зако-

нодательстве; з) *легитимный* – полномочия ОМСУ признаются в качестве таковых за ними всеми иными субъектами права; и) *субъектный* – ими обладают ОМСУ и их должностные лица; к) *объектно-телеологический* (целевой) – ими наделяются ОМСУ и их должностные лица для осуществления возложенных на них задач и функций.

Литература

1. Глазунова, Н.И. Государственное и муниципальное (административное) управление: Учебник/ Н. И. Глазунова. – М.: Проспект, 2007. – С. 116 – 149.
2. См.: Система муниципального управления: Учебник для вузов. 3-е изд./Под ред. В.Б. Зотова. – СПб.: Питер, 2007. – С. 39.
3. Юридический научно-практический словарь-справочник. Основные термины и понятие /Скакун О.Ф., Бондаренко Д.А. /Под общ. ред. профессора Скакун О.Ф. – Харьков: Эспада, 2007. – С. 245.
4. Шляхтун П.П. Конституційне право: словник термінів/ П. П. Шляхтун. – К.: Либідь, 2005. – С. 346.

ДИАЛЕКТИКА ПОНЯТИЙ «ОБЕСПЕЧЕНИЕ» И «ПОЛНОМОЧИЯ» КАК ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В КОНТЕКСТЕ ГАРАНТИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Белкина Ю.Л.

Киевского национального университета культуры и искусств

Права и свободы индивида являются его социальными возможностями, которые детерминируются экономическими и культурными условиями жизнедеятельности общества и законодательно закрепляются государством [1]. Права человека в сфере культуры являются одной из важнейших составляющих общих прав человека. Согласно ст. 27 Общей декларации прав человека, каждый человек имеет право свободно принимать участие в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, принимать участие в научном прогрессе и пользоваться его благами. Таким образом, культурные права являются разновидностью общих прав человека.

Для реализации основных прав и свобод человека и гражданина недостаточно провозгласить их на конституционном и законодательном уровнях. Необходимо реально обеспечить, то есть гарантировать их реальное существование. Среди разнообразных мероприятий реализации прав и свобод человека и гражданина определенное место занимает их административно-

правовое обеспечение, которое ярче всего проявляется в отношениях с органами исполнительной власти [2].

Административно-правовые нормы предоставляют возможность реализации прав и свобод человека и гражданина, определяют обеспечение применения, использования и выполнения норм конституционного права, устанавливают права и обязанности в организационной сфере их реализации, дают возможность обеспечить право и выполнить обязанность. В юридической литературе понятие «обеспечение» применяется достаточно часто, но его определение в правовых и литературных юридических источниках еще нет. Для выяснения сущности этого понятия авторы работы [3] считают целесообразным обратиться к толкованию понятия «обеспечить», как его толкуют известные словари. Согласно [4], это слово означает предоставление (снабжение) чего-то кем-то в достаточном количестве, создание всех необходимых условий для осуществления, гарантирования, чего-то. В соответствии с этим можно констатировать, что обеспечение прав и свобод человека и гражданина предусматривает создание надлежащих условий их реализации. Если говорить об этом явлении в целом, то есть анализировать всю конструкцию обеспечения безотносительно к праву, политике или экономике, тогда нужно характеризовать все общественные факторы, которые системно влияют на реализацию определенных норм, которые устанавливают права и свободы человека и гражданина [3]. Как отмечается в работе [5], под правовым механизмом обеспечения прав и свобод человека и гражданина понимается совокупность органов государственной власти государства, общественных организаций и используемых ими правовых средств, направленных на реализацию прав и свобод человека и гражданина.

Поскольку органы власти действуют, как правило, в рамках определенных полномочий (укр. – «повноважень»), необходимо выяснить также суть указанного понятия как категории права. В Юридической энциклопедии понятие «полномочия» трактуются как совокупность прав и обязанностей государственных органов и общественных организаций, а также должностных и других лиц, закрепленных за ними в установленном законодательством порядке для осуществления возложенных на них функций [6]. Под полномочиями профессор Б.Лазарев понимал комплекс конкретных прав и обязанностей, которые предоставляются для реализации возложенных на орган функций [7]. Властные полномочия государственного органа состоят из юридических прав для осуществления государственных функций и юридических обязанностей, которые возлагаются на него государством. Права становятся реальной возможностью относительно выполнения возложенных функций и совпадают с обязанностями, то есть необходимостью относительно государства и сливаются в единую правовую категорию полномочий [8, 9].

Таким образом, полномочия как совокупность прав и обязанностей государственных органов относительно гарантирования прав человека создают возможность и необходимость обеспечения указанных прав, создания надле-

жащих условий реализации этих прав за счет использования комплекса предоставленных в распоряжение соответствующих органов правовых средств.

Література

1. Теорія держави і права. Академічний курс: Підручник / За ред. О.В.Зайчука, Н.М.Оніщенко. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – 313 с.
2. Іерусалімова І.О. Механізм адміністративно-правового забезпечення прав і свобод людини та громадянина: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – К.: Інститут законодавства Верховної Ради України, 2006. – 20 с.
3. Адміністративно-правове забезпечення прав і свобод людини та громадянина: Навч. посіб. / І.О. Іерусалімова, І.О. Іерусалимов, П.М. Павлик, Ж.В. Удовенко. - К.: Знання, 2007. - 223 с.
4. Словарь русского языка: В 4 т. - АН СССР, Ин-т рус. яз. - 3-е изд., стер. - М.: Рус. яз., 1986. — Т. 2. - 736с.
5. Логинова Л.П. Механизм обеспечения защиты прав и свобод человека в субъектах Российской Федерации. – В сб.: Права человека и их защита в условиях глобализации обновляющегося многополярного мира: международно-правовой и внутригосударственный аспекты: Материалы III Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 60-летию со дня принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г. / Сост.: С.А. Алексеев, А.М. Гаврилов, Р.А. Сакулин. - Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008, с. 322 - 323
6. Юридична енциклопедія. 4 том. - К.: Видавництво «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2002.
7. Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. — М.: 1971.
8. Кулакова Є. Компетенція: поняття, суб'єкти, особливості. - Підприємство, господарство і право. 2006. - №3.
9. Голосніченко Д.І. Повноваження як об'єкт дослідження загальної теорії держави та права. – Право України, 2008, № 1, с. 15 – 18.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы VII Региональной научной конференции молодых ученых Сибири
в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются
в авторской редакции

Подписано в печать 22.10.2009 г.
Формат 60x84 1/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 16,7. Тираж 100 экз.

Заказ № 377

Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.